

**БРОНИСЛАВ
КУЗНЕЦОВ**

**Права
мутанта**

2017

Расслабленно-созерцательная поездка на броне ревущего БТРа длилась недолго. Не успел Веселин Панайотов с удобством расположиться у распахнутого десантного люка, вдохнуть сравнительно свежего воздуха и оглядеть унылые деревца справа от колеи, как... — Мать твою! — вполголоса, едва слышно за шумом двигателя выругался молчаливый солдат по фамилии Шутов — и без всякой команды передёрнул затвор. Может, так у них принято. Веселин встрепенулся. В высокой траве слева ему почудилось странное шевеление — далеко, под самым горизонтом. Мутантский дозор? Да нет, пустое... Двунogie твари с такой скоростью ползти просто не смогут. — Прёт на нас! — Шутов смотрел именно туда, где Веселин уловил движение...

Кузнецов Бронислав

Права мутанта

Глава 1. Дороги, которые нас выбирают

1. Веселин Панайотов, этнограф

Расслабленно-созерцательная поездка на броне ревущего БТРа длилась недолго. Не успел Веселин Панайотов с удобством расположиться у распахнутого десантного люка, вдохнуть сравнительно свежего воздуха и оглядеть унылые деревца справа от колеи, как...

— Мать твою! — вполголоса, едва слышно за шумом двигателя выругался молчаливый солдат по фамилии Шутов — и без всякой команды передёрнул затвор. Может, так у них принято.

Веселин встрепенулся. В высокой траве слева ему почудилось странное шевеление — далеко, под самым горизонтом. Мутантский дозор? Да нет, пустое... Двуногие твари с такой скоростью ползти просто не смогут.

— Прёт на нас! — Шутов смотрел именно туда, где Веселин уловил движение.

Что, правда на нас? А я диссертацию так и не закончил...

— Вижу! — коротко и зло бросил капитан Нефёдов. — Машина, стой! Оружие готовь! Автоматы к бою!.. — голос у капитана негромкий, но двигатель он легко перекрычал.

БТР чихнул соляркой и послушно замер. Во внезапной тишине Веселина одолело беспокойство. Нет, они что-то перепутали! Как же "стой", когда нечто такое на тебя движется? Тут бы лучше уходить...

Скрежет. Развернулась башня с орудием. Залязгали затворами автоматчики. Веселин дёрнулся было к люку, чтобы спрятаться от неведомой угрозы, но оттуда уже лез на подмогу боец.

Панайотов устыдился, взял себя в руки и плавно сместился за напряжённые солдатские спины. Солдаты знают свое дело, нечего им мешать.

Нечто в траве между тем приближалось. Больше того — несло с нехилой скоростью, напоминая торпеду. И оставляло за собой широкую борозду примятой травы. И точно нацелилось.

— Ой, кажется эта штука нас настигнет... — вырвалось у Веселина.

— Это не штука! — оборвал его Нефёдов. И правильно. Не до вежливых объяснений. Объяснения — удел учёных. Стрелкам же пора стрелять.

Раздалась короткая очередь. За ней — ещё несколько слились воедино. Ухнула башенная пушка. Они вместе оглушили Панайотова, казалось, уже навсегда. Ой, ошеломлённо спросил он себя, как же я теперь смогу изучать песенный фольклор? По движениям сплюснутых мутантских губ?

И да, не штука. Существо.

Из травы навстречу БТРу выскочил огромный вепрь с широко разведенными вилообразными клыками. Три налитых кровью глаза злобно зыркали на примостившихся на броне людей. А те знай поливали его тело свинцом из своих оглушительных трещоток. И вроде, доставали, но будто без толку. Сейчас эта тварь вспрыгнет на борт...

Но нет. Удар чудовищных клыков пришёлся на броню. БТР содрогнулся, и Веселин едва не соскользнул наземь с противоположного борта. Судорожно уцепившись за торчащие из корпуса хреновины, он глядел, как Шутов, Нефёдов и Рябинович в упор расстреливают из

автоматов жуткого зверя. Они-то как удержались при столкновении, с занятыми руками?

Второй удар в броню — куда полегче, но Веселин и его почувствовал.

Потом автоматы смолкли.

— Всё, затих, — выдохнул Нефёдов в звенящем безмолвии.

— Кажись, пронесло! — перекрестился Рябинович.

— Уделали! — нервно расхохотался Шутов.

— А долго сопротивлялся. Шесть рожков на него извели!

— Мутант. У них часто по два сердца. — Нефёдов спрыгнул с борта, всё ещё не сводя с твари настороженного взгляда. Товарищи присоединились к нему, только Шутов остался настороже (видать, сегодня его черёд обозревать окрестности).

— Ядри твою, ну и кабанище! — подоспел общительный капитан Сергеев со второго БТРа. — Клыки-то...

Военные столпились вокруг поверженного зверя. Веселин тоже с любопытством подошёл к изорванному в клочья телу. И с известной гордостью — как участник события, если и не прямой победитель вепря-мутанта.

— А броню-то на машине как распанахал! — уважительно протянул Сергеев.

Веселин тоже поглядел и с изумлением оценил глубину оставленных в металле борозд. А ведь бронезилет от такого кабанчика никого бы не спас! Что бы стряслось с уважаемой экспедицией, если бы военные не предложили подвезти её на бронетехнике? И что ещё можно ждать, когда проходимые для БТРов места останутся позади? Он нервно сглотнул.

Во внезапной тишине подошёл полковник Снегов. Едва взглянув на вепря, распорядился:

— Чуров, Елохин, Зверев — оттащить мутанта на обочину! — и, оборотившись к только-только подскочившему Кшиштофу Щепаньски (даже странно, что-то он сегодня замешкался), любезно пригласил. — Садитесь, профессор. Ситуация под контролем, едем дальше.

Пан Кшиштоф скривился, повёл хищным носом, но, видно, понял, что дальнейших разъяснений ему не дожидаться: полковничья спина удалялась в направлении хвоста колонны. Не станет же великий учёный бежать следом!

Щепаньски сцепил зубы, ястребом зыркнул на Веселина — невольного свидетеля начальственной досады — и тоже удалился.

— Не желаете ли спуститься в десантный отсек? — предупредительно спросил Нефёдов, когда Панайотов занимал своё место на броне у люка. — Всё-таки безопаснее.

Веселин долгим взглядом проводил уволокиваемую бойцами тушу, но отрицательно покачал головой. Правда, словил себя на том, что первоначально вложил в этот жест — утвердительный смысл, принятый у болгар.

— Спасибо, я верю полковнику, — как можно непринуждённое улыбнулся он. — Ситуация под контролем, не так ли?

2. Кшиштоф Щепаньски, начальник экспедиции.

Атака мерзкой твари на головной БТР пану Кшиштофу кое-что прояснила, и от снизошедшей ясности его захватила такая досада, а за ней выиграла такая ярость — впору пинать бронемашину дорогими итальянскими туфлями. Это ж надо! Какой-то неумытый полковник Снегов! Да что он себе вообразил, песье отродье!

Да, разумеется, этот негодяй Снегов — в своём праве. Но от этого становится ещё более тошно. Что здесь делает он — начальник высокой экспедиции Объединённых Замков Западной Европы, если всё равно находятся такие вот варвары, которые — в своём праве. А экспедиция-то — ещё до своего начала озолотила добрый десяток московских царьков, ну а те — хоть бы пальцем о палец почесали. Чисто русская, плебейская неблагодарность!

У главного экспедиционного БТРа пана Кшиштофа встретил Йозеф Грдличка:

— Есть жертвы среди наших солдат? — по-своему истолковал он невесёлое лицо патрона.

— Пока нет. К сожалению! — процедил сквозь зубы пан Щепаньский, вовсе не заботясь о том, слышат ли его русские солдаты. А те слышали — ишь, переглянулись. Слушайте, слушайте, морды плебейские, авось ума в глазах прибавится, криво улыбнулся ироничный пан.

— Простите, учитель, — Грдличка сглотнул, — что-то идёт не так?

— Что-то идёт совсем не так! — вот тут пан Щепаньски понизил голос. — Скажи мне, друг Йозеф, а который из БТРов сейчас идёт первым?

— Полагаю, тот, где едут Горан и Зоран? — при ответе Грдличка несколько замялся.

— А вот и нет! — пан Кшиштоф остервенело сплюнул под мощные колёса бронемшины. — Наши доблестные Горан и Зоран плетутся где-то далеко в хвосте колонны. И настолько далеко, что ни мы их, ни они нас не видят. Эти олухи, наверное, до сих пор считают, что едут первыми.

— Значит, в головном БТРе...

— В нём едет этот дурачок болгарин. Которого теперь поздно инструктировать. И два старика-серба, на которых я бы вообще не стал полагаться — я их просто не знаю.

— Я их видел в Академии, — ввернул было Грдличка, — это правда...

— Не в Академии дело, — устало бросил пан Кшиштоф. — Я их просто не знаю.

Нехотя забираясь в главный экспедиционный БТР, профессор Щепаньски услышал диалог недавеча переглянувшихся солдат. Взревел дизельный двигатель, но тонкий слух специалиста по песенному фольклору вынудил услышать лишнее.

— Чего это он шипит на нас, как гадюка?

— Известно чего. Он же поляк — и наверняка из западного "золотого миллиарда".

— Правда?

— А других-то поляков и в природе не осталось. Польшу ещё в Первую ядерную так накрыло, что ни одно бомбоубежище не спасло. Оттуда — только мутанты и пошли. Верно говорю!

Верно, верно говоришь, зло скосил взор пан Кшиштоф, пытаясь запомнить солдата. Так, на всякий случай. А варвар всё не унимался:

— Представляешь, как типы вроде Щепаньского должны нас ненавидеть?

— Что, именно нас?

— Так мы ж их Польшу и раздолбали! — включился в неподобающую беседу солдат ещё и капитан Сергеев. — Понятно, не со зла: просто они у себя ракеты американские поставили, да ещё беспилотные перехватчики. Их воля, конечно, но получилось глупо. Мало того, что мы у них американские базы снесли подчистую, так эти их перехватчики... — мерзавец Сергеев, не стесняясь, хохотнул.

— Что, не сработали? — наивно предположил солдат.

— Как раз наоборот. Спасли Западную Европу и Америку! Почти... — тут Сергеев

наглый плебей, явно взял издевательский тон — ух, шавка полковника Снегова, погоди у меня!

Уж кто-кто, а пан Кшиштоф Щепаньски с раннего детства запомнил, каким образом польские перехватчики спасали западные страны. А таким, что взорвали над своей же польской землёй кучу пролетающих мимо русских ракет. Ни на чью территорию ядерные боеголовки не сыпались так кучно. Стоило ли оно того?

— Глядь, а Польши-то и не осталось, — закончил свою оскорбительную речь Сергеев.

— Простите, мой капитан, но кажется, этот поляк всё слышал. Вон, оглядывается... — сказал один из наглецов-солдат, самый осторожный.

— Глупости, — отмахнулся Сергеев, — сильнее нас ненавидеть, чем сейчас, у него просто не получится.

Ты прав, беспечная рожа солдафонская, скрипнул зубами пан Кшиштоф. В чём-чём, а в этом ты прав.

3. Алексей Иванович Сергеев, капитан войск МЧС

Капитан Сергеев прекрасно понимал, что злобный пан всё слышит. Понимал и мстительно посмеивался над его бешенством. И будто бы не нарочно, "по наивности" — злил его всё сильнее. А что ж вы думали, профессор Щепаньски, только вам самим позволено говорить колкости? Нет уж. Мы с утра вдоволь наслушались вашего бормотания о "русских варварах", теперь — наш черёд.

Милое дело — подразнить индюка, когда начальство не против. Ведь не против?

Полковник Снегов сидел с непроницаемым лицом, но, по всему, поведение капитана одобрял. А то бы давно остановил. Всегда останавливал, если действия подчинённых не согласовались с его молчаливыми приказами. О приказах вслух — и речи нет, но молчаливые доходят не до всех. До капитана Сергеева — доходят. Потому-то он и взят в тяжёлый мирок начальственного БТРа.

А вот капитан Нефёдов сидит на броне головного БТРа и крошит из автомата вепрей-мутантов. Каждому своё, и кому повезло — большой вопрос. Ведь вебрь — он что? Нападёт и сдохнет. А пан Щепаньски — совсем другой зверь: напасть не нападёт, но жить не позволит. С утра только и делает, что показывает всей машине, кто он такой, пан Щепаньски. Да все уже и заметили, а он всё показывает, показывает...

Тошно, конечно. Не расслабишься. Ехать в тесном и душном БТРе рядом с собственным начальством — уже куча удовольствия. А когда рядом примостилось иноплеменное начальство "научной экспедиции", да на всех с самого утра исподлобья враждебно зыркает, цедит своему чеху-ассистенту какие-то злобные пакости... Тут уж напряжение растёт настолько — впору зажигать лампочку.

Только зачем лампочка, когда есть капитан Сергеев? А у капитана — язык без костей (надёжное оружие холодной войны) да ещё счастливая способность говорить что попало, а думать о своём? И вот уже польский индюк заткнулся. И не хочет, а слушает о бедствиях своей земли, пока капитанский голос убаюкивает двоих солдат, одного полковника и кучку чехов-антропологов:

— ...вот с тех пор Польша и присоединена мутантскими ордами к Великой Чернобыльщине...

Правда, наступает и такой момент, когда весь десантный отсек БТРа — даже полковник

Снегов — клюёт носами под унылый вой дизельного двигателя, а из слушателей Сергеева остаётся бодрствовать один Щепаньски. Ясное дело, злость сну помеха.

В этот миг безответного одиночества рассказчика пан Кшиштоф бросает ему в лицо взгляд, полный самой кипучей ненависти, приправленный ядовитым шёпотом на мёртвом шипящем языке. Шлёт проклятие, надо полагать.

Капитан Сергеев невольно холодеет и сбивается с мысли, но — спешит себя успокоить. Сказанное по-польски — наверняка сказано не для русского капитана. Вот и нечего вслушиваться. Тем более, когда Чуров и Егоров напряжённо ждут продолжения рассказа. Аж глаза закрыли, чтобы не пропустить ни словечка.

— Так вот, Егоров... — продолжает капитан Сергеев, доверительно нагнувшись к тому из солдат, который — вот незадача — стал похрапывать.

Перегородивший капитанское горло комок удаётся безболезненно протолкнуть. Голос вновь — к отчаянию профессора Щепаньски — журчит бодро и уверенно.

Правда, внутри бодрой уверенности недостаёт. В душе поселилась тревога. Хочется обратиться к полковнику Снегову и умолять о праве выйти наружу, вылезти на броню и в упорных боях с вепрями-мутантами забыть висящую в отсеке ненависть с ядовитым запахом солярки.

Жаль, несолидно капитану Сергееву проситься на броню. Но будь его воля — отдал бы великую честь посидеть в начальственной машине тому, кто от подобных почестей прётся. Вот хоть капитану Багрову с третьего БТРа. Багров-то — тонко сечёт, кому и какое место полковником доверено, а потому завидует. Пусть снеговский БТР ничем не лучших других, да ещё солярой провонял насквозь, а всё же он — для избранных.

Жаль, некоторых избранных полковнику Снегову навязали в попугчики. То-то старый лис приготовил для них самый убитый из БТРов, какой только нашёлся в гаражах замка Брянск. И самый старый: 2054 года выпуска.

Но неудобная машина — это что! Вот капитан Сергеев, соловьём воспевающий трагедию Польши — это уже посерьёзнее. Слышал про Соловья-разбойника, вельможный пан? Это ж из фольклора. Правда, из русского, а вы всё больше по мутантам...

Спи, Польша, спи. Спи, глазок, спи другой. Спи третий засекреченный.

4. Горан и Зоран Бегичи, этнокартографы

В сумерках БТР под братьями казался размытым чёрным пятном, а мир вокруг — тёмно-серым фоном. Но вот зажглись электрические фары, озарили грунтовую дорогу впереди. Полдня назад на ней попадались хоть остатки асфальта.

— Спускайтесь, уважаемые, — пригласил капитан Багров, — ночи здесь опасные, да к тому же холодные. А в БТРе у нас тепло и гостеприимно.

Близнецы переглянулись и отрицательно покачали головой.

— Нам надо быть ещё здесь! — сказал Зоран.

— Хотим видеть здесь природу, — добавил Горан и обезоруживающе улыбнулся.

— Природу? — не сдержал усмешки и капитан. — Так ведь ночь! Фарами только дорога и освещена.

— Это ничего! — ещё шире расплылся в улыбке Горан.

— Будем рельеф смотреть, — объяснил Зоран, — куда дорога где поднимается. Холмы разные где есть тут.

— А это вам зачем? — удивился Багров.

— Будем потом карты рисовать, пожалуйста. Когда начнём исследование делать! — и Горан жестами показал, как он будет писать ручкой, когда начнёт "делать" исследование.

— Ну, как хотите, — пожал плечами капитан, — карты, так карты. Но коли замёрзните, не стесняйтесь. Мы внизу вас ждём. С горячим чаем.

— О! Чаю? — усиленно заулыбался и Зоран.

Капитан Багров намёк понял.

— Мамедов! Две кружки чаю господам учёным! — распорядился он.

Нехотя появился боец, вооружённый оловянными кружками. Потом господ учёных оставили в покое на броне. Лишь два безмолвных солдатских силуэта напоминали: слишком расслабляться не следует.

— Странно, — шепнул Горан, вслушиваясь в шум дизельного мотора, — едем мы, что ни час, всё медленнее, а другие БТРы нас до сих пор не догнали. Может, сзади авария? Что-то с паном Кшиштофом?

— Не думаю, — скривился Зоран. — Мне вот почему-то кажется, что нас уже давно обогнали.

— Не может быть! Мы бы заметили обгон. Да и дорога перед нами — по ней давно не ездили!

— А если нас обошли по другой дороге?

— Да? Но зачем? — воскликнул Горан, невольно привлекая внимание солдат. Те зашевелились, косясь на пассажиров.

Близнецы замолчали, сожалея о напрасной несдержанности. Оба очень хорошо понимали, зачем военные могли погнать их БТР по особой дороге. Затем, чтобы чего-то важного им не показать. Отрезать от пана Кшиштофа. Сбить ориентиры. Ну, последнее, положим — у них не выйдет. Или?..

Как бывало уже не раз, Горана и Зорана одновременно посетила неожиданная мысль — на сей раз с прогорклым привкусом досады.

Кажется, теперь им нет смысла ночь напролёт мёрзнуть верхом на заиндевелевшей броне. Да только — придётся.

5. Веселин Панайотов, этнограф

Если полковник Снегов решил на ночь не разбивать лагеря, а ехать дальше всю ночь напролёт — значит, имел какие-то резоны. Не болгарскому этнографу обсуждать логику русского военного. Битву за Шипку в Болгарии ещё помнят. Верили тогда в генерала Столетова — и не прогадали.

Правда, залезая поздним вечером во тьму и духоту БТРа, Веселин пережил короткий приступ клаустрофобии. Почудилось, будто он задыхается, потому что воздух во тьме затвердел и стал непригоден. С перепугу Веселин сам непроизвольно задержал дыхание, а сердце словно с цепи сорвалось и чуть не выскочило наружу из грудной клетки.

Но паника — как явилась, так же быстро и прошла. Панайотов примостился на лавку рядом с сонным Ратко Милорадовичем, профессором этнолингвистики из Белграда — и по его примеру откинул мягкую спинку сидения, поднял приступку для ног, да укутался в тёплое армейское одеяло. А что: вполне реально заснуть.

Укрывшись одеялом, благодарный этнограф впервые понял, как сильно замёрз — на

броня-то под вечер стало ой как свежо. Отогревая руки и ноги, Веселин понемногу расслаблялся. Правда, дышал затруднённо. Странно: вроде, и воздуха хватало... Ах да, дело в происшествии с трёхглазым вепрем. Это из-за него теперь так трудно успокоиться! Да уж, впечатлило...

Веселин подумал, что по вине клыкастой образины сегодня вряд ли уснёт. Подумал — и тут же клюнул подбородком. В тепле, мраке и мерном гудении дизеля сон подобрался незаметно.

Скупая ночная подсветка десантного отсека создавала иллюзию распаханного звёздного неба. Точечные светодиодные "звёздочки" ничего не освещали, кроме себя самих. Чернота между ними простиралась, казалось, аж до Большой и Малой Медведицы. Клаустрофобия? Ха! Неужто нас так уж прихлопнул небесный купол? И придавил к земле Млечный Путь?..

...Ночью Веселин очнулся от внезапной тишины. Натужное тарыхтение дизеля смолкло. БТР стоял на дороге, а из приоткрытого люка доносились приглушённые голоса. Голоса незнакомые, с грубоватым выговором — солдаты в их отряде так не изъяснялись.

Ой... Неужели мы уже на месте? В одном из селений Дебрянских мутантов, к которым держали путь? Нет, быть того не может. От замка Брянск туда на броневике не проедешь. Леса, болота. Болота, леса.

Веселин приподнял голову и прислушался. С незнакомцами беседовал капитан Нефёдов. Да, именно он. Интонации капитана не выдавали ни тревоги, не неудовольствия. Странно, ведь его БТР остановили! А кто имеет право останавливать БТРы войск МЧС России? Ведь никто же не имеет такого права!

Странно ведёт себя Нефёдов.

Кстати! А где же остальные военные? Панайотов приподнялся на локте, оглянулся. Глаза малость привыкли к мраку БТРа и дали убедиться: кроме пары сербских учёных и его самого в десантном отсеке никого нет. Где же Шутов, Зверев, Рябинович и другие?..

Видать, солдаты повывлезали на броню. Может, они держат злоумышленников на прицеле, пока Нефёдов безмятежно с ними толкует. Поэтому-то всё и тихо, чинно, благородно.

Тут Нефёдов и несколько человек с грубыми голосами приглушённо чему-то рассмеялись. Нет, не похоже, чтобы кто-то собеседников капитана держал на мушке. Им бы тогда не до смеху стало.

Рядом зашевелился профессор Милорадович. Не долго думая, Веселин откинулся на сидение, замер и глубоко задышал. Поди сам пойми, зачем да почему ему вздумалось притворяться. Может, дело в стеснении? В нежелании признать, что ничегошеньки не понимаешь? А то проснётся профессор и спросит: "Что случилось, коллега?". А несчастному Панайотову останется мямлить, что он и сам ничего в толк не возьмёт.

Веселин закрыл глаза, но не уши. Обрывки разговора долетали коротюсенькие, но — хоть что-то. Пару раз послышался глагол "пропустить". Так вот о чём речь! Кто-то пытается задержать колонну на блок-посту. А Нефёдов и думать не хочет прорываться с боем.

И всё же: что это за люди окружили БТР и ведут переговоры с капитаном, пока солдаты как ни в чём ни бывало молча сидят рядом на броню? По заверениям полковника Снегова, не должно быть здесь людей. Мёртвая зона аж до поселений мутантов. Официально запрещённая территория.

Но если в этой запретной зоне какие-то неизвестные остановили колонну бронемашин... Неизвестные?

Блеснула догадка. Охотники за мутантами — вот они кто! "Мьютхантеры", о возрождении которых в России давно предупреждала западноевропейская разведка. Сами русские в них предпочитали не верить — и вот, пожалуйста!

Полезно вовремя вспомнить ключевое слово. Миг — и у Веселина Панайотова сложилась картина в целом. Ну конечно: БТР остановился неподалёку от их замаскированного блок-поста "мьютхантеров". В бой солдаты не вступают, потому что людей у неприятеля много. С такими встречными держи ухо востро: ведь они — что твои бандиты. Н-да... По правде говоря, именно Охотников, а не каких-то там бешеных вепрей опасался пан Кшиштоф, когда старался заручиться поддержкой военных.

Только военные не больно-то поддерживают пана Кшиштофа. Скорее уж "мьютхантеров", чем его. Да он и сам виноват — заносчив.

Снаружи донёсся глагол "разгружаем". От Нефёдова, между прочим. И сказано то — своим подчинённым. Что разгружаем? Откуда?

Ответ не замедлил проявиться. Веселин невольно приоткрыл глаза — и не поверил увиденному. Широко распахнулись створки заднего грузового люка, а дальше — стала будто сама собой уменьшаться гора стоящих перед люком зелёных продолговатых ящиков с логотипом "Арсенал МЧС".

Ай да Нефёдов! Отважный герой-победитель жуткого вепря... Тьфу!

Значит, непонятная остановка служила капитану для незаконной торговли. И совершенно беззащитной: практически под носом у международной этнографической экспедиции. Невиданная наглость! Впрочем, раз Нефёдов не прячется — вряд ли это "бизнес" самого капитана. Армейская верхушка. Вся гниль оттуда.

Даже не удосужились замаскировать свои товары. Известно, что военные держат в подобных ящиках. Оружие. Патроны. Амуницию... Это что же такое делается?

— Я вижу, вы проснулись, коллега? — подал голос Милорадович, и Веселин вздрогнул.

— Да, я уже не сплю, — сказал он более-менее твёрдо, — и вижу вот это! — его кивок пришёлся на Шутова и Зверева, которые как раз утаскивали в тёмную ночь самый длинный из зелёных ящиков (с гранатами?).

— И? — лаконично спросил Милорадович.

— И то, что я вижу, меня пугает.

6. Ратко Милорадович, профессор этнолингвистики

— И то, что я вижу, меня пугает, — сказал Веселин Панайотов. Да, именно так и сказал. Прозвучало не то, чтобы фальшиво — но с чрезмерным моральным пафосом. Так в пору со сцены провозглашать, потрясая своей искренностью первые ряды. А для ночного разговора полущёпотом — явный перебор искренности. Ведь полущёпот значит, что вся откровенность предназначена одному старому Ратко. И никому из тех, кого Панайотов якобы обличает.

— И давно? — поинтересовался Ратко.

— Что давно?

— Давно ли пугает? — Милорадович позволил себе озорно усмехнуться, дразня болгарина. Тот сразу смешался.

Да-да, не ломай комедии, молодой человек, застигнутый на притворстве. Не обратись к тебе наблюдательный старикан — изображал бы ты спящего до утра, потихоньку возмущался — и никому бы здесь ничего не чирикнул. Зато при первой встрече с профессором

Щепаньски — там бы твоё красноречие и полилось. Не могу, дескать, молчать, не позволю затыкать рот.

— И чем именно пугает, а, коллега? — ласково продолжал допытываться Ратко. — Не усматриваете ли вы в чём-то — угрозы своей безопасности?

— Нет! — решительно кивнул Панайотов. — Но я нахожу прямую угрозу делу, выполнять которое мы едем. Ибо — давайте начистоту — эти люди снаружи — наверняка "мьютхантеры"!

— Что за слово! — пренебрежительно скривился Ратко. — Какие ещё "мьютхантеры"? В России этот американизм не прижился.

— Дело не в слове! — вскинулся Панайотов, аж одеяло сползло на пол. — Они охотятся на мутантов, так? Значит, истребляют тех, кого мы едем изучать! — ну вот он, праведный гнев почти в полный голос.

— Да? — хитрый лис Ратко впрыснул в тон ответа столько сарказма, сколько смог в себе изыскать. — Вы что же, в самом деле думаете, что у нашей с вами экспедиции есть серьёзные научные цели?

Откровенность на откровенность. И вот уже молодой болгарский коллега лежит на лопатках. Крыть ему нечем, не так ли?

Не нашёлся Веселин Панайотов, не стал возражать вслух. Укутался поглубже в армейское одеяло, повернулся так, чтобы не видеть ни разгрузки оружейных ящиков, ни настырного сербского профессора, поспешно закрыл внимательные глаза. Спрятался и от реальности, и от спора. Да только — спора-то не избежать, коли вопрос вовремя задан.

Мне не надо отвечать коллега, ответьте себе самому — Ратко произнёс бы это напутствие вслух, если бы возникла надобность. Но — не пришлось. Разгруженный на добрую треть БТР давно тронулся, а самоуглубившийся Веселин всё бодрствовал, рассеянно ощупывая указательным пальцем давнюю подпалину на одеяле. Не успокоился он и под утро, когда в отверстиях люков посерело.

А ведь за ночь машина ещё дважды останавливалась на секретных блок-постах воюющего с мутантами человеческого ополчения. И каждая остановка сопровождалась выгрузкой оружия, зелёная стена из ящиков таяла на глазах, отчего к утру БТР выглядел непривычно просторно.

Веселин же новых остановок, казалось, не замечал. Оно и не удивительно — дело ведь не в количестве, а в принципе: как ему относиться к снабжению армейским оружием бойцов человеческого ополчения. Или — гхм... "мьютхантеров" (вот уж какое словечко выискал — и легко догадаться, с чьей подачи!).

Полулёжа на сидении, в безмятежном полусне профессор Милорадович ожидал возможного продолжения диалога. Но Веселин то ли стеснялся его будить, то ли остерегался задавать наивные вопросы, то ли справлялся сам. К рассвету Ратко позволил себе погрузиться в настоящий глубокий сон.

Засыпал с усмешкой, с лёгкой душой. Раз уж коллега ночь напролёт спорит сам с собой, не требуя собеседника, хитроумному оппоненту пора отдохнуть. Веселин далеко не глуп, его мыслительным способностям можно доверять. Всё по-настоящему важное он себе скажет сам.

Что за неловкая перепалка состоялась среди ночи со стариком этнолингвистом! От дурного настроения, не иначе. А ещё — от скученности. Подумаешь, полемика. Вот так поездишь недельку в тесном коллективе — начнёшь на уважаемых коллег и с кулаками кидаться.

Профессор Милорадович быстро задремал, а Веселин всё никак не мог расстаться с его последними словами. "Вы что же, в самом деле думаете, что у нашей с вами экспедиции есть серьёзные научные цели?" — сказал старик. В каком это он, интересно, смысле? Не мог же уважаемый профессор не знать о целях экспедиции, в которую поехал!

Выходит, известные ему цели — собирание фольклора лесных мутантов из Дебрянского ареала, изучение здешних мутантских наречий, выявление базовых мифологических и религиозных представлений в мутантских сообществах — Ратко Милорадович не признаёт серьёзными. Но почему? Не потому ли, что речь идёт о культуре мутантов-недочеловеков?

Да, и среди учёных попадаются упрямые скептики, которые отрицают всякую значимость мутантских культур. Неужели Милорадович — из таких? Но ведь фактами же доказано — обратное! Не может же серьёзный учёный игнорировать данные, собранные экспедициями Боргезе и Щепаньского-старшего в мутантских селениях Великой Чернобыльщины?

Уважаемый Ратко, конечно, может сказать, что одно дело — Великая Чернобыльщина с её фольклорными богатствами, а совсем другое — узкий Дебрянский ареал, где мутанты пребывали в изоляции от своих собратьев и тем сильнее деградировали. Но ценность изучения быта и фольклора дебрянских мутантов — тем выше, что их вообще мало кто посещал. Разве не понятно?

Или профессор Милорадович просто питает предубеждение к мутантам, сравнивая их этнокультурный багаж с человеческим? Но этнолог должен "уважать все культуры, не отдавая ни одной субъективных предпочтений" — сам Боргезе сказал!

Да, конечно, человеческие культуры — посложнее будут. Но ведь и самая простая культура — тоже культура. И в истории мировых культур — она имеет равные права с более сложными. Разве можно тут сомневаться? Это ведь базовое положение этнодемократической доктрины!

Или Ратко и на положения доктрины тоже замахивается? Нет, не будем горячиться: ведь старый лис не давал достаточного повода так о нём думать. И его младшему коллеге, как минимум, самонадеянно представлять заслуженного профессора слепцом, способным заблудиться в азах собственной науки.

Но значит, Милорадович вовсе не ставил под сомнение серьёзность научных целей экспедиции как таковых. В чём он усомнился, так это в том, всерьёз ли экспедиция данные цели преследует. Не имеет ли целей, науке посторонних? И тогда с пронырливым сербом трудно не согласиться. Ведь богатейший бюджет экспедиции, которым распоряжался пан Щепаньски... Трудно ожидать, чтобы в Объединённых Замках Западной Европы так раскошелились ради чистой неприбыльной науки!

Да, в чём-то старик Милорадович прав, признал Веселин на рассвете. Пан Щепаньски не мог не затеять какую-то некрасивую игру — ну, хотя бы потому не мог, что он сильно ненавидит русских. Однако, это ещё не повод вести встречную некрасивую игру — и лицемерно оправдывать военную помощь "мьютхантерам". Даже если "мьютхантеры" и не совсем точное слово (тут лингвисту приходится верить).

Хотя почему вдруг неточное? Да, слово возникло в Америке. Именно там Охотники за

мутантами впервые и заявили о себе. Стали отстреливать "постъядерных вырожденцев" ещё в первом поколении. Некоторым — даже не позволили родиться. Или заранее, на всякий случай стерилизовали возможных родителей. В результате — на американском континенте так и не возникло развитых мутантских культур.

"Мьютхантеры" вели себя грубо, и пришёл день, когда их запретили. Но своё "чёрное дело" они сделали. Не дали мутантам расплодиться и организоваться, как это случилось в Европе. Не позволили им самозахват территорий. Убили в зародыше столько этнографических экспедиций!

А нынешние их последователи — что, ангелы?

8. Евгений Павлович Нефёдов, капитан войск МЧС

Блокпост Наших-друзей-из-Заслона встретился на прежнем месте. Так и нечего менять: с дороги его почти не видно, да и чужие тут не ездят. Коли мутанты сюда доберутся — то пешкодралом. А значит, ломанутся напрямик через лес. Что им дорога, когда они слишком тупые, чтобы водить машины.

Блок-посты на дорогах — не от мутантов, а от армейских облав. Таких отродясь не случалось, но мало ли? Что если московская верхушка кинет против Наших-друзей когонибудь, кто не в теме? Короче, правильно берегутся. Кто не в теме, тот нарвётся — но так и нечего здесь отсвечивать!

Конечно, бывает стрёмно сюда ехать после долгого перерыва. Мало ли: забудешь ориентиры, проскочишь мимо без условного знака — тут тебе и полный шмальгаузен. А то — и память не спасёт. Конспираторы хреновы поменять что-то могли, пока ты не навевался. Ты-то помнишь старые пароли, а Нашим-друзьям новые подавай. Тоже обычное дело, к сожалению. Горемыка Багров с ребятами этой весной еле выкрутился — Наши-друзья их заподозрили по полной, чуть не сожгли нахрен. А всё из-за условного дерева, которое за зиму расколосилось, а он не знал.

Хорошо, Жеку Нефёдова на этой дороге в лицо знают, и знают по-доброму. Шутка ли: самому Черномору отход прикрывал, когда мутанты пошли на прорыв со Старой Елани. Такому герою простят многое — но лучше зря не подставляться. Раз едешь в темноте, герой, рискуешь быть узнанным уже посмертно. Точность — она не просто вежливость (короли не в курсе).

Ночной ритуал встречи завязан на язык фар. У расщеплённого дуба на лесном перекрёстке водитель БТРа сбросил скорость и принялся мигать — неспешно, доходчиво, выдерживая паузы. Сообщение сложное: мало проехать, обязательно надо поговорить.

Да, всё правильно. Времени вдоволь, чтобы повторить сообщение трижды-четырежды. Затем — торжественно въезжаешь на заминированный мост (если уверен, что в шифре ничего не напутал). За мостом тебя уже ждут Наши-друзья-из-Заслона. Под мостом, соответственно — река Селезень. Каждому своё. Правда, чёртов мост ещё ни разу не восстанавливали, и это знание вселяет надежду. Может, напрасную, ведь любую машину Наши-друзья могут расстрелять чуть дальше, не жертвуя важным мостом.

Пока включаются фары, пассажиры БТРа дрыхнут в десантном отсеке. Ну, может, сон им и не идёт (мало ли), главное — болгарина уговорили уйти с брони. Человек он не вредный, учёный — говорят — всамделишный, но конспирация есть конспирация. Не возить же всех хороших парней из Болгарии по секретным позициям Заслона. Пусть эти парни

знают меньше, а живут дольше.

Ну, вот он, и мост. Едем медленно и печально. Помним, блин, о вечности. И не войти нам в ту реку дважды. Трендец! А настил-то бревенчатый. Выходит, всё-таки его подрывали? Раньше тут шли бетонные плиты. Не далее, как в августе-сентябре приходилось ехать по бетонке. Перемены! Ох уж эти долбанные перемены!..

За мостом — невысокий съезд. БТР минует его и на черепашьей скорости тащится к поваленному стволу хвойной берёзы. Это мутант-дерево порушили Наши-друзья-из-Заслона. Не жалуют они вечнозелёных берёз. Пусть и безобидные деревья, а — больно уж не наши!

На белом берёзовом стволе и предстоит сидеть-разговаривать. Водитель глушит мотор БТРа, башенный стрелок демонстративно зачехляет пушку, а капитан Нефёдов спрыгивает с брони. Потрындим-с!

— Ба, Нефёд! — раздался знакомый голос. — А я думал, какого икса принесло на ночь глядя! Ну, здорово, рад видеть.

Ага, признали. С десяток человек появляется из темноты — вместо того, чтобы прислать вперёд себя очереди из калашей.

— Доброй ночи, Сокол! Ты снова за главного? Принесло не одного меня, зато с полным коробом полезных вещей...

Бородатое лицо главного по блок-посту веселеет.

Разговор без особых формальностей, но сугубо по делу. Беседуют ведь — военные люди. Лейтенант Сокольников превратился в Сокола три года назад, а до того — тоже возил бойцам Заслона гуманитарную помощь.

Другие парни на блок-посту — добровольцы, откуда только ни принесло — вот те с армейской дисциплиной почти незнакомы. Не стесняясь, вмешиваются в разговор старших. Правда, не перебивают, а дополняют его хохмами да прибаутками — бесцеремонными, но безобидными. И никакого тебе к Соколу "мой лейтенант, разрешите обратиться". В Заслоне — заранее разрешено. Здесь это панибратство — обычный стиль общения.

Капитан Нефёдов объяснил Соколу, что его БТР и ещё два сзади следуют в направлении мутантского ареала, что везут пассажиров — международную этнографическую экспедицию, которую обязаны охранять.

— Что, до самой зоны охранять? — уточнил Сокол.

— И даже в ней.

Сокол присвистнул:

— Так вас придётся пропустить дальше...

— Да, и сквозь Внутреннее кольцо — тоже.

— Неожиданно...

Кто-то из парней Сокола предположил, что в мутанты теперь записывают всех желающих, а учёные из Европы это первые просекли. Чего же тут желать? — возразили ему. А вот чего. У мутантов ведь больше прав: им в порядке исключения разрешают заниматься людоедством, тогда как люди есть мутантов без разрешения стесняются. Окончание фразы потонуло в дружном гоготе.

— А ведь среди твоих пассажиров, — заметил Сокол, — могут оказаться западные шпионы, мать их за ногу!

— Наверняка есть, — кивнул Нефёдов, — но, думаю, не в моём БТРе.

— И всё равно их?..

— Пропустить, — вздохнул капитан, — кажется, выбора у нас нет. — Что его нет, и

Соколу ясно. Игра, блин, на высоких уровнях. Там заплачено.

— Но как же...

— Задние БТРы — их там два — пойдут с выключенными фарами, зато с факелами. Фары — "перегорят".

Ага. При свете факелов, укрепленных на броне, шпионы не разглядят в ночи никаких блок-постов, а сами зато засветятся. Логично. Но как же геморройно убеждать ребят из Заслона, что им следует пропускать заведомых врагов в окруженный стан мутантов — врагов человечества.

— А если мы их подобьем? — предложил Сокол.

— Среди них есть наши, — напомнил Нефёдов. — На то и расчёт. Мы обязаны охранять шпионскую кодлу. Она платит.

— И всех пустить... Надеюсь, ты понимаешь, что делаешь.

— Не я. С нами, во втором БТРе — полковник Снегов. Он понимает.

Только бы Снегов не ошибся в расчётах, мысленно добавил капитан.

В одном из расчётов — не ошибся. Имя полковника Снегова среди Наших-друзей-из-Заслона достаточно популярно, чтобы его именем пропустить экспедицию в Зону к мутантам. Оно прозвучало — и осталось согласовать детали.

Ещё два БТРа. Один — снеговский — где-то в часе пути, другой — часах в трёх, причём идёт по Старому дрянскому тракту — чтобы сбить с толку вражескую разведку. Оба не подадут условных сигналов, дабы не засветить их перед неприятелем. А всё равно их разумнее пропустить.

Потом — ящики с оружием. Умнее всего их разгрузить на обратном пути, когда экспедиция двинется пешком, и все шпионы — с нею, но Сокол и его люди думают иначе. Оружие в дефиците, его не хватает прямо сейчас (всегда не хватает именно сейчас). К тому же оно — гарантия, что полковник Снегов всё ещё с людьми. А не переметнулся к мутантам.

— ...Маловато выходит, — оценил кучу извлечённых ящиков лейтенант Сокол. Сколько ни дай, вывод одинаков.

— У нас ведь БТР, а не грузовик, — пожал плечами Нефёдов. — И впереди ещё два блок-поста.

9. Зоран и Горан Бегичи, этнокартографы

Иной раз от языкового барьера больше вреда, чем пользы. Близнецы Бегичи поздно сообразили, какую шутку с ними сыграет "недопонимание" русского языка, которое сами же имитировали. Эх, досада!

Ещё на выезде из замка Брянск, когда их БТР (ожидаемо) ехал первым, а перестановки ничто не предвещало (зачем, собственно?) — да, ещё тогда, практически при первом знакомстве, Зоран и Горан стали ломать весёлую комедию перед капитаном Багровым. Комедия называлась "Словенцы русского не учили, растолкуйте, пожалуйста!".

Говорили по-русски понятно, но слегка неправильно, сами же — просили повторить ответы. С дальним прицелом, понятное дело: попробуй им потом объясни что-то такое, чего они понять не захотят!

Предупредительный капитан принял их ломаный русский за чистую монету — и включился в игру в отведенной ему роли "того, кто пробует объяснять". В азарте "налаживания диалога" Багров уделил им несколько часов своего внимания. И выглядел при

этом — не сказать, чтобы подобострастно, но слишком заинтересованно для офицера русской армии.

Горан заметил, что к "светилам европейской науки" капитан Багров испытывает своего рода благоговение — ему трудно им отказать. Посидеть на броне? Пожалуйста! Чаю? Пожалуйста — Мамедов, где же кружка?.. Зоран даже подумал, что с капитаном стоит поработать поплотнее, но то — не в ближайшее время, может, в следующей операции...

Рядовые — те не выглядели настолько любезными, как их капитан, но раз они рядовые — их дело маленькое. Их командир посадил пассажиров на броню вскоре по выезде из замка Брянск, заранее обеспечив им прекрасный наблюдательный пост.

А вот убрать их с брони мягкому капитану будет ой-как-непросто! — понимали братья, исподтишка перемигиваясь. Там, под самым Брянском, наблюдать было и правда нечего, но дальше-то ехать предстоит — через посты мьютхантеров. Рано или поздно капитану захочется спрятать что-нибудь секретное от их наблюдательных глаз, но как он это сделает, если от самого Брянска им предоставлена полная свобода? В ожидаемом итоге — полное торжество разведки!

Позже Горан догадался, что капитан всё-таки непрост. Может, он с самого начала не стелился перед ними, а просто "заговаривал зубы"? Когда их головной БТР вырвался вперёд, а остальные две машины после этого пропали из виду до конца поездки, Багров ничуть не озаботился, значит — заранее знал, что к чему.

Близнецы прилежно запоминали дорогу, готовясь увидеть главное — посты мьютхантеров — чтобы затем нанести их на карту. На одну из тех запутанных карт этнического районирования, которые придётся составлять в принятой на себя роли "этнокартографов".

Дорога... Чёрт знает, что за дорога! Их специально повезли по ней. Начать с того, что она первым делом повернула на северо-запад — далеко в сторону от цели, а после запетляла, да так, что у братьев сложилось впечатление: БТР Багрова по широченному кольцу объезжает Брянск. К тому же дорога содержалась в ожидаемо скверном состоянии. Создавалось впечатление, что по ней никто не ездил давным-давно, и вот теперь сию древность решили показать археологам.

Ладно бы только это — но капризная дорога ещё время от времени пропадала. Уходила в низины, залитые водой. Это притом, что дождей здесь не случилось более месяца. Значит — разливы грунтовых вод. Значит, этот путь заведомо не годится для стремительных маршей бронетехники.

Время от времени БТР буксовал, плевался грязью — и тогда положение словенских учёных на заляпанной броне выглядело незавидным. Правда, они мужественно отплёвывались и в один голос заверяли капитана, что "ещё посидят на броне и дальше, гораздо дальше".

А ночью началось полное бездорожье. К утру — прошли сутки с момента выезда из Брянска — Горан пытался добиться у водителя, знает ли он, куда ведёт БТР. В ответ — ноль реакции.

Сутки блуждания неизвестно где, вдали от остальной экспедиции — виданное ли дело? Теперь они в негодовании обращались к Багрову, а тот — какова ирония — вежливо отказывался понимать их косноязычные речи.

После ночной разгрузки ящиков БТР вызывал у Веселина ассоциацию с разношенной обувью. Теснота ушла. Все солдаты при желании теперь могли бы легко разместиться внутри машины. Задним-то числом стало понятно, отчего они в большинстве загорали на броне: их места занимали товары для "мьютхантеров".

А накануне-то Панайотову и невдомёк было, что БТР слегка перегружен. Думал, так и надо. Вот стыдобище: и этот горе-этнограф собирается наблюдать за особенностями мутантского быта!

Наутро разговор с Милорадовичем всё же возобновился, и — вовсе не по инициативе профессора. Веселин сам не вынес недосказанности и обратился к старому сербу, едва тот продрал глаза. То есть — поздним утром, когда солнце уже просвечивало размытым пятном сквозь тяжёлые низкие тучи, заглядывая даже в люки БТРа над их головами.

— Я думал ночью над вашими словами, — признал Панайотов.

Ратко Милорадович ободряюще улыбнулся. Славомир Костич — ещё один сербский учёный — вопросительно поглядел на ночных спорщиков и вздохнул, будто бы сожалея, что проспал интересный обмен мнениями.

— О чём вы говорили, если не секрет? — поинтересовался Костич.

— О двух вещах. О "мьютхантерах" и о наших научных целях, — ввёл его в курс Веселин.

— И к чему пришли? — задал вопрос Милорадович, проявляя в тоне куда как меньшее любопытство по сравнению с Костичем.

— Не могу не согласиться, что научные задачи нашей экспедиции... Ну, не то, чтобы не серьёзны. Они просто принесены в жертву, — Веселин сокрушённо развёл руками.

— В жертву кому? Или чему? — тут же ухватился за произнесённое этнолингвист. Его интерес прямо-таки вспыхнул и сосредоточился на подтексте. Въедливый старичок. Не успокоится, пока не превратит любое сообщение в ясное до мелочей. А сам-то — изъясняется намёками.

— Вненаучным целям! — как ни хотелось Веселину ответить уклончиво, а вышло довольно-таки прямолинейно. Или его слишком однозначно поняли Милорадович и Костич? Скорее, второе.

Сербы согласно закивали. Мол, им-то ясно, чьи цели подразумеваются: господина начальника экспедиции. Что его интерес к мутантам далеко не познавательный, это видно сразу. Какова культура мутантов, пану Кшиштофу даже не важно; ему только принципиально, чтобы эта культура была. Ею многоуважаемый пан кормится.

— Вы хотите сказать, что наша этнографическая экспедиция — лишь ширма, которая прикрывает какие-то другие дела пана Щепаньского? — ну вот, Милорадович снова всё истолковал с опасной точностью.

— Может, имеее предположение, какие именно? — ввернул Костич.

— Политика, конечно, — нехотя ответил Веселин. Негоже обсуждать начальника за его спиной, каким бы политиканом он ни был.

— "Политика", говорите? — усмехнулся Костич. — Ну да, думаю, и она тоже. Где политика, там и пропаганда, а за ними скрывается что-то ещё. Угадаете ли, коллега Веселин?

— Думаю, разведка, — неожиданно для себя ляпнул Панайотов. Как-то сгоряча, не подумавши. Веселин тут же обругал себя наивным болтуном, которому из-за длинного языка

светят заслуженные неприятности.

— Bravo! — тут же произнёс Костич. И что он имел в виду? Чему браво: смелости, или же глупости — вот как стоит вопрос. Да и не в оценке Костича дело: как бы ни аплодировал старик твоему промаху, это — промах.

Верно, на лице Веселина отразились волнение и досада, отчего Ратко поспешил его успокоить:

— Ваше прозрение останется между нами, коллега.

Ну, это-то — да. Что Милорадович ничего не скажет Щепаньскому, сомнений никаких. Они толком и не разговаривают — два патриарха, два учёных-соперника. И Костич не скажет. Солдаты, которые ночью отгружали оружие неизвестным — и подавно. Но слух-то пойдёт: "Панайотов сказал...", "обвинил самого пана Кшиштофа...", "ай да смельчак этот Панайотов!"...

В сущности, секрета в том особенного нет: едва ли не все коллеги знают, что Щепаньский сотрудничает с разведчиками. Знают, откуда к нему приходит столько денег на научные проекты — не от коллекционеров народной утвари. Но одно дело знать, другое — языком трепать. Ишь, разоблачитель нашёлся. Поехал в экспедицию Щепаньского, чтобы обсуждать начальника прямо за его же спиной! А на чьи деньги поехал? Тоже на "шпионские"? Тогда чем ты сам его лучше?

— Наша экспедиция взрывоопасна, — усмехнулся Костич. — Щепаньский бесится и на ровном месте, так что любой донос грозит открытым конфликтом. И в результате наша поездка утратит всякий научный смысл. Даже тот "не слишком серьёзный", который был возможен.

Веселину осталось кивать. Всё так: пан Кшиштоф тем легче пойдёт "в разнос", что научные цели экспедиции ценит изначально невысоко. Поэтому его коллегам важно сохранять хоть видимость лояльного отношения. Хоть бы коллегам — потому что русским военным терять нечего. Уж эти-то запросто пойдут на обострение. Никакой польский профессор им не указ, а его гнев — ничуть не основание прекратить отгрузку оружия. Стоит кому-то только донести... Но Веселин Панайотов этим кем-то точно не будет.

— Я тоже не стану распространяться о том, что видел этой ночью, — пообещал болгарский этнограф коллегам. Молвил громко и торжественно — с тем расчётом, чтобы его услышал и капитан Нефёдов. Тот как раз примостился неподалёку, прихлёбывая кружку чая, нагретого от жара дизельного двигателя.

— Да как хотите! — повернулся капитан к Веселину. — Узнает ваш пан о поставках оружия, или не узнает — это его проблемы. По мне, лучше пусть не знает — здоровее будет. Но нам это не важно. Точнее сказать, глубоко фиолетово, — Нефёдов допил чай и устремился к люку, чтобы вылезти на броню, но тут его окликнул профессор Милорадович:

— Евгений Павлович, не откажите в любезности!

— Слушаю вас! — отозвался Нефёдов.

— Насколько я понимаю, у нашего болгарского коллеги один вопрос всё-таки остался, — Ратко кивнул Веселину. — О "мьютхантерах".

— А кто они такие? — искренне удивился капитан.

— Это люди, — запнулся Панайотов, — насколько я понимаю, те самые, которые ночью от вас получали ящики.

— Ни разу не слышал, чтобы их так называли. Эти люди представляют Заслон. Вот что это за люди. Бойцы Заслона.

— Заслон? — а уж это название впервые довелось услышать Веселину.

Милорадович поблагодарил Нефёдова за ответ и с улыбкой повернулся к оппоненту, как бы говоря: "Вы слышали".

Ну да, слышал. Разве слово что-то меняет?

— "Мьютхантеры", "бойцы Заслона"... какая разница? — пожал плечами Веселин. — Суть-то у них одна: незаконные вооружённые отряды. Что в Америке, что в Евразии.

— Есть отличие, — ответил Милорадович, резко посерьёзнев. — Мьютхантеры имели дело с незащищенными существами. Они убивали детёнышей. Убивали подозрительных детей. Убивали облучённых взрослых людей, чтобы не дать им породить мутантов. Бойцы же из Заслона людей защищают — от мутантов, которые уже появились и организовались. Потому Заслон — это не Охота, кто бы что ни говорил. Это противостояние сильному и жестокому врагу. Вы ведь в курсе, чью культуру мы с вами едем изучать? В этой культуре, между прочим, в порядке вещей людоедство.

— Да, знаю, — нехотя признал Веселин, — их культура санкционирует антропофагию как способ выживания в условиях дефицита пищи.

— Сытый мутант есть людей не станет, хотите вы сказать? — уточнил Славомир Костич. — Всё верно. Только мутанты практически не бывают сытыми. И в том немалый риск для их исследователей.

11. Йозеф Грдличка, антрополог

Ох, как сильно кипел пан Щепаньски! Он, конечно (положа руку на сердце), был и сам не совсем уж прав. Да-да (не при нём будь такое сказано). С самого отъезда из Брянска кто как не заносчивый пан Кшиштоф пытался "доставать" ненавистных русских? Причём грубо, без каких-либо "тонких недосказанностей", которыми природные аристократы часто маскируют от недалёкого плебса подлинное к нему отношение.

Щепаньски позволял себе недвусмысленно оскорблять воинскую охрану — и наверняка ждал, что ответить ему не посмеют, будут терпеть и утираться. Но ответ пришёл. И не от полковника Снегова — тот даже не снизошёл до диалога. Поляка в одиночку "обломал" капитан Сергеев, и сделал это красиво.

Правда, красиво: уж Йозеф Грдличка такое оценить способен. История трагической гибели Польши, рассказанная дремлющему русскому солдату — каково? Сочувственный текст, исполненный изящно скрытых намёков, бьющих польского аристократа наповал!

Да, признаем честно, Йозеф Грдличка многим обязан пану Кшиштофу. Настолько многим, что давно и заранее принял его сторону во всех совместных кампаниях на десятилетия вперёд. Настолько, что вынужден прибегать к унижительному заискивающему тону — и только потому, что пану Щепаньски такой тон по сердцу. Но!

Но господин Грдличка — учёный-естественник. А естествознание приучает к трезвости. Объективная методология — не чета мутной гуманитарщине — заставляет отвечать за свои мнения. И не перед кем-то там — перед самой Природой!

Как естествознавец, Йозеф не путается в субъективных оценках событий и признаёт объективную победу тактики капитана Сергеева. Но, как природный дипломат — никому не скажет о своих заключениях. Противника уважай, даже восхищайся его способностями — но никогда ему не подыгрывай.

В вопросе же определения противника мудрый Йозеф — не только дипломат, но

отчасти снова естественник: обязательства перед Щепаньски он подкрепляет объективными основаниями. Там уже — ничего личного, одна география. Да, все мы славяне. Но некоторые живут западней.

Учёные-естественники не чужды утончённой духовности. Только находят для неё надёжные природные основания. Кто верует в эволюционную теорию, только тот верует научно. Ибо — знает! А кто знает о мутационной изменчивости, тот воистину боготворит Природу!

Йозеф Грдличка давно знал, давно верил и благоговел.

И вот сподобился узреть знамение.

В ранний утренний час, когда сон сморил даже неутомимого рассказчика Сергеева, не говоря уже о слушателях — Йозеф и думать не гадал, с чем столкнётся. А столкнулся — с мамонтом. С ископаемым животным, но — живёхоньким. Причём наяву.

Хотя мог и проспать. Спасибо — разбудил младший коллега. Один из тех, кого господин Грдличка отправил покараулить снаружи, не видно ли сзади третьего БТРа — того, с близнецами-словенцами. Отправил в пронизывающий холод октябрьской ночи — и только ради успокоения пана Щепаньского. Начальник экспедиции желал знать, куда девались его люди — и имел на то полное право.

Карел Мантл свои полночи проторчал на броне впустую — и уступил вахту Братиславу Хомаку. А уж Братислав и разбудил Йозефа Грдличку при встрече с мамонтом. К тому моменту рядовой Чуров — один из солдат, дежуривших рядом с Хомаком — уже спустился, чтобы разбудить капитана Сергеева (но первым всё-таки вскочил полковник Снегов).

— Учитель! — тормозил Грдличку перепуганный Братислав. — Там живая гора!!! Стоит вровень с высокими елями... — короче, нёс околесицу.

В тот же момент Чуров докладывал полковнику о встрече с мамонтом. Всё чётко, по делу, без истерики. (Так кому же из них стоит носить звание учёного-антрополога?). Мамонт высотой до восьми метров появился из лесу, агрессии пока не проявляет...

— Стой, машина! — Снегов с ходу скомандовал водителю. И Чурову:

— Огня не открывать, животное не провоцировать! Пропускаем!

— Слушаюсь, мой полковник!

Потом антрополог Йозеф Грдличка до половины высунулся в люк и широко распахнутыми глазами провожал волохатого исполина с витыми бивнями. А полковник Снегов через другой люк выбрался на броню и давал солдатам новые указания:

— Всем замереть! Не привлекать внимания!

Ну ещё бы кто-то вздумал привлечь внимание мамонта! Да его хобот одним шлепком отправит любого в полёт над верхушками молодых елей. И бивни нешуточные. А уж лапы... Стоит мамонту наступить на БТР — тот и сложится в лепёшку. Вместе с польским начальником экспедиции, чешской компанией антропологов, русскими военными...

Выйдя на дорогу, мамонт бодро протопал мимо БТРа с заглушенным двигателем. Повезло, что мамонтам такие железки не интересны.

Но каков красавец! И как горда, наверное, мать-Природа, что вновь такое чудо породила. Вот они, великие силы мутационной изменчивости! Силы, которые высвободили атомные войны.

Глуп тот, кто видит в войнах одну погибель. Благодаря им — всё живёт и по многу раз. Даже то, что, казалось, навеки вымерло. И вымерло — да не полностью. Гены-то остаются — и ждут своего часа во всеобщем виногрете живого вещества. А мутации будто

перемешивают мировой винегрет столовой ложкой. Глядишь — и вновь повторилось старое сочетание.

Ну, не совсем уж старое... У этого мамонта-мутанта — Йозеф только что рассмотрел — на боку болтается рудиментарная голова с засушенным хоботом, а из спины растёт к небесам лишняя пара ног. У ископаемых предков такого не бывало. Ладно. А кто из нас без недостатков?

В месте, где мамонт вышел на дорогу, осталась широкая просека. Впечатляли поваленные еловые стволы — никакому бульдозеру с таким зверем не тягаться в лесоповале. Снял, как бензопилой.

— Теперь по дороге пойдёт! — предсказал солдат Чуров. — Всё легче, чем сквозь чашу ломиться.

— Да? — Грдличка озадачился. — Там же нас третий БТР догоняет! Вот бы предупредить, а? Чтобы глупостей не наделали?

— Капитан Багров — опытный командир. В бой с мамонтом он не вяжется, — уверенно молвил полковник Снегов. Уж не в том ли он уверен, что мамонт и БТР Багрова вообще не встретятся? И почему?..

— Ну, а если всё-таки сообщить? — попытался воспротивиться Хомак. — на БТРах ведь должна иметься радиостанция...

Ясно, разговор с настойчивым чехом полковнику наскучил, и главный охранник экспедиции спустился внутрь бронетранспортёра. Вместо себя же — кивком — велел остаться Сергееву. Кому как не ему дано вежливо переспорить капризных пассажиров.

— Мы насчёт радиостанции... — начал Братислав.

— Да, я слышал. К сожалению, она не работает. Вышли из строя аккумуляторы... — Сергеев зашёл с главного козыря.

Вечно у этих русских всё выходит из строя! Перегорают фары, портятся аккумуляторы — и так всякий раз, когда ни обратись. Удивительно, как этому народу до сих пор удаётся держать такую большую страну!

— Хорошо, что факелы к утру затушили, — попытался сменить им тему солдат Чуров. — Если бы зверюга их задела хоботом...

То-то было бы ярости, представил себе Йозеф. Мамонта только задень — и попробуй потом докажи, что это он сам обжётся...

— Раз у военных связь не работает, может, мы... сами с Гораном свяжемся? — шёпотом по-чешски спросил Братислав Хомак (вот дурак, по-чешски мог бы и в полный голос, не привлекая лишнего интереса!).

— Нет, — покачал головою Грдличка, — зачем всем показывать, что у нас есть радиопередатчики? Пока мы едем на БТРах — ведь не спрячемся. Ни мы, ни Горан. Поползут разговоры... — он передёрнул плечами. Эх, было же время — в начале нынешнего ещё века, когда каждый носил с собой личный источник связи и не возбуждал малейших подозрений. "Мобильный телефон" — так это тогда называлось. В довоенную пору.

— Я смогу незаметно, — снова зашептал Хомак, — а у Горана — специальная скрытая гарнитура. Никто не услышит...

Вот прицепился — что твоё смоляное чучелко! Можно подумать, мамонт к близнецам Бегичам подкрадётся незаметно, если их не предупредить. И как двинет исподтишка бивнем! — Грдличка прыснул.

Пока его внезапный смех отвлекал внимание капитана Сергеева да рядового Чурова,

хитрец Братислав что-то зашептал в прикрытой ладонью передатчик. Ну что за детское самоуправство!

12. Юрий Михайлович Багров, капитан войск МЧС

Продрогшие на броне Бегичи. Чадающие факелы. Густой смешанный лес. Когда-то смешанным называли лес, где перемежались хвойные и лиственные породы. В нынешних смешанных лесах соседствуют деревья-мутанты с честными деревьями доатомной поры. Переходы между ними — достаточно плавные, потому вырубать "неправильные" деревья бесполезно.

О бесполезности всего Бесполезного капитану Багрову не то, чтобы нравилось рассуждать, но — куда девать навязчивые мысли? Даже если их обрывать на корню, а такое отношение — бесцеремонно, правда всё равно даст новые ростки. Ибо слишком уж многое в этом свихнувшемся мире проходит без всякой пользы. Взять хоть капитанство в некогда славных войсках МЧС...

Нет спору, кто-то должен исполнять и её — военную службу в чине капитана в постылом периметре замка Брянск. Выезжать на патрулирование широченной дуги от Брянска до замков Орёл и Курск. Якобы надеяться напугать изношенными бронемашинами МЧС банды дебрянских мутантов, когда те в очередной раз решатся на прорыв границы своей резервации. Узнавать о вылазках мутантов, которые снова тебя не испугались, дотянулись до мирных сёл, увели пленных. Следовать конвенциям, что запрещают преследование мутантов на их территории. Скрытно поставлять оружие Ребятам-из-Заслона: уж они-то на самом деле пугают мутантов — и реально (хотя незаконно) выполняют за тебя твою же задачу. Не много-то чести выходит из такой службы. Не много случаев выдвинуться.

Мысли о бесполезности своего дела порождают вялость. Солдаты — они что дети: сразу чувствуют слабинку — и распускаются. Капитан Багров их, конечно, строит, не без этого, но любое построение — ненадолго. Снова получается пустая затрата сил, укрепляется порочный круг, в беспросветной тоске поневоле закрываешь глаза на неявные случаи. Опыт показал: ни попустительство, ни наказания не ведут к укреплению авторитета. Так зачем лишний раз дёргаться?

Да, приходится признать, капитан Багров не особенно популярен среди сослуживцев и подчинённых. Он не обладает ни боевой харизмой "рубачи" Нефёдова, ни гипнотизмом речений "соловья" Сергеева, потому вынужден опираться на свои реальные силы. Без "волшебства" и тупого везения. С толикой даже невезения.

Впрочем, тут ещё как посмотреть: если тебя по ошибке чуть не расстреляли, может, в том "чуть" — как раз особое везение кроется?

Грустные думы накатывают в здешних смешанных лесах. Наверное, мутант-деревья виноваты. Влияют.

Вон, и на словенских учёных, поди, повлияли тоже — те притихли, подставляя замёрзшие бока сигнальным факелам. А уж о чём затараторили потом...

— Кстати. Слыхал я, что где-то в местах поблизости водятся мамонты-мутанты, — сказал Горан Бегич. Ладонью словенец прикрывал правое ухо, словно невероятный слух дошёл к нему в эту самую минуту и обжёт ушную раковину.

— В этих самых? — встревожено воскликнул Зоран. — Да не может быть! Тут есть одна путаница... — близнец хотел было что-то Горану разъяснить, но покосился на капитана

Багрова и примолк.

Ладно, подумашь, у ребят секреты...

Путаница, или нет, а словенские этнокартографы явно приготовились к опасной встрече с огромным мамонтом. Посерьёзтели, подобрались.

Капитан тоже поддался их настроению и впился взглядом в дорогу перед БТРом. Ерунда, ничего нет.

Серело — и уже приходила пора тушить факелы на броне, которые нынешней ночью заменяли "перегоревшие" фары. Если Багров не отдавал приказа их гасить, то по единственной причине: опасался, что позиции Заслона их машина ещё не миновала. Факелы — не просто осветители, а условные знаки. Не вовремя уберёшь, будет, как в тот раз...

А вспоминать тот раз ох, как не хочется!..

Прежде капитан Багров и думать не гадал, что из-за невнимательности и лёгкой небрежности с паролками его могут свои же принять за шпиона. Глупости! Но — случилось. Каменный мешок, ожидание наихудшего. Бойцы Заслона могли его пустить в расход очень даже запросто.

Вот потому факелы — будут гореть. Хоть до полудня, если только понадобится. В ночное время их огонь не столько освещает путь, сколько демаскирует БТР, но и — служит пропуском. С рассветом первые две задачи теряют смысл, но пропуск-то важен по-прежнему.

— О, вот и мамонт! — Зоран Бегич пристально всмотрелся, чтобы зверя разглядеть ещё издали. — Тю! Что-то он ростом не вышел.

— Да, для мамонта маловат, — подтвердил и капитан Багров, так как этнокартограф, кажется, обращался к нему, приглашая поучаствовать в обсуждении. И невольно улыбнулся.

По дороге навстречу БТРу бежала бурая полуоблезлая свинья — чертырёхглазая, с рылом несколько набекрень, как водится у животных-мутантов. Тошная, зато мускулистая. И здоровенная — но по свиным меркам. Если мамонта не ждать, скажешь: вот так могучий кабанище! Но, судя по миролюбивым повадкам, именно свинья, не кабан. Тот бы сходу набросился на бронемашину, а эта — нацеливалась пробежать мимо. Не усмотрела в ней ни соперника, ни угрозы.

— Мамонт ростом с гору? Да ведь это поросёнок! — покатился со смеху Зоран. — Придурковатая четырёхглазая свинюка! — последние слова он выговорил особенно тщательно; видно, специально тренировался ругаться по-русски и гордился достижениями.

— Нам присылали целого мамонта, а дошла свинья! — прыснул и Зоран. — Где же остальное?

Кто это им присылал мамонта?

Поразмыслить не удалось, так как гогот словенцев привлёк внимание четырёхглазой. Она обернулась и недовольно повела надорванным пяточком. Миролюбивая, но — до некоторых пределов. Моральное насилие — оно и свинье не по нраву.

Миг — и тварь уже атаковала переднее колесо. Удар, ещё удар — шина пошла ключьями. Никакая самоподкачка не спасёт. Ишь, как раздразили животину чёртовы словенцы!

— Машина, стой! — крикнул капитан. — Хрусталёв, Мамедов, оружие готовь!

Водитель Калинин с перепугу не только остановил БТР, но и заглушил мотор. И к лучшему — в тишине команды быстрее дошли до стрелков. Ведь автоматчики-то на броне оба как раз отвернулись, отвлеклись — и как бы не на хрусталёвскую флягу с веселящим

чаем...

— Слушаюсь, мой капитан! — хором откликнулись бойцы и скрежетнули предохранителями на своих АКМ.

Но прежде Хрусталёва с Мамедовым оружие выхватили братцы Бегичи. Те ещё супермены! Добро бы у них нашлись автоматы, а так — пистолетики. Детские игрушки против животного-мутанта. С невысокой убойной силой, зато работали не шумно — стволы украшали глушители.

Пока свинюка расправлялась со вторым колесом (БТР покачнулся и немного осел, когда из изувеченной шины вышел воздух), словенские учёные украшали её облезлую спину одинокими красными отметинами. Пух! Пух! — звучали выстрелы, а Мамедов и Хрусталёв только подбирались, чтобы сработать наверняка и не задеть очередями близнецов.

— Эй, Бегичи — отставить стрельбу! — гаркнул Багров.

Ноль реакции.

Пули Горана и Зорана взбесили свинью не на шутку, потому она вдруг перестала терзать третью шину и — что прежде с её сородичами случалось нечасто — вспрыгнула на броню. Воспользовалась, как трамплином, стволом сухой сосенки на обочине — та удобно завалилась на чахлую крону мутантской лиственной ели, да и застряла в искривлённых ветвях.

Ловкая догадливая тварь ухитрилась прыгнуть на этот импровизированный мосток, а уж оттуда оттолкнулась — и шасть на БТР пред светлы очи близняшек с пистолетами. Не ждали? А пора бы иметь в виду: звери-мутанты отчебучивают и не такое.

Скользя копытцами по металлу, свирепая бестия шлёпнулась брюхом, но тут же вскочила. Словенцы заторопились с выстрелами, а им бы лучше — сматываться. Заодно бы открыли линию огня для Мамедова с Хрусталёвым.

— Бегичи! А ну прыгнуть на дорогу! — потребовал Багров. Думал прогнать с брони. Счас!

Не тут-то было. Зоран Бегич ещё суетливо нажимал на спусковой крючок, целясь в прежнее положение твари, а та уже вогнала свои кривые кинжалы ему под бронежилет. Что называется, сам подставился.

— Зоран, ты чего?! — в панике возопил братец Горан, его трясущаяся рука направляла изящный ствол пистолета под невысказанными углами к цели. Как бы не шмальнул в страдальца, а то и в автоматчиков у себя за спиной!

Багров снова крикнул словенцам прыгать на дорогу, но те и в спокойные часы по-русски понимали слабо. Тут же — одного клыками к броне прижали, другому, никак, слух отшибло.

— Валите же, придурки!..

Свинюка зло мотнула головой и раненый учёный взвыл. Его пробоины, по всему, вышли глубокими. Соскользнуть с окровавленных клыков бедняга кое-как ухитрился. Но вместо чтобы улепётывать, он ахнул, осел и выронил пистолет. На другое у несчастного не хватало сил.

Тварь же с ним — определённо, ещё не закончила. Судя по налитым кровью четырём глазкам — она готовилась сотворить с Зораном примерно то самое, что и с шинами БТРа: не просто однажды проткнуть, а тщательно изорвать до полной непригодности.

— Огонь! — рявкнул Багров тормозам-автоматчикам.

Мамедов дал короткую очередь поверх свиньи, чем только пущё её раззадорил, вместо чтобы шугнуть. Второй автомат промолчал, за него высказался хозяин.

— Мать! Патрон перекосило! — Хрусталёв выругался и неловко спрыгнул с брони: разбирайтесь, мол, сами!

Свинья всю мотала головой, стараясь задеть каждого, но под очередной удар снова попал злополучный словенский этнокартограф — эх не в добрый час он привстал на четвереньки. На сей раз бронежилет хоть немного смягчил контакт с клыком истязательницы, но несчастному хватило и сотрясения, чтобы издать вопль безудержной боли.

Верный Горан поспешно поддержал Зорана под плечи — но, опять же, совершенно бестолково. Как будто сам прятался от свиньи за израненным телом брата.

— Прыгай, дурак!!!

Горан послушался. Дошло, наконец.

А вот раненому Зорану оставалось самому отползать прочь по тёмной луже собственной крови, не успевая укрываться от жестоких ударов бесчинствующей скотины. Если бы не факел капитана Багрова...

Багров и сам не заметил, в какой момент принялся геройствовать, но оружие схватил заранее. Автомата при нём не было, вытаскивать из кобуры командирский "макаров" показалось нелепой тратой времени, тут он и приметил "осветительный" факел, выхватил его из паза в корпусе БТРа — и пару раз успел ткнуть им в свиную харю, попутно оттирая раненого близнеца подальше от беды.

Запахло палёной шерстью. Свинья обиженно взвизгнула, но не сдалась. Одно движение упрямого рыла — и вот уже выбитый из рук факел летит на дорогу. Новый бросок — и левую ногу капитана глубоко распороло повыше колена. До самой кости, испоганив мышцы, кожу, брюки. Вот гадство! Что называется, "от души"...

Боль накатила одновременно с тревогой: заражение, считай, обеспечено. Эти клыки кого только не рвали до чистенького словенца! Да и в Зоране, поди, ковырнули нечистот из кишечника.

Тварюка, по всему, оставила в покое Зорана Бегича: теперь у неё новый враг, более интересный. Ну, доигрался — факельщик!

Багров отступал, оскальзываясь на крови словенца и собственной, когда в игру, наконец, влился Арслан Мамедов. Горец в упор расстрелял свинью из АКМ, оставляя рваные дыры на месте всех четырёх глаз — справа и слева друг под другом. Узорчик, блин!

Ослеплённая тварь издаёт рёв, который при минимуме воображения впору приписать мамонту. Потом наугад делает два шага в сторону Мамедова, падает на броню и затихает, медленно сползая с борта.

Вроде, всё.

Хотели приключений, господа учёные? Так вот они.

1. Веселин Панайотов, этнограф

Вот и дотряслись на броне по скверной дороге от замка Брянск и до самой конечной станции — без крупных остановок. И, конечно, прибыли первыми. Надо же: по пути не попалось ни одного сколько-нибудь заметного городка, ни селения, одни блок-посты человеческого Заслона, а вокруг — леса, да изредка — полвека не кошенные поля. Эти пейзажи Веселин запомнит, чтобы затем убедительно вписать зарисовки мутантского быта в физико-географический контекст.

Дорога перед БТРом завершилась аккуратной петлёй в тошнотворно пахнущей роще из одних лишь хвойных берёз. Или это ёлки с мертвенно-белыми стволами? Как ни назови, а мутант-деревья старыми понятиями не ухватишь. Потому рощица — хоть из одинаковых деревьев, а всё же смешанная. На сей раз это генетическая смесь внутри самих растений.

— Отсюда, стало быть, пешком, — пробормотал Веселин Панайотов.

— Стало быть, — подтвердил рядовой Рябинович, видимо довольный, что дальше ему не ехать. Отсюда этнографов поведут уже другие проводники — с экзотической внешностью под стать злосчастным берёзам.

А БТР дальше не подбросит. Ибо нет для него дороги. А дороги нет потому, что войска МЧС — хотя официально и не воюют с мутантами, но то — официально. Если же по сути — обе стороны дают поводы к вражде. Набеги на человеческие деревни, снабжение Заслона оружием — любой повод вполне достаточен для крупной драки.

— Что, выгружаемся? — спросил Костич у капитана Нефёдова.

— Не торопитесь, — предостерёг тот.

Ага, понял Веселин, сперва капитан пошлёт своих людей на разведку, те убедятся в безопасности здешнего места. Потом, наверное, придётся дожидаться двух отставших БТРов, и только тогда, когда пан Кшиштоф изволит пересчитать свою экспедицию по головам, а полковник Снегов предложит письменно подтвердить её сохранность ("Всё точно, без потерь? Распишитесь!") — тогда и Нефёдов выпустит вверенных его заботам южных славян для "дальнейшего пешего следования" к центру мутантского ареала.

— Шутов, Рябинович, Седых — осмотреть местность! — ожидаемо скомандовал капитан (Веселин порадовался, что логически предугадал его действия). — Остальным машину не покидать до их возвращения.

Последнее Нефёдов добавил в основном для пассажиров.

Трое рядовых прыгнули с брони, взяли автоматы на изготовку и с деловитой быстротой замелькали между стволами хвойных берёз. Эти ребята знали, как прочесать неприятную рощу, в дополнительных инструкциях капитана не нуждались, так и он им не стал подробно разъяснять, что кому делать. Видно, доверяет своим подчинённым, как и те ему. Не случайно вчерашнего кабана угробили все сообща, "капитан со товарищи" с автоматами наперевес.

Не покидать БТР? Ну и не надо. Мы пока подготовимся к пешему походу. Веселин

слазил в багажный отсек за рюкзаком, порылся в поисках специальных блокнотов для этнографических записей. Да, все на месте. Покуда девственно чисты. Шариковые ручки тоже в порядке, в достаточном количестве. Фотоаппарат? Работает даже он.

Панайотов собрался уже вернуть рюкзак в багаж, но передумал, расположился с ним на броне — всё равно ведь скоро выступать. Или всё же не так скоро? А, какая разница...

— Не терпится тронуться дальше? — усмехнулся профессор Милорадович, показываясь из люка.

Да, нетерпение — это есть. Выходит, и со стороны заметно.

— Место здесь неприятное, — вздохнул Веселин, — эти деревья. И запах. Как что-то скисло.

— А дальше будет приятнее? — Ратко хмыкнул и отвернулся, показывая, что вопрос риторический. Конечно, он прав. Чем далее к центру ареала, тем болезненнее для природы последствия мутагенов. И человеку на такое больно смотреть.

— Запах исходит от деревьев, — заметил Костич. Он уже с момента остановки сидел на броне и внимательно рассматривал эти бледные стволы, ковёр из опавших иголок, шишки да серёжки в дружном соседстве на ветвях. — Когда дерево одно, особого запаха не уловишь. Но в роще — другое дело.

— Уж не знаю, что там в чём киснет, может, еловые фитонциды в берёзовом соке, — добавил Веселин, — но рот всё время наполняется слюной. Так и тянет плевать! Кажется, что слюна ядовита.

— Аналогично, — кивнул Костич. — и боюсь, если нас вовремя не отпустят её исторгнуть, мы тут всё загадим вокруг БТРа! — он расхохотался.

— А по плотности плевков, — ввернул и капитан Нефёдов, — определяют, сколько мы тут простояли. — он подмигнул учёным. — Не обижайтесь, уважаемые. Харкайте себе на здоровье, это раз. А во-вторых, можете даже прыгнуть наземь, только не надо удаляться от БТРа. Мало ли? — судя по тону, уверенному и с ленцой, капитан вовсе не опасался засады, просто считал нужным подстраховаться.

Шутова, Рябиновича и Седых не было где-то с полтора часа (или больше). Этнографу Панайотову, конечно, неоткуда знать, как скоро им следовало провернуться, но к концу ожидания он беспокойно заёрзал на броне и стал вторично перепроверять рюкзак. Сербские учёные — те успокоения ради затеяли узко-специальный спор о какой-то малоизвестной работе Вука Караджича. Солдаты — впились взглядами в берёзовые стволы. Даже капитан Нефёдов напрягся да помрачнел, слушая лесную тишину. Хоть подробных инструкций разведчикам он и не давал, но вряд ли отпускал их просто побродить по округе в своё удовольствие.

— О, наконец! — первым заметил мелькание зелёного камуфляжа между бледных стволов солдат по фамилии Елохин. В голосе его звучало облегчение, но расслабляться никто не стал.

Разведчики вернулись вчетвером — вот так номер, подумалось Веселину, когда он рассмотрел их фигуры. А было-то всего трое: Шутов, Рябинович, Седых. Кто-то здесь лишний!

Ага, вон тот лишний. Идёт вторым, сразу за Шутовым. Морда красная — будто обморозил когда. Растресканные губы. А черты лица совсем невыразительные. Но резкие. Глубоко посаженные глаза, сплюснутый нос, лошадиная челюсть. Мутант! Ну да, уж мутанта ни с кем не спутаешь. Только разве с другим таким же.

— Проводника привели, — подал голос Рябинович, — настоящего.

— А откуда видно? — спросил капитан Нефёдов.

— Так при нём пропуск — на него самого и на всю экспедицию.

— Проверили?

— Так точно, мой капитан!

— Имя! — Нефёдов обратился к мутанту. В целом доброжелательно, хотя и не без настороженности.

— Сопля, — отвечивал проводник. Ай да имечко у парня.

— А скажи мне, Сопля...

— Нужно Щепаньски! — перебил его мутант.

— Он будет говорить только с начальником экспедиции, — пояснил Седых. — Такие у него указания.

— Ладно, — пожал плечами Нефёдов, — пускай ждёт. Щепаньски явится с минуты на минуту.

И как в воду глядел. Вдали едва слышно затарахтел мотор второго БТРа.

2. Алексей Иванович Сергеев, капитан войск МЧС

Вот и доехали!

БТР полковника Снегова и начальника этнографической экспедиции Щепаньски напоследок взревел чадящим мотором и остановился в трёх метрах позади головной машины. Облако паров солянки рассеялось, но свежесть на путников не снизошла. Мерзко пахли мутант-деревья.

Цепкий взгляд капитана Сергеева прошёлся по людям на броне и вокруг нефёдовского БТРа. Ну понятно: стоянка ещё не организована, пассажиры только ждут позволения сойти, но разведка проведена — и... Ага! Уже явился проводник со стороны мутантов, и у людей Нефёдова с ним состоялся контакт. Что ж, это пора доложить полковнику.

— ...Так значит, все ракеты, что упали под Брянском, были выпущены по Москве? — нетерпеливо переспросил кто-то из учёных.

— Ну, большинство и до Брянской области не долетело... Извините! — капитан оборвал увлекательный рассказ о происхождении мутантов из Дебрянского ареала — к явному сожалению троих чешских сподвижников пана Кшиштофа, что оседлали броню напротив него. Мантл, Хомак и Клавичек — так их звали, этих внимательных слушателей. Сергеев не исключал, что от мстительного пана незадачливым коллегам рано или поздно перепадёт. А тем, поди, и невдомёк окажется...

Да, капитан-златоуст Сергеев уже давно, с раннего утра перестал беречь польские раны. Он заговорил об истории мутантов здешнего ареала — почти полностью великорусского. Тут чехи и расслабились. Здравомысленно рассудили: почему бы не узнать кучу интересных подробностей о зоне, в которую они едут? Оно-то разумно... Да только ненависть пана Кшиштофа имела в виду их недальновидный здравый смысл.

Мантл, Хомак и Клавичек слушали обидчика-капитана — вот что перевесит. А ещё профессор Щепаньский не преминёт истолковать их поведение как дезертирство с его личной "холодной войны", как переход на сторону соперника-полковника, как предательство интересов Европы... Ведь пан Кшиштоф — это и есть лучшая и большая часть Европы, они у себя в Чехии разве не знали? Стыдно, товарищи чехи!

Впрочем, любопытные господа антропологи остались на броне, а рассказчик давно уже юркнул в распахнутый люк БТРа и рапортовал полковнику Снегову (при чём, разумеется, присутствовал и мрачно-враждебный Щепаньски — куда же без него, в самом деле!).

По давнему обыкновению, Алексей Иванович Сергеев мыслями гулял вокруг да около, но докладывал — строго по делу. Так, мол, и так, мой полковник, добрались до конечной точки маршрута, обстановка спокойная, людьми с головного БТРа встречен высланный мутантами проводник.

Снегов слушал с невозмутимым видом, а вот Щепаньски при упоминании о проводнике так и встрепенулся. Из слов Сергеева пан мог бы заключить, будто представитель мутантов там, на стоянке, уже давно общается с Нефёдовым и его солдатами. И не сказать, чтобы хитрый капитан сию двусмысленность допустил по наивности.

Полковник лёгким кивком дал понять, что принял информацию и больше Сергеева не задерживает. Зато польский учёный, мрачный, словно туча, двинулся к десантному люку вперёд капитана. Как-то он теперь поговорит с вольным сыном мутантского ареала?

Пусть! Пусть профессор Щепаньски раскроется: он ведь так нервничает, когда кто-то вмешивается в планы его махинаций!

Сергеев поспешил вслед за сердитым поляком, предчувствуя: вот-вот разыграется комедия!

И комедия разыгралась. Правда, совсем не такая, какой он её себе представлял. Поляки ведь тоже умеют держать удар. И, если удар не термоядерный — то даже обращать его к собственной выгоде. Игроки! Не стоит их способности недооценивать.

То пан профессор сидел мрачнее тучи, а тут вдруг выглянуло ясное солнышко. Сошло в мир с БТРа. И всеми лучиками излилось на краснолицего зачуханного красавца с тяжёлой нижней челюстью.

— Как зовут тебя, друг? — мягко спросил любезный пан.

— Сопля! — поклонился мутант-проводник. В поклоне у него из носа действительно выскользнула сопля преизрядной длины — словно документ в подтверждение имени. Мутант ловко утёр документ рукавом и выпрямился.

— Сопля? Как мило! — пан Кшиштоф позволил себе похихикать.

— Сопля польщён, — покраснел и без того красномордый типчик, — Сопля премного наслышан. Сопля может проводить дорогого друга Щепаньски до нашей радостной столицы. Сопля и сам будет рад.

— Не надо "Щепаньски"! — поморщился пан и дружелюбно предложил, будто бы отказываясь от сложного титулования: — Для тебя, друг Сопля, я отныне просто — э... пан Кшиштоф!

Величавой получилась простота. Но собеседник не в обиде.

— Сопля благодарит пана Кшиштофа, — с готовностью закивал проводник. Мелко так затряс головой, недалеко разбрызгивая содержимое носа. Стараясь — чтобы не на обувь снисходительного пана.

— Йозеф, а не осталось ли у нас сладкого печенья? — обернулся пан Щепаньски к нерасторопному Грдличке. Тот поспешно скрылся в люке БТРа, разыскивая припасённые для туземцев пакеты вкусностей. — Вы ведь любите сладкое печенье, друг Сопля?

— Сопля очень любит сладкое печенье! — подхватил мутант.

Теперь, когда их контакт налажен, Кшиштоф Щепаньски может дать отдых лицу и, сбросив ласковую маску, вволю посверкать глазами на русских военных — отныне с

презрительно-победоносным видом. Да, на одном из поворотов он их всех "обошёл". Правда, признаемся: на том повороте никто с ним тягаться и не рассчитывал.

Хотя нет, почему же никто: а сам-то Сергеев? Хотел ведь рассорить поляка с мутантами, но импровизация — не удалась.

3. Кшиштоф Щепаньски, начальник экспедиции

Ха! Ха! Ха! Они хотели перевербовать Соплю — вот ведь тупая брянская военщина! Они, наверное, сильно удивлялись, отчего это Сопля не соглашался с ними разговаривать и требовал пана Щепаньски. Думали, что взять с глупого мутанта? Он ведь так мастерски пускает соплю!..

Встреча и знакомство прошли блистательно. Авторитетный учёный с ходу подчинил своему обаянию наивного туземца. Заглядение.

А никто из этих солдафонов МЧС даже не догадался, что Сопля и пан Кшиштоф раньше встречались. Тем более никто не просёк — при каких именно обстоятельствах. Когда и где. Ах, время и место сильно бы удивило некоторых примитивных мужланов. А встревожило бы — не то слово!

Но Сопля — каков актёр! Университетов не кончал, считать умеет разве только до пяти, простак простаком, но когда нужно — так ловко сыграет себя же самого, что всякий умник поверит в любую дурацкую небылицу. Одному пану Щепаньски с такой лёгкостью никто бы не дал себя запутать. Ум-то не спрячешь, особенно когда им зарабатываешь.

Подошёл Грдличка, поднёс пакет со сладким печеньем для Сопли. А сам — так и норовил что-то шепнуть на ухо боссу. Пан Щепаньский с отчётливо выраженным раздражением его отстранил. Ну как не понять, что сейчас не время? Даже если возник срочный секрет — лучше его оставить при себе, не секретничать столь явно при дорогом друге. Эх, Йозеф, учись тебе — не переучиться, неуклюжий человечиска...

— Так когда экспедиция выступает, милый пан Кшиштоф? — спросил краснолицый мутант. — Сопля уже готов, он поведёт. Надо чтоб до заката пройти болото...

— Вот-вот и выйдем, без задержек, — ответил пан профессор, — только подождём отставший бронетранспортёр... Йозеф, да что с вами? — этот непонятливый Грдличка снова принялся что-то шептать. — Да говорите же в голос! Что случилось?

— Я ведь как раз о третьем БТРе... — извиняющимся тоном промямлил Грдличка. — Тут только что позвонил Горан...

— Да? И когда они обещают быть?

— Не знаю, — развёл руками олух, — надеюсь, что уже скоро. У них...

— Избавьте нас от подробностей об их проблемах! — зло бросил пан.

— Так ведь же... Хорошо, пан Кшиштоф! — сдался Грдличка и отошёл. Самое время. Его озабоченной физиономии тут не место. Идёт первый официальный контакт европейских учёных с представителем дебрянских мутантов: разве можно не заметить?

— Как ты слышал, друг Сопля, — продолжил пан Щепаньски, — третий БТР с моими людьми прибудет уже скоро. Как только прибудут — мы сразу выступаем.

И да, нечего рассиживаться. Давно пора прощаться с грубой солдатнёй и их плебеем-полковником. Тем паче, что на прощание у пана профессора есть для полковника пара ласковых слов и обещаний. Таких, что грубиян крепко задумается на обратном пути в Брянск. Как не задуматься?

Но, пока тетива не спущена, очередь думать за паном Кшиштофом. Как бы половчее высказать рвущиеся из раскалённого сердца слова? Как бы поточнее спланировать действия?

От встречи с добрым знакомым у профессора потеплело на душе, хотя поведение Грдлички здорово подпортило настроение. Непринуждённость ушла, не осталось и следа. Гладкое течение беседы подёрнулось досадливой рябью. Лишнее напряжение в теле как возникло, так и не пропало до конца беседы. Вопреки отточенным аристократическим навыкам, пан Щепаньски хотя и стоял прямо перед раболепно склонённым Соплём, но вместо уверенности ощущал нарочитость и искусственность своей осанки. Тьфу!

Разговор сам собой скомкался, и пан Кшиштоф многие вопросы к Сопле отложил на потом. А ведь сейчас, в ожидании отставшего БТРа — их бы и решать, вполне подходящее время.

А Грдличка упрямо пытался довести до босса какие-то свои вопросы. Только милостивый пан отвернулся от счастливого его вниманием мутанта, настёрный чешский антрополог — снова тут как тут:

— Простите ещё раз, пан профессор, но мне кажется, вам всё-таки необходимо знать. У них там раненые. Внезапное нападение свиньи.

— Свиньи? — в одном слове пан Щепаньски вместил целый колодец сарказма.

— Но свиньи в большинстве случаев намного агрессивнее кабанов, — как истинный учёный-естественник, Грдличка, разумеется, наивно вступился за животное, — я немного занимался этологией и могу свидетельствовать...

— Бросьте-ка, Йозеф, — отмахнулся пан, — что там за раненые?

— Зоран Бегич и русский капитан.

— Зоран? Это жалко...

— Ещё Горан сказал, раны тяжёлые, но опасности пока нет. Потому принято решение в Брянск не возвращаться, а ехать сюда...

— Они рассматривали идею вернуться в Брянск?

— Только как вариант, — быстро уточнил Йозеф. — И Горан, конечно, сразу воспротивился. Теперь они несутся сюда со всей возможной скоростью...

— И когда будут? — начальнику экспедиции хотелось точности.

— Э... Я спрашивал, но Горану трудно оценить расстояние. Он ушёл от прямого ответа. Обещал, что приедут быстро...

— Как? Ему, картографу — "трудно оценить расстояние"? — попробуй тут не вскипеть, когда среди твоих людей одни идиоты.

— Полагаю, за час-полтора доедут точно, — прикинул Грдличка. Сам прикинул, без ссылки на болвана-Бегича.

— Хорошо, обождём час-полтора, — скрипнул зубами пан Кшиштоф. — Ах да... Раненые — они смогут самостоятельно идти? По лесу, по болоту.

— Думаю, смогут...

— Думать не надо! — оборвал пан. — Надо перезвонить Горану.

— Я пробовал набирать его номер, — вздохнул Йозеф, — не отвечает. Видно, ему совсем неудобно разговаривать.

Ещё бы не неудобно! Близнеца его ранило, вот парень и запаниковал! Утерять даже элементарные навыки картографа, не говоря уже о повышении квалификации в школе для спецагентов. А трубку не берёт, потому как — трепещет. Жалкая душонка!

Ну ничего — любые час-полтора уйдут в прошлое. Раз Горан Бегич стесняется отвечать

по телефону, ответит по приезде. За всё ответит, и за молчание тоже. И раненый Зоран не избежит вопросов. Знал ведь, подлец, кого подставляет своим ранением.

Час-полтора пан Щепаньски молча ожидал попавший в историю третий БТР. Упрямый Йозеф время от времени пропадал из виду, чтобы в очередной раз тщетно вызвать Горана. Другие члены этнографической экспедиции потеряно слонялись по роще вблизи двух БТРов, рядом с которыми в кучу сложили свои рюкзаки да сумки. Спиной к экспедиционным пожиткам, но лицом к российским БТРа́м на ковёр из опавших берёзовых иголок уселся Сопля. Проводник ждал от пана Кшиштофа скорой отмашки на выступление.

Спустя час-полтора злополучный БТР не приехал. Подождали ещё столько же. И ещё. Стемнело. Сопля до сумерек сидел "как на иголках" в прямом и переносном смысле, затем расслабился. Видать, всё боялся встретиться с ночной теменью посреди ботот, а тут понял, что поход по болотам на сегодня отменяется.

Русские военные тоже догадались, что расставание с ними откладывается. В предсмертный час они занялись устройством лагеря. Переставили БТРы — друг напротив друга, вокруг площадки у сложенных экспедиционных вещей. Натянули две большие камуфляжные армейские палатки — одну себе, другую для учёных. И одну маленькую — специально для полковника Снегова (с явным намёком, что он здесь главный). Капитаны Нефёдов и Сергеев лично расставили часовых где-то на подходах к лагерю и на единственном подъезде.

Около полуночи Грдличка, по его словам, таки дозвонился до Горана Бегича. Картограф ответил, что их БТР — оказывается — сильно отстал, но зато уже подъезжает. С минуту на минуту появится.

Однако, не появился. К утру, когда рассвет выбелил стволы мутантских берёз, лагерь сохранился в прежнем составе.

Вот канальство! Что за Бермудский треугольник?

На куче берёзовых иголок проснулся Сопля. Встал, потянулся, подошёл:

— Ну что, дорогой пан Кшиштоф? Выступаем, или ещё повременим?

— К сожалению, я не могу с точностью сказать, когда к месту встречи подъедет третий бронетранспортёр, — профессору пришлось выдавить из себя одно из тех признаний, которые никак не укрепляли авторитет начальника. Но не признаться — уронить авторитет ещё глубже.

Сопля обречённо вздохнул. И пану Щепаньски показалось, что он разгадал причину. Наверное, проводник опасается наказания старейшин племени. За нерасторопность.

Мутантам, посланным с поручениями, лучше их выполнить точно и вовремя, а не то за слушание светят всякие беды. И неровен час — соплеменники таких ослушников долго разбираться не станут. А попросту съедят — могут, кстати, и заживо.

4. Юрий Михайлович Багров, капитан войск МЧС

— Кость-то цела?

— Да вроде... — и нога на осторожную проверку отзывается сильной болью.

Как-то всё глупо, больно, гадко. Кровищи натекло! Хорошо, хоть артерию мерзкая тварь каким-то чудом не задела. А то ведь было недолго превратиться в одноразовый кровавый фонтан. Тут бы всё и закончилось.

— Эй, пацаны! Где у нас жгут?

— На, скорей перетягивай!

Раненых только что сняли с брони, они лежали на свежеекрававленных кариматах, расстеленных поверх густой придорожной травы. Расположились, можно сказать, с удобством. Отдыхай — не хочу.

Капитан Багров улёгся самостоятельно, а Зорану Бегичу, который потерял сознание, помогли. Уложили с ногами, согнутыми в коленях. К тому же под шею ему подтянули свёрнутое одеяло, а голову зачем-то запрокинули назад и повернули набок. И вовремя отшатнулись: парня-то тут же вырвало.

Вокруг изувеченной ноги капитана суетились Хрусталёв и Гаевский. Оба в своё время закончили какие-то фельдшерские курсы. Ну, чтобы остановить кровь, их скромных познаний хватило. Перетянули вены пониже раны — на сгибе колена. Окровавленную брючину бесцеремонно срезали.

Зорану первую помощь оказывал башенный стрелок Погодин. Тот когда-то получал высшее медицинское образование — вот и занялся более тяжёлым ранением. Именно он рылся в походной аптечке БТРа, тогда как Хрусталёв и Гаевский потрошили индивидуальные медпакеты.

— Так, теперь ищи антисептик.

— Есть йод. На, держи! Только на рану не лей — болевой шок будет.

— Я аккуратно, тампоном. Кстати, где тампон? Ага, спасибо.

Ай!!! Если это не болевой шок, то что тогда?.. У-у-у-у... Чтоб тебе!..

— О, гляди: кровоостанавливающая повязка!

— Покатит.

— Рану промыл? Хорошо продезинфицировал?

— Да вроде...

— Ну, наматывай. Да не так! Вот как надо... Теперь бинтом.

...Они ещё учатся на мне, гады! Несправедливо, но как тут не заругаешься?! Руки у парней совсем не стоят. Фельдшера, блин! Забинтовать рану — и то проблема.

Багров кипятился, ругался, рычал на неповоротливых рядовых — но то про себя. А вслух произнёс только требование поскорее вколоть обезболивающее. И то — сиплым ослабленным голосом, далеко не командирским тоном.

— Есть в таблетках. Пойдёт? — спросил Хрусталёв.

Ясно, что пойдёт! Капитан с ходу разжевал три таблетки, не дожидаясь возвращения Гаевского с кружкой воды. Ну ладно: коли рана забинтована, то её по крайней мере не видно. Будет удача — так заживёт. А что там со словенским суперменом? Вот уж бедняга так бедняга: его живот вскрыло под бронежилетом, точно консервным ножом!

Погодин как раз заканчивал промывать широченную дурно пахнущую рану Зорана — кишки повреждены, как пить дать, а то и мочевого пузырь. Отчего вместо бронежилетов не придумали бронехалатов? Сам раненый находился без сознания. Это ему ещё повезло. Анестетики в таблетках при ранениях живота, наверное, не положены.

— Что с ним, ефрейтор Погодин?

— Скверно, мой капитан, — ответил тот, — в полевых условиях — никаких шансов. Надо срочно везти обратно в Брянск, только боюсь, не довезём. Такие раны...

Да уж, известно, какие. Что с шинами БТРа, то и с животом словенца. К горлу подкатила тошнота, Багров перевёл взгляд на Горана Бегича. Тот и сам пребывал в полубессознательном состоянии — сидел на корточках у ног брата и всматривался ему в

лицо тупым неподвижным взглядом.

— А этот в трансе, — кивнул на него Гаевский. — Близнецы такие вещи глубоко переживают...

— Нет, я в порядке! — поспешно возразил Горан, стряхивая с себя оцепенение. — Доктор! Вы сказали, дело скверно. Но насколько скверно? Есть ли надежда?

Поразительно, насколько происшествие со свиньёй исправило его русский язык! Только час назад изъяснялся на ломаном, а после встряски заговорил куда как чище — словно на родном...

— Спасти вашего брата могут в хорошо оборудованной операционной. Значит, надо поскорей возвращаться к замку Брянск. Другого выхода не вижу... — Погодин выжидательно поглядел на капитана. Да, кому как не ему брать на себя ответственность, приказывая БТРу вернуться.

Отдаст ли он такой приказ? Да или нет?

Пока он раздумывал, Погодин извлёк из аптечки тюбик с гелем для заклеивания раны и стал широким слоем наносить на чудовищную дыру в животе Зорана. Гель понемногу закрыл кровавую расселину. От глаз, но не от судьбы.

— Что, зарастает? — спросил Мамедов. Победитель злобной свиньи тоже стоял поблизости. Нет бы ему тогда открыть огонь пораньше!..

— Поможет на первых порах, — с сомнением произнёс Погодин. — Не даст ране совсем уж разъехаться. А сверху мы для верности бинтом... — ефрейтор принялся обматывать Зорана сравнительно чистой марлевой лентой, потом, облокотив спиной себе на колено, придал ему полусидячее положение. — Всё, мой трёхсотый упакован. Теперь важно не давать ему разгибаться. Авось до Брянска и довезём...

— До Брянска? Я пока не принял решения, — капитану Багрову пришлось о том напомнить. С такими подчинёнными смотри не зевай! Не то выяснится, что повезли, а командира не спросили.

— Да, конечно, мы ждём.

Ждут они! Жаль, надолго этого решения не отложишь, а передать некому. Если бы только осталась возможность связаться с полковником Снеговым... Но увы: радиостанция-то вышла из строя. По правде говоря, случилось это с ней пару лет назад, но всё недосуг было её исправить. Так и ездили. А кто видал в Брянске полностью укомплектованный БТР?

Правда, в прошлом месяце рация таки побывала в ремонте, водитель Калинин лично снёс её в замковые мастерские. Да что толку, если потом никто не проверил, заработала ли она. Понадеялись на слово техников, а те не больно-то и постарались. Разве только какие ценные микросхемы потихоньку выпаяли.

И вот ирония судьбы: чтобы сбить с толку пронырливых близнецов Бегичей, заранее предполагалось им говорить, что радиостанция не работает, связаться с профессором Щепаньски невозможно. И на тебе пожалуйста — чуда не случилось, рация действительно по-прежнему молчит!..

Ну — ладно. Сейчас подумаем и всё решим сами. От замка Брянск уже далеко отъехали. Возвращаться туда — куда дальше, чем добраться до цели. Доживёт ли Зоран Бегич — ой, не факт: что-то он совсем плох. Если умрёт по дороге, капитан Багров останется кругом неправ.

Если же решить — не вернуться, а сперва добраться до цели? До неё уже близко. Пара часов — и не к чему придраться, приказ выполнен. Там всю полноту ответственности возьмёт полковник Снегов. Скорее всего — пошлёт раненого к замку Брянск. Выйдет почти

то же, но — честно, законно. И дорога то удлинится от силы часов на восемь...

Ага, но ведь каждый час на счету. Что, как этот козёл Бегич по дороге всё-таки откинет копыта? Выйдет — опять-таки из-за него, капитана Багрова. Который вместо чтобы спасти особо ценную жизнь словенского учёного...

Ой! Нога так и полыхнула огненной болью. Неразрешимая дилемма не отвлекла, а лишь усилила страдания.

Значит так! С самого начала: если БТР возвращается к Брянску... Эх, так и хочется последовать примеру Зорана. Отрубиться — и ничего уже не решать. Чего вы хотите с раненого героя?..

— Ну что, Погодин, точно ли доведём?

Тот, понятное дело, пожал плечами. Откуда взять точность? Нет, мол, дорогой мой капитан, так просто не съедешь...

— А если мы вернёмся к Брянску, доведём словенца живым... — капитан поморщился, так как рана опять бунтовала. — Точно ли в замковом лазарете найдётся всё, что нужно?

Погодин скривился:

— Не знаю... Операционная там, конечно, есть...

Вот и ответ. "Момент истины". Багров усмехнулся с грустным облегчением. "Не знаю" в сочетании с такой гримасой на лице медика недвусмысленно означает "никак нет". Так и копыта ломать нечего, если шансов у раненого учёного никаких. Везти его куда-то — не везти... К чему лишние мучения?

Горан Бегич тоже услышал главное. Он вскочил на ноги, принялся суетливо ходить взад-вперёд по грязной дебрянской дороге, потом скрылся за БТРом. А прежде, чем скрылся, воровато оглянулся, причём его рука метнулась к уху.

Звонит, понял раненый капитан. У парня есть телефонная связь с начальством экспедиции. Ловко! Так чего ж до сих пор... Какого же!..

Когда встревоженный близнец тяжёлого трёхсотого вернулся из-за бронемшины, Багров огорошил его прямым вопросом:

— Скажите, Горан, у вас ведь есть возможность связаться с БТРом, в котором едет пан Кшиштоф?

Вопрос был почти риторическим, но ушлый словенец — ну надо же — стал возражать.

— Нет, у меня никак не есть такая возможность! — сверкнул этнокартограф искренним взглядом, не ведающим фальши. А в речь его вернулась принуждённость и неверность в построении фраз.

5. Горан Бегич, этнокартограф

— Скажите, Горан, — спросил капитан Багров, с трудом привставая над туристическим ковриком, на который его уложили, — у вас ведь есть возможность связаться с БТРом, в котором едет пан Кшиштоф?

Ну ничего себе вопросец! Горан не имел времени обдумать ответ, и потому произнёс первое, что возникло на языке, хорошо натренированном выкручиваться и лгать.

— Нет, у меня никак не есть такая возможность! — сказал и сам ужаснулся. Может, он сейчас подписал смертный приговор брату. Капитан Багров нуждается в мобильной связи, чтобы известить полковника. Не поставит Снегова в известность — не поедет спасать Зорана. Ведь ясно же, как днём!

Если брат теперь погибнет, Горан этого себе никогда не простит. Да и переживёт ли? Ведь это брат! Это всё равно как ты сам под другим именем.

Но сказанного не вернёшь. Горан скрыл свой тайный телефон — и теперь не сможет его обнаружить. Значит, и сам не сможет по мере надобности перезванивать Грдличке. Ведь раз капитан его заподозрил, будет теперь начеку, чтобы уличить.

Надо было признаться. Что бы ни говорил пан Щепаньски перед экспедицией, что бы он ни сказал потом, а всё же брат — всегда ближе и важнее начальника. Или уже нет?

Может, признаться ещё не поздно. Нет, поздно. Ведь одно дело просто сознаться, что у тебя есть телефон, а другое — объяснять, зачем тебе взбрело скрывать его от русских военных. Кто скрывает телефоны — тот уже не просто учёный. Он шпион. А к шпионам отношение особое. И если ты шпион, то и брат твой шпион, а зачем тогда военным этого брата-шпиона торопиться спасать?

Как ни пойдешь, кругом шах и мат. И кто поверит, что в мире нет предопределения?

С чего начался этот узел, из которого нет сил выбраться? С дурацкого ответа раненому капитану? Нет, раньше. С идиотского "геройства" вдвоём с братом на броне? Никто не подозревал свинью в такой прыгучести — это да. Но узел завязался раньше свиньи. БТРы впереди встретились с мамонтом и перестраховщик Грдличка позвонил предупредить. Всё по тому же дурацкому телефону, будь он трижды неладен...

Размышляя, Горан тревожно тискал в кулаке незаметную гарнитуру, пока она не издала жалобный хруст. Опять доигрался! Ну что ты будешь делать? Теперь даже если обманешь бдительность Багрова и его солдат — иди пойми, удастся ли в следующем разговоре с Грдличкой хоть что-нибудь услышать. Хотя...

О, осенила Бегича блестящая мысль, можно притвориться, будто гарнитура сломана чуть раньше. И тогда — всё списать на полоумную свинью. Животина-то умерла, она теперь будет не против...

Но опять Горан упустил главное: жизнь горемычного брата. Что с ним такое сегодня делается? Ясно что: паника! Паника? Паника!!! Нет, так нельзя, пора успокоиться. Успокоиться! Успокоиться, чертей тебе в кашу!!!

Но как же тебе успокоиться, когда ты вот-вот останешься совсем один?

Как?!!

Надежда пришла, откуда Горан не ждал.

Горислав Чечич, третий учёный-пассажир в БТРе, малозаметный тихий македонец, который всю дорогу мирно просидел в десантном отсеке, ни разу не навестил близнецов, прописавшихся на броне, и всем своим видом словно просил: "Забудьте о моём существовании!" — причём своего добился.

Так вот, этот самый Чечич вышел словно из слепого пятна и придержал Горана за локоть. Бегич в ответ чуть не взвился с пол оборота, но чудом сдержался. Докумекал: Чечич ни к кому зря не пристанет, видать — у него серьёзное дело. Так и оказалось.

— Не надо возвращаться, — сказал Чечич, — спасение впереди.

— А? Почему? — только и выдохнул Горан (оказывается, он минуту назад задержал дыхание, а сам и не заметил).

— В мутантском ареале действует "Евролэб", — Чечич без лишних преамбул ляпнул главное. — Там новейшее медицинское оборудование, которое в операционной Брянска никому даже не снилось.

— Что? Серьёзно?! — Горан боялся поверить. — Но откуда?

— Оборудование? — буднично переспросил македонец. — Сбросили с вертолѐта. В рамках гуманитарной инициативы "Хирурги через заборы". А врачи — набраны из германских волонтерских организаций. Приехали туда специально лечить мутантов, но и Зорану будут рады помочь. Он ведь свой.

Да? А ведь это меняет дело! Горан повернулся на каблуках скрипучих ковбойских сапог и быстрым шагом, почти бегом, направился к задумчивому капитану Багрову. Пока не поздно, надо его обрадовать. Сказать, что Зорану с БТРом по пути. Ещё бы не хватало, чтобы капитан пошёл на жертвы ради доставки брата в бесперспективный замок Брянск!

6. Юрий Михайлович Багров, капитан войск МЧС

Капитан выслушал Бегича и Чечича всё так же полулѐжа на каримате.

Тяжело раненого словенца Хрусталёв с Гаевским уже понесли устраивать в БТРе — несли в позе сидя, как велел Погодин. Сам же Погодин остался с Багровым — осмотреть и рану и перевязку, сделать укол против столбняка. Прежде чем вколоть, ещё спросил у капитана, нет ли у него аллергии. До Багрова суть едва расслышанного вопроса дошла чуть позже, чем сам укол — Погодин спешил, вместо чтобы сперва дожждаться ответа, он рассеянно вдул в капитанское плечо содержимое шприца. И в оправдание пробормотал:

— Ну, в большинстве случаев эта сыворотка безвредна.

Пока в плечо вливалась безвредная противостолбнячная сыворотка, а Зорана бережно уносили, капитан продолжал мучительно выбирать: в какую же сторону ехать... Тут и подоспели югославы. Они здорово облегчили решение: поведали об операционной лучше и ближе брянской. Значит, только вперёд. А впрочем, что скажет медик?

— Оборудование "Евролэб"? — удивился Погодин. — Да, такое должно бы ему помочь. Там новейшая установка для переливания крови — а после клыков той свиньи, будем реалистами, заражение крови обеспечено...

— И чем оно грозит? — напрягся Багров.

— Известно чем — летальным исходом...

Врач-стрелок осѐкся — заметил, как Багрова от его откровенности передѐрнуло. Заражение обеспечено? Грустно слышать. Как-никак, капитан и сам отведал свиных клыков, а вот счастья посетить "Евролэб" ему, поди, не дожждаться. Он ведь не мутант и не евроучѐный. Простой командир БТРа.

— Значит, я не жилец? — за уточнением спряталась угроза.

— Нет, — поправился Погодин, — я имел в виду именно рану Бегича. Согласитесь, мой капитан, случай куда тяжелее вашего. Что у него в брюшной полости, страшно и представить. Я вот — не решился. Вглубь не пошёл, а позаклеивал, что мог, снаружи. На первое время хватит, но путь у нас не близкий. Короче, гнойного перитонита с интоксикацией внутренних органов ему не миновать... В лучшем случае.

— Уфф! — выдохнул Горан. Добряк он, этот ефрейтор Погодин. И умеет же успокоить, да так что и назавтра не заснёшь!

Надо надеяться, что Погодин потому так превозносит мутантскую операционную, что крепко повздорил с медиками в Брянске. Те не приняли его незаконченного высшего медицинского, заявили: недоучку-де не возьмут. А может, дело в спиртном. Погодин прикладывается, это каждый заметит. Вот его и попросили вон — тоже обычное дело.

Собственно, после того он и пошёл в башенные стрелки БТРа — и всякому теперь

объясняет, что карьере по специальности ему помешала справить медицинская мафия. Наверняка преувеличивает.

— А что нечистоплотная свинья теми же клыками порвала вам ногу, — вёл дальше врач-недоучка, — так ведь нога — не брюхо. На худой конец, ампутация решит все проблемы.

— Ампутация? — Багров даже поперхнулся этим словом.

— Брянские хирурги своё дело знают, — нехотя признал Погодин, — но рисковать эти ребята не любят. Гангрене предпочитают профилактику. Как увидят: дело худо — сразу режут конечность к чёртовой матери.

Стать инвалидом? Капитан скрипнул зубами, которые крепко сжимал, силясь унять стреляющую боль из раны. Нет, мы так не договаривались! Если оно и лучше погибели — то на самую малость.

— Но есть шансы, что пронесёт, — успокоительно протянул Погодин.

Теоретические шансы-то есть...

Это кажется, или кожа на покорёженной ноге покраснела? Однако, симптом. И вокруг — никак, потеплело? Даже от земли через каримат пышет жаром. Или?.. Или это начинается жар у самого капитана Багрова? Главное, если ему так уже душно и жарко на свежем воздухе, то каково теперь будет сидеть в БТРе? Как в топке! Только не сидеть, а лежать, как положено грузу триста. И, лёжа, пытаться командовать. Перспективочка!

— А что, давно туда сбросили медлабораторию? — спросил Багров у знатока Чечича, — А то как-то не до конца верится...

— Примерно три года назад, — ответил тот.

Что ж, очень может быть. В то время воздушное пространство над зоной расселения мутантов наши ещё не до конца перекрыли. Да и как перекроешь, если с юга к дебрянскому ареалу примыкает ЧНР — Черниговская народная республика. Дружественная России, но однако же, независимая. Посоветуешь, да не прикажешь.

Черниговцы — те издавна воюют с мутантами, причём на два фронта. С юга на них лезут орды из Великой Чернобыльщины, а с севера — устраивают набеги уже наши, дебрянские выродки. То замок Нежин осадят, а то и сам замок Чернигов штурмовать пробуют. Но всё — наземными силами. А коли самолётами мутанты не летали, то черниговцам и ПВО не требовалась.

Три года назад было так — до памятной бомбардировки Прилук правозащитной авиацией Европы. Тут-то в ЧНР и одумались, оснастили пограничные замки ракетами "земля — воздух", чем окончательно перекрыли воздушные каналы вооружения дебрянцев. С тех-то пор и учёные, которые желают изучать мутантов из-под Брянска, вертолётном добираться опасаются. Им приходится трястись в древних БТРах с патрульными войсками МЧС — только так и доедут.

Не все доедут. Но у тех, кто не дразнит свиней-мутантов, есть неплохой шанс.

Гаевский и Хрусталёв устроили раненого Зорана в БТРе, вернулись за капитаном. Выглядели при том слегка встревоженными.

— В чём дело? — кинул им Погодин в недоверчивые лица.

— Зоран плохо выглядит. Не кончается ли? — предположил Гаевский.

— В сознание не приходит, покраснел, пот с него льётся в три ручья, — добавил Хрусталёв.

А заодно и я покраснел, и с меня льётся, подумалось Багрову. Только подумалось — и

его тут же прошиб озноб. Тоже, как водится, нездоровый.

— Будем надеяться на лучшее, — ответил фельдшерам врач, — я извёл на его живот весь запас заживляющего геля. Чем-то, да поможет. До операционной протянет, а там уже — дело за искусством хирурга.

Хрусталёв и Гаевский осторожно переложили Багрова на одеяло, подняли, понесли к бронемашине, стараясь двигаться плавно. Или — делая вид, что стараются. На БТРе раненого капитана принял Мамедов — и помог улечься на специальную откидную лежанку в проходе. Точно в катафалке, с иронией подумал капитан, только что не ногами вперёд. Позаботились!

Капитан оказался рядом с погружённым в сон Зораном — того устроили на сидении справа, причём прибинтовали к нему в полусидячей позе с высоко поднятыми коленями. В полном сознании так долго и не просидишь, но ранение живота обязывает.

Сидения поблизости заняли Хрусталёв, Гаевский и Горан Бегич. Последний всех убеждал, что брат очень плох и надо скорей его спасать.

Температура? Багров протянул руку, чтобы потрогать лоб словенца. Вроде и не горячо, даже прохладно. Либо с ним не всё так плохо, либо плохо — с нами обоими.

Значит, пора трогаться, раз надо успеть.

— Все на месте? Калинин, заводи мотор!

Тотчас взревело — водитель кинулся исполнять, не дождавшись дополнительных указаний. Пары солярки окутали БТР, противные до рвоты. А жарко-то как! Чисто духовка.

Калинин — низенький водитель с озабоченным лицом — обернулся со своего места и растерянно поглядел на капитана Багрова. Да-да, приятель: ты ведь не выяснил, куда ехать. А перекрикивать шум мотора — до чего же непосильный труд. Что же будем делать?

— Калинин спрашивает, в какую нам теперь сторону? — с усмешкой молвил Мамедов. — Чтобы, значит, не перепутать ненароком.

Водитель часто закивал, показывая, что вопрос и правда исходит от него. Пусть не заданный, но доступный прочтению на лице.

— Только вперёд! — отозвался Багров с уверенностью, одолевающей немощь. — К берёзовому тупику. И как можно скорее. Лучше напрямик, срезая углы.

Ага, окольными дорогами уже вдоволь поездили, чтобы сбить с толку неприятельских картографов Бегичей. Теперь — забота другая: поскорее бы на неё, главную дорогу. И айда догонять обе ушедшие вперёд машины.

И вот уже мотор ревёт, БТР скачет по неровностям дороги и междудорожья. Каждый толчок отзывается болью в ране, а Зорана Бегича — того просто в судороги бросает, и брат его, стараясь удержать от падения едва одушевлённое тело, не знает уже, что кричать водителю: то "Скорее!", то "Потише!", а то всего понемногу в одном ёмком матерном посыле.

И у Багрова — сходное впечатление, что едут они даже слишком быстро, но приближаются к цели медленными черепашьими шажками.

7. Веселин Панайотов, этнограф

О поставках Нефёдовым оружия бойцам из Заслона (никаким не "мьютхантерам". Милорадович прав!) Веселин твёрдо решил особенно не распространяться. Уж нам-то, болгарам, влезать в эти дразги между Россией и антирусскими силами в Европе — как

минимум неразумно. Лучше хранить нейтралитет. "Нам, болгарам, всё равно!".

Разумеется, если профессор Щепаньски, либо кто-то из его ближних сподвижников задаст прямой вопрос — тут уж этнограф Панайотов сообразит по обстановке. Но набиваться на такой вопрос не станет. Пусть сами спросить догадаются, если так уж охота знать.

Нынче с утра и до полудня снова всей экспедицией — с минуты на минуту — ждали приезда запаздывающего БТРа. Надо же: опять не приехал.

Солдаты от нечего делать слонялись по лагерю, травили свои милитаристские байки, беззлобно подначивали друг друга.

— А скажи, Рабинович... — завёл Егоров, подмигивая товарищам через голову собеседника.

— Я не Рабинович, я Рябинович! — взвился тот. Обе версии — с учётом говора и дикции — звучали приблизительно одинаково.

— Как-как?

— Рябинович! Это белорусская фамилия — от слова "рябина".

— Э... "рабина"?

— Рябина — это у нас растёт такое дерево, а не то, что ты подумал.

— А что я подумал?

— Не знаю, что ты подумал, но "Рябинович" говорится через "я".

— Но, по-моему, звука "я" в этой фамилии нет...

— Да ты уши прочисть! Как это нет?

— Ну послушай: "Ра-би-но-вич": где же тут "я"?

— Я не Рабинович, я Рябинович!.. — и так далее по кругу.

В солдатских сообществах, как уже приходилось наблюдать иным наблюдательным культурологам, часто закрепляются такие способы шутивого времяпрепровождения, которые никогда не наскучивают игрокам, воспроизводятся без усталости при всяком удобном случае.

Тот же диалог с Рябиновичем — но только в исполнении Мамедова из третьей машины — Веселин Панайотов слышал ещё во дворе замка Брянск, перед погрузкой экспедиции в БТРы. Оттуда ему и запомнилась фамилия "Рябинович" с подробностями её белорусского произношения.

Впрочем, глядя на внешний облик Рябиновича — чернявого парня с характерным еврейским носом — всякую Белоруссию в один момент забываешь. Кажется, что это он сам, упорствуя в сомнительной версии широко известной фамилии, провоцирует Мамедова, Егорова и кто там ещё готов за компанию посмеяться.

От зрелища солдатского дуракаваляния Панайотову без перехода пришлось обратиться к картине самого злобного сарказма — на уровне высшего здешнего начальства.

Задержавшись у кучки рядовых, что подтрунивали над Рябиновичем, Веселин даже не заметил, как мимо него прошагал полковник, а вот попавшегося навстречу польского профессора проигнорировать не смог.

— Добрый день, — неловко поздоровался он, чуть не вжимаясь в берёзовый ствол. Пан только лишь взглядом показал, что его заметил. И взглядом — не очень-то милостивым.

Кшиштоф Щепаньски, как видно было по лицу, всё придерживал, берёт убийственные доводы к возвращению третьего БТРа, но наступил полдень следующего дня, а ожидание становилось всё более унижительным. Видано ли: начальника экспедиции и в грош не ставят,

когда захотят, тогда и приедут... Уж кто-кто, а пан Щепаньски такого отношения ни от кого не терпел. И впредь учиться терпению явно не намерен — таков уж его тип решения вопросов.

Русский полковник чуть отстранённо прогуливался по периметру лагеря, когда непримиримый пан решительно заступил его путь.

— А скажите-ка мне, милейший, куда девались двое из моих людей, вверенные вашим заботам? — профессор с ходу форсировал голос и презрительно выпятил нижнюю губу.

Пан Кшиштоф — из тех начальников, которые признают за собой неотъемлемое право на взрыв. Зато и полковник Снегов — из тех людей, от которых взрывная волна отскакивает рикошетом. Задумчивый полковничий взгляд безмятежно бродил по частоколу берёзовых стволов — и далеко не сразу отыскал на их фоне фигуру разъярённого профессора.

— Двое? И что за двое? — снизошёл Снегов до профессорских тревог.

— Те, которые ехали в пропавшем броневике! — процедил пан.

— Я догадался. Ваши двое — Зоран и Горан Бегичи, не так ли?

— Поразительная проницательность! — злобно похвалил Щепаньски.

— Но в упомянутом бронетранспортёре находится трое ваших людей. Судьба Горислава Чечича вас больше не волнует, я правильно понял? — и, не дожидаясь ответа пана Кшиштофа, полковник развернулся для прогулки в обратную сторону.

Столкнувшись с таким пренебрежением (а чего он ждал в ответ на свой оскорбительный тон?) профессор свирепо зыркнул по сторонам, и Веселину пришлось притвориться, что его внимание по-прежнему поглощено перипетиями с белорусской фамилией солдата. Не ахти как убедительно, зато вежливо. Аристократу Щепаньски стоило бы оценить.

Снегов удалялся, но пан Кшиштоф не дал ему так просто уйти. Постоял в оторопи с десяток секунд, потом нагнал (Панайотову показалось: сейчас как ударит!) и выкрикнул обвинение:

— Ваши действия преступны!

— Какие именно? — недоумённо обернулся Снегов.

— Вы самовольно изменили порядок движения машин!

— Да, я это сделал. И?

— Зачем вы это сделали? — Щепаньски даже зарычал.

— Из соображений боевой целесообразности, — невозмутимо молвил Снегов, — не иначе. Какому БТРу вперёд ехать, нам, военным, виднее.

А ведь чистую правду сказал, мысленно улыбнулся Панайотов.

— Пусть так... — профессор перевёл дыхание, его голос зазвучал веско. — Но вы подвергли опасности жизни участников экспедиции! Вы — не выполнили гарантий! Вместо безопасного движения колонной отдельные БТРы выполняли какие-то собственные задачи!

— Что вам знать о безопасном движении колонной?

— То, что расстояние между машинами должно быть меньше, чем сутки пути!!! — вот и пан Кшиштоф заговорил остроумно.

— В колонне? Пожалуй, — как ни в чём не бывало подтвердил Снегов.

Профессор Щепаньски заговорил о том, что за гарантию безопасности щедро заплачено, а безопасности так и нет. И преступным "мьюбтхантерам" ничего бы не стоило подорвать БТРы по одиночке, и той свинье, что напала, не составило труда тяжело ранить крупного словенского учёного.

О ранах у одного из словенцев Веселин Панайотов ничего не знал. Вероятно, и Снегов знал не больше, но скрыл удивление, пока Щепаньский повествовал о распоротом животе. Поляк завершил свою речь обещанием пожаловаться генералу Пиотровскому. Уж тот озаботится прекратить карьеру нерадивого брянского вояки, ведь раненый европеец чуть не погиб...

И тогда полковник спросил вкрадчиво:

— Откуда у вас эти сведения?

8. Леонид Андреевич Погодин, башенный стрелок БТРа

Хорошая машина этот БТР. По всякому бездорожью проедет. Однако, раненым далеко не позавидуешь, когда хорошая машина берёт препятствия. Тем более — тяжело раненым в живот. И тут Зорану Бегичу даже повезло: потерял сознание — и наркоза не надо. А капитану Багрову — тому повезло меньше: прочувствовал мужик каждую кочку. И геля заживляющего на капитанскую ногу не хватило, рана понемногу кровит через повязку. Вы уж извиняйте, мой капитан, опять гадская Европа устроилась лучше!

...Тю, что за трамплин среди дороги?

— Эй, Калинин! Не кирпичи везёшь!

Молчит. Не услышал.

Ну вот, опять сильно трянуло. Раненый капитан скрежетнул зубами, а иностранный учёный тихо застонал и чуть не скатился с сидения, к которому был неплотно прибинтован. Рана его всколыхнулась, но гель да бинты не пропустили внутренних органов наружу. Близнец Горан с Хрусталёвым вдвоём на силу удержали тяжёлое податливое тело. Погодин помог его плотнее закрепить. Всё, что в наших силах. Дальше — сами.

— Зоран чуть не упал, — с упрёком проговорил Горан. Вот сам бы и держал покрепче!

Сидение в башне у пулемёта нынче занял рядовой Мамедов, а место Погодина — рядом с ранеными. Только пусть не думают, что им это сильно поможет. Всё, что мог в полевых условиях — первую помощь — добрый Лёня уже оказал. Осталось всех благополучно довести до больницы. В этом деле крайний — водитель Калинин. Доставить живыми — его задача. Дожить — задача пациентов.

— Воды, — приказал Багров. А прозвучало-то несколько жалобно.

Хрусталёв метнулся за кружкой.

— И Зорану, — попросил близнец-Бегич.

— Нет, Зорану нельзя, — возразил Погодин, — просто смочите ему губы, если пересохли. Кстати, где градусник?

Гаевский подал, объясняя:

— Капитан мерил.

— И сколько?

— Тридцать девять и два.

Конечно, лучше, чем комнатная. Но — многовато. Воспалительный процесс уже запустился у обоих, что-то дальше будет? То есть, ясно что: одному гнойный перитонит светит, другому — местное заражение.

По крайней мере, сыворотку от столбняка обоим вкололи — с этой стороны опасности не ждать. Конечно, и с самой сывороткой был риск — вплоть до анафилактического шока — но кто не рискует, того спрашивают, почему не сделал?

— Зорану хуже, — как-то даже робко молвил Горан. Ранение брата сильно поубавило у него уверенности. Но оттенок упрёка сохранился. Только лёгкий оттенок.

— Вы верно подметили, — согласился Погодин, — его начинает лихорадить. Разыщу-ка антибиотики.

Ага, малость просрочены... Ну, поглядим, как подействуют.

Вот, помогаем Зорану реальными делами. Было хуже — станет лучше. А с вашими упрёками...

Кто вообразил себя героем, тот сам и виноват. А к медику какие претензии? Лёня Погодин — не только не Господь Бог, но даже не врач в замковом лазарете. Знания да умения не пропьёшь — вот и радуйтесь, господа пострадавшие. Башенный стрелок мог оказаться с другим образованием, что бы вы тогда делали?

— Он... умирает? — сглотнул Горан.

— Ну вот ещё! — фыркнул Погодин. — Пока нет.

Несчастному словенцу к тому же вот в чём повезло: кишки-то ему тварь мутантская знатно раскромсала, а печень да селёзёнку чудом не задела. Кабы иначе — отмучался бы прямо на месте. И снова повезло: крови вон сколько потерял — а живёхонек. И опять повезло: в аптечке случился заживляющий гель, а башенным стрелком на БТРе — знаток медицины Лёнька Погодин (это уже в качестве бонуса).

Без медика — и гель не заживляет. Ведь если бы кто совсем без понятия рану заклеивал, зацементировал бы брюшную полость сплошняком. И любовался бы на свою работу, пока не вздуется.

Ну а Лёня — даром, что на терапевта учился — сработал грамотно. Не пытался склеивать кишки в глубине раны, зато — плотно охватил всю поверхность. Кстати, с такой раной теоретически можно даже выжить. Практически — конечно, вряд ли: тут, ясное дело, помешает общая интоксикация, а больница-то далеко. Так что даже жалко — столько квалифицированного врачебного труда пропадёт впустую.

— Если Зоран выживет, я вас отблагодарю...

— Меня? — Погодин опешил и поспешил перевести стрелки. — Господина капитана благодарите, вот кого! Это он бросился на свинью с факелом — вот она вашего брата и не растерзала. — (Не до конца растерзала, если претендовать на точность).

— Да, доктор, вы правы... — Горан обернулся к капитану Багрову, но тому как раз сейчас было не до выслушивания изъявлений благодарности. На лбу выступила испарина, щёки нездорово покраснелись, глаза затуманились... Ага, лихорадка во всей красе. Она, родимая. И прогрессирует даже быстрее, чем у Бегича.

— Не тревожьте его, пожалуйста! — поспешно шепнул Погодин. — Видите, ему не многим лучше, чем вашему брату.

— Да-да, конечно, — Горан проявлял редкую для себя покладистость. Стоит его братцу поправиться, она у него пройдёт, но пока...

Тьфу, и снова трянуло! Так пациенты могут запросто откинуться и без интоксикации — от одних сотрясений.

А потом БТР неожиданно и как-то виновато остановился. Дизельный двигатель заглох. Мелкий хлюпик Калинин обернулся к десантному отсеку и, почёсывая затылок, пробормотал:

— Кажись, заблудились...

9. Веселин Панайотов, этнограф

Ух, как люто зыркал пан Щепаньский по сторонам в поисках козла отпущения, когда русский полковник походя его отбрил! Тут уж гляди сам не попади под горячую профессорскую руку!

Веселин и сам-то не заметил, как ноги унесли его из поля зрения свирепого пана, заставили затесаться в группку солдат, ещё недавно столь живо обсуждавших белорусскую фамилию. Правда, тема с фамилией себя до сего времени исчерпала, теперь пошёл весёлый спор про мамонтов.

Видать, сам Рябинович и сменил назойливую тему. Именно он рассказывал, как ещё при первой разведке углядел неподалёку от стоянки подозрительные следы, а руками показывал, до чего гигантские.

— Может, это Сопля ходил? — сострил Елохин.

— Ага, и берёзы повалил? Что ли, соплём зацепился?

Солдаты заржали, а приободрённый Рябинович продолжил:

— Нет, точно говорю. Послал это нас капитан местность осмотреть. Меня, как водится, в самом опасном направлении — прямо на юг. Я и гляжу: что такое? Деревья лежат, будто бульдозером перееханы. А на почве — два или три следа пропечатались. Может, даже восемь.

— Что ж ты про них сразу Нефёдычу не доложил?

— Ну, следы были не сильно свежие...

— А как ты определил свежесть?

— Так поверх лежала куча навоза!

Елохин так и согнулся в припадке хохота, другие зубоскалы от него не отстали.

— Я-то сразу определил — мамонт! — хвастался Рябинович. — Но подумал: сболтнёшь такое — ведь засмеют! Кто ж знал, что вы с сергеевского БТРа самолично мамонта видели? Никто не знал.

— Да... Мамонт — это, скажу вам, махи-ина! — уважительно протянул солдат со второго БТРа, имени которого Веселин пока не выучил.

— А на боку у него — видел? Запасной хобот! — хихикнул ещё один солдат, самый из них смешливый.

— Да не один хобот: там у него целая голова запасная!

— Голова? — скорчил рожу Елохин. — Ты перепутал. То был противогаз!

Сравнивать слонов с противогазами — шутка старая и плоская, но много ли надо простому солдатику для весёлого смеха! Прыснул даже Рябинович. Веселин — и тот улыбнулся из уважения к сообществу.

Отсмеявшись, Рябинович молвил пренебрежительно:

— Э, да вам попался не мамонт, а какой-то урод в противогазе. А вот мне встретились пусть только следы, но — самые настоящие!

— Настоящие? — скривился Елохин. — Да врешь!

— А хочешь, покажу? — Рябинович вошёл в азарт. — Тут недалёко!

— А и покажи! Всем, — Елохин подмигнул товарищам.

Солдатская ватага всерьёз собиралась отлучиться посмотреть мамонтовы следы, и Веселин тоже захотел пойти. Да и не только он: как только спросился, тут же набежало несколько чехов, которые тоже, оказывается, с интересом следили за солдатским трёпом с

поваленного берёзового ствола напротив. Айда самоволочка у солдат вышла: не простая отлучка, а — прямо сопровождение группы специалистов к объекту их научного интереса.

К месту массового падежа мутант-деревьев Рябинович вёл их минут двадцать. Действительно, очень напоминало, что через эту чащу проридралась какая-то мощная туша. Выворотила берёзы с корнем, отдельные стволы раздавила. Хвоя на пострадавших берёзах успела высохнуть и пожелтеть.

Трое чехов — Карел Мантл, Братислав Хомак и Вацлав Клавичек бежали к мамонтовым следам чуть ли не впереди порывистого Рябиновича. Все трое — антропологи, все — ученики Йозефа Грдлички, с чьими странными идеями о спасительности мутации Веселину как-то довелось познакомиться.

Сам Грдличка — наиболее верный сподвижник пана Кшиштофа — остался в лагере (и хорошо!), но его идеи, как вскоре выяснилось, пустили корни в учениках (а вот это похуже).

Берёзовые стволы лежали довольно кучно, разглядеть между ними отпечатки мамонтовых лап

Следы, как можно догадаться, первыми обнаружили чехи, хотя Рябинович тоже вовсю старался припомнить нужное место. На пригорке, где после давнего дождя некогда оставалась влажная почва, отпечатались вытянутые в цепь ямищи. И не три, не восемь — целых два десятка. В некоторых местах действительно прикрытые застарелыми лепёшками слоновьих экскрементов.

У первой же из этих куч трое антропологов замерли с торжественными лицами. Солдат Елохин, скосив на них глаза, исподтишка покрутил пальцем у виска и скорчил уморительно благостную рожу. Рябинович даже за подбородок схватился, чтобы не расхохотаться. Хомак, Клавичек и Мантл ничего не заметили. Верно, суетный мир далеко от них отступил.

— Вы ведь недавно всем БТРом видели самого мамонта, — удивился Веселин, — что вам теперь следы?

Ответа ждал примерно с минуту.

— В присутствии великого и могущественного объекта, — признался Клавичек, — тебя охватывает слишком сильный трепет. И тогда ты не можешь сохранить способность оценить его истинное величие. Ты в страхе отступаешь прочь, вместо чтобы идти навстречу.

Ну, это-то да, внутренне согласился с чехом Веселин Панайотов. Следы — они всяко безопаснее живого мамонта. Они — как те воронки от снарядов, куда животное второй раз не наступит.

— А через свои следы могучий объект дарует нам вдохновение, — дополнил Братислав Хомак.

— Мамонт бродит по Европе, мамонт гуманизма! — продекламировал Карел Мантл, одухотворённо закатывая глаза.

— Это ты о чём? — не понял Хомак. — Что за отсебятина?

— Мамонт — дух здешней мутации, — объяснил Мантл, — он показывает нам, что и под Брянском, как и везде в Европе — всё прогрессирует по единому плану.

— А! — Хомак отмахнулся. — Прописные истины...

А Веселин как раз и заинтересовался:

— Что за план такой?

— План э... неизбежного прогресса. Через мутацию.

— Кажется, никогда о таком не слышал.

— Слышали! — Мантл усмехнулся. — Человечество — оно ведь развивается в основном

революционными скачками. (Я имею в виду, конечно, не социальные революции, а научно-технические). Так вот: рано или поздно в развитии технологий люди приходят к такому рубежу, когда они невольно порождают собственных могильщиков.

— Кого-кого?

— Мутантов. Тех, кто придёт на смену.

— Но почему же это неизбежно?

— Мировой закон. Против него не выстоишь. Наши технологии становятся всё более вредными и разрушительными для среды, в особенности, конечно, военные технологии... — Карел Мантл развёл руки, призывая в свидетели берёзы. — А воевать человечество обречено. Конфликт — суть нашей природы. Как только наша среда обитания становится глобально мутагенной, нам на смену приходят мутанты. Они сильнее нас, поскольку выжили в жёсткой борьбе за существование. Всё логично, не правда ли? — а с каким мечтательным видом сие произнесено!..

— Мировой закон? Ну допустим. Но при чём же здесь гуманизм? "Мамонт гуманизма" — вы ведь так сказали?

— Высший гуманизм — в альтруизме и справедливости. Он, собственно говоря, в том и состоит, чтобы люди уступили своё место...

— М-м-м... Нелюдям? — вставил-таки Хомак. Но весело и чуть наигранно, как из роли оппонента в заведомо решённом споре.

— Пусть нелюдям. Но ведь это люди их такими сделали, правда же? Значит, за мутантов они отвечают. Значит, должны смириться и не мешать честной конкуренции. В которой "нелюди" рано или поздно нас победят.

Вот Мантл даёт: неужели он серьёзен?

— Вы и правда спешите в могилу? — спросил Веселин.

— Нет, но я реалист! — гордо сообщил Карел Мантл.

Что ни говори, у Йозефа Грдлички достойные ученики. От их реализма мороз пробивает по коже. Помогать могильщику себя закопать, ибо таков закон... С таким настроением и могильщик не понадобится. Откуда нынче столько поклонников мутации? Зачем им это? Нет ответа.

Гуманисты выискались — с социал-дарвинистскими замашками. "Мамонт бродит по Европе, мамонт *дарвинизма!*" — вот так звучит более-менее правильно.

10. Юрий Михайлович Багров, капитан войск МЧС

— Кажись, заблудились... — проблеял Калинин, с опаской выглядывая в десантный отсек.

Этого ещё не хватало. Багров, охая, приподнялся на локтях над лежанкой. Во рту пересохло, голос окреп со второй попытки заговорить:

— Калинин... кхм, Калинин, отвечай, куда мы заехали?

— Бог его знает, куда, мой капитан... — лепетал водитель. — Кругом деревья, дальше дороги нет...

Можно подумать, раньше мы ехали по дороге. Но деревья — да, их БТРом легко не объедешь. Придётся сдавать назад.

— Что за деревья?

— Ёлки в основном...

Ну да, а должны-то быть уже берёзы. Точно, совсем запутались! Так старательно сбивали с толку близнецов Бегичей, что сбились и сами. Всё один к одному: ранение Бегича, своё, теперь потеря ориентиров...

— Вернуться-то сможешь? — спросил Багров по возможности мягко. Иначе Калинин уж совсем перепугается и не сможет больше ничего.

— Ну, это да... — с сомнением проговорил водитель, но приободрился. — Ага, конечно! По нашим же следам... — тут Калинин снова замялся и виновато заключил:

— Только надо, чтобы кто-то с брони смотрел назад и руководил. Тут ведь не развернуться! И...

— Что-то ещё, Калинин?

— Да, мой капитан. Позвольте спросить, мы теперь возвращаемся к самому Брянску, я правильно понял?

У Горана Бегича от калининского предположения совсем лицо перекошило. Ну ещё бы: словенец уже свыкся с радостной перспективой лечения брата в Евролабе, а тут постепенно выясняется — не судьба.

— Ты ошибся! — твёрдо сказал водителю Багров. — Пока что едем — к месту нападения свиньи, а там заново сориентируемся.

Конечно, жаль потерянного времени, но не менять же командирского решения только из-за неудачной первой попытки выполнить.

— Будет исполнено, мой капитан! — поклонился Калинин.

У Горана легко читалось по лицу, как сильно у него отлегло от сердца. Он даже едва слышно прошептал Багрову:

— Спасибо!

Да, вот ещё один повод для благодарности словенца. Интересно, надолго ли её хватит, если вдруг понадобится. Но — не суть важно.

Кого же теперь отправить на броню корректировать ход машины? Мамедова, что ли? Нет, русские леса для горца чужды — потеряется. Хрусталёва? Гаевского? Но за ними самими как раз стоит приглядывать, не то под шумок наклюкаются — и куда мы тогда заедем? Эх, была не была!

Капитан Багров сцепил зубы и сел на лежанке. Приказал:

— Хрусталёв, Гаевский — поднять меня на броню! Только бережно.

— Стоит ли, мой капитан? — поднял брови Погодин.

Рядовые с сомнением поглядели на капитанскую ногу, но приказ обсуждать не стали — и на том спасибо. По пути на броню Багров пережил несколько болезненных мгновений, зато смог оглядеться снаружи, взять на себя утраченный было контроль.

Итак, что мы имеем? Неизвестный еловый лес, куда Калинин заехал, пытаюсь срезать путь. Нужная дорога — относительно той, где случился инцидент со свиньёй — проходит гораздо восточнее. Казалось бы, езжай себе восточнее, и горя не знай. Но — вот она, главная сложность: дороги здесь не ровные, изламываются почём зря.

Калинин, видать, повёл БТР на восток от свиного тела, только нужный изгиб дороги взял да проморгал. Или он сразу, как дурак, на юг ломанулся? Угу, проясним. Но пока что сдадим назад засевшим промеж елей БТРом.

— Хрусталёв, метнись — передай Калинин: "Помалу назад!"

— Слушаюсь! — солдат растворился перед горячечным капитанским взглядом. Обязать его, что ли, двигаться медленнее? Хотя не важно.

БТР, приминая густые еловые ветви, двинулся назад. Чтобы успешно рвануть вперёд, иногда приходится хорошенько попятиться. Истина не нова. Жаль, Калинин сюда ехал так долго. Не решался, стервец, признаться, что давно потерял ориентиры.

Потом Гаевский с Хрусталёвым замелькали точно спицы в колесе, курсируя между Багровым на броне и Калининым в кабине. Если капитан к очередному возвращению кого-то из них успевал задремать, они его деликатно будили — такой уж приказ они получили заранее. Просыпаясь, Багров продираал воспалённые глаза, всматривался в узкую колею между незнакомых ёлок и давал Калинин у новое указание:

— Теперь задний ход и чуть левее... Далее прямо. И снова назад и направо — градусов на сорок пять...

Не прошло и часу, как БТР выбрался на поляну, где смог развернуться. Ехать передом — ясное дело, куда сподручнее. Но Багров так и не позволил себе мирный сон на складной медицинской лежанке посреди десантного отсека. Доверишь кому то другому без того проваленное дело — и пиши пропало: полковник Снегов твоего БТРа не дожждётся, Зоран Бегич не встретится заживо с Евролабом, да и тебе самому потеря времени не позволит спокойно вернуться в Брянск.

11. Горан Бегич, этнокартограф

Русские специально путали словенских картографов, да сами и запутались. Должно, нечасто им случалось двигаться по объездным дорогам. Катались по тому главному пути, вдоль которого у мьютхантеров — специальные засады да блок-посты. Ради них, собственно, братья Бегичи на броне и сидели — сутки напролёт до роковой встречи со свиньёй-мутантом.

Дальнейший участок пути Горан провёл внутри БТРа, рядом с братом. Конечно, трудновато совсем забыть о пане Щепаньски (обязательно ведь спросит, а где собранные разведданные?). Но профессор — легко догадаться — не удовлетворится всё равно, а брат-близнец у Горана только один.

— Зоран, ты очнулся? Слышишь меня? — нет, показалось.

С тем, что секретных мьютхантерских объектов — которые изначально планировалось потихоньку разведать, да нанести на карты — им не видать, Бегичи уже и смирились. Но представлял бы интерес и тот свободный от постоянного контроля мьютхантеров путь в зону расселения мутантов, которым их провезли. Даже с учётом постоянного кружения и смены дорог с участками полного бездорожья.

Не случись несчастья, Горан до конца сидел бы на броне и вертел головой, запоминая приметы. И всё равно ничего бы не добился: раз уж по этому пути русский БТР заехал в тупик, то и европейским бронемашинам сюда соваться не след.

Конечно, рано или поздно капитан Багров заставит своего тупицу водителя выбраться на верную дорогу, но всякая привязка к местности Гораном уже давно и полностью потеряна. Потому он теперь и может сидеть у изголовья Зорана — и ни о чём второстепенном не переживать. Зоран-Зоран, как же тебя спасти?

Последнюю фразу в поисках поддержки Горан повторил вслух.

— Известно, как, — ответил на его слова добрый врач Погодин, — сильные антибиотики и переливание крови в продвинутых установках Евролаба. Если, конечно, мутанты всю эту сложную машинерию не раздолбали каменными топорами.

— А могли раздолбать? — не на шутку встревожился Горан.

— Да не переживайте, рано ещё! Хотя всё бывает, могло стать и такое.

Да, врач Погодин мудр, он думает наперёд. Он обязательно бы исцелил Зорана, если бы имел хоть малейшую возможность. К сожалению, не всё в его силах. Все надежды сейчас — на капитана Багрова. Только он выведет свой БТР из полного тупика.

Несчастный брат, прибинтованный к сидению, застонал в беспомощности и выгнулся мучительной дугой. Нездоровая краснота лица сгустилась, веки ввалились, заострился нос. Пятно от гноистой жижи, просочившейся из-под повязки на простыню видимо разрослось.

— Не тревожься, Зоран! — зашептал невредимый брат. — Капитан обещал всё решить, у него получится... Ведь правда, капитан найдёт верную дорогу? — Горан обернулся за поддержкой к Погодину.

— Правда, правда, — авторитетно закивал тот.

Отлегло ли у Горана от сердца? Знать бы это ему самому!.. Нет, конечно же отлегло: ведь его успокаивал мудрый доктор Погодин.

А храбрый капитан Багров только ради спасения близнецов Бегичей смело кинулся на свинью с одним лишь факелом — в тот самый момент, когда все растерялись. Человек, совершивший такое, уж наверняка сумеет довести спасение Зорана до успешного финала. Это ясно и так, можно и у Погодина не спрашивать. С другой стороны, почему бы и не спросить? От вопроса вреда не будет.

— Тут и думать нечего, — хмыкнул Погодин, — Юрий Михайлович — русский офицер из войск МЧС. А все офицеры МЧС хорошо ориентируются в пространстве.

Юрий Михайлович? Да, отважного капитана Багрова зовут Юрий Михайлович. Горан похоже, впервые слышит его имя и отчество, но в них — хороший знак. Юрий — это всё равно как Георгий. Значит, его назвали в честь Георгия-победоносца. И не случайно же его так назвали!

— Да, вы правы, — важно кивает Погодин, — молиться вам надо на нашего капитана. Вот глядите, Горан: в эту самую минуту наш Юрий Михайлович ищет верную дорогу, по которой мы доставим вашего братца к спасительной технике Евролаба. А ведь сам капитан — ранен! Ему тоже требуется помощь. Вы заметили?

— Да-да, конечно!

— И вот, вместо того, чтобы ехать знакомой дорогой назад в замок Брянск, наш капитан ищет сложный путь, который приведёт вашего брата к спасению. Только вашего брата, улавливаете? Самому же капитану за лечением придётся ехать таки в Брянск, и доедет ли он туда — тоже вопрос. Вот оно как бывает!

И в самом деле... Как-то несправедливо получится. Совершенно несправедливо!

— Но почему бы и Юрию Михайловичу тоже не подлечиться в хорошей лаборатории; зачем ему, раненому — ехать до Брянска?

— Во-от! — Погодин поднял указательный палец к низковатому потолку десантного отсека. — И я говорю то же самое: нет в мире справедливости. Одни заваривают кашу и лечатся в лучших условиях, другие — рискуют не успеть добраться до условий похуже. Радуйтесь, Горан! Радуйтесь, что это капитан Багров заботится о вашем брате. А не, скажем, наоборот.

Последние слова врача Горану Бегичу вдруг совсем не понравились. Настолько, что даже рана любимого брата показалась недостоверным фактом. Нет, что это за русская пропаганда — про "нет в мире справедливости"? У Горана даже кулаки засвербели. К

вашему сведению, это у вас в России со справедливостью проблемы, а у нас в мире — справедливость уже давно воцарилась. Не надо путать нас и вас, господин Погодин, наш мир гуманнее и круче. Это так же верно, как то...

Как то, что...

Что капитана Багрова таки вылечат в Евролабе!

— Хвастаете, — безразлично вздохнул Погодин. Оказывается, идею о лечении капитана на европейском оборудовании Горан сболтнул вслух. Может, и зря сболтнул, но не отступить же:

— Я хвастаю? Да ничуть! Спорим?

Хотя поспорить легко, а вот выиграть... Учитывая, что не Горану, а самому начальнику экспедиции предстоит решать, брать ли с собой в мутантские земли раненого русского капитана. К тому же профессор Щепаньски русских капитанов ой как не любит. Да и полковник Снегов со своей стороны скорее всего воспротивится... Ну, воспротивится — так и будет. Наше дело предложить!

12. Юрий Михайлович Багров, капитан войск МЧС

То жар, то озноб. То дремота, то явь. По лесу осторожно движется БТР, с остановками — специально, чтобы капитан Багров мог осмотреться, принять решение. Он принимает решения, это факт; успевает ли он перед тем осмотреться? Лес будто бы незнакомый, но сориентироваться по деталям мешает розоватая пелена перед глазами. И мелькание подчинённых: Гаевский — Хрусталёв — Гаевский — Хрусталёв — Погодин...

Погодин? А он что здесь делает? Ага, принёс на броню одеяла, какие потеплее. Да нет, гляди ж ты — уносит обратно! С какой, однако, стати — разве отдан такой приказ?.. Что он сказал в ответ? Опасается перегрева — какого такого перегрева? Подозрительные дела.

Снова замелькали: Хрусталёв — Гаевский — Хрусталёв... Ну, эти хоть кружку воды тебе подадут. Вода холодная, почти ледяная, даже зубы сводит, но всё же Багрову кажется: мороза в ней недостаточно.

И снова Погодин. Он сам-то знает, как сильно от него несёт медицинским спиртом? Ну ладно-ладно, Погодин добрый: поделился спиртом с командиром, протёр ему лоб ватным тампоном. И снова протёр. Неужели лоб так сильно запачкался?

А с чем это шприц? Нет, за шприц мы не договаривались.

— Погодин, что ты мне колешь?

— Антибиотик.

— Кто тебе приказал колоть мне антибиотик?

— Мой капитан, у вас температура хорошо за сорок! — объясняет башенный стрелок свои действия.

За сорок? Он что, её измерял, что ли?

— Да, мой капитан! — это успели материализоваться Гаевский с Хрусталёвым и (вот затейники!) затараторили хором. — Градусник показывал сорок один и четыре, но мы уже сбили почти до сорока...

— Вы успели поставить мне градусник?

— Да, пока вы спали.

— Я спал? — оглядевшись, капитан обнаружил, что БТР уже стоит на дороге, а поодаль на обочине валяется труп свиньи-мутанта, давеча изрешечённый из автомата Мамедовым.

То-то показалось: знакомое место! — Значит, спал. И долго? Гаевский, что вам с Хрусталёвым было сказано делать?

— Мы не могли добудиться, мой капитан.

Выходит, моменты дремоты между промельками яви были не так уж и скоротечны. Подлецы-солдаты не особенно торопились.

— Не удивляйтесь, мой капитан, — вступился за Гаевского Погодин, — при такой температуре — обычное дело. И пушка не разбудит.

— Так вы стояли и ждали, когда я проснусь?

— Нет, мы ехали. Пока не добрались до этой точки пути.

Ага. До жирной точки. Можно сказать, кляксы. Здесь, где нападение свиньи смешало все планы, а водитель Калинин с перепугу перепутал направление, капитану надо умудриться выбрать другое направление, правильное.

Так. Ладно:

— Калинина сюда!

Гаевский спешит за водителем, а Багров уже думает, что ему сказать. Сначала... Сначала надо его спросить, куда он отсюда ехал и почему именно туда. Потом определить, в чём вышла ошибка. Далее — скорректировать направление. Только бы — правильно скорректировать.

Калинин щурится и трёт виски короткими пальцами. Он и сам едва не падает от усталости. Всё-таки водительская работа сутки напролёт без сменщика. Объясняет:

— Да я знал, куда ехать. Просто там долго, крюк получается, а у нас раненые. Вы сказали срезать, я и срезал. Думал, получится, а там, оказалось, эх... — ну самая чаща.

Водитель мямлит, изворачивается — и расплывается перед глазами радужными кругами. Усилием воли Багров снова собирает из этих кругов перепуганного Калинина, тычет в его плохо зафиксированный образ онемевшим пальцем и выпытывает:

— Так как ты теперь отсюда поедешь?

— Известно как, по дороге. А доеду до Мамилова ручья — поверну. Там лес редкий — по нему выберемся на Третий тракт. Ну, а уже оттуда...

— Оттуда уже и мне ясно, — прерывает его Багров и позволяет калининскому лицу расплыться до состояния разреженного облака. — Всё верно. Действуй.

Облако с облегчением уплывает. Зато другое облако — побольше, источающее запах медицинского спирта — укутывает капитана поплотнее в прохладные одеяла и зовёт спуститься через громовой люк внутрь твёрдого железного облака, на котором он всё это время сидел.

Облака вокруг быстро темнеют. Может, уже наступает вечер, но скорее — происходит перерождение лёгкой облачности во фронт грозовых туч, затягивающий небо над головой и землю под ногами. А из самой большой и тёмной тучи единственная молния навязчиво бьёт всё время в одну и ту же ногу.

1. Кшиштоф Щепаньски, начальник экспедиции

Без искренне преданных делу энтузиастов нечего и соваться в этнографические экспедиции вроде нынешней, тем более — предлагать мутантам дружбу и содействие. А всё же, панове, важно помнить: мутанты для нас, а не мы для мутантов. Хотя самим мутантам этой подробности знать и не обязательно.

Братислав, Карел и Вацлав рассказали, как ходили поклониться следам мамонта — здесь неподалёку, между поваленных берёз. Пана Кшиштофа они частью позабавили, даже порадовали, но и — самую малость встревожили. Всё-таки господа антропологи не должны бы настолько удаляться от реальности, чтобы поклоняться одному из животных. Пусть даже реликтовых, воскрешённых мутацией.

Антропологи неисправимы. То они атеисты до мозга костей и всякие (даже правильные) религиозные идеи с порога отвергают, то ударяются в самые грубые гротескные суеверия. Их идолопоклонничество местами очень полезно, но может и вылезти боком. Пан Щепаньски единственно терялся в догадках, каким именно боком. Но скорее левым.

Пока же профессору вылезала боком его собственная несдержанность. И что на него нашло, когда ради красного словца он выдал полковнику Снегову сведения, почерпнуть которые мог только из телефонного разговора. А мобильные телефоны в России давно уже вне закона. Ещё с последней войны, когда мобильная связь применялась отважными предателями федерации для корректировки огня противника.

Полковник изящно закрыл тему с ранеными, да ещё отчитал начальника экспедиции за нарушение федеральных законов. А всего-то и стоило: подождать, когда эти раненые на самом деле придут. Правда, молча ждать, когда энергии так и рвутся наружу — тоже не лучшая тактика. Того и гляди, впустую перегоришь. И с приездом раненых устроишь полковнику лёгкий ветерок вместо полноценной бури.

Кстати, вот и они. Наконец-то. Издалека послышался гул дизельного мотора. Отставший БТР показался из-за плотно посаженных стволов хвойных берёз и вырулил к лагерю. С брони спрыгнул солдат и тут же кинулся докладывать полковнику Снегову — тот намедни надолго уходил вглубь леса, но тут как раз случился поблизости. И капитаны его тут же — оба оставшихся. Также подошли впервые разузнать о событиях, доложенных пану Кшиштофу почти что сутки назад.

Прочие солдаты с третьего БТРа засуетились, что-то (или кого-то) выгружая. Ага. А вот и раненые. Одного вынесли в позе сидя, другого в позе лёжа. В остальном — два равно бессознательных тела. Может, уже и бездыханных — даже издали скверно выглядят.

Интересно, а где Горан Бегич? Что-то он не торопится с докладом к своему начальнику. Ах да — вон он вместе с солдатами суетится у тела своего брата. Что ж, раз идёт такая суета, значит, раненые ещё живы.

Живы, но в опасности: могут в любой момент помереть.

Ну наконец-то придурковатый Горан оторвался от своего полудохлого близнеца и запоздало побежал к начальнику.

— Профессор! — выдохнул он. — Прошу вас... Необходимо как можно скорее выступить!

— Я правильно понимаю, — холодно отозвался пан Щепаньски, с прищуром оглядывая нелепую фигуру забывшегося картографа, — что вы сейчас пытаетесь отдать мне приказ?

2. Горан Бегич, этнокартограф

Обжигающий холод в глазах профессора Щепаньски — вполне знаком и ожидаем. Горану бывало не по себе от такого взгляда, и когда-нибудь прежнее ощущение вернётся, но не сейчас, когда ему слишком жутко от другой напасти — той, что приключилась с беднягой Зораном.

— Прошу меня простить, пан профессор, — склонил голову Горан (автоматически, без чувства вины и подобострастия), — события с моим братом слишком сильно меня задевают. Зоран находится на грани жизни и смерти, он сейчас весь горит и нуждается...

— Горит?

— Речь о высокой температуре, пан профессор, — подошёл малозаметный Горислав Чечич, — извините, что помешал, здравствуйте.

— Здравствуйте, пан Горислав, не трудитесь объяснять то, что вполне по силам самому Горану, — прошипел пан Щепаньски, — и оставьте нас наедине, будьте любезны.

— Извините, — тихий македонец ретировался за ближнюю палатку.

А начальник экспедиции принялся допытываться, как обстоят дела с разведывательным заданием. Ну ещё бы ему не вспомнить.

— Плохо обстоят дела, — признался Горан, — задание оказалось невыполнимым. По пути нам не встретилось ничего, что могло бы явно свидетельствовать о пребывании мьютхантеров. Потому и на карту наносить как бы нечего...

— Вот как? — профессор выдал презрительную усмешку. — А вот Карел Мантл выявил большую наблюдательность. По его словам, в районе моста через реку Селезень — у мьютхантеров какие-то укрепления. Вы и их не заметили?

— Мы не переезжали через реку Селезень, — вздохнул Горан. — Только через Мамилов ручей — и то под конец пути. А реки не было. Видимо, нас везли по другим дорогам. И более чем кружным путём.

— Что ж вы позволили водить себя за нос? — процедил пан Кшиштоф с язвительной жалостью.

— У нас не было рычагов влияния на ситуацию, — пожал плечами Горан, — водитель бронетранспортёра подчинялся не нам.

— Я вижу, ситуацию полностью контролировали русские, — с этим обвинительным тоном пану Щепаньски к русским бы и обратиться, — я вижу, вы с братом стали пешками в их игре! И мне даже удивительно, — в голосе пана зазвенела свежая ненависть, — как они не заставили глупо погибнуть вас обоих. "Подложить свинью" — кажется, так выражаются эти русские?

— Да, у них есть такое выражение, — подтвердил Горан, — однако...

— Однако, русские подложили свинью и самим себе? — злобно осклабился профессор. — Не уберегли своего капитана? Да, меня это утешает. Вот только боюсь, не

ваша с Зораном в том заслуга.

Нелегко разговаривать с человеком, который уверен, что всё заранее понял. Пана Кшиштофа так и распирало самодовольство от полноты информированности, которую — между прочим — сам Горан и обеспечил, когда украдкой звонил Грдличке и надиктовывал монологи о случившемся, не слыша ничего в ответ (из-за сломанной гарнитуры).

А вот теперь профессор Щепаньски готов слышать одного себя. И Горану, как обычно, трудно ему возражать. Но возразить нужно:

— Простите, пан профессор, всё было не совсем так...

Щепаньски от неожиданности замолчал, причём впился в переносицу Горана не сулящим ничего доброго взглядом. Мол, говори, если смелый.

— То есть, разведку нам они затруднили, это так, — немного сдал назад Бегич, — но со свиньёй вышла чистая случайность...

— Чистых случайностей не бывает, пора бы вам знать, — перебил пан Кшиштоф и снова замолчал.

— Свинью не "подкладывали"! — твёрдо сказал Горан. — Напротив, капитан Багров получил своё ранение, пытаясь спасти Зорана. Если бы не капитан, моего брата бы уже не стало. Для меня это очень важно, извините.

— А для меня важно выполнение вами обязанностей, — жёстко выплюнул профессор Щепаньски.

— Если я вам и правда ещё нужен, — с болью произнёс Горан, — то моего брата необходимо спасти. Чечич говорил, где-то в мутантском ареале действует операционная "Евролэб". Нам необходимо туда вовремя добраться. Счёт времени идёт на часы и минуты. Прошу вас, прикажите собирать палатки.

Не всё, но хоть что-то в словах Бегича профессору понравилось. Польстил глагол "прикажете". Он подтвердил щепетильному пану его власть определять, когда именно собирать палатки.

— Добже, — пробормотал пан Кшиштоф и вскричал. — Эй, пан Йозеф! Позови-ка к мне Соплю и этого, как его — пана Чечича. — и доверительным тоном объяснил Горану Бегичу. — Пусть они вместе определяют, где находится эта самая операционная и как туда побыстрее добраться.

3. Веселин Панайотов, этнограф

Вокруг раненых шла суета. Солдаты, что прибыли с ними, с лихорадочной быстротой устроили их на кариматах с густыми бурыми пятнами: капитана уложили, а учёного поддерживали в позе сидя с нелепо запрокинутой головой. Свой импульс к движению они передали и тем военным, что более суток расслабленно простояли лагерем в берёзовой роще.

— Так чего ждём? — забеспокоился Рябинович. — Я так понял, скорей собираем палатки?

— погоди! Будет приказ — сразу соберём, — одёрнул его Шутов.

— Так трёхсотые же — вон какие тяжёлые! Их еле досюда довели.

— А ты подготовься, — посоветовал Седых, — чтобы побыстрее собраться, как дадут приказ. Чтобы как только, так сразу.

Вроде и разумный совет, а всё же мимо: жутковатое ощущение неоправданной фатальной заминки так и повисло над группой солдат. Его прочувствовал не только Веселин

Панайотов, но и кое-кто из его коллег.

— Словно тень от гигантской гильотины пала на циферблат солнечных часов, — молвил вполголоса Карел Мантл, большой эстет и любитель неоправданно сложных поэтических метафор.

Ничего себе комментарий! По ком плачет гильотина, это ещё вопрос, чуть не вырвалось у Веселина, но — сдержался. Ни к чему пустые перепалки, тем более — Мантл явно не хотел сказать дурного. Просто он странненький.

А пауза длилась. Раненые в полной отключке ждали решения своей участи, которая зависела от доброй воли и согласия двух начальников. К одному из них побежал отчитываться невредимый словенец Бегич, к другому — ефрейтор Погодин, доселе известный как башенный стрелок БТРа, но непостижимым образом преображённый в главного по медицине (ну да русским не в новинку такие внезапные трансформации).

Пока непостижимый Погодин в сторонке держал ответ перед полковником Снеговым и двумя капитанами, а невредимый Бегич в другой сторонке — перед профессором Щепаньски, солдаты из БТРов более раннего прибытия тоже, как могли, разживались информацией.

Нефёдовские — выпытывали у Мамедова с Хрусталёвым подробности боя со свиньёй и последующих блужданий БТРа, но слушали невнимательно. Ведь то — о прошлом, а что-то делать надо прямо сейчас. Сергеевские — те в волнении толпились у двоих несчастных, убеждались, насколько они "плохи" и терялись в предположениях, куда их нести дальше.

Одни говорили — скорее в палатки, другие — скорее собирать палатки и добираться до мутантских деревень. Все сходились на том, что важно "поскорее", но направление этому скорому движению должны задать приказания начальства. То есть — полковника Снегова при участии профессора Щепаньски.

Рядом, поближе к палатке учёных, стояла и троица чешских антропологов — все, кроме Йозефа Грдлички. Эти подробностей происшествия ни у кого признавать не стали, но тоже над чем-то ломали голову — верно, гадали о том, что решит профессор Щепаньски при скромном участии полковника Снегова.

Всё-таки, полномочия между полковником и профессором распределены нечётко, не для всех возможных случаев. Сейчас, когда один раненый — из военных, а другой — из учёных, кому распорядиться их судьбами накануне похода в мутантские земли, которые Россия признаёт своими, но де-факто не контролирует?

В таких случаях начальникам следует договариваться между собой, но договорятся ли? Склонность пана профессора занимать крайнюю позицию всем известна. Жаль, если люди из-за неё пострадают.

Веселин потыкался среди слабо информированных о будущем солдат и учёных — и решил, если не прогонят, подойти послушать, о чём же таком сейчас рассказывают полковнику и двум капитанам. Снегов его присутствие заметил ещё издали, но не воспротивился. Даже капитанам Сергееву и Нефёдову подал знак не беспокоиться. Верно, больших секретов вслух не звучало. Хотя...

— Да оба при издыхании, — мрачно сообщил башенный стрелок Погодин, временно преобразившийся во врача. — Температура за сорок. Того и гляди — сгорят, как свечи. Жаропонижающим я их кормил, но это не выход, вы понимаете.

— Так что, капитана до Брянска уже не довезём?

— Очень сомневаюсь. В его состоянии единственная надежда на ту операционную,

которая где-то здесь, у мутантов.

— То есть, — полковник нахмурился, — надежды нет?

— Горан Бегич обещал поговорить со Щепаньски. Может, что и получится... — но в голосе Погодина звенело сомнение.

Да уж, подумал и Веселин, некоторые обещания даются опрометчиво. Те, которые предполагают надежду повлиять на пана Кшиштофа — так уж точно. Горану Бегичу угодно обманываться, если он в самом деле думает, что сможет сориентировать Щепаньски на милость к русскому капитану.

— Я вижу, сомневается даже наш болгарский товарищ, — заметил полковник Снегов и повернулся к Панайотову, внимательно глядя ему в глаза. Тем самым он как бы легализовал присутствие Веселина и пригласил его к беседе.

— Да, — признался Веселин, — профессор подсказок не любит.

— Ясно как день, — быстро заговорил Погодин, — что в операционную скорее всего отправится один Зоран, а Багров — зря он на свиной клык напоролся. Но всё же... хоть чисто теоретически, а стоит прикинуть: вдруг Щепаньски возьмёт и согласится с Гораном. Согласны ли вы, мой полковник, вот в чём вопрос?

— Хороший вопрос, Погодин, — похвалил Снегов. — Сразу и не ответишь. Именно потому пройдоха профессор и может его задать.

Разговор у полковника закончился как бы ничем. Снегов задумался — вот и весь итог. Насколько Веселин представлял стиль его руководящих действий, важной чертой там проходил отказ от поспешных решений. И даже теперь, когда времени на спасение раненых в обрез, полковник терпеливо ждёт первого хода от своего оппонента. Но вдруг и профессор упрётся?

После того, как совещание у полковника завершилось, а приказа от него не последовало, напряжение в лагере достигло пика. Смолкли почти все разговоры, в тишине Веселин слышал, как на осеннем ветру поскрипывают тяжёлые ветви вечнозелёных берёз.

Обстановку отчасти разрядил капитан Сергеев. Он что-то коротко скомандовал Елохину и Егорову, те поспешили к главному — снеговскому — БТРу и приволокли оттуда суперсовременные носилки-трансформеры (Веселин и не думал, что у русских такие есть). На одни носилки переложили капитана Багрова, на другие пересадили Зорана Бегича.

— Так они выглядят гораздо лучше! — с искренним удовлетворением в голосе отметил антрополог Карел Мантл, известный не только бесчеловечным эстетством, но ещё и слепой верой в научно-технический прогресс. Впрочем, что верно, то верно: на таких носилках раненым удобнее, да и больше шансов доставить их живыми — что на машине, что при ручной переноске.

— Хорошо выглядят, особенно сидящий, — произнёс рядом ещё один голос и Веселин, обернувшись, пересёкся взглядом с мутантом Соплём. И невольно содрогнулся, ибо представил, что за смыслы стоят за этим безликим словом "хорошо". Ведь самых безнадёжных раненых мутанты...

— Да, похоже, он имел в виду — "аппетитно", — подтвердил подозрения Веселина и профессор Милорадович, который только что подошёл, но сразу оказался "в теме".

— Бездоказательное предположение! — хмыкнул Братислав Хомак. — Отчего вы решаете за Соплю, что именно он имел в виду?

— Вы могли заметить, коллега, — усмехнулся Милорадович, — что расспросить Соплю о чём-либо — задача, решаемая лишь в присутствии профессора Щепаньски. Приходится

ориентироваться на внешние признаки.

— На какие же?

— Обратите внимание, как по-разному этот Сопля глядит на каждого из раненых. В капитане Багрове, несмотря на рану ноги, он ещё готов признать человека. Но рана живота — другое дело, не так ли?

— Неубедительно! — как отрезал Хомак.

А Веселина — убедило. То, как Сопля смотрел на Зорана Бегича... Это трудно описать, но люди так обычно смотрят на изысканную пищу. Выражал ли мутантский взгляд именно аппетит? Пожалуй, что и нет. Но признание Зорана съедобным — да, выражал.

Стало быть, таки убедительно, пусть и не для всех. Люди и людоедство... Первые до последнего надеются, что второе может существовать где-то далеко и отдельно от них. И всё же людоеды едят не кроликов.

Невольно вспомнилась лекция профессора Атанасова о каннибализме в мутантской культуре Чернобыльщины. Тот объявил, что слухи о людоедских практиках — сильно преувеличены. Но мог ли кабинетный учёный Атанасов сравнить слухи с реальным положением дел, выясненным на личном опыте? А двое его ассистентов — те могли бы, но пропали без вести в этнографической экспедиции. По малодостоверным слухам, обоих съели.

4. Горан Бегич, этнокартограф

Чечича разыскали быстро — застенчивый македонец стоял сразу за ближней палаткой и словно бы ожидал, когда позовут. А вот мутанта Йозеф Грдличка высматривал по всему лагерю и ближним окрестностям — и еле нашёл. Оказывается, тот стоял в гуще зевак и пялился на раненых.

Известие, что мутант Сопля специально подходил поглазеть на Зорана, брату Горану почему-то совсем не понравилось. Хотя, казалось бы, что в том особенного? Не каждый день отважные герои сходятся в единоборстве со свиньями-мутантами, потому их опыт во всех смыслах поучителен.

Может, Сопля в тайне болел за свинью, а проницательному Горану о том шепнула верная интуиция? Жаль, интуиция не точный инструмент — теряйся теперь в догадках. А возможно и такое, что Сопля людям просто завидует, понимает ущербность своей расы, потому неудачам людей исподтишка радуется. Вот урод! Да, бывает и это — если не что похуже.

Горислав Чечич сжато изложил свои сведения о "Евролэбе". Молодец, не вдавался в излишние подробности — помнил о Зоране, что после суточных блужданий прибыл на заветную поляну и ждёт скорейшего спасения.

— Ну что, друг Сопля, — обратился пан Щепаньски к мутанту, — известно ли тебе, о чём толкует пан Горислав?

Сопля согласно кивнул:

— Да, есть такая операционная. Это в Березани — сразу через болото. Только как же Сопля вас туда поведёт: с него Пердун голову сни-имет! — мутант заголосил неожиданно высоким визгливым голосом. Упомянув о Пердуне, Сопля так и вжимал голову в плечи, словно уже заранее готовился с нею расстаться. Комично выглядела на совете у профессора эта красномордая образина. Горан бы вволю посмеялся над её ужимками, кабы было ему

сейчас до смеха.

— А отчего же ему снимать с тебя голову, друг Сопля? — удивился пан.

— Так ведь это Пердун держит Березань. И у него строго!

— С паном Пердуном поговорю я сам, — со значительным видом бросил Щепаньски, — думаю, я сумею его убедить.

— Вы-то сумеете, пан Кшиштоф, — вздохнул Сопля и скрючился ещё горше, — а голову Сопле он отнимет всё равно. Он их засушивает, головы-то. А мозги съедает: ума набирается.

— Верно, друг Сопля, этот Пердун у вас там теперь самый умный? — улыбаясь, поинтересовался пан.

— Нет, раз на то пошло, Прыщ — тот умнее. Жрёт, как не в себя. А самая умная конечно — это Дыра.

— Дыра? — оживлённо воскликнул пан Щепаньски. — Вот так славная новость! Дыра теперь у вас в ареале? Или это другая Дыра?

— Нет, та самая, из Чернобыльщины. Она нынче самая умная и главная. В самой Столичной Елани.

— Надо же! И давно?

— Да с полгода.

— Ого! Вот не думал... Обязательно зайду, поздравлю! — профессорские глаза так и заблестели. Он и не притворился — а правда очень обрадовался. Видать, коротко знал упомянутую Дыру.

Настроение поляка заметно исправилось, что Горана не могло не радовать. А всё же, когда беседа профессора с мутантом ушла от помощи Зорану к совершенно другому предмету, выдержать и не перебить шефа стало особенно трудно. Ведь брат — совсем плох, его еле сюда довели...

— Но что ж ты, друг Сопля, до сих пор о Дыре молчал?

— Это всё она — не велела говорить. Только мне теперь всё едино: если Пердун съест, то и Дыра не съест, — последовал горестный вздох.

— Логично! — похвалил пан.

Горан Бегич смотрел на его счастливое лицо, пытался унять нетерпение и при том лихорадочно вспоминал: кажется, о чём-то важном он до сих пор забыл упомянуть. О чём бы это? Ах да, о капитане Багрове и его лечении.

Только как бы эту тему вернуть? Сразу, сейчас, вместе с вопросом о Зоране, или отдельно? Каждая из тактик имеет минусы. Если отдельно, пан Щепаньский просто откажет, и всё. Если сейчас — он, того и гляди, рассердится и перестанет договариваться о лечении Зорана. Кто тогда сможет повлиять на Соплю и его соплеменников?

Хорошо бы, если бы спасение Багрова произошло само собой. Впрочем, "само собой" — значит, усилиями других людей. А какие другие люди заинтересованы приложить усилия? Только русские, которых пан Кшиштоф заведомо не любит.

— Итак, решено, — говорил меж тем профессор, — ты, Сопля, ведёшь нас не сразу в Елань, а сначала в Березань. Это ведь по дороге?

— Крюк получится...

— Значит, почти по дороге. В Березани нам только и надо, что операционная (Пердун может не беспокоиться). Там мы оставляем на лечение Зорана Бегича, а сами уходим на Столичную Елань. Логика ясна?

Сопля не производил впечатления существа, которому бывает ясна логика. Однако же

— закивал. Только вслед за тем вскрикнул:

— Пан Кшиштоф! А вы скажите Дыре, чтобы Пердун Соплю не ел, хорошо? Он послушает, он её боится.

— Хорошо, друг Сопля. Главное, не волнуйся.

Итак, главные вопросы с мутантской стороны пан Щепаньски решил. Теперь он выйдет к своим подчинённым из этнографической экспедиции, велит им поскорее собирать вещи, а далее... Далее ему останется только проститься с русскими военными — по-хорошему, или как там у него получится. Ах, да — и договориться со Снеговым о точном времени и месте встречи для обратного пути к замку Брянск. Если Горан так и не заговорит о спасении Багрова, то для русских это будет единственный момент, когда ещё не поздно повлиять на судьбу капитана.

Но что за варианты ходов в запасе у русских? Негусто с самого начала. Распрощаться с пассажирами, обиженно укатить на БТРах в Брянск? Но капитан Багров умрёт по дороге. Ультимативно потребовать от пана Щепаньски, чтобы капитана захватили к операционной? Но тут уж профессор костыми ляжет, чтобы только насолить. По-человечески попросить? Но пан Щепаньски, как почует слабину, станет до посинения торговаться. И много чего выторгует, пока злосчастный капитан опять-таки не умрёт — на сей раз посреди торга.

Разумеется, наотрез отказать в медицинской помощи русскому офицеру — поступок из тех, что без ответа не остаются. И благоразумнее пану Кшиштофу русских военных зря не дразнить — они всё ещё нужны, коли планируется возвращение экспедиции из Дебрянского ареала обратно. Кстати, через позиции мьютхантеров — а те только русских и пропускают. С другой стороны, благоразумие и пан Кшиштоф редко ходят рядом. А раз так, без усилий Горана дело не обойдётся.

Нет, не обойдётся. Увы.

Значит, пора. Горан Бегич кашлянул. Профессор не обратил на него ни малейшего внимания, и пришлось начинать речь в безразличной пустоте, словно для себя самого:

— Есть ещё одно. Русский капитан, который спас Зорана, а потом нашёл дорогу и доставил его сюда. Он тоже заслужил спасение.

— Да ну? — хорошо, что пан Кшиштоф хоть как-то отреагировал.

— Воля ваша, профессор, но мне так кажется. Капитан Багров думал о моём брате, вместо того, чтобы спастись самому. Он ведь мог развернуться и просто уехать в Брянск. Там его бы выходили, а Зорана — нет. Я... ни на чём не настаиваю, просто думаю, что спасти этого капитана было бы справедливо, а ещё — разумно и целесообразно.

— Вот как? — только последнее слово пана Щепаньски заинтересовало. — В чём же ты, Горан, усмотрел целесообразность?

— Ну... сегодня мы обязаны этому капитану, а как подлечим его — он нам обязан будет. Он человек разумный, положительный — офицер как-никак. Глядишь — и поработать на нас согласится.

— А идея здоровая! — неожиданно заключил пан профессор.

5. Кшиштоф Щепаньски, начальник экспедиции

— А идея здоровая! — одобрил пан Кшиштоф.

Недоумок Бегич даже просиял. Подумал, вот счастье, профессор принял его великую идею. А идеи-то никакой и не было — такое и при минимуме наблюдательности по лицу

заметно заранее. Просто язык бегичевский что-то в последний момент сболтнул, и оказалось в тему.

Попробовать завербовать одного из снеговских капитанов — да, это задача интересная. И главное, именно Багров среди них — слабое звено. Подфартило с его ранением. За умника Сергеева, либо головореза Нефёдова — и братья бы не стоило. Первый перехитрит вербовщиков, а второй при случае убьёт — профессору ли Щепаньски не знать эти человеческие породы.

А Багров — достаточно прост, бесхитростен, вежлив с иностранцами, да и жизнь в брянском гарнизоне ему — по лицу видно — здорово приелась. Может, потому он всю дорогу играл в вежливость с Бегичами, что ждал: ну когда же они его вербовать начнут? Только туповатые картографы, даром что все штаны на разведкурсах просидели, разве сами такое просекут?

Итак, план намечен. Теперь надо поскорее действовать, пока не отдали концы ни Зоран Бегич, ни предмет будущей вербовки. И сделать — при всех подчинённых — внезапное предложение Снегову. Ему ведь раздумывать тоже некогда, он даже не успеет опомниться, как придётся принимать быстрые решения. А быстротой мысли полковник не блещет, вот и играет на выживание.

У пана Кшиштофа решение не расходится с делом. Позвал с собой для массовки Грдличку, Бегича, Чечича и Соплю, гордо выступил в направлении разбитой на отшибе палатки полковника, надеясь, впрочем, встретить последнего на свежем воздухе (до сей поры Снегов собственной палаткой пользовался нечасто).

Как ни странно, полковник оказался в своей палатке. Выйти навстречу не соизволил, двоим рядовым на входе — велел пропустить одного пана профессора, без аудитории. Ага, боится прилюдного разговора, решил про себя пан Щепаньски, да и не стал долго препираться — с отвагой откинул клапан, вошёл в одиночестве.

Пока привыкал к полумраку "шатра полководца", освещаемого единственным маломощным фонариком, думал уже, что и Снегов сидит совсем один, прячется от публичного позора. Но оказалось — капитаны Сергеев и Нефёдов устроились на каримате напротив. Третий каримат, пустующий, полковник знаком предложил пану профессору. Места для размещения прихваченной паном Кшиштофом свиты в палатке, строго говоря, и не было, разве только вповалку.

— Не буду повторяться, — начал целеустремлённый пан, минуя всяческие приветствия, — ведь о предстоящем рапорте генералу Пиотровскому я вас уже известил, господин бывший полковник.

Губы Снегова тронула лёгкая улыбка. "Вы как раз повторяетесь!" — ответил бы полковник вслух, если бы желал обострения. Но промолчал, а значит, расположен к конструктивному диалогу. На этом можно сыграть.

— Не стану говорить и о том, как скверно вы организовали нашу поездку на бронетехнике, — что ж, повторяться, так в полном объёме!

— И вы правы, — без особого интереса в голосе проговорил Снегов, — незачем о том говорить. Пора переходить к сути.

— Но я не могу молчать, когда ваше бездарное руководство оборачивается ранениями и смертями! — вёл дальше красноречивый пан, запросто игнорируя встречную реплику.

— Смертей пока не было, — заметил полковник, — и если кто-то умрёт на этой стоянке, то не потому ли, что вам, профессор, угодно тянуть время?

— Мне? — пропустить обвинение мимо ушей гордый пан не сумел.

— Напомню вам, профессор, что, по всем предварительным договорённостям, наша ответственность за вашу экспедицию исчерпывается автомобильным её участком. Так или иначе, мы вас до указанного пункта довезли. Пусть и не всех в полном здравии.

— Вот именно, что не всех и не в полном! По вашей вине на вашем участке ответственности — произошли потери, — профессор почувствовал, что кровь его закипает.

Полковник поглядел на него свысока, как на умственно отсталого:

— То есть вы ждёте компенсации за своего раненого, точно за испортившийся в пути товар? И вместо того, чтобы его восстановить, мешкаете, чтобы Зоран испортился окончательно?

Профессор не нашёл чем достойно ответить на такую наглость. На лице, должно быть, удалось выразить полную меру испепеляющего презрения, но облечь такое в слова — тут и площадная брань покажется пресной. Всё, что удалось выдать из себя — жалкое бормотание:

— Вы трусливо ушли от ответа на мои обвинения. И вы прекрасно знаете, что третий броневик ехал по другим дорогам, чем первые два. Потому и заблудился. И наскочил на агрессивное животное.

— Хотите начистоту? Извольте! — полковник неожиданно заговорил по делу. — Агрессивных животных — везде достаточно. Заблудились они — это правда — по причине малознакомой дороги. Но вот вопрос: отчего пришлось для третьего БТРа выбрать особую дорогу?

— Отчего же?

— Оттого, что словенские учёные на броню пытались вести незаконную разведку. Не стоит сейчас отрицать, — Снегов предостерегающе взмахнул ладонью, — я ведь не генерал Пиотровский, которому предстоит разбирать вашу жалобу. Я сам — косвенный свидетель того, о чём говорю.

Полковничья откровенность пану Кшиштофу в этот миг показалась не более удобной, чем прежние успешные попытки вывести его из себя.

— Генерал Пиотровский гарантировал нам безопасность, — только и оставалось напомнить упорному пану профессору.

— В сложившейся ситуации нами сделано всё возможное для спасения жизни Зорана Бегича. На одном БТРе, как вы догадываетесь, невозможно и доехать сюда — и одновременно вернуться в Брянск. Отсюда ближе операционная, находящаяся под контролем ваших партнёров, а не наших. Капитан Багров осознанно принял решение не в свою пользу. Впрочем, жизнь нашего капитана вас, профессор, волнует мало — понимаю.

— И вовсе не понимаете! — вспыхнул пан Кшиштоф не столько от чистого сердца, сколько по обязательству в этом месте вспылить. — Мы, европейцы — не такие варвары, как вы, русские. И мы знаем, что такое благодарность! Поэтому мы приглашаем вашего капитана подлечиться в березанский "Евролэб" — вместе с нашим этнокартографом. — предвкушая наслаждение произведённым эффектом, профессор искоса поглядел на Сергеева и Нефёдова.

Те выглядели безучастными — ну разве что чуть расслабили напряжённо-собранные позы. Но кто в их невозмутимость поверит? Всё-таки, они — капитаны, как и Багров, а значит, должны поневоле живо вчувствоваться в его скорбное положение.

— Неожиданное предложение, — признал полковник Снегов.

— Вы принимаете его? Или, может, откажетесь? — поддразнил его пан профессор. Приятно же бывает снова почувствовать себя на коне!

— Я должен посоветоваться, — нахмурился Снегов.

— О чём же тут надо советоваться?

— Об условиях.

— Так вы ещё собираетесь выставить условия? — подобной самонадеянности пан Щепаньски даже не ожидал.

— А как же: операционная находится на преимущественно враждебной нам территории, где федеральные законы в настоящий момент не выполняются. Не можем же мы там оставить капитана Багрова совсем одного, без поддержки.

— Вот как? — ну что ж, самое время выдвинуть ультиматум. — Заметьте, раненые находятся в лагере уже полтора часа, а вы всё о чём-то раздумываете! Стыдно, панове. Так знайте: выходя отсюда, я немедля отдам своим учёным и проводнику распоряжение о выступлении. Зорана Бегича мы заберём точно, а капитана Багрова — хе-хе — в случае вашего своевременного решения. А если решение выйдет не слишком своевременным, — тут профессор не удержался, чтобы не прыснуть, — знайте вот что: проводник Сопля ходит очень быстро, а путь непрост. Раненому капитану придётся нас догонять вплавь по болоту!

6. Алексей Иванович Сергеев, капитан войск МЧС

Ох и резво пан Щепаньски рванул к выходу! "Время пошло", так сказать — и сам же профессор поспешил уложиться в собственный норматив. Из палатки полковника явственно слышались его суетливые команды.

— Старается, — подмигнул Нефёдов, — думает, только мы из палатки — а всей его экспедиции и след простыл.

— С учёными он ожидаемой скорости не добьётся, — предсказал Сергеев. И тут же задумался: может, и не так. Больно уж боятся свирепого пана господина этнографы. Построятся, как миленькие.

Полковник Снегов помолчал, потом предложил:

— Поскольку времени немного, высказывайте-ка ваши соображения.

— Ну что сказать, — замялся Нефёдов, — спасти Багрова хотелось бы. Но — смотря какой ценой. Одного его точно отпускать негоже. Потом скажут: "Помер ваш Багров", а свидетелей не сыщешь. А Щепаньский даже слезу пустит — но исподтишка похихикает, как сумел надуть доверчивых русских... Другое дело — если оставить с ним боеспособный отряд. Тут Щепаньский покочевряжится, да заткнётся. И мы будем точно знать, что для Юрки Багрова сделано всё, что можно. Даже коли вдруг помер, то всё честно.

Сергеев слушал товарища, но вполуха. Ничего нового Нефёдов не сказал, все главные мысли уже думаны-передуманы. Некоторые из них можно и продолжить. Идея с отрядом защитников капитана Багрова тоже обнаруживает свою уязвимость, когда вспомнишь: отряду-то предстоит действовать в мутантском тылу. Силы заведомо неравны. Так можно и не одного Багрова, а весь отряд потерять. И пан Щепаньски на обратном пути сделает удивлённое лицо: "Что? У вас был отряд? Не припомню!".

По лицу полковника также легко читалось: в нефёдовской речи Снегов узнаёт знакомые ходы мысли, а новых для себя — не находит. Сможет ли хоть Сергеев помочь ему дельным советом? Ой, вряд ли. Ну разве что — на ходу посетит озарение.

— Алексей? — оказывается, Сергеев отвлёкся, пропустил свою очередь, вот полковник Снегов к нему и обратился.

Что ж, приступим:

— Прежде всего стоит определиться с целями. Для чего нам следует воспользоваться приглашением профессора Щепаньски? Первая цель очевидна: жизнь капитана Багрова. Но она — не единственная. Вдумаемся: ранение Багрова в кои-то веки открывает нам новую возможность.

— Возможность? — заинтересовался полковник.

— По-моему, мы слишком долго не углублялись в мутантский ареал дальше здешнего берёзового тупика. Кто-то знает, что там у них сейчас происходит? — Сергеев взглянул на Нефёдова, на полковника Снегова; те лишь головами покачали. — А иностранные этнографические экспедиции — те хоть что-то, да знают. Мы их туда возим, а знают — они. Не смешно ли?

— Смешно, — вздохнул полковник с болью, причём как раз без смеха.

— В составе этих экспедиций разведчиков даже больше, чем учёных, — продолжал Сергеев, — они даже ленятся как следует притворяться. Хотелось бы спросить: а где же наши разведчики? Только боюсь, не знаю, кому адресовать вопрос. Генералу ли Пиотровскому, или ещё кому...

— Выше, — помрачнел Снегов.

— Наверное. Но нужно ли вмешиваться нам? Я не знаю. Разведка на мутантских землях — не наше дело. Но — кто поручится, что нам там ничего не нужно знать? Хотя бы и — для простого понимания, вокруг чего мы патрулируем подъездные пути...

— Интересная задача для разведчиков: "найди то, не знаю что", — усмехнулся полковник Снегов, — а впрочем, вполне обычная для начала разведдеятельности: сперва надо выяснить, что же разведывать дальше.

— Вопрос ещё, что делать дальше, если мы что-то там разыщем! — добавил и Нефёдов. — Ведь обязательно спросят: нам что, больше всех надо?

— Сперва бы найти, а там и посмотрим, — устремил полковник взор в неведомую даль. — И если больше никому не надо, то — может и правда нам важнее всех? — и после последних слов Сергееву стало ясно: полковника всерьёз увлекли открывающиеся неясные перспективы.

— Ну, а если разведывательная цель принимается, — продолжил Сергеев, — то в сопровождении капитана Багрова к "Евролэбу" особым отрядом — появляется некоторый смысл. Он-то и оправдает немалые риски, с которыми сопряжено пребывание среди мутантов.

— Верно! — Нефёдов, чья главная идея состояла в посылке отряда для поддержки раненого, с заметным удивлением нашёл в словах Сергеева её же обоснование из более глубокого смыслового уровня.

— Дело за малым, — заключил полковник Снегов, — определить персональный состав участников отряда. Жду предложений.

Сергеев на миг задумался:

— Логично там оказаться медику — ефрейтору Погодину — и паре-тройке рядовых из багровского БТРа. Скажем, Хрусталёву, Гаевскому, Мамедову. Они не вызовут никаких подозрений.

— Я бы предложил Шутова, — прибавил Нефёдов, — он крепкий парень.

— И нужен офицер для их координации, — решил полковник, — на случай, если выздоровление Багрова затянется. Собственно, кандидатура ясна. Это вы, Сергеев.

Неожиданно. Полковник Снегов — он умеет удивить. До сих пор же вовсе не поощрял капитана Сергеева к самостоятельным действиям, а держал в резерве. Иногда советовался, иногда — просил заболтать какой-нибудь вопрос перед не в меру настырными посетителями.

— Простите, мой полковник, но может, лучше пойти мне? — взмолился Нефёдов. — Кто знает, вдруг придётся прорываться? В таком деле...

— Я помню о ваших способностях, капитан, — перебил Снегов. — Но Сергеев лучше организует работу на месте. "Найти то, не знаю что" — это по его части, — сказал, как на роду написал.

Положим, определить возможный предмет поисков — дело нехитрое. Основные задачи легко сформулировать заранее. Разыскать каналы, по которым к мутантам до сих пор попадает оружие. Надо? Надо. Выяснить основные задачи западных разведок — тоже не мешает. Цели самих мутантов — и это выяснить необходимо. Многие странности лежат на поверхности.

Но что это лагерь подозрительно затих? Неужели змей Щепаньски таки увёл своих учёных на Березань, как и грозился? Пока мы у полковника строили грандиозные планы, хитрец потихоньку смылся...

— Егоров на входе следит за обстановкой, — успокоил его полковник, — в нужный момент даст нам знать, я его проинструктировал.

Определит ли Егоров нужный момент? Не растеряется ли?

Но вышло так, что Егорову беспокоиться вообще не пришлось — кроме как доложить о новом посетителе. Йозеф Грдличка явился от Щепаньски, который запоздало вспомнил: о времени и месте встречи с военными для обратного пути он так и не договорился.

7. Веселин Панайотов, этнограф

Битых два часа провели раненые в лагере практически без движения. Только и изменений, что переложили их со старых кариматов на суперсовременные носилки с множеством дополнительных функций. Так и функции-то — выполняются только при подключении к исправным источникам питания, а последних в наличии не нашлось. Показуха!

Начальство совещалось, а люди приближались к последней черте. Кому-кому, а Веселину Панайотову, чей рюкзак лежал в палатке учёных практически собранный, хоть сейчас выступай, такое отношение к человеческим жизням представлялось верхом цинизма. Само собой, более всех неправ профессор Щепаньски, но и полковник Снегов ушёл недалеко. Ну почему бы им поскорее не договориться — ради спасения-то людей?

Вот любопытно: первым стал собирать подчинённых в дорогу именно польский профессор, а Снегова в тот момент было и не видать. Лишь позднее, когда учёные со всеми вещами собрались на краю поляны вокруг Сопли-проводника, где затеяли перепалку на тему "кому сподручнее нести Зорана" — лишь к тому моменту полковник соизволил выйти из палатки и предложить свои условия.

И условия-то странные, словно специально выдуманные, чтобы пана Кшиштофа разозлить. Снегов позволяет начальнику экспедиции спасти капитана Багрова, причём

предлагает сопровождение. Это бы и к месту, но — к чему такой большой отряд?

Положим, башенный стрелок Погодин действительно нужен. Он оказывал Бегичу и Багрову первую помощь, он их медицински поддерживал в пути — ладно. Четверых солдат — можно понять тоже (надо ведь кому-то безропотно нести носилки). Но солдат — шестеро. И с ними ещё капитан Сергеев. Разве мог такое проглотить гонористый пан?

Щепаньски ожидаемо упёрся, тогда полковник безразлично заметил:

— Как хотите. Но договариваться с вами о времени встречи для обратного пути мы, пожалуй, не станем. Прощайте.

Старая игра. Ну зачем?!

Щепаньски, понятное дело, помянул своё обещание пожаловаться генералу Пиотровскому; Снегов предположил, что изнутри мутантского ареала пожаловаться будет затруднительно — и пошло-поехало.

Веселин уже подумывал, что ожидание милости от начальства у раненых пойдёт на третий часовой круг, но профессор вдруг решил проявить себя чемпионом доброй воли. Он благородно согласился с присутствием в пешей экспедиции отряда русских военных и даже прикрикнул на Соплю, когда тот вздумал вякнуть что-то против лично от себя.

Без сомнения, пан Щепаньски внутренне не изменился, а просто призадумался и открыл какие-то собственные резоны. Они выплывут позже и позволят профессору посмеяться над навязанными полковником условиями. Если, конечно, у полковника не заготовлено собственных контрмер.

Выступили к мутантской Березани — с тяжёлым чувством. Веселин судил по себе, но и другие участники пешего похода нет-нет, да и замедляли шаг, тревожно поглядывали на раненых: не откинулись ли ещё. Проводнику Сопле приходилось таких окликать, поторапливать. Бедный Сопля снова, как и сутки назад, спешил миновать болота до того, как стемнеет.

Ибо если стемнеет, кто-то, не приведи Господь, ещё и утонет.

Шли в таком порядке: первым Сопля, за ним — четверо чешских антропологов с внушительных размеров рюкзаками, с ними начальник экспедиции налегке. Следом за паном Щепаньски — македонец Чечич, далее — сербы Милорадович и Костич, потом — Веселин Панайотов и невредимый словенец Горан Бегич. А сразу за Гораном в экспедицию уже вливались и русские военные: Хрусталёв и Гаевский тащили носилки с раненым близнецом Зораном, Рябинович и Егоров — с капитаном Багровым, а Шутов, Мамедов и врач Погодин шли сами по себе. Замыкал шествие капитан Сергеев.

Итого — двадцать душ, не считая мутанта. Немногим меньше, чем выехало из Брянска. И на девять русских больше, чем планировалось. Примерно так, если только Веселин не обсчитался.

8. Алексей Иванович Сергеев, капитан войск МЧС

Одно из неоспоримых преимуществ военного человека над штатскими профессорами — в привычке к мгновенным сборам. Не успел полковник огласить весь список членов импровизированного разведотряда, как каждый из названных подхватил вещмешок и присоединился к медлительным братьям-славянам, что подтягивались к проводнику Сопле на протяжении всего офицерского совещания у полковника Снегова.

Кандидатуры рядовых, предложенные Сергеевым и Нефёдовым, полковник полностью

сохранил, только добавил от себя Егорова и Рябиновича — для большей внушительности отряда и лучшей его защищённости. Если четверо несут носилки с ранеными, то руки у них заняты; значит, никак не помешает пара автоматчиков, чтобы в случае чего их прикрыть. Это разумно, что бы ни кричал гневливый пан Щепаньски.

Солдаты между носилками распределились сами. Егоров и Рябинович сбегали за оставленным под БТРом Багровым, Хрусталёв же и Гаевский приняли раненого Бегича у двоих чехов (кстати, последние вздохнули с немалым облегчением). А Шутов и Мамедов — те прекрасно поняли, что принесут больше пользы без лишней ноши, с оружием под рукой.

Из всего отряда лишь Погодин встретил назначение с кислой миной.

— Вот попал! — пробормотал он. — И поделом. Что называется, сам довыпендривался.

— Не хочется сопровождать капитана Багрова до операционной? — участливым тоном уточнил Сергеев.

— Только не к мутантам! — откровенно признался тот. — Добром ли кончится? Знаем мы, что у них за медицинские подходы.

— А говорил-то: "Евролэб", лучшая техника, немецкие специалисты.

— Да есть там они! А всё равно — унести бы ноги.

У Погодина всегда найдётся с собой два мешка оптимизма. Тяжёлые — целым взводом не поднимешь.

И, однако, до чего сильно меняется оценка человеком одних и тех же событий в зависимости от того, включён ли в них он лично. Кабы не попал Погодин в сопровождение к Багрову, то спроси его об опасностях лечения у мутантов — ответит: какие опасности?

Вот только не ему, не капитану Сергееву, Погодина за это осуждать. Потому что холодок ползает и по его собственной спине. Под увесистым рюкзаком и неслабым бронежилетом.

А три БТРа, которые остались позади совсем недавно — их ведь уже, по ощущениям, очень не хватает. И гадостный, одуряющий запах неправедных хвойных берёз — он ведь усиливается и, чем далее в мутантскую зону, тем обещает стать несноснее. Стоит признать: Дебрянский ареал мутантов — это место не для человека.

В общем-то, легко понять и людей, и федеральные власти, которые сей немалый клочок земли так легко покинули на произвол мутантской судьбы.

9. Веселин Панайотов, этнограф

Путь, которым Сопля вёл европейских учёных к мутантскому селению Березань, на первых порах выглядел однообразно. Тот же дурно пахнущий лес из хвойных берёз, о котором ещё в лагере хотелось поскорей позабыть, тянулся почти до самых болот — а там около трёх часов ходу.

В лесу мутант-деревья постепенно вытеснили все другие формы растительности. Ни кустика, ни травиночки — только белые стволы перед глазами, а над головами скрипят ветви да колышется вялая берёзовая хвоя. И вязкая опавшая хвоя мерзко-оранжевого оттенка устилала землю под ногами; эта гадость ещё и обувь пачкала.

Веселин шёл, отвлекаясь от неприятных картин патологии растительного мира, потому невольно прислушивался к разговорам коллег. Кажется, и самим коллегам беседы помогали отвлекаться от болезненно-тошнотворного лесного пейзажа.

Чешские антропологи, по своему обыкновению, шумно восхищались мутацией всего

вокруг. Как истые агитаторы, они говорили чуть громче, чем достаточно, чтобы просто слышать друг друга. Предназначали свои речи всем, кто заинтересуется.

Йозеф Грдличка разглагольствовал о том, сколь комплексно влияние мутагенов на дебрянские биогеоценозы. И не поспоришь: да, здесь мутировали не отдельные организмы, а растительные и животные сообщества, не говоря уже о человеческих. Вкупе с резко изменённой средой обитания, эти мутантские системы затрудняют выживание особей из не мутировавших покамест видов.

— Так ведь — и у людей с мутантами! — поддержал Грдличку Карел Мантл. — Некоторые (более сильные) из людей сумеют приспособиться, другие уйдут.

— В смысле, насовсем? — переспросил Братислав Хомак. Мог бы и не переспрашивать. О человечестве, которое должно потесниться, Карел при нём пространно рассуждал не далее, как вчера — в ходе паломничества к мамонтовым следам и выделениям.

— Кто не в силах адаптироваться — тот насовсем! — твёрдо заявил Мантл. — Но избранные люди, сильные духом, среди мутантов выживут.

Что за глупость? Какова же она — связь между силой духа и способностью приспособления? Если тут и есть какая-то зависимость, то скорее всего обратная!

Захотелось хлёстко ответить, но — пришлось отложить до привала. Не кричать же! Чехи шли здорово впереди, чтобы встрять в их беседу, Веселину понадобилось бы обогнать на узкой тропинке нескольких человек с объёмистыми рюкзаками, а среди них, между прочим — и пана Щепаньски.

Только и осталось, что сердито буркнуть себе же под нос:

— Какой бред!

— Вижу, и вас эта проповедь задела! — с понимающей улыбкой обернулся к Панайотову серб Славомир Костич, поправляя лямку рюкзака.

— Вы правы, — Веселин обрадовался случаю выговориться, — задела — не то слово! Очень сомневаюсь, что к миру мутантов приспособятся сильные духом. Скорее наоборот. Сила духа — она ведь в том и состоит, чтобы продвигать свой собственный дух, а не приспособливаться к чужому.

— Удачно сказано, — покивал Костич, — однако, Мантл говорил не только о силе, но и об избранничестве. Это, как я понимаю — дополнительный "фильтр" для сильных. Если, скажем, отобрать из сильных духом только тех, кто приспособится...

— Это будет искусственный отбор! — заметил Веселин. — Своего рода выведение пород домашних животных! — тут он невольно улыбнулся собственному сравнению. — И где же у домашних животных сила духа?

— Домашние животные порой весьма сильны духом, — полувозразил Костич, — только дух-то у них — человеческий. Вот им они и сильны.

Веселину тут же вспомнилась философская сказка Киплинга — о кошке, что гуляет сама по себе. Там шла речь о свободных видах животных, переходивших на службу к человеку в миг соблазнения щедрыми благами его культуры. Собака, корова, конь — все они безоговорочно приняли прививку человеческого духа. И только кошка пришла к человеку на своих условиях. Кто-то силён заёмным духом, а кто-то — собственным.

— Послушайте, — сказал он Костичу, — к чему мы с вами пришли: люди, прошедшие искусственный отбор по признаку "сила духа", будут допущены в мутантское сообщество на почётных правах домашних животных.

Славомир Костич хохотнул:

— Утешает одно: к этой глупости пришли не мы с вами. Мы всего лишь реконструировали путаное мировоззрение коллеги Мантла. Привели его в состояние полной и окончательной ясности.

— Окончательной? — включился в разговор и Ратко Милорадович. — Нет, коллега, вы себе льстите. Ваша реконструкция едва зацепила важную тему "избранничества", не учла её исторического контекста. А ведь именно на этой идее базируется духовность большинства протестантских сект... — не чуждый тактичности профессор остановился заблаговременно, чтобы прямо не указать на очевидное: особая манера держаться у Карела Мантла и ещё троих чешских антропологов (рассуждения напоказ, страстная убежденность речений) указывает на их принадлежность к единой секте.

— И то верно! — увлечшись, Костич, казалось, даже не заметил, как его хлестнула по лицу колючая ветка мутант-дерева. — Мы с коллегой Веселином рассуждали об искусственном отборе, но упустили важный вопрос: кто будет отбирать? Боюсь, ни Мантл, ни его единомышленники прямо не ответят.

— Такой вопрос выведет на сакральный уровень их верований, — согласился Милорадович, — Всерьёз обсуждать его с профанами адепты поостерегутся. Отделаются общими фразами.

— Сошлются на "мировой закон", — припомнил Веселин.

— Вот-вот! — Костич утёр платком капельки крови, что выступили на щеке после удара низко расположенной хвойной веткой. — Одно несомненно: на собственное избранничество коллега Мантл надеется, иначе всё бессмысленно. И верует в избранный народ — то есть, в мутантов. А вы что скажете, коллега Чечич?

Горислав Чечич из Македонии действительно приотстал, но не для того, чтобы присоединиться к разговору. Он молвил со строгостью:

— Коллеги, убедительно прошу вас не обсуждать верования других участников экспедиции, — тут он сильно понизил голос, — а то пан Щепаньски — я заметил — к вашей дискуссии давно прислушивается и вот-вот вспылит. Оно вам надо?

— Благодарим за предупреждение, — полушутливо поклонился старик Милорадович, — и на сегодня дискуссии закрываем. Кстати, Славомир, вашу щеку стоит продезинфицировать.

— А, пустяки! — отмахнулся тот.

Дальше шли молча, и Веселин раздумывал об идее избранничества людей для жизни в мире торжествующих мутантов — идее, бредовой по сути, но милой сердцу Карела Мантла.

Что же получается? Есть некая, скажем, инстанция, которая избирает людей к подобной — уже не вполне человеческой — жизни. По каким признакам идёт отбор? Мантл упоминал о высокой способности к адаптации. А ещё — о "силе духа". Только дух имеется в виду заёмный, не человеческий. И ради подобного "избранничества" — какая муха ужалила? — человек готов отказаться от человеческого в себе.

Нет-нет, господа антропологи из древней уютной Праги. Что-то не ладно у вас в Карловом университете. Верно, ваши надежды на "избранность" не от хорошей жизни. От вовсе несчастливой. И, главное, господа естественники, сама природа — ваших надежд не подтверждает.

Чем судачить о силе духа в процессе адаптации — поглядели бы вокруг. А вокруг — законченный мутантский биоценоз. Не слишком разнообразный: хвойные берёзы, ещё хвойные берёзы, ещё очень много хвойных берёз — и в общем-то, всё. Где тут, спрашивается,

"избранники" из числа прежних растений дебрянского леса — простых, без мутации? Может, где за ствол берёзовый спрятались? Может, в опавшую хвою зарылись?

Нет, не видно их — приспособленцев, исполненных "силы духа".

10. Горан Бегич, этнокартограф

Если бы в прежние времена кто из знакомых упрекнул Горана Бегича в чрезмерной чувствительности, они с Зораном дружно бы расхохотались прямо в лицо наглецу. А лет пять назад, когда не выветрилась ещё из них задиристая юность — могли бы и кулаком приложить. Шутка ли — терпеть, когда тебя обзывают сентиментальной барышней. Нет, братьев Бегичей изволь не трожь. Они ездят на курсы в кругую разведшколу под Любляной!

А что теперь, когда Зоран полусидит, зафиксированный на носилках, не приходит в сознание, а тело его приближается — неизвестно куда? (К Березани, к могиле — нужное подчеркнуть).

Горан Бегич изменился, это придётся признать и ему самому. Его вдруг стали трогать вещи, которые уже лет двадцать не волновали. Человеческое отношение. Бесплатное человеческое сочувствие. Да, знаем: это чёртовы последствия пережитого шока, они пройдут. Только вот когда? Когда Зоран вернётся невредимым на броню БТРа, а жуткая свинючина пробежит мимо?

А пока что Горану хочется плакать от безучастности, с какой члены этнографической экспедиции транспортируют его раненого брата к спасительной Березани. (Спасительной ли — это отдельная песня). Перед выходом, конечно, каждый убедился, что Зоран ещё жив. "Гляди ты — дышит! Ну, в добрый путь". А что дышит уже из последних сил, что более суток проплутал в бронированной консервной коробке, которая катилась через все дебрянские леса, что затем целых три часа пролежал просто так в экспедиционном лагере... Это всё детали, не правда ли?

Инструктора в люблянском разведлагере — там заправляли парни из Германии и НША — учили: всякие неподконтрольные тебе детали надо пробрасывать куда подальше. Видать, Горана не доучили.

Так получилось, что и на пешем участке пути к мутантским селениям близнецы Бегичи снова оказались сзади. Горан вышагивал последним в черед "крупных европейских учёных", а Зоран плыл на носилках сразу же за ним. Дальше — одни русские военные.

У военных свой повод печалиться — капитан Юрий Михайлович Багров, который с Зораном теперь пусть на разных носилках, но — в одной лодке. Печалются ли? Да ни в одном глазу. Хрусталёв и Гаевский, которым достались носилки с братом, всю обмениваются дурацкими шуточками — хотя, надо отдать должное, стараются нести аккуратно. То же и вокруг вторых носилок.

Можно подумать, переноска людей — это такой спорт. Очень стараемся. Но, коли не донесли живыми — знать, "не судьба". Вторая попытка!

Ну, военные — ладно. Их, наверное, как и Бегичей в разведшколе, отучали сопереживать людям. Но учёные-то! Их как понять? В начале пути — напускали на себя встревоженный вид, останавливались, глядели на Зорана, в расстройстве громко цокали языком. Но чуть углубились в лес берёзовый — будто забыли о раненом. А какие псевдонаучные дискуссии затем у них пошли — вспомнить противно! "Сила духа домашнего животного"... Тьфу, ерунда какая, без литра пива и не повторить.

Положим, братья Бегичи — рядовые разведчики, их научная специальность — просто прикрытие. Инструктор Джо из Независимых штатов Америки дрессировал их, чтобы внятно изъяснялись на этнографическом слэнге, и достаточно. Но остальные — те ведь самые настоящие учёные. Их-то кто выучил лицемерию?

Потом лес берёзовый стал редеть. Горан почувствовал, что и дышать ему теперь стало свободнее. То думал, слёзы душат, оказалось — вредные запахи, источаемые мутант-деревьями.

Под берёзами теперь встречались папоротники. Сначала — едва проклюнувшиеся из-под опавшей берёзовой хвои, затем — и в полный человеческий рост. Появился и новый вид мутант-деревьев, соперничавший с берёзами — чёрт знает что за гибрид, вроде древовидной ромашки.

Из-за ствола одной из таких ромашек и высунул мерзкое рыло двуглазый хряк-мутант. Что мутант, сомнения не возникло, ведь оба глаза располагались на одной стороне морды. Оба правые. И глядели недружелюбно, наливались кровью.

Позади капитан Сергеев подал негромкую команду, русские защёлкали предохранителями на оружии. Сейчас начнётся, понял Горан, что ж они, не понимают, стрелять нельзя, ведь рядом и БТРа нет, а бронежилеты не спасают... Потом перевёл взгляд на собственную руку — в ней ярко блестел серебристый ствол. И когда только успел выхватить? Зарекался ведь...

Напряжённую тишину прорезал голос проводника.

— Не надо стрелять в кабана, — взмолился он, — кабан хороший! Сопля с кабаном не хочет ссориться!

И надо же: правоглазый свин чуть не вывернул клыкастую морду, чтобы разглядеть проводника, когда же разглядел — тут же повернулся задом и под прикрытием древовидной ромашки мирно ушёл. И такое бывает.

— А он бросился бы, — убеждённо проговорил застывший в шаге от Горана болгарин Панайотов, — если бы не Сопля...

В ответ нервно хихикнул пожилой профессор Костич из Белграда:

— Угу. Мутант мутанта не обидит.

А старый Ратко Милорадович — тот с какого-то перепугу стал рассуждать, кто же с кем договорился: Сопля с кабанищем, либо наоборот. Какая разница?

Так или иначе, пронесло. Теперь можно и заболтать свои страхи.

Пошли дальше.

Берёзовые стволы редели, пока не уступили место экзотам приболотного мира: кустистым лишайникам, влажнолистным лопухам, крученым лианам. Почва, устилаемая мхами, стала круто уходить вниз, и там, в низине, в дымке торфяных испарений — показалось болото.

— Это болото возникло на месте бомбардировок, — сказал кому-то из своих капитан Сергеев, — ещё в Первую ядерную.

Сопля повёл экспедицию вниз по скользкому крутому склону. Горан удержал равновесие, но пару раз чудом не шлёпнулся. Другим повезло меньше. Оба профессора из Белграда так и закувыркались, пана Щепаньски с трудом подстраховали пражские антропологи все вчетвером.

Когда спустились, Горан с угрызением осознал, что во время спуска даже не повернулся к брату — а тот ведь мог улететь из носилок. Хрусталёв и Гаевский оказались на высоте, не

уронили ни носилки, не Зорана, и всё же!

Потом Горану припомнилось: он же не оборачивался к раненному брату ещё с момента ложной тревоги, причинённой последним кабаном. Так переволновался за собственную шкуру, что и думать забыл. Стыдобище!

Сопля торопил учёных отправляться в болотную часть пути. Они предложили устроить короткий привал перед отбытием — но проводник эту идею решительно отнёс. Даже не дал отдышаться после спуска, повёл к тропе, отмеченной двумя пирамидальными камнями. Собственно тропу скрывала мутная болотная вода. Проводник с ходу погрузился в неё по колено, идущий следом Вацлав Клавичек шлёпнулся, вздымая тучу брызг.

— А что, нельзя пройти по сухому? — негодуя, спросил пан Щепаньски.

— Березань находится на острове посреди болота, — пояснил Сопля.

Держись, Зоран! Упрятали же твою операционную! Горан теперь брёл рядом с носилками и старался не думать, что случится, если Гаевский с Хрусталёвым вместе поскользнутся на середине болота, где грязи по пояс. Но ведь ясно: раненый уйдёт под воду. Рана от соприкосновения с болотной грязью мигом нагноится, к тому же Зоран под водой наверняка захлебнётся и больше не сможет дышать.

Вся болотная часть пути осталась в памяти Горана нескончаемо-однообразным процессом сопровождения носилок в ледяной мутной воде, доходящей до пояса. И никаких иных впечатлений.

Где-то видели пучок лаокооновых червей-мутантов и рядом гигантскую болотную змеючину — Горан в ту сторону даже не повернулся. Он старался быть с братом на малом болотном отрезке его жизненного пути, которому — возможно — суждено стать завершающим.

11. Ратко Милорадович, профессор этнолингвистики

Болото осталось позади, под ноги легла твёрдая почва, густо поросшая сизой мутант-травой, утыканная неприветливым прибрежным кустарником, а кое-где — усеянная широкими базальтовыми глыбами. Что за жуткие взрывы вынесли на поверхность этикие монолиты?

Кстати, далеко впереди, за каменным хаосом и берёзовым редколесьем замаячили вечерние огни селения. Березань? Видать, она.

Выйдя из ледяной воды, люди первым делом поспешили переобуться и переодеться в сухое. Проводник больше никого не торопил: болото ведь преодолено. А всё-таки даже университетские профессора переодевались почти с армейской скоростью. И подходили к Сопле, всем видом выражая готовность к последнему рывку — до самой Березани.

— Теперь друзьям учёным нужен привал! — громко крикнул Сопля, заодно привлекая внимание и военных, идущих следом. — На этих больших камнях можно хорошо посидеть и отдохнуть.

Если спросить мнения у мудрого Ратко, то сказанное — несколько запоздало. Теперь, когда все без особой команды переоблачились и собрались в путь, "учёным нужен привал"? А самих учёных кто-то спросил?

Оказалось — даже начальник экспедиции не вполне в курсе вопроса.

— Зачем снова привал, когда здесь уже рукой подать? — капризно воспротивился пан Щепаньски. — Веди-ка дальше, друг!

— Сопля не может сразу привести всех! — ответил проводник с неожиданной категоричностью. — Сопля боится Пердуна, Сопля боится Прыща. Сопля должен сначала предупредить.

Начальник экспедиции досадливо отмахнулся:

— Сопля зря боится Пердуна и Прыща, если они оба боятся Дыры.

— Сопля не зря боится! Пердун и Прыщ сначала съедят Соплю, а потом испугаются Дыру. Пердун говорит, в Березань нельзя людям, Прыщ говорит, в Березань нельзя солдатам. И солдатам в Березань никак нельзя, даже если людям можно, — мутант говорил далее, а пан Щепаньски лишь насупливался, да кусал губу. Легко понять: на родной территории проводник приободрился и пытается теперь "отыграть назад" неудобные для себя уступки, на которые ранее пошёл под давлением пана. И как его теперь заставишь?

— Людям ещё можно, а солдатам никак нельзя? — переспросил Йозеф Грдличка.

— Сопля так сказал, — закивал проводник.

— Но в Березани операционная, куда людям и солдатам надо доставить раненых. Мы за этим сюда и шли.

— Это всё равно, — Сопля наглед на глазах.

— Что?!! — такого громкого голоса и жёсткого тона от капитана Сергеева доселе не слышали. Даже Сопля содрогнулся.

А ведь Сергеев — образованный человек, историк, да ещё — казалось, дипломат по званию. Но не постеснялся. Общение с мутантом потребовало суровости — так вот она! И ведь ни нотой не сфальшивил. Рывкнуть — дело нехитрое, но правильно рывкнуть — целое искусство.

Оценили и солдаты. Милорадович заметил, как Мамедов тронул за плечо Хрусталёва, а тот в ответ поднял большой палец. Круто, мол.

— Видишь ли ты, друг Сопля, эту штуку? — Сергеев указал на длинное ружьё с оптическим прицелом, которое сам и нёс ещё от лагеря.

— Сопля видит, — сглотнул мутант, — это снайперская винтовка.

— Верно. А в ней — этого не видно, но ты мне поверь — патроны с разрывными пулями. Они изготовлены специально для такого случая.

— Сопля не понял... — заморгал мутант. — Но Сопле интересно!

— Объясню! — хищно улыбнулся Сергеев. — Мой человек сейчас последует за тобой. Он проследит за твоими действиями в Березани. И всадит интересную пулю тебе прямо в пузо, если решит, что ты подозрительно себя ведёшь. То есть — плохо убеждаешь Пердуна и Прыща. Улавливаешь?

— А почему в пузо?

— Чтобы у твоих ребят не возникло сомнений, принимать ли тебя в пищу, — закончил Сергеев.

— Сопля понял!

Что капитан заговорил на языке угроз — это, в общем-то, вполне оправдано ситуацией. Сопля поставил под сомнение прежнюю договорённость — такое надобно пресекать в зародыше. Но решится ли?..

Решился. Не успел Сопля отойти шагов на тридцать, как Сергеев передал свою винтовку Мамедову. Тот понятливо кивнул и скрылся в зарослях чуть в стороне от пути, по которому двинулся мутант.

Пан Щепаньски, видя такое, сперва нахмурился, но поразмыслил — и возражать не

стал. Вместо того — парой сдержанных рукоплесканий выразил одобрение решительным действиям капитана.

И понятно. Всё-таки, не кто-нибудь — сам пан Кшиштоф договаривался с Соплём, старательно ломал ослиное сопротивление мутанта. Это ведь ему лично "друг Сопля", сдавшись, пообещал всё устроить — и не просто поход в секретную Березань, а совместный с военными. Значит, пана Кшиштофа изворотливый проводник в первую очередь и оскорбил. Что ж его теперь — защищать? Не панское это дело.

Сопля и Мамедов уже растворились в сгущающихся сумерках, а учёные да военные стояли двумя кучками да глядели им вслед. Ни шагу не сделали к удобным для короткого привала базальтовым плитам, пока пан Щепаньски не опомнился.

— Итак, располагаемся здесь, отдыхаем, — велел он, опускаясь на одну из подходящих плит. Его примеру последовали другие учёные, а после согласного кивка Сергеева — и солдаты. Последние выбрали камень повыше — с самым лучшим обзором. Носилки с ранеными установили на специальные выдвижные распорки.

Первые несколько минут отдыха учёные провели в гробовой тишине. Не привал, а — напряжённое ожидание Сопли да Мамедова: что-то выйдет? Солдатушки — те хоть как-то расслабились: в который раз помогла фамилия Рябиновича. Но не смеяться же образованным людям над такими глупостями.

— Почему молчим? — с нажимом спросил пан Щепаньски, требовательно глядя на Йозефа Грдличку.

— А, ну я давно хотел сказать, что... — желание сказать увяло быстрее, чем в памяти антрополога отыскался подходящий предмет. Грдличка оглянулся на своих сотрудников по Карлову университету. Спасайте, мол, ситуацию. Непринуждённую беседу заказали.

— До чего талантлив мутантский народ! — демонстративно восхитился Карел Мантл. — Уж если талантлив, то во всём. Знаете, меня поразили их имена: Сопля, Пердун, Прыщ... Очень ёмкие! За каждым — так и видишь человека с его характером.

— Это характеризует прежде всего вас, — усмехнулся Славомир Костич, — как человека с живым воображением.

— Почему же?

— Вы узнаете имя — и сами рисуете образ его обладателя. Разве не так?

— Нет! — помотал головой Мантл. — Само имя таково, что безошибочно выводит на верный образ.

— Так откуда же вам знать, что ваши образы верны? Вы, насколько я слышал, в мутантском ареале впервые. Кроме нашего проводника — ещё ни с кем из мутантов не знакомы.

— Признаю. Но и проводник наш — отличный пример. Только вслушайтесь в его имя: Сопля!

— А что? Звучат, как музыка? — с чуть тёплой — "сочувственной" иронией осведомился Костич.

— Может, и неблагозвучно, но до чего же метко! Это имя передаёт самую суть, вы не находите? Мутанты — очень талантливый народ. Они подмечают в человеке главное, а уж потом — дают имена: нелюбезно, но справедливо. Достаточно поглядеть на Соплю...

— И понюхать Пердуна, ага, — продолжал тонко иронизировать Костич.

— Да! — с вызовом встретил Мантл его предложение. — Чтобы понять Пердуна, его надо нюхать. Обонять. Я так думаю!

— А вот я думаю, — сказал Костич уже серьёзно, — что большого таланта для изобретения подобных кличек отнюдь не требуется. Сопля при нас так часто умывался соплями, что не углядеть их мог разве слепой на оба глаза. Да ведь и Пердуну довольно однажды испортить воздух — и имя готово. Таланты-то в чём?

— Возможно, во влиянии имени на судьбу? — предположил Веселин Панайотов, пока Мантл обдумывал ответ.

— О, вы о магии имени, — оживился Костич, — хотите сказать, что сперва мальчишку нарекли Соплём, а потом у него потекли такие густые сопля? И Пердуну аналогично устроили сложности с кишечником?

— Да, — скромно согласился болгарин, — в примитивных сообществах такое сплошь и рядом. Детей стараются заранее наделить пороками, чтобы предотвратить их совершенство. Не то зависть одолеет.

Тут и старый Ратко не утерпел, вмешался в разговор.

— Имена часто стоит понимать от противного, — выдал он поучение, — особенно имена ругательные, которые по сути своей — обереги. Назовёшь ребёнка Соплём — и не возьмёт его простуда. А Пердуна минуют болезни живота и духи кишечных инфекций.

— А Прыща — кожные высыпания, — подхватил Вацлав Клавичек, улыбаясь во весь рот, и гордо поглядел по сторонам, как бы говоря: "А я первый уловил эту логику!".

А вот Карелу Мантлу идея имён-оберегов с первого рассмотрения не понравилась. Он уловил в ней угрозу своему тезису о "народной мудрости", и, кстати, совершенно безосновательно. И — не без патетического надрыва — выдал вдруг такое:

— Жаль, что и профессор Милорадович не доверяет разуму народа, который мы приехали изучать! Жаль, что в мутантах Дебрянского ареала, о культуре которых ныне заговорила вся Европа, господин профессор усматривает лишь представителей отсталых племён. И даже в именах, верно отражающих действительность, заранее готов искать примитивную магию. Нет, уважаемый профессор, эти мутанты не столь просты, как вы думаете. В чём-то — они опережают даже прогрессивных европейцев!

Ратко Милорадович выслушал тираду до конца, не пытаясь ни перебить, ни скорректировать её содержание. Ибо зачем терять чистоту столь пространным образчиком сектантской фразеологии? Потом сдержанно возразил, стараясь не задеть значимые верования оппонента:

— Зря вы упрекаете меня в названных предрассудках, коллега Карел. Я говорил в вашу поддержку. И никакой народ не собирался унижать сравнением с "прогрессивными европейцами", которые, кстати, за истекшие полвека — в основном регрессировали.

— Да? — Мантл заколебался. — Но вы ведь не скажете о цивилизованном европейском народе, что его имена — магические обереги?

— Отчего же? Я готов такое сказать о народе собственном.

— Например? — ох и тяжело же Мантл расставался с недоверчивостью.

— Вспомним хоть Вука Караджича — это преобразователь сербской письменности и литературного языка. Его имя означает "Волк". И дали его не просто так. В семье Караджичей в малолетстве умирали дети. Чтобы злые силы и духи больше не вредили, младенца называли так, чтобы всех их отпугнуть. Как видим, помогло.

Чех задумался, и тогда Горислав Чечич пояснил:

— Профессор Милорадович имеет в виду, что великому мудрецу имя дано примерно по той же схеме, что и Сопле с Пердуном.

— Вот видите! — победоносно воскликнул Мантл, обрадованный неожиданной поддержкой. — Я же говорил, что мутантский народ — очень мудрый и талантливый!

Посреди оживлённой беседы к рассеявшейся на базальте экспедиции подоспел из Березани Сопля. Он чуть не светился во тьме, переполняемый бурной радостью и новой надеждой на долгую жизнь.

— Пердуна в Березани нет, Прыща нет! — воскликнул проводник. — Экспедиция теперь пойдёт останавливаться на ночлег в Березани!

Неслышной тенью из ночной тьмы выскользнул и Мамедов. Его силуэт проступил на небесном фоне, когда он вскарабкался на высокую базальтовую плиту, чтобы вернуть винтовку капитану Сергееву.

12. Владимир Сергеевич Снегов, полковник войск МЧС

К посту Заслона у моста через реку Селезень полковник Снегов с людьми подъехал всеми тремя БТРами. Наконец-то в машинах — только свои, без посторонних. Можно вывешивать на корпусе простые и доходчивые условные обозначения, без усложнений и путаницы. Можно убрать с брони факелы и включить фары.

То ли дело — дорога к берёзовому тупику с экспедицией профессора Щепаньски. Каждый БТР приходилось украшать противоречивыми знаками, да ещё демаскировать в тёмное время суток, да ещё так, чтобы пассажиры не догадались.

Молодец Сергеев: факелы на броне при "перегоревших" фарах — это его решение. И пассажиры спокойны — всё объяснено, и ополченцы знают, что делать. Такой БТР они пропускают (ибо там свои), но и вовремя прячутся, дабы их с этого БТРа никто не заметил (ибо там не только свои). И волки довольны, и овцы не возражают.

Но кататься самим, без "овец" — намного спокойнее. Можешь сам решать, не навесить ли тебе Ребят-из-Заслона, вовсе не сообразуясь с пассажирскими страхами перед злобными "мьютхантерами".

К ребятам, что вышли их встречать, с головного БТРа спрыгнул капитан Нефёдов. Полковник Снегов со своей второй машины спускаться не торопился. Полагалось выждать минут пять — таков ритуал.

За это время известят начальника отряда, тот подготовится к приёму. Обеспечит помещение, где можно без опаски говорить на секретные темы. У начальников Ребят-из-Заслона всегда имеется секретная тема — одна и та же: как бы поскорее раздобыть ещё оружия и боеприпасов. Бывают и другие, но эта тема — воистину вечная. Сколько существует Заслон, столько и она.

Найдётся ли у полковника, чем порадовать ребят? Как обычно: найдётся, но мало. А с надеждами на будущее вообще туго, хоть и не обещаешь ничего. В замке Брянск окопались западноевропейские шпионы, сидят там с разрешения генерала Пиотровского, отслеживают все выезды. Обводить их вокруг пальца — само по себе развлечение, но шпионы-то учатся. Причём на преподанных тобой же уроках.

Ну, вроде, пора. Полковник выбрался из БТРа, присоединился к Нефёдову, что оживлённо беседовал с местными. Поздоровался, поинтересовался у них:

— Кто у вас теперь главный?

— Сокол, — ответил пожилой ополченец с рыжими усами, — теперь он.

— Передай: полковник Снегов и капитан Нефёдов пришли поговорить.

Рыжеусый повернулся выполнять, но и сам Сокол уже выходил из-за натянутой вдоль дороги маскировочной сетки. Пока он не вышел, сетка выглядела густым колючим кустарником — мутантской ежевикой.

— Сокол. В прошлом — лейтенант Андрей Сокольников, — представился начальник отряда.

Ну да, полковник таки помнил Сокола ещё лейтенантом.

По завершении приветственного ритуала начальник повёл брянских гостей к своей лесной "резиденции" — командирской землянке. Снегов и Нефёдов нырнули за маскировочную сетку — одну, вторую. За сетками стояли тяжёлые орудия, готовые распатронить любой БТР с первого же залпа. Это если сунется без опознавательных знаков.

В землянке Сокол ожидаемо завёл разговор об оружии.

— Да, привезли, — сказал Снегов, — один наш БТР уже разгружен по дороге туда, в двух ещё что-то осталось. Но немного — с нами ехали настырные пассажиры.

— Немного? Это сколько? — полковник назвал количество. — Да, маловато. А патроны к АКМ? — Снегов молча развёл руками. — Что, вообще не привезли?

Сокол прекрасно помнил разгрузку оружия из нефёдовской машины пару-тройку суток назад. В тот БТР изначально было нагружено изрядно, но в остальные-то — гораздо меньше. Сокол ожидал иного — и теперь заметно расстроился. Заговорил об опасной нехватке боеприпасов.

— Так выгружали же! — напомнил Нефёдов. — Вы поищите, может, забыли, куда поставили?

— Да помню я! — в сердцах вскричал Сокол. — Просто тех боеприпасов больше нет.

— Как нет?

— Мы ведь, как только их получили — сразу пустили в дело. Накрыли мутантское укрепление в урочище Дубки — здесь неподалёку. Положили гадов немеряно, всё им пожгли. Сейчас сидим почти без патронов и ждём ответки.

1. Алексей Иванович Сергеев, капитан войск МЧС

Даже в ясный день селение Березань издалека не увидишь — хорошо спрятано. Находится оно посреди широченного радиоактивного болота, на малозаметном островке, попасть на который можно лишь по особой тропке, полностью скрытой от глаз изрядным слоем мутной воды. Один-другой шаг в неверном направлении — и поминай, как звали.

Ночью здесь не ходят даже мутанты-проводники, что и понятно: мало того, что при ошибке засосёт, в темноте ещё выходят на охоту болотные твари: чёрные змеючины-удавы, белёсые лакооновы черви-кровопийцы. Днём же — мутанты-то ходят, но чужой не пройдёт. К сожалению.

Незамеченным к острову не приблизишься — тропа немилосердно петляет, заставляет путника несколько раз пройти взад-вперёд на виду у нескольких наблюдательных постов — три из них заприметил сам Сергеев, на четвёртый как бы невзначай указал Шутов. А сколько ещё дозорных можно разместить в густых ветвях здешних болотных ив, крупных мутант-деревьев, оплетённых неопрятными пучками лиан.

Но и от места, куда выводит тропа, селение надёжно скрыто — за невысокими базальтовыми скалами, за тремя рядами изгородей из колючего кустарника, за неприветливой рощицей из вечнозелёных берёз. По всему, там есть, чего прятать. И чего стеречь неумолимому Пердуну, которого Сопля боится куда сильнее, чем уважает пана Щепаньски.

Причём речь не о заброшенной туда суперсовременной операционной. Большого смысла специально засекретить этот "Евролэб", отправленный к мутантам с целью беззастенчивого пиара, капитан Сергеев не усматривал. Другое дело — что техника дорогая, хотелось бы её сохранить, и всё такое, — а значит, её понесли в заранее хорошо защищённое место.

По всему получалось, разведка сразу вышла на некий заведомо интересный для себя объект. Хотелось бы с этим себя и поздравить, но рано поздравлять — и будет рано до тех пор, пока не вернёшься. Ибо — чем важнее тайна, связанная с Березанью, тем подозрительнее выглядит отряд Сергеева и тем сомнительнее смотрится "миссия по защите капитана Багрова". Увы.

До поры до времени Сергеев положил не раскрывать карты перед собственным отрядом. Пусть лучше думают, что благородная цель спасения раненого — их единственная цель. Кто меньше знает, тот вряд ли проколется. А то в большом отряде, который весь на виду, шансы на провал от чрезмерного знания сильно вырастают. Стоит хоть одному затеять "подвиг разведчика" без прямой связи с охраной Багрова...

А вот раненого своего мы будем охранять воистину на совесть. И о своей безопасности позаботимся. Поэтому-то и начнём в Березани ненавязчиво присматриваться ко всему, что подозрительно. С таким посылом — всё равно рано или поздно выйдем на серьёзные темы.

Но зато: раньше времени никто не засветится, не привлечёт внимания.

Впрочем, никто ни от чего не застрахован. Только и засветиться можно очень по-разному: либо явно и недвусмысленно, либо иначе.

Кстати, полковником дана отличная формулировка разведзадачи: "Найди то, не знаю что!" — она даже в случае утечки поставит в тупик любую контрразведку.

В тупике и безнадёжности любой европейский интеллеktуал ведёт себя предсказуемо: вертит пальцем у виска и клеветает на непостижимую русскую душу. Жаль, капитан Сергеев отнюдь не готов столь же уверенно предсказывать и поведение контрразведчиков-мутантов. Ибо попробуй отыскать душу в потёмках, когда это — душа Чужого!

2. Горан Бегич, этнокартограф

За время отсутствия Сопли вечерняя мгла сгустилась и накрыла всё кругом. В тёмной мутантской ночи экспедиция профессора Щепаньски не без труда преодолела каменный хаос, отыскала проходы в живых изгородях и через рощицу из мутант-деревьев — наконец вступила в посёлок Березань.

Зоран, мы пришли! Ты держался молодцом, а сейчас тебя вылечат. Если... Если ты, конечно, ещё жив, мой несчастный близнец.

Горан словил себя на том, что с некоторых пор боится всматриваться в практически неразличимое во тьме лицо брата. Кажется, что вот так ненароком присмотришься — а на лице уже печать смерти. Ведь Зорану оказали только первую помощь, а затем двое суток прошли в ожидании срочной операции.

Ещё раньше он подловил на подобном и врача Погодина. Тот избегал подгодить к Зорану и Багрову примерно с переправы через болото. И даже отворачивался, чтобы лишний раз их не увидеть. И с Гораном предпочитал не встречаться глазами.

А ещё врач, сказал бы Погодину Горан, если бы случай подвернулся. Теперь впору говорить самому себе: а ещё брат!

К счастью, невидимый во тьме Зоран — дышал. Пусть и тяжело, сбивчиво, лихорадочно, но зато довольно громко. Пока есть дыхание, брат живёт, какие бы страхи не проходили перед глазами. Зоран, ты только не останавливайся!

Березань освещалась не Бог весть как. Источники света выхватывали отдельные фрагменты. Горан предположил, что из этих фрагментов один должен принадлежать заветной больнице, но который же? Вроде, нигде ничего не напоминало архитектуры, типичной для лечебных заведений.

Спокойно, брат, не отчаивайся. Больница есть, она просто не освещена.

На центральной площади селения, куда Сопля первым долгом и вёл учёных, света было вдоволь, да и шума тоже: где-то там с остервенелым дребезжанием работал мотор дизельной электростанции. Ещё в нескольких дворах неподалёку из-за заборов тоже светились фонари, остальное же селение лежало во мраке, лишь тускло подсвечивались лучинами окна домов.

Домов? Точнее сказать — хижин.

В хижинах не размещают операционных, зато там, впереди, на освещённой площади, угадывались здания покрупнее. Или то обман зрения?

Добравшись до ярко освещённого пятка, Горан понял: никакая это не центральная площадь, а лишь площадка перед воротами к ней. Ну а "здания покрупнее" оказались высоким забором, точнее сказать — частоколом.

Да уж. Центральная часть селения пряталась за берёзовым частоколом, натёртым какой-то пахучей дрянью. Это чтобы ей легко не загореться, предположил кто-то из солдат. Ну и наивно: ведь плесни бензина — и всё равно сгорит "за милую душу", как говорят русские. С другой стороны, кто станет расходовать редкостное горючее на поджог занюханного частокола?

В проёме гостеприимно распахнутых ворот стояло трое мутантов различного роста и толщины, но при том поразительно похожих на Соплю как формой одежды, так и чертами лица. Красномордые дегенераты в камуфляже. Их, что ли, проводник бегал предупреждать?

— Дылда, Закусило и Вертизад, — представил Сопля пану Щепаньски троих типов у ворот. — Закусило пока заменяет Пердуна, Вертизад — здешний лучший друг самого Прыща, ну а Дылда — тот просто на воротах стоит.

— Рад приветствовать пана Кшиштофа и его людей, — не без торжественности сказал толстобрюхий Закусило, распространяя гнилостный запах изо рта. — Мы в нашей Березани не ждали вашей экск... педиции к себе так рано, но всё равно сильно польш... польжчены её вниманием, угу, к нашей Березани.

— Мы как узнали, так уже польщены и истомились в ожидании, — присовокупил Вертизад, стреляя бесстыжими глазками в направлении то Братислава Хомака, то Вацлава Клавичека, то Веселина Панайотова — вот стервец! Выбирает, к кому бы помоложе подкатиться. А в глазах — греческий огонь плещется. Гей-мутант — что за дикое сочетание!

— ...И примем дорогих гостей в нашей Березани, как самых дорогих гостей, — закончил приветственную речь Закусило. — Да, — молвил он уже тоном попроще, — Сопля сказал, вам нужен ночлег и что-то поесть?

Ночлег, поесть — о чём это он? А как же главное, ради чего сюда припёрлись — помощь двоим тяжелораненым? Горан чуть не взорвался, но взял себя в руки: всё-таки, шеф скажет умнее, он сейчас всё разрулит. Вот и не стоит ему мешать.

Пан Кшиштоф церемонно поклонился обоим заместителям более высокопоставленных мутантов и сказал им, что ожидаемым березанским гостеприимством уже заранее безмерно польщён, что ночлегом и едой благодарная экспедиция непременно воспользуется, но сперва хотелось бы пристроить раненых медикам-специалистам. В Березани ведь есть операционная "Евролэб"?

— Операционная? Конечно, есть! — с гордостью произнёс пузатый Закусило. — Давайте, мы вам её покажем — прямо завтра, с утра.

— Ну а пока — праздничный ужин! — игриво подмигнул Вертизад. — В отведённых вам председательских покоях!

— Какой ещё ужин?! — вырвалось у Горана. — Мой брат при смерти!..

Ну, сказал, а что толку? Тяжёлый взгляд профессора Щепаньски быстро пригасил его инициативу.

Горан поспешил извиниться за несдержанность, но вину признал только на словах. Конечно, зря он влез в разговор начальников, плюя на всякую субординацию, но как тут промолчишь? Зоран ведь не может ждать, пока все отужинают и переночуют.

— Друг Закусило и друг Вертизад! Простите вспышку моего коллеги, он немного не в себе, — криво усмехнулся пан Кшиштоф. — Мы же с радостью воспользуемся гостеприимством Березани. Единственное что — с нами действительно двое раненых, причём в сопровождении восьми русских военных. Думаю, уж их-то приглашать на предстоящий торжественный ужин вовсе незачем, как и селить в председательские покои, —

в тоне профессора звучало такое явственное пренебрежение, что Горан снова забеспокоился.

Ещё бы! Что, если русские не стерпят, устроят перепалку, польский пан в долгу не останется, а раненые так и будут ждать на носилках, когда же все накричатся и дело дойдёт до них.

Только военные предпочли не обижаться. Видно, в панской попытке их оскорбить не нашли ничего достойного внимания.

— Вполне согласен с профессором, — выступил вперёд капитан Сергеев, — цель нашего отряда состоит в доставке и охране раненых. Потому мы будем благодарны, если вы выделите нам помещение поближе к больнице, а лучше всего — в ней самой, рядом с операционной. Поскольку же раненые — в критическом состоянии, просим как можно быстрее прислать врачей. Нужны хирурги с опытом работы на оборудовании "Евролэб".

— Хорошо! — закивал Закусило. — Договорились: экспедицию селим в председательском доме, а военных — в больнице. Врачи — их и присылать не надо: там, при больнице, они и живут. Все, сколько есть... — мутант остановился, словно припоминая их количество. — Одного не пойму, если раненые оба в критическом состоянии, то зачем же им врачи?

Ох и сомнительные шуточки у мутантского отродья! Если, разумеется, сказано в шутку. Где-то Горан уже слышал, что своих тяжелобольных мутанты уже не лечат. "Падающего подтолкни", или что-то вроде.

— Кто к председательскому дому, тому за мной! — интригующим тоном проговорил Вертизад. — А кому в больницу, тех лучше поведёт Дылда!

— Дылда поведёт, — согласился молчаливый мутант самого высокого роста, — Дылда всё покажет. Дылда разумный.

— А Сопля тем временем ворота посторожит! — радостно подхватил проводник, словно поймал особый кайф от своей случайной полезности.

Надо же, до чего Дылда похож на Соплю — не только внешне, но и манерой разговаривать! О себе — сугубо в третьем лице. Скромники.

— Итак, панове, всё поняли? — обратился к экспедиции Щепаньски. — Разделяемся. Учёные идут за другом Вертизадом в председательский дом, неучёные — несут раненых за другом Дылдой в здание больницы.

— Позвольте мне тоже отправиться в больницу! — попросил Горан. — Хочется удостовериться, что всё идёт, как надо.

Пан Кшиштоф смерил его недовольным взглядом, но промолчал.

3. Веселин Панайотов, этнограф

Разделились. Русские военные (и с ними близнецы Бегичи) двинулись к больнице — Дылда повёл их налево вдоль частокола; учёные из этнографической экспедиции прошли за Вертизадом и Закусило прямо к председательскому дому. От самых ворот в берёзовом частоколе туда сквозь буйные заросли мутант-травы вела дорожка, небрежно вымощенная чёрными базальтовыми осколками. Верно, их березанские "умельцы" отбили от тех маленьких скал на берегу болота, где пришлось ожидать Соплю.

Насколько Веселин понял местную иерархию, председательский дом принадлежал Пердуну — хозяину Березани. В отсутствие Пердуна здесь распорядился Закусило. Что же до роли Вертизада, то выяснить её Веселину пока не удалось. Возможно, "здешний лучший друг

самого Прыща" имеет чисто неформальный статус, а возможно — иначе. Главное, и о роли Прыща пока не прояснилось ровным счётом ничего. Гипотезы — пока лишь они.

Хозяин Березани — Пердун, а не Прыщ, но при том первый второго, по словам Сопли панически боится. Видать, Прыщ — он хозяин над хозяевами всяких населённых пунктов вроде Березани. Своего дома в Березани Прыщ предположительно не имеет, вот и пользуется "председательским". Потому и "здешний лучший друг" Вертизад приглашает туда гостей, словно к себе домой. А что — неплохая версия. Логически стройная.

Конечно, чтобы точнее да подробнее узнать социальную структуру мутантской Березани, надо спрашивать самих жителей. По этому пути Веселин Панайотов пойдёт, не позже. Пока же он продолжит постижение на уровне непосредственного вчувствования. Понять социальную логику мутантского сообщества во всей её глубине можно лишь изнутри, доходя собственным умом. Ну а если вместо того обо всём непонятном тупо спрашивать — тогда вроде и узнаешь, да не поймёшь.

Председательский дом — двухэтажный каменный особняк без архитектурных изысков, зато с хозяйственными пристройками — малость разочаровал Веселина. Хотелось-то великолепия, а тут... Нудно, обыденно, затрапезно. Таких домов полно и в человеческих областях, только живут в них никакие не председатели. Всякие заурядные люди живут — из тех, кто достаточно богат, но при том — не блещет развитым воображением.

Перед самым домом узкая тропка, мощёная базальтовым булыжником заметно расширилась и постепенно превратилась в цельновымощенный двор, по здешним меркам — довольно большой. Здесь бы запросто уместилось человек семьдесят (например, особо зажиточные граждане Березани, когда являются к председательскому дому на общий поклон Пердуну).

Если тропинку выкладывали какие-то леворукие мутанты, то двор замостили мастера каменного дела. Булыжники пригнаны один к другому и даже будто отполированы. (Кстати о ремёслах в мутантском краю).

А ещё председательский особняк охранялся. И неслабо.

У центральных дверей в путников встретили два широкомордых громилы в масках-балаклавах. В руках покачиваются тяжеленные кистени, за спинами угадываются импортные автоматы. Вооружённая до зубов мутантская стража. И боевая мутантская свинья впридачу — в двух шагах от громил мирно прикорнула поистине саблезубая тварь. На ней Веселин разглядел ошейник с блестящими шипами, направленными наружу.

— Кишкинаружу, Перебейнос и четвероногий Свинтус, — представил охранников Закусило, — верные побратимы Пердуна. Все трое.

Председателю брататься со свиньёй? Да, подивился Веселин, в недостатке своеобразия мутантскую культуру не упрекнёшь.

Закусило сделал обеими руками приглашающий жест и первым вошёл в дом. За ним — Вертизад, а там и пан Щепаньски с человеческой экспедицией. Проходя мимо Перебейноса и Кишкинаружу, Веселин слегка напрягся и вжал голову в плечи. Глупая интеллигентская предосторожность, но вполне объяснимая. Просто не хотелось бы получить по голове гирей. Ни в коем случае не хотелось бы.

По пустому уютному холлу протопали к широкой лестнице, поднялись на второй этаж. Остановились у запертой двери, охраняемой ещё одним человекообразным побратимом по кличке Переползло. Дождались горбатого кастеляна Зыркало, который явился со связкой ключей и, тяжело сопя в единственную ноздрю, с горем пополам отпер

дверь.

— А что там, за дверью? — спросил Братислав Хомак, пока кастелян возился с замком.

— Зала заседаний Березанского сельсовета, — с готовностью отозвался Закусило, — ну а по совместительству — пиршественная зала Пердуна. Он тут ужинает каждый раз, как бывает в Березани, только заходит в другую дверь.

Вот как, значит и нам подадут ужин в этой особой зале? Правда, Веселину подумалось, что собственно еда в помещении за запертой дверью появится весьма нескоро, раз уж и отпереть её — отдельная задача.

И Веселин ошибся. Ужин оказался готов. С пылу, с жару.

Ещё секунда — и Вертизад сердечно пригласил гостей в пиршественную залу, где их ждал длинный дубовый стол, весьма богато уставленный березанской снедью. Правда, стол — даже не накрытый скатертью, стоял весь в потёках и крошках. Почему-то неведомые сервировщики не озаботились ни стол задрапировать, ни крошки смести со столешницы. И снова налицо странности мутантской культуры, скрытый смысл которых экспедиции ещё предстоит разгадать.

Впрочем, смыслов может оказаться и много. Как видов тех разнокалиберных стульев и табуретов, что невесть кем и откуда были собраны вокруг стола.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Во главу стола Закусило с Вертизадом усадили пана Щепаньски. Тот и не ожидал иного. Даже для вида не стал отнекиваться. А ведь это место хозяина города. В том ли дело, что Пердуна нет в городе, или мутантам вообще нет разницы, где сидеть на пирах?

Тоже вопрос на будущее. Для этнографии всё важно. А заметить особенности легче при первой встрече с культурным феноменом. Потом, как среди народа пооботрёшься, то даже необычное станет привычным и больше не бросится в глаза.

А что за блюда были на столе? Достаточно разнообразные, и всё вперемежку: горячие, холодные закуски, салаты, десерты. Видно, здесь просто некому прислуживать за столом, проще всё принести заранее. Поставить на дурно вычищенную столешницу — и дёру.

Едва расселись, Вертизад распечатал кувшин с вином и принялся наполнять самодельные жестяные стаканы. Закусило всюду нахваливал пищу и накладывал её пану Щепаньски и рядом сидящим чешским антропологам:

— Утка в чесночном соусе? Пожалуйте! Свинина по-березански? Отведайте, это наше фирменное блюдо! Баранья похлёбка — она с настоящей фабричной вермишелью!..

Его заботами тарелки начальника экспедиции и ближайших его сподвижников быстро наполнились кулинарными изысками Березани. Закусило уже обратил было взор и на тарелки Чечича с Панайотовым, но тут вмешался Ратко Милорадович. Пусть негромко, но вполне отчётливо белградский профессор произнёс:

— Во избежание недоразумений предлагаю коллегам не прикасаться к мясным блюдам. Просто так, на всякий случай.

Пан Кшиштоф Щепаньски метнул в Милорадовича гневный взор:

— Что я слышу? Коллега из Сербии боится, что его накормят человечиною? — и гаденько хихикнул.

Но поднять на смех старика Ратко не так-то просто.

— Коллега из Сербии не исключает и этой маловероятной возможности, — пожал плечами Милорадович, — и думает, что экспедиции выйдет не на пользу жёсткое переживание культурного шока в первые же дни работы.

Кто хочет — опровергайте.

4. Леонид Андреевич Погодин, башенный стрелок БТРа (теперь по совместительству врач)

У больничного здания — покосившегося одноэтажного барака с маленькими тёмными окнами — Лёня Погодин вздохнул с преждевременным облегчением. Подумал: ну вот, раненые доставлены, оба ещё живы, теперь за них отвечать западным специалистам... Мечтатель!

Мог бы сразу догадаться, что больница не функционирует — стоило просто поглядеть на тёмные окошечки. Да и не просто тёмные, а словно бы подёрнутые вековой паутиной. Тут бы и задать себе пару резонных вопросов. Так куда ты, Лёнька, доставил живыми раненых? В образцово-показательную передовую клинику мутантской зоны?

Нет же: охота была продлить самообман. Даже когда сторож-мутант в линялой балаклаве возился с амбарным замком на больничных воротах, Погодин чисто по-пижонски удивлялся лишь одному: зачем носить балаклавы мутантам, которые и так все на одно лицо?

Потом сторож отпер ворота, первым вошёл в больничный барак и, обернувшись, пообещал немедленно разбудить немецких специалистов из "Хирургов через заборы". Когда он за этим направился вдоль по длинному тёмному коридору, Погодин даже не задумался, отчего бы прославленным специалистам ночевать взаперти? И искренне недоумевал, чему же хмурится капитан Сергеев?

Рядом стоял близнец Зорана Бегича, потому Погодин постарался не выдать охватившей его неприличной радости, когда говорил:

— Что ж, пойду поскорее "передать дела".

— Шутов, зайди-ка тоже, — велел капитан.

— И я пойду, — поспешно вызвался Горан Бегич, которому, по всему, также что-то не нравилось.

— А где сама операционная? — крикнул Погодин вслед удалявшемуся сторожу. — Раненых-то нашим куда нести?

— Да пёс его знает! — лениво бросил тот через плечо, даже толком не обернулся. — Немца в гостинице разбудим, он всё и покажет.

Ответ не сильно-то любезный, ну да пусть его, вздохнул Погодин. Положим, немецких медиков-волонтёров всё равно будить придётся, а ночной сторож, да ещё из мутантов, не обязан быть в курсе работы врачей и последних медицинских технологий.

Что ж, не будем создавать суеты хотя бы сами, решил Погодин. Он удостоверился, что носилки с Зораном и Багровым останутся в широком больничном вестибюле сразу за воротами, и лишь тогда присоединился к Шутову и Горану Бегичу.

Вместе с ними он еле нагнал сторожа в балаклаве, резво шаркающего по дощатому полу на плохо гнущихся ногах. Колоритный мутант успел уже одолеть почти весь коридор и как раз сворачивал на дальнюю лестницу, что вела куда-то в полуподвал. Хорошо же устроили немецких специалистов!

Загремел засов, тяжёлая дверь повернулась на петлях — и потрясённым взглядам людей предстала мутантская гостиница для немецких волонтёров. Только если такое назвать гостиницей, то что тогда арестантская камера?

— И здесь держат врачей? — ужаснулся Горан Бегич.

— Есть, конечно, комнаты и получше, — соизволил ответить сторож, — они в другом конце коридора. Но всё надо заслужить.

Ну, что-то в этой комнате напоминало и гостиничный номер. Письменный стол с настольной лампой, зеркало, платяной шкаф, на стене над топчаном — электрический ночник. Только на свет Божий отсюда не выходило ни единого окошка, да и засов на двери задвигался снаружи.

На топчане, прикрытый пледом, дремал молодой человек интеллигентной наружности. Как только четверо неожиданных посетителей бесцеремонно нагрянули в его "келью", обитатель вскочил на ноги, закрываясь рукой от света собственного ночника.

— Вот его спросите об операционной, — ткнул сторож в тщедушную фигурку толстым мутантским пальцем, увенчанным ястребиным когтем. — Он — один из волонтеров, которые к ней это... прилагались.

— Фабиан. Фабиан Шлик, — представился волонтер. Глаза его тревожно бегали, руки тряслись. Погодин подумал, что в жизни не видал такого перепуганного немца. И кажется, даже Горан, который в Словении выше крыши посмотрелся на самых разных немцев, мог бы сказать то же самое.

— Вы активист "Хирургов через заборы"? — уточнил Погодин.

Фабиан Шлик в замешательстве кивнул.

— Вы врач?

— Ну, почти... — немец запнулся, мучительно подыскивая слова. — По правде говоря, среди нас пятерых можно назвать врачом только Дитриха Гроссмюллера. Я же простой санитар, и даже скорее — переводчик... А вы уже говорили с Дитрихом? — быстро спросил он с неясной Погодину надеждой, но при том с опасением покосился на мутанта-сторожа.

— Нет, мы его не видели. А где он?

— Его номер в другом конце коридора, — с готовностью сообщил Шлик, — только боюсь, он ещё не вернулся...

— Откуда?

— С операции. Он ушёл в Столичную Елань — вырезать аппендицит у высокопоставленного мутанта.

— Вот как? И когда же нам его ждать? — почему-то Погодин всерьёз обеспокоился только в этот момент.

— Думаю, завтра поутру! — как-то чересчур бодро произнёс Фабиан.

— Ага, значит, уже поутру доктор Гроссмюллер сможет заняться нашими ранеными, — повернувшись к спутникам, Погодин ошарашил сам себя: почти точь-в-точь воспроизвёл чересчур оптимистичный тон беспокойного немца. Но под взглядом Горана Бегича — тут же сник. И поспешил выяснить у Шлика, давно ли доктор отбыл из Березани.

— Да... Месяца полтора будет, — обречённо промолвил Фабиан и сощурился, словно вдруг испугался побоев от Погодина, Шутова, Бегича. Последнего ему, впрочем, и правда стоило поостеречься.

— Вы в своём уме? — вскричал Погодин, понимая: стоит ему сейчас неубедительно возмутиться, и Горан, возможно, отдубасит и его с Фабианом за компанию. — Доктор отбыл на операцию полтора месяца назад, а вы его ждёте завтра поутру? Думаете, дождётесь?

— Нет, не думаю, — честно признался Фабиан, — и, наверное, герр Гроссмюллер... просто удачно сбежал.

— Боюсь, и нам этого доктора Дитриха не дождаться, — с отчётливой тяжестью на

душе произнёс Погодин. — Что скажете, Горан?

Губы словенца искривились в гримасе озлобленной боли:

— Что скажу? Моего брата надо немедленно спасать, а не ждать какого-то докторишку!

Оборудование хоть на месте?

— "Евролэб"? Да, оно здесь, в одиннадцатой палате — этим заверением Шлик немного разогнал грозные тучи, но не ушёл из зоны действия молний.

— Значит, заниматься ранеными придётся лично вам! — не терпящим возражений тоном заключил Погодин.

5. Кшиштоф Щепаньски, начальник экспедиции

"Полагаю, культурный шок нам сейчас не нужен"... У, кур-рва!

Противный старик Ратко Милорадович, разумеется, в своём репертуаре. Теперь он, видите ли, заподозрил хозяев-мутантов — и в чём? В принуждении к каннибализму их собственных партнёров. Ни много, ни мало. Как ещё можно истолковать его демарш за пиршественным столом?

Самое скверное, подозрения белградского профессора не удалось единодушно высмеять — а ведь идиотские подозрения, каждому бы понять. Экспедиция разделилась примерно пополам. Пятёрка западных славян во главе с паном Кшиштофом отринув предубеждения о мутантской кухне и смело набросилась на мясные блюда. Зато четверо южных славян — те продемонстрировали подлинно страусиную осторожность. С какой придирчивостью они изучали даже знакомые салаты, заправленные майонезом! Какими лицами встретили невинную попытку добряка Закусило выбрать для них лучшие куски! Смехота пакостная.

Жаль, на столе нашлось немало вегетарианских блюд. Греческий салат, картофель с грибами, рис с овощами, не говоря уже о десертах. Ладно бы на этой бы лужайке паслись одни Милорадович и Костич — те своё отношение прояснили заранее. Но к ним присоединился и морально неустойчивый Панайотов, а ещё — Чечич. Последний — так и вовсе неожиданно, ведь недавно выглядел полностью лояльным.

С мутантской стороны за столом сидели только заместители первых лиц селения — Закусило да Вертизад. Оба всю налегали на яства, словно видели в торжественном ужине лишь повод хорошо подкрепиться. Но пан Щепаньски не сомневался: Пердуну и Прыщу они всё-всё доложат в мелких подробностях. И о том расскажут, что начальник экспедиции контролирует не всю свою экспедицию. Тьфу, кур-рва!

Постепенно гости насытились, и заместители хозяев — тоже. Наступило время поговорить. В этот момент инициативой разговора неожиданно завладел болгарин Панайотов. Парень откуда-то вытащил свой блокнот с предварительными записями о мутантских селениях здешнего ареала, в котором нашёл и сведения о Березани, пока довольно скудные.

— "Селение Березань, — зачитал Панайотов, — яркий образец мутантского сообщества приозёрного (приболотного) типа. Занятия жителей: охота, рыболовство, животноводство, приусадебное огородничество"...

— О, да! — с гордостью вставил Закусило, поглаживая живот. — В нашей Березани такие огороды — закачаешься! В самой Елани не сыскать таких огородов. Думали даже переносить столицу, к съестному поближе, но тамошний народ воспротивился. Привыкли они уже.

А Веселин Панайотов читал дальше:

— "Народные промыслы: деревянная скульптура, вышивка". Есть такое?

— О, да! — закивал Закусило. — Наша скульптура, она — самая деревянная. Прямо там, на рыночной площади стоит. Да вы мимо проходили. Придёт утро — так ещё увидите. А вышивка — тоже знатная. Угу, вышивают прямо у нас. В самой Елани так не вышивают, от нас везут.

— А кто, например, делает скульптуры?

— Кто? Так хотя бы Ванидло! Знатный скульптор. Как зачнёт плотничать, так у него одни скульптуры и получаются.

— А кто у вас вышивает?

— Так опять же Ванидло! Потом ещё этот, Западло...

— А где живут Ванидло и Западло? Как их найти?

— Так найти не мудрено. От ворот — прямо направо до самого пруда, там и Ванидло... А Западло тоже поблизости. Через дом от Кабысдохова племянника — и сразу за берёзой. Да здесь недалеко.

— А ещё говорят, у вас в Березани хорошо пляшут. Пляшут?

— Так э... пляшут. Мы, это, народ весёлый. Чего не сплясать?

— Здесь у меня в разделе "Народные праздники" записано: "Танец урожая". Знаете такой, да? Его когда танцуют?

— Э... "Танец урожая"-то? Ну, если какой урожай — так его и танцуют...

Молодец болгарин, не мог не признать профессор Щепаньски. Всё-таки исследовательский интерес — на первом месте. Только малейшая возможность — а он уже с блокнотиком. Даже в захолустной Березани, куда экспедиция и не предполагала забрести, Панайотов не ест, не спит, а готовится нарыть кучу ценного эмпирического материала. Достоинно!

Но и мы оставлять это дело на самотёк тоже не станем. Какой ни молодец болгарин, а экспедиция — не его личная. Общая экспедиция.

— Йозеф! Пора бы подключиться, — моргнул пан Кшиштоф расторопному Грдличке.

Ещё миг — и предводитель чешских антропологов уже сидел по другую руку от толстяка Закусило. И с увлечением участвовал в обсуждении, словно сам его и затеял.

Что ж, подумалось пану профессору, теперь, после всех уточнений, что где есть и как куда пройти, Панайотов наверняка захочет задержаться в Березани, лично поглядеть на скульптуру, вышивку, танцы. И, пожалуй, можно ему это позволить. Но не одному, а в компании с чешским коллегой. А что: пусть привыкает работать в команде, чума болгарская.

6. Горан Бегич, этнокартограф

— Значит, заниматься ранеными придётся лично вам! — с претензией на утверждение, но полувопросительным тоном пролепетал Погодин.

— Э... мне? — с безнадёжностью во взоре отозвался Фабиан Шлик. — Ну, как скажете. Но если эти раненые вам не совсем безразличны, лучше бы к ним пригласить врача. Не простого санитаря.

— Здесь нет врача! — отрезал Погодин, уставившись на Шлика. Только у Горана сложилось чёткое впечатление, что последние слова предназначены ему лично, а ничуть не германскому волонтеру.

Нет врача? Как бы не так! А сам-то господин Погодин? Когда оказывал Зорану первую помощь, на недостаток образования не жаловался. Говорил, всё дело в оборудовании. Говорил, в мутантский ареал надо ехать, а в Брянске никто не поможет. Ведь было такое?

И вот он, наконец, мутантский ареал, вот и больница с ценным оборудованием. За чем же теперь дело стало?

Эх, Погодин, Погодин! Разговаривая с Фабианом Шликом, лицемер из последних сил пытался перевесить на запуганного санитаря свои врачебные обязанности, но — что-то в его логике никак не срасталось. Горан чем далее, тем яснее понимал: между медиками идёт циничный торг на тему "Кто останется крайним?", причём не Шлик эту торговлю затеял. Именно Погодин всеми правдами и неправдами пытается сбыть с рук два сильно просроченных едва операбельных тела.

Да и сам Погодин не мог не почувствовать, до чего некрасиво выглядят его ухищрения. Потому-то напрягся, стал избегать взгляда Горана и в какой-то момент раздражённо процедил:

— Что вы на меня так смотрите? Я башенный стрелок БТРа!

— Это не важно, — сказал Горан как можно мягче, — важно спасти Зорана и капитана Багрова.

— Вы не понимаете! Здесь нужен врач! — вскипел Погодин.

— Здесь нет врача! — повторил Горан тот самый довод, которым Погодин пару минут назад угостил Шлика.

Врача нет, но есть два медика, которые — по крайней мере — попытаются его заменить. А коли не попытаются, мстительно прикинул Горан, то — заменят раненых на носилках.

К счастью, калечить медиков не пришлось. А то ведь Горан — и не сомневался, что приведёт в исполнение свой вынесенный по умолчанию приговор. Ведь брат — это не кто-то из толпы, самим понимать надо!

В какой-то момент у Погодина натупило-таки просветление, и он заговорил по-другому. Быстрым, деловым тоном. Принял, стало быть, руководство на себя. И правильно: не идти же под начало к санитару, пусть он хоть из трижды Западной Европы.

— Достали! — сказал Погодин. — Только некогда пререкаться. Фабиан, как там у вас с антибиотиками? Нужны самые сильные.

Германец припомнил несколько названий. Погодин кивнул:

— Последнее — покатит! Для начала готовь шприцы, санитар. На десять кубов. И пора наведаться в операционную. Палата номер одиннадцать, насколько я запомнил? Горан, сгоняйте к нашим, пусть поднесут туда обоих.

Ну надо же: в убитой Березанской больнице таки отыскался решительный врач. А что привели его туда сами искатели, это уже детали.

7. Веселин Панайотов, этнограф

Кажется, на торжественном ужине в председательском доме так и не подали человечины. Во всяком случае, никто из членов этнографической экспедиции её так и не обнаружил. Пан Кшиштоф Щепаньски в благодарственной речи, коей ужин завершился, всю зубоскалил на предмет суеверий в среде учёных-этнографов. Что ж, и пускай тешится.

Даже если тревога, поднятая профессором Милорадовичем, вышла ложной, Веселин

Панайотов — уж точно не в обиде. Бережёного Бог бережёт, как иногда говорят русские, да и не только они. Прослыть перестраховщиком — горе пустячное. Но далеко не пустяк — обнаружить запечённую кисть человеческой руки под слоем салата на дне собственной тарелки.

На ночлег, как и было обещано, экспедицию разместили также в председательском доме — совсем рядом с пиршественной залой, только на первом этаже. Показать учёным отведенные им покои взял на себя труд кастелян Зыркало и пара его бессловесных краснорожих подручных.

Веселину досталась комнатка из самых маленьких, однако же — сравнительно чистая и опрятная. Слуга, который проводил Веселина, осветил её, будто днём, когда зажгёт пять парафиновых свечей в разлапистом подсвечнике на столе.

Умилили тщательно выбеленные стены и чёрные потолочные балки. Стилизация под средневековый дизайн?

Под узким окошком, выходящим на задний двор, располагалась узкая же кровать. Да и не кровать, а так, лавочка. У изголовья — письменный стол с изгоняющим тьму подсвечником. Лишнее напоминание учёному, что он не отдыхать сюда прибыл, но трудиться на этнографическом поприще.

Столом Веселин воспользовался раньше, чем постелью. Заметки, наскоро сделанные на протяжении ужина, требовали систематизации. В особенности, план действий на завтра, который в последний момент скорректировал Йозеф Грдличка. Итак, их совместное посещение творца деревянной скульптуры намечено на одиннадцать часов, осмотр вышивок — на двенадцать, изучение движений народного танца — на четыре.

Будь воля Веселина, сдвинул бы время первой встречи на раннее утро, да и остальные не растягивал на целый день. Но, как известно, от добра добра не ищут. Ибо Грдличка — посланец от Щепаньски, носитель начальственной воли. Воли, и без того непривычно доброй к Панайотову.

Казалось бы, чего стоило деспоту профессору привычно заартачиться: мол, завтра же выступаем на Столичную Елань, а в Березани ковыряться нечего! Но — ничего подобного. И Веселин догадывается, почему.

Всё-таки пан Кшиштоф — истинный человек науки. Не зря он происходит из древней династии профессоров Ягеллонского университета. Наследственность — великая сила. Подумать только: несколько поколений профессоров Щепаньски во славу науки шли на самые немислимые подвиги. И все как один, согласно средневековому университетскому уставу, давали пожизненный обет безбрачия.

8. Алексей Иванович Сергеев, капитан войск МЧС

Березанская больница капитану Сергееву не понравилась сразу. Закрытая на висячий замок, длинная, как коровник, со щелевидными окнами, через которые человеку не выбраться. Когда же сторож этого заведения вызвался отыскать живущих при больнице немецких специалистов — и принялся искать где-то внутри запертого снаружи периметра — в этот момент "не нравится" стало слишком мягким определением.

Главное, Сергеев держал в уме, что и его собственный отряд, по предварительной договорённости, предполагалось разместить в больнице — рядом с операционной, либо где-то-прямо-в-ней. Вот это и называется "покупать кота в мешке". Мы же не видели, какова

собой больница! Представляли светлые, хорошо проветриваемые помещения с широкими окнами и плакатом "Добро пожаловать" на входе.

Вот так договорились ребята! Типа: "Не извольте беспокоиться, мы тут у вас в тюрюге перекантуемся!".

Пока Погодин, Шутов и Горан Бегич странствовали по коридору больничного барака в поисках врача, Хрусталёв, Гаевский, Рябинович и Егоров пронесли внутрь носилки с ранеными — и установили на выдвижных распорках прямо напротив распахнутых ворот. На фоне ободранных стен вестибюля суперсовременные носилки смотрелись инородно. Что иное можно будет сказать и об "Евролэбе"?

Капитан Сергеев и рядовой Мамедов остались снаружи — вместе с мутантом Дылдой, что показывал дорогу к больнице. Не Бог вещь какая, но гарантия, что никому (да хотя бы и Дылде?) не взбредёт внаглую закрыть ворота, пока весь отряд собрался внутри здания.

Кто не позаботился о свободном выходе, тот сидит взаперти, не правда ли, господа немецкие специалисты?

Специалист оказался в единственном числе, по имени Фабиан Шлик. Это из пяти Прочие, видать, разбрелись, несмотря на крепкие запоры, а этого — последнего — мутанты с особым тщанием берегли. В подвале держали — позднее доложил Шутов. Но, как водится, остался — не самый толковый. Не врач, а мальчик "поднеси-подай". Хорошо, Погодин это дело просёк и с ходу взял немца под своё начало.

Первым к раненым вернулся Горан Бегич. Как раз поведал о Шлике и передал погодинское распоряжение перенести Зорана и Багрова поближе к операционной. Правда, не успели ребята подхватить носилки, как явились Шутов и Погодин вместе со Шликом и больничным сторожем.

Погодин дал отбой на переноску раненых. Шутов отскочил за ворота к капитану и объяснил, почему. Оказалось, нести пока некуда: операционная ещё не готова. Подумалось: вот ни капли не удивительно!

Раненых оставили в вестибюле, только вкололи им слоновую дозу крутых немецких антибиотиков. Потом Погодин, Шлик и Гаевский с Хрусталёвым — все мало-мальски медицински грамотные — ушли приводить в порядок операционную. Видать, нашли её в очень большом беспорядке, раз понадобились все вчетвером.

Теперь в вестибюле с ранеными остались Егоров, Шутов и Горан Бегич. Сторож в балаклаве тоже покрутился у носилок, поглазел на раны, хмыкнул с недоумением — и, поигрывая связкой тяжёлых ключей, прошаркал оттуда в ворота. Прихромал к Сергееву, Мамедову, Дылде.

Как раз в этот момент Дылда спросил у капитана:

— Военные хотят, чтобы им тоже отвели места в больнице, рядом с ранеными? Дылда правильно понял?

— Не совсем! — поспешно выпалил Сергеев. Это чтобы не сказать "совсем не". Отведут они нам места... Ещё бы не хватало!

— Дылда не понял. Дылде спросить позже?

Нет, не позже. Расставить акценты следует немедленно.

— Пока раненые получают помощь, мы берём это здание под свой контроль, — объяснил Сергеев. Вежливо, просто, доходчиво.

— Так это... мне уйти? — предложил сторож. Догадливый!

— Само собой, — кивнул Сергеев, — и ключи оставьте. Соберёмся уходить —

обязательно вернём, — он принял протянутую связку, передал Мамедову.

Сторож ещё немного потоптался и отправился восвояси. Дылда ушёл тоже.

9. Веселин Панайотов, этнограф

Веселин Панайотов проснулся ранним утром — нечего дрыхнуть, коли впереди увлекательный сбор этнографического материала. Встреча с Йозефом Грдличкой для похода к скульптору по дереву намечена аж на одиннадцать, но это не повод убивать время. До одиннадцати можно успеть обойти всё селение и составить его примерный план.

План селения может многое сказать вдумчивому этнографу — от иерархии и расстановки сил в сообществе до ключевых верований, типа брачных связей, порядка наследования. План селения — это базовая модель миропонимания его обитателей. Каким они видят мир, таким и село строят. Кто не верит, пусть вспомнит программные работы Клода Леви-Стросса по структурной антропологии.

Разумеется, до сих пор Веселину не удалось получить внятного представления о плане устройства Березани, ведь он не видел селения при дневном свете, а по ночам оно освещается фрагментарно.

И вот он — утренний свет, брезжит в узком окошке. Там, за сараями встаёт солнце, а вокруг председательского дома раскинулась Березань и ждёт заслуженного внимания. И где та сила, что способна остановить исследовательский порыв Веселина?..

Но сила нашлась рядом, у выхода из комнаты. Ей имя — запертая дверь.

Ещё не веря в реальность преграды, Веселин приналег на тугую дверь. Таки закрыто. Забарабанил кулаками. Ноль ответа.

Да что?.. Да как же?..

И только через час, когда недоумение сменилось досадой, а та приобрела горький оттенок обречённости, к двери комнаты Панайотова подошёл кастелян. Зыркало без долгих разговоров отомкнуло дверь и обещал примерно наказать слугу, который её вчера по недоразумению запер.

Поскольку Веселин не знал имени слуги, кастелян пришёл к идее наказать всех троих (а чтобы неповадно!). В ответ гуманный этнограф попросил не усердствовать, на что Зыркало на словах согласился, но при том так и не убрал с лица злобной ухмылки.

До встречи с Грдличкой по поводу деревянной скульптуры оставалось чуть больше часа. Панайотов решил успеть хоть что-нибудь из задуманного и, вырвавшись на свободу, начал обход территории Березани с центральной части, обнесённой берёзовым частоколом.

Двигаясь по часовой стрелке, прошёлся бы изнутри по всему её периметру, когда бы не наткнулся на стаю мутантских свиней в шипастых ошейниках — наподобие того, в котором вчера щеголял Свинтус, четвероногий побратим Пердуна. У этих ошейники соединялись с массивными стальными цепями, звенья которых тянулись в направлении пяти-шести длинных решётчатых вольеров, выстроенных по краям какой-то ямы или котлована изрядной ширины — издали не больно-то разглядишь.

Веселин подумал, что столь широкая яма должна бы иметь и глубину соответственную, а там, на глубине — должно прятаться нечто секретное, что оправдывало бы выставленную свиную стражу. Разрешат ли мутанты выведывать свои секреты даже беспристрастному учёному-этнографу — вопрос, конечно, риторический — но попытаться-то стоило.

Свиньи в ошейниках мирно отдыхали в высокой мутант-траве, на Веселина внимания,

как будто, не обращали, выглядели почти добродушно. Правда, стоило ему приблизиться на расстояние полусотни шагов до ближайшего четвероногого стража, несколько из них вскочило на ноги, как по команде. В утренней тишине далеко разнёсся глухой, но воинственный звук — угрожающее свиное урчание.

Веселин остановился. Что ж, если эти парнокопытные мутантские псы настаивают, он утихомирит своё любопытство. Наука пострадает, но не очень сильно.

Большинство свиней-мутантов удовлетворилось остановкой этнографа и вернулось к блаженному ничегонеделанию. Большинство, но не тот полутораглазый хряк, что стоял к нему всего ближе.

Веселин отнюдь не сразу понял, что простой остановки недостаточно. Когда же стал отходить, сделал это не так уж и быстро. Хряк успел-таки перевозбудиться — и резко сорвался с места. Оказалось, стальная цепь за ним ещё имеет приличный запас и позволяет настигнуть незадачливого нарушителя.

Тут уж и Веселину пришлось отступать не понарошку. Он побежал, мучительно сознавая, что дыхание с непривычки сбивается от чересчур резкого старта, ноги — неуклюже проскальзывают по росистой мутант-траве.

Уйти удалось на самом пределе сил и скорости. Кабан в последнем длинном прыжке почти настиг Панайотова, но уже в средней точке стальная цепь натянулась и дёрнула преследователя назад. Визг, исполненный боли, обиды и досады обрушился на уши человека.

Веселин споткнулся и шлёпнулся на мутант-траву. Отползая, он повторял вслух, точно мантру-оберег:

— Отделался испугом! Отделался испугом!..

И неслабо повезло, что отделался.

10. Леонид Андреевич Погодин, главврач больницы с. Березань

Операционная — и вдруг в одиннадцатой палате. С самого начала такое утверждение звучало дико и резало слух. Операционная — это операционная, палата — это палата, и путать одно с другим — чистый дебилизм.

Но Фабиан Шлик сказал про одиннадцатую палату. Санитар из самой Европы! Тут поневоле поверишь не себе, а ему. Что, если по Европе вообще отменили операционные, а оперируют прямо в палатах? Ведь чудный опыт надо поскорее перенять!

Леонида Погодина по пути к больничному вестибюлю так и тянуло на едкий сарказм, даже на скоморошество. Дай себе только волю... Стоял бы в коридоре — и лишь ёрничал да паясничал, а раненых сами спасайте, коли такие умные!

Но истерикой — Лёньке ли не знать — дела никогда не поправишь, а получишь ту же самую ответственность да пару пощёчин в придачу. Потому новоявленный спаситель раненных героев избегал шутить вслух. Только про себя. И *для себя* — чтобы успокоиться.

А успокоиться не мешало, так как в одиннадцатую палату он таки заглянул. В дверь с табличкой "Палата N 11", за которой скрывалась точно такая же арестантская камера, как и за другими дверями, выходящими в этот сумрачный коридор убитого мутантского медучреждения.

И дело не в том, какова одиннадцатая палата из себя. А в том, что в ней — действительно находилась операционная. Точнее, в том, *как именно* она там находилась! Упакованная!!! В ящиках!!!

— Это и есть ваша операционная? — деловито спросил он у Фабиана.

— Да, это она.

— А вы не пробовали её... развернуть?

— Пока нет. Не было случая...

— Что ж, Фабиан, вам повезло: случай представился!

И — молчок! Не то за убийственным сарказмом ожидаемо придёт истерика. Погодин сцепил зубы, вполуха слушая разглагольствования немецкого волонтера. Дескать, доктор Дитрих Гроссмюллер не велел распаковывать ценное оборудование, пока ему не выделят адекватное помещение. Поскольку помещение обещали найти, но ищут по сей день, контейнеры с оборудованием сложили в одиннадцатой палате...

Десять ящиков! Некоторые — в человеческий рост. Когда это всё извлечёшь, установишь, развернёшь, отладишь — даже если немцы не забыли приложить инструкции?

Словно в тумане Погодин навестил раненых (ты смотри — снова живы!), отстранённо проследил за введением антибиотика (хоть одна хорошая новость для пациентов!) — и вернулся к мыслям об оборудовании:

— Скажите, Фабиан, а операционная "Евролэб" вам вообще знакома?

— Да, мы с ней работали. Не здесь, в Германии.

— Уже легче. А есть в этой больнице хоть какая-то операционная — пусть старая, непригодная по вашим евростандартам? Я имею в виду оборудованное помещение.

— Да, — закивал Фабиан, — я покажу. Пару несложных операций наши волонтеры там даже провели! — последнее немец произнёс со странной смесью гордости с горечью и обречённостью.

— Так она в рабочем состоянии? — оживился Погодин. — А я уж думал...

Они вчетвером со Шликом, Гаевским и Хрусталёвым как раз вошли в одиннадцатую палату, волей немецкого доктора превращённую в склад медоборудования. Какова теперь будет воля русского доктора?

— Пожалуй, всё распаковывать мы не станем! — объявил Погодин. — Нужна установка для переливания крови. С неё и начнём.

11. Веселин Панайотов, этнограф

Оказалось, огороженная частokoлом часть Березани представляет в плане довольно большой треугольник с закруглёнными углами. Два из этих углов отмечены длинными зданиями, как бы вытянутыми к условному центру треугольника — председательским домом и (наверняка) больницей, третий угол — занят непонятной огромной ямой. Именно к ней Панайотова не пустили мутантские сторожевые свинтусы.

Что ж, выявленная тройственность центра Березани уже может о многом поведать, настойчиво думал Веселин, пытаясь преодолеть внутреннюю дрожь. Да и, несомненно, поведает! Но только не сейчас, когда мысли так и разбегаются, стоит на миг оставить без присмотра. Счастливо отделался, да! А двоим вот — не посчастливилось. Бегичу. И Багрову.

Три объекта на лучах от центра Березани: больница, яма, председательский дом. Три взаимно дополнительных принципа — в чём же они состоят? Председательский дом ассоциируется с мирской властью, больница — с реанимацией, возвращением к жизни, яма — с могилой, смертью, загробным миром. Кого не подлечит больница, того приберёт яма, кого подлечит — тот может явиться в дом и стать председателем. А что, стройно!

Вышло бы ещё стройнее, когда бы обдумывал не в такой лихорадке. Но порой учёные-этнографы не выбирают состояний, в которых приходится работать. Сейчас, к примеру, остаточная тревога от встречи со сторожевым кабаном усиливалась новым опасением: надолго задуматься и опоздать к сроку, предложенному Грдличкой.

В итоге тревожных ожиданий Веселин пришёл к месту встречи — крыльцу председательского дома — ровно в одиннадцать, а Грдличка не мог вырваться от пана Щепаньски до половины двенадцатого.

— Важное дело, — пояснил чех, извинившись за задержку, — касается всей экспедиции и нас с вами.

— И нас с вами?

— Да, нами ведь запланированы исследовательские меры в Березани. А пан Кшиштоф склоняется к тому, чтобы выйти отсюда не позднее двух часов. Болото — его затемно не преодолеешь.

— А разве нельзя выйти завтра? — с тусклой надеждой спросил Веселин.

— Нас очень ждут в Столичной Елани, — вздохнул Йозеф, — к тому же Сопля панически боится возвращения сюда Пердуна. Так недолго и проводника потерять: если не Пердун убьёт, так он сам убежит.

— Значит, мне и вам тоже пора собираться? — сник Панайотов.

— Как раз нам сегодня идти не обязательно, — успокоил его Грдличка, — я специально уточнил! Мы можем догнать экспедицию позже. Да-да! Выйдем вместе с близнецами Бегичами — когда Зорана немного подлечат.

Веселина такая перспектива порадовала. Не любил он преждевременно покидать городов, замков, селений. Человеческих, мутантских — не суть важно. Этнография тем и сильна, что позволяет охватить культуру в целом, а не просто составить перечень фрагментарных фактов, случайно попавшихся на пути. Если не обошёл как следует населённого пункта, то получается, и зря его посещал — так ему всегда казалось.

Хорошо, что появилась возможность посмотреть Березань без спешки. Поспешить — коллег насмешишь, как говорят этнографы. Что характерно, из ряда запланированных на этот день исследовательских встреч с аборигенами — мало какая прошла безупречно. Первый блин всегда комом, особенно же — когда наскоро замесили тесто.

Единственную деревянную скульптуру в Березани Панайотов и Грдличка нашли почти сразу за частоколом, на рыночной площади — как, собственно, и обещал Закусило. Прибитая гвоздями к ветке мутант-дерева, над овощными рядами висела витрина с кочанами капусты. Сверху на ней кто-то не в меру набожный установил статуэтку девы Марии.

Статуэтка — явно католическая. Сразу ясно, что попала она сюда издалека, вовсе не из православного мира, среди которого-то и расположен Дебрянский ареал. Веселин предположил, что мутанты похитили её в одном из католических храмов Чернобыльщины.

— Да, напоминает католическую скульптуру, — признал Грдличка, — но не будем торопиться. Не мне вам рассказывать, как часто внешне похожие феномены оказываются разного происхождения. Как там зовут местного резчика по дереву: Ванидло? Спросим у него, не его ли это изделие.

Ну да, спросим. Отчего бы не спросить?

Ванидло — ещё один краснолицый мутант — отличался от соплеменников только разве по запаху. Жил он в хижине на самом дальнем краю Березани, практически на берегу болота, которое именно в этой стороне выглядело гораздо чище, даже напоминало озеро. В

чистой озёрной воде под самым двором, да не помыться? Наверное, мутанта удерживал от омовения какой-то сугубый обет.

— Статую на торгу? Да, это я работал! — согласился Ванидло. — Что она означает? Ну, это ж просто для красоты. Какая дева Мария? Не слыхал я о такой деве. Говорю же — для красоты. Просто баба в плаще. Чтоб красиво.

Веселина утверждения скульптора ничуть не убедили, зато Грдличка вовсю кивал. И не из вежливости. Казалось бы, ему ли не встречать раньше таких статуэток девы Марии? Да в Праге они — в каждом костёле! И можно ли не слышать, что претендент на авторство не может связать со своим изделием ни единого мало-мальски определённого смысла. "Чтоб красиво" — и всё тут. Однако, Грдличка упрямо поддерживал идею "автохтонности" статуэтки, приписывал ей статус "культурного памятника мутантов" — уже вопреки всякой очевидности.

— Ну допустим, — вздохнул Веселин, когда мнения исследователей окончательно разделились, — статую на торгу оставим в покое. Скажите, Ванидло, нет ли у вас других каких изделий? Из мастерской скульптора, так сказать, — а сам-то лелеял заднюю мысль: как представит мутант другие скульптуры, можно будет запросто сравнить с "девой Марией" их стиль исполнения. Тут уж незадачливому "автору" не отвертеться.

Но у скульптора не оказалось других работ. То есть, Ванидло, не будь простаком, с упорством убеждал:

— Статуэток-то наделано много, но себе не оставил. А зачем? Всё продал. Нет, не в Березани — в Столичную Елань продал. Думал остаток раздарить, но они всё купили. Даже ещё просили. Скульптур им там сильно не хватает. Зачем? Ну, как зачем... Чтоб красиво!

С тем же успехом Ванидло стал и незаурядным вышивальщиком. Нашлась у него в хижине салфетка, вышитая крестиком.

— Последняя, — сказал он, — остальные раскупили.

Веселин ему не больно поверил, ведь не мужское занятие салфетки вышивать. Впрочем, кого-кого, а женщин — и не только у Ванидла в хижине, но и во всём селении Березань — что-то до сих пор ни разу не встретилось. Прячут их, что ли? Или выселили жить отдельно?

На всякий случай узор салфетки Веселин наскоро срисовал себе в блокнот, а Грдличка — тот её вышивкой так впечатлился, что даже купил. Деньги в Березани никакие не ходили, но антрополог не зря запасся стеклянными бусами и сладким печеньем. В общем, только называется "купил", на самом деле — выменял.

— Вот и раскупили мою последнюю салфетку! — горестно воскликнул Ванидло. — Что мне теперь делать? — и заплакал. Видно таков был его ритуал проводов ремесленных изделий покупателям.

— Что делать? Новую вышивать! — посоветовал Веселин.

12. Евгений Павлович Нефёдов, капитан войск МЧС

После ночёвки у Ребят-из-Заслона в путь собрались не спеша, тронулись только к обеду. Ведь и легли под утро, а всю ночь обсуждали с атаманом Соколом "политическую ситуацию".

Ополченцы Заслона — они не только всякий раз оружия просят, они и порассказать могут много чего. Большинство боестолкновений с мутантами приходится на их долю. Оно и не удивительно, учитывая более тесное соседство и непримиримость — её только Заслон и

может себе позволить.

Правда, и патруль МЧС не лыком шит. Пусть с мутантскими формированиями он официально не воюет, но гоняет ведь отряды, идущие на прорыв, а в них-то и встречаются самые жуткие отморозки. Так что неверно будет сказать, что наша борьба с экспансией мутантов сводится к поставкам оружия. Жека Нефёдов с подобными упрёками не согласен!

В эту ночь слушали про позавчерашний бой в урочище Дубки. Тут Заслон сработал, как надо. Неслабо угостил противника.

Мутантов пора уже было проучить, а то за последний год совсем оборзели. Понастроили новых укреплений — и всё в зоне ответственности Заслона. Эти Дубки — уже была последняя капля: пользовались, гады, тем, что наши при дефиците боеприпасов перешли в оборону. Ещё бы годик-другой, глядишь — мутантский ареал расширен аж до постов МЧС, а от Заслона и след простыл. Пресечь такое — дело выживания.

На мутантское укрепление пошли грамотно — Сокол рассказал. Первым долгом — гранатомёты. Всякое переносное оружие потяжелее. Забросали гранатами, да покучнее, чтобы мутанты драпанули в подземный этаж. Как поняли, что враг крепко засел в подвалах — тут и зажгли всю наземную часть. И у каждого выхода поставили по десятку автоматчиков с хорошей сменой рожков. Благо, заранее разведали: выхода всего три.

Самая трудная задача выпала автоматчикам. Известное дело, мутант живуч: одной очередью такого не положишь. Разносишь его в клочья, а он всё идёт на тебя, точно робот. Стрёмные моменты.

Когда мутанты на тебя из подвала лезут, да ещё всей толпой, важно не растеряться. Кто начнёт стрелять куда попало, тот, считай, покойник. Вроде бы, легче и надёжнее попасть мутанту в корпус — ан нет! Заблуждение. Повредить ему таким путём очень маловероятно. Плевать, что среди внутренних органов есть жизненно важные.

Бывает, у мутантов сердец несколько. Да пусть и одно — иди пойми, где оно расположено. Всё у них не как у людей.

Потому правильный ответ — голова! Её надо поскорее сбить очередями. Голова — это своего рода гвоздь, на котором крепится весь мутант. Нет головы — и его нет. По крайней мере, в большинстве случаев.

Правда, нет правил без исключений. Вот и у людей Сокола такое случилось. Там, в Дубках — один мутант от них прямо без головы ушёл. Порвал одного из автоматчиков голыми руками — и ну через лес драпать. За ним не гонялись: всё равно никому ничего не расскажет, раз голову ему отстрелили, а запасной не выросло. Важнее было разобраться с его товарищами, что так и продолжали переть наружу.

Ничего не скажешь, занимательная история.

Но — к делу. Чем по-настоящему силён капитан Нефёдов (без дураков силён), так это наблюдательностью. Ворон он попусту не считает, на размышления не отвлекается, никакой беды не пропустит. Вот и полковник Снегов тоже за ним это знает — и всякий раз ставит Нефёдова командовать головным БТРом. Именно его и именно головным.

Вот и сейчас Нефёдов первым видит непорядок. Что это там впереди на дороге — никак завал? Ага, и неслабый. Мутанты постарались.

Самое время скомандовать:

— Машина, стой! — и тут же передать на второй БТР предостережение по рации. На третьей машине рация не работает, но Калинин не дурак — и сам остановится.

Завал на пределе видимости. Могут ли оттуда разглядеть остановившийся БТР? Многие

мутанты близоруки, но надеяться на это не след. У них могут быть оптические прицелы, мощные бинокли. У мутантов — могут быть, а у Нефёдова — точно есть.

Бинокль приблизил картину поваленных на дорогу деревьев с высокой точностью — вплоть до мелких сучков и годичных колец на распиле. В поле зрения попались и мутанты. Вроде, и хорошо попрятались, но больно уж их там много, всякому укрытия не найдёшь. И мелькнуло две очень характерные трубы. Недобрые трубы — противотанковые гранатомёты.

Прорываться? Этак нас, чего доброго, ещё и сожгут. Решать, конечно, полковнику, но — тут пора отступить без вариантов. После отправки отряда в Березань людей осталось только на вовремя смыться.

— Доложите обстановку! — голос полковника по рации. Ему-то из-за поворота ничего не видно даже в бинокль.

— Докладываю. На пути завал из деревьев. За ним — не менее десятка мутантов. Есть РПГ-шники... — все беды строго по порядку.

— Сдаём назад, Нефёдов!

Логично. Лезть на рожон — это не наш метод.

Тихонечко уезжаем. Может, мутанты нас не заметили. Вдруг они ждали кого-нибудь, всё равно кого? Если они там к тому же без биноклей — это уж их проблема. Чур нас тут и не было.

Хуже, если они специально нас пасли. Тогда сзади уже громоздится ещё один завал — и значит, БТРама каюк, уйдут только пешие. Мутанты такой тактики раньше не применяли, но каждый к чему-то приходит впервые.

И, кстати, впервые ответный удар по Заслону — внаглую задевает нас.

1. Алексей Иванович Сергеев, капитан войск МЧС

В первый же час после ухода мутантов от больницы капитан Сергеев нашёл место себе и своим людям. С умом определил палаты под ночлег отряда и прибывшего к нему Горана Бегича. Сам занял кабинет главврача — положение обязывает. Лучший кабинет командиру.

А вот функции главврача — те, понятно, достались ефрейтору Погодину. Оно и к лучшему: башенный стрелок наконец-то зашевелился, ещё с ночи деловито взялся за распаковку иностранной медтехники. А поскольку всю операционную решил не собирать, есть надежда, что и о пациентах вовремя вспомнит.

Первоначально Сергеев хотел выставить два сменных поста — внутри и снаружи здания у единственной двери — но передумал и просто запер дверь изнутри. Людей-то маловато, часть и так дежурит у раненых, другая помогает Погодину в операционной. Не до формализма.

И ночь прошла спокойно — под утешительные звуки молотка из складской одиннадцатой палаты.

Наутро неплохо выспавшийся капитан вспомнил о тайной разведывательной миссии. Ага, самое время что-то затеять.

Под контроль русского отряда березанская больница перешла легко и почти непринуждённо. Вопрос только, надолго ли? Что отдано по недомыслию, то будет затребовано обратно, как только мутанты опомнятся. А ведь опомнятся: даже мутантской тупости положен предел.

Значит, временное преимущество пора использовать по максимуму. Разведка в мутантском тылу начнётся с придирчивого осмотра больничного здания. Мало ли что здесь обнаружится — на этаже и в подвалах.

Капитан взвесил в руке доставшуюся от сторожа связку ключей. Изрядное количество помещений здесь запирается на ключ. Другие — просто на засов задвигаются. В помещениях обоих типов человек рискует надолго застрять. Взять хоть немецкого волонтёра Фабиана Шлика — его подвальная комната на ключ не запиралась, и разве много в том утешения?

Но помещения, для которых предназначен ключ — представляют двустороннюю преграду. Не только изнутри не выберешься, но — извне не попадёшь. Разумеется, если ты не прикосновенен к "власти ключей", или не наделён грубой силой, достаточной для свержения со стальных петель здешних дубовых дверей.

Хорошо, что сторож отдал ключи. Может, и догадался, что военные — они и так войдут повсюду. Велик соблазн применения грубой силы, после которого в здании уже нескоро что-либо спрячешь.

Сколько же ключей на связке? Двадцать? Нет, двадцать один. Причём двадцать первый ключ — особый. Зачем-то в тряпицу замотан: то ли чтобы его скрыть, то ли — особо выделить.

Эх, знаем мы эти особые ключи. Начитаны: сказка "Синяя борода".

С первым беглым осмотром больницы капитан Сергеев справился лично: обыскал кабинет главврача, прошёлся со связкой ключей главным коридором, заглянул с выборочным обыском в операционную (Погодин её как раз доводил до ума) и несколько палат.

По ходу дела нашёл кое-какие документы — чему и сам сперва удивился: "Документы? Зачем и для кого, если сами мутанты в основном неграмотны?" — но трудночитаемый немецкий язык многое прояснил.

Конечно, мутантам документация без надобности. Но пятеро немцев обойтись без неё не смогли бы и в глухом углу мутантского ареала. Тем более — пятеро волонтеров помешанной на строгой отчетности организации "Хирурги через заборы". Их отчеты за три года, а также журнал проведения хирургических операций капитан, собственно, и нашёл, причём в двух экземплярах — в кабинете главврача и в операционной.

Почитал — чистая нудья, официальные отписки. Но кое-что вынес.

За три года пребывания в Березани немецкими специалистами проведены две хирургические операции, одна из которых — собственному же сотруднику Матиасу Руге. Поразительная эффективность! С другой стороны, что им делать, если мутанты за помощью не обращаются?

Между прочим, из отчетов следовало, что волонтеров при больнице всё ещё пятеро. Хотя последние три бумаги — видно неспроста составлял и подписывал уже не секретарь группы Каспар Вирхоф, а простой санитар Фабиан Шлик. Сидел в перепуге под замком у себя в подвале, но в документах ни словом не обмолвился о постепенной пропаже коллег.

Сведения сами по себе поучительные, но — мелочь.

Нужен иной масштаб. Нужна группа, ну хоть пара человек, которые прочесали бы здание, простучали его толстые стены, но нашли... Что именно? "То, не знаю что" — хорошее определение. Нечто неизвестное, что выведет не на отдельные симптомы, а на самую суть здешней патологии. Яснее пока не скажешь.

— Егоров, поди сюда! Шутов, и ты тоже. Держите связку ключей, обшарите больничное здание.

— Простите, мой капитан, на предмет чего? — любит Егоров иной раз закосить под интеллигента перед бывшим историком Сергеевым.

— На предмет всего.

— Понял! — а это Шутов торопится.

— Погоди! — прав Егоров, надо дать более четкую инструкцию. — Итак, проходите по больнице, заглядываете всюду. Какие двери без ключа — открываете, с ключом — тоже. Высматриваете — всё мало-мальски необычное. Где какие документы — тащите, только запомните, откуда взяли. Может, наткнетесь и на людей запертых — ведите сюда.

— Простите, мой капитан, про людей — вы серьезно?

— Вполне, — усмехнулся Сергеев, — здесь одних немецких волонтеров пропало четверо. По Шлику, доктор Гроссмюллер — тот, вроде, выходил, но остальные — неизвестно где. Может, кого-то из них просто отпереть забыли! — при этих словах Егоров заулыбался, а впору бы поежиться. — В общем, действуйте по обстановке. И не стесняйтесь докладывать о любой глупости: иная глупость — не вашего ума дело.

Чего на самом деле ждал капитан Сергеев от затеянного тщательного обыска? Понять бы самому. "Хоть чего-нибудь" для очистки совести? Нет, ожидания более конкретные. Найти позабытых узников — это сомнительно. Отыскать какие-то новые документы — ну

да, возможно. Чего бы ещё? Улик.

Да, не вполне осознанно капитан рассчитывал раскопать улики какого-то жуткого преступления, поскольку подозревал: тяжёлая аура над больницей — неспроста. Что-то происходило в этом вроде бы покинутом несуразном здании, что-то такое, перед чем удержание под замком и запугивание немецкого волонтера — невинная детская забава на закуску.

Шутов с Егоровым честно лязгали дверными замками да засовами до самого позднего вечера. Весьма тщательно прошли все больничные помещения. Никого живого взаперти не нашли. Документов — тоже. Подозрительных пятен крови? Но здесь хирургическая больница, тут никакие пятна крови ни в чём не заподозришь.

— А все ли двери удалось отпереть?

— Все, что были.

— А приходилось ли пользоваться вон тем ключом, завязанным в тряпочку?

— Этим? Не приходилось...

2. Веселин Панайотов, этнограф

Почти ничего из намеченного на первый день — не состоялось.

Мало того, что "березанская деревянная скульптура" обернулась фикцией, так и мутанток-вышивальщиц отыскать не удалось. А плясуны на празднике Урожая — хоть и нашлись, но станцевать отказались. Клялись, что давно позабыли движения. Настроение, кстати, тоже забыли: таких угрюмых танцоров ещё поискать.

Зато — два ценных наблюдения Веселин сделал.

Первое. Все дворы, в которые в тот день заглянули Панайотов и Грдличка, представляли собой уменьшенные копии дворища, обнесённого берёзовым частоколом. Все такие же треугольные, причём углы заборов закруглены; в каждом дворе выделяется три объекта: хозяйский дом, большой хлев (или сарай), накрытая решёткой яма. Если на яме недостаёт решётки, то её — и именно её, а не весь двор — сторожит цепная свинья.

Второе. Обнаружилось, что женщин-мутанток в Березани вообще не встречается. Равно как и детей. Одно мужичьё — и по улицам ходит, и на рынке торгует, и в домах сидит. То ли Березань — чисто мужское поселение, то ли семьи свои они по углам прячут.

Факты интересные. Но смыслы неясны.

Ни об охраняемых ямах, ни о семьях мутанты вообще не давали никаких комментариев. Молчали, тупо моргая глазами, либо неуклюже меняли тему. Предположительно, действовало жёсткое табу. И, хотя Веселин задавал вопросы с осторожностью, ухищрения не помогали.

Тот же Ванидло — с увлечением рассказывал о том, как он ведёт хозяйство, но как только Веселин поинтересовался, не помогает ли семья, скульптор-вышивальщик будто воды в рот набрал.

Веселин терялся в догадках и нуждался в подсказке. Логично было бы поделиться с коллегой, послушать его соображения. Но Йозеф Грдличка, к сожалению, не тот коллега, чьему совету стоит доверять. Как он упрявился в признании Ванидла народным скульптором вопреки очевидным фактам! И ради чего? Только чтобы Березань продолжала считаться центром резьбы по дереву. На притянутых за уши основаниях!

Насколько легче было бы разбираться в этнографических фактах, когда бы Веселин

остался в Березани на пару с Ратко Милорадовичем, Славомиром Костичем, даже Гориславом Чечичем — с кем-то из них. Но Грдличка... Спасибо, лучше подумать самому!

Не даром идею роботов предложил чех Карел Чапек. Наверное, у себя в Чехии и наблюдал среди людей такие типы, как упрямый партнёр Веселина. Робот — не мыслит, он имитирует мыслительный процесс. Вот и Грдличка — такой имитатор. Робот с жёсткой программой, полученной от профессора Щепаньски. Или у неё другой источник?

Когда-нибудь, когда Веселин исследует мутантскую культуру, он подумает и о том, что заставляет чешских антропологов так превозносить её достижения. Вряд ли всё дело в эволюционной теории Дарвина, которую им хочется снова и снова подтверждать.

Сам дарвинизм стоит на страже чьих-то интересов. Кому-то выгодна эта игра: борьба за существование. Тому, кто надеется выжить.

3. Леонид Андреевич Погодин, и.о. главврача больницы с. Березань

Так вот ты какая, установка переливания крови. Серенький ящичек с неразборным корпусом (а вдруг кто подсмострит, что там происходит?) — иными словами, таинственный "чёрный ящик". На входе — стандартное поршневое устройство для забора крови, на выходе — капельница. Всё.

И что в этой штуке такого, чтобы её не завезти в операционную замка Брянск? Изготовители позаботились, чтобы любопытные внутрь не лазили, но мы-то и так знаем: в ящике стоит фильтр.

Кровь, забранная из вены, собирается в резервуаре, проходит через фильтр, поглощающий молекулы токсинов, а затем через капельницу возвращается в кровь. Вот и всё, если работать в режиме гемосорбции.

А Погодин — уверен, что предпочитает работать в этом режиме.

Можно, конечно, и усложнить себе жизнь — ещё повозиться над обеззараживанием кровяной плазмы. Но тогда придётся распаковать и центрифугу, а хватит ли здесь энергии её раскрутить, поди догадайся. Электростанция-то в больнице слабая. Так, кофе попить.

Что ж, отступать дальше некуда, чудо-прибор собран!

Пациенты. Пора их осмотреть, и наружный осмотр не затягивать. Ибо: что там искать — сепсис у обоих. Красные линии отчётливо проступили под кожей, по ним всю лимфатическую систему проследить можно. Одним уколом такого не погасишь, нужен длительный курс антибиотиков. И подключение к чудесной установке — как же без неё!

Теперь — не отвлекаться — придётся осматривать раны. Хотелось передать эту честь неизвестному хирургу — не вышло. Будем сами разматывать. А там и скальпелем придётся поработать. Ведь быть того не может, чтобы всё хорошо зажило. Коли есть сепсис — ищи гнойный очаг.

— Санируем раны и подключаем к установке, — пояснил Погодин общий порядок действий. Фабиан кивнул, потом поинтересовался:

— А с кого начнём?

— Первым пойдёт капитан Багров — тут без вариантов.

Да. Всё верно. Рану Зорана Бегича пока вычистишь, капитанская кровь успеет в чудо-ящике трижды обновиться.

— Стоп, а почему бы не начать с Зорана? — Горан Бегич, конечно, тут как тут. Будто специально тут вертелся, чтобы держать брату очередь.

— Аппарат же сперва надо испытать! — как ни в чём не бывало, пояснил Погодин, и Горан ответом удовлетворился.

А вот свои напряглись маленько. Что же это, дескать, башенный стрелок Погодин родного капитана в испытатели готовит? Но на всех не угодишь. Иные даже чужой лапше завидуют.

Итак, первой смотрим капитанскую ногу. Пациента Багрова — на стол! Носилки-трансформеры, ныне подключённые к больничной электросети, прекрасно справляются с саморазгрузкой. Капитан бы и не почувствовал, когда бы был в сознании.

Нога... Гм. В замке Брянск точно бы отрезали. Мы же — сперва промоем, а там видно будет.

— Хрусталёв! Готов уже мыльный раствор? Неси тазик.

Гнойничок, что надо! Рана запущена, поражена инфекцией — явный, классический случай. Края воспалены, ткани вокруг опухли, покраснели, дальше краснота распространяется полосами. А вон и лимфатические узлы — припухли, собаки.

Ну, рану как бы промыли. Заглядение, блин!

— Гаевский, где скальпель? Ах да, у меня. Спасибо, что показал.

Итак, ребятки, приступаем к искусству убирать лишнее. Иссекаем перерождённые ткани. Весь этот гнойный "мутантский ареал" — под нож! Так его! Получай! Нечего тут вонять... А вслух — скажем что-нибудь обнадеживающее:

— Сейчас рана вырастет вдвое, вы не пугайтесь, так и надо!

Слышала, рана: так тебе и надо. А будешь возникать — ещё получишь!

— Фабиан, где порошковый антисептик? Сыпь сюда. И заживляющую мазь — есть такая? Наноси, не жалея.

Ах да, не забыть дренаж. Вставляем в рану — и готово. Коктейль "Нога капитана" правильно смешан и красиво подан. С трубочкой.

— Всё? — это Горан Бегич явился поторопить.

— Какое там всё? Только начало. Теперь-то мы подключим Юрия Михалыча к березанскому чудо-ящику. Ради которого сюда и притащились.

— Но с этим справится и волонтёр Шлик?

— А ведь верно! Фабиан, фершгейн? — тот закивал и принялся прилаживать аппарат.

Да, Фабиан Шлик справится. Зато на долю счастливец Погодина снова выпало самое сложное. Взять, что ли, паузу, вздремнуть? Нет, лучше быстрее отстреляться. Сколько ни откладывай, всё равно судьба настигнет.

Ну, с Богом, что ли:

— Зорана Бегича — на стол! А вы, Горан, пожалуйста за дверь: зрелище вам не понравится.

4. Веселин Панайотов, этнограф

За ночь раздражение Веселина несколько поулеглось.

Конечно, какой Грдличка ни "робот", а всё-таки человек. Не отвергать же в нём человеческое начало только потому, что думает он по чьей-то указке. А раз человеческое в коллеге присутствует, надо его уважать. Не пытаться уязвить абсолютным бойкотом. Проявлять такт.

Но, конечно, не обижать и себя. Трудно ли такого достичь? Да нисколько — если дать

себе время остыть и разобраться.

И отныне Веселин Панайотов чётко разграничил для себя две области: та, где можно действовать совместно с антропологом — и где оно того не стоит. Можно — это в поиске этнографического материала. Не стоит — это в обобщении и осмыслении полученных фактов.

Собственно, и Грдличка, судя по всему, склонялся к подобной же формуле. "Смотрим вместе, думаем порознь".

Чех с энтузиазмом взялся за подготовку новых совместных визитов в дома мутантов — то есть, по крайней мере не собирается скрывать от напарника какие-либо неудобные факты. А что в трактовке фактов он тенденциозен — так тоже ведь не со зла. Это как раз Веселину не терпелось ниспровергнуть ложные сведения. Антрополог же ни разу не набивался на полемику с Панайотовым, и лишь по необходимости отвечал.

Нынешним утром Веселин проснулся так же рано, как и вчера. Думал — успеет обойти всю Березань по периметру перед совместным болгаро-чешским посещением здешних вышивальщиков. Опять случилось иначе.

Панайотов изумился, когда второй день подряд подёргал дверь — а она заперта! Подумал: не может быть! Ещё вчера кастелян наказывал виновного слугу, что же тот заново наступает на прежние грабли? А может, это месть невиновных, что пострадали за компанию? Дескать: из-за тебя нас незаслуженно наказали, теперь заслужим: сиди снова в четырёх стенах!

Снова пришлось барабанить в дверь, снова пришёл кастелян и выпустил. Снова пообещал разобраться с виновниками по всей строгости. Просто какой-то день Сурка!

Когда Веселина выпустили на свободу, во дворе под председательским домом его уже ожидал антрополог и с ним — какой-то юный мутант.

— Это Хмырь, — представил юношу Грдличка, — он вызвался нас сегодня сопровождать. За сладкое печенье.

— Такой молодой, и уже Хмырь? — улыбнулся Веселин. — Может, всё-таки ещё Хмырёнок?

— Мне уже шестнадцать осеней! — насупился Хмырь. — Я зрелый.

И засунул в рот сладкое печенье. Чуть пальцы не прикусил.

Может, и правда по мутантским меркам он — "зрелый". Только никого моложе Хмыря Веселину в Березани пока не встречалось.

— У меня четыре адреса мастеров мутантской вышивки! — похвастался Грдличка, раскрывая блокнот. — Кабысдох живёт недалеко от рынка, Переползло — через три двора на запад, Дрыщ и Хряк... В общем, тоже где-то живут. Юный Хмырь нас всюду проведёт.

— За сладкое печенье, — уточнил юноша.

Первым долгом Хмырь привёл исследователей к рынку, где на пару десятков секунд застыл, почёсывая затылок. Метнулся к ближнему забору, по ходу передумал, перешёл на противоположную сторону неширокой сельской улочки, потоптался у калитки, потом ткнул пальцем в двор за следующим заборчиком:

— Там живёт Кабысдох!

Как ни странно, угадал. Заслужил маленькое печенье.

Кабысдох оказался более плодовитым вышивальщиком, чем вчерашний Ванидло. Составляя протокол посещения местного жителя, Веселин занёс в список наблюдаемых культурных артефактов аж четыре предмета. Три салфетки и рубашку с оторванным рукавом.

— Я, когда ворот вышивал, так дёрнул за рукав — он и оторвался, — виновато пояснил Кабысдох.

— Что ж вы его обратно не пришили? — не понял Веселин.

— Так он это... Сразу потерялся!

Вот они какие — березанские вышивальщики. Не гонятся за практической пользой. Вышивают, словно звери, а пришить не умеют.

Узор на салфетках и рубашке Веселин тщательно зарисовал. Что интересно: и на этих предметах, как и на салфетке Ванидла — шла вышивка крестиком. Тогда как в великорусских областях вышивают в основном гладью. Отсюда напрашиваются любопытные выводы.

Значит, сюда, в Березань, традиция вышивки пришла не естественным путём из окрестных человеческих селений, а — завезена с юга, из бывшей Малороссии. То есть, из тех несчастных земель, которые первые захвачены мутантским квази-государством — Великой Чернобыльщиной.

А стало быть, Дебрянский ареал — не так уж и автономен в культурном отношении. Он развивался под прямым влиянием культуры чернобыльских мутантов. В отношении традиции вышивки — так уж точно.

Логично ли заключение? Без сомнения.

Только вероятнее всё же — что заимствована не традиция вышивания, а сами вышитые предметы. Больно уж сомнительно выглядят претензии на авторство березанских мутантов-вышивальщиков.

Три салфетки щедрый антрополог немедленно купил за красивые стеклянные бусы чешского производства, но рубашку — не дал себе всучить:

— Вот пришьёте рукав — тогда и возьму.

Можно подумать, он эту вышитую рубаху собирался носить.

От Кабысдоха почти через всю Березань шли к другому вышивальщику — по имени Переползло. Веселину показалось, что юный Хмырь повёл их отнюдь не кратчайшим путём. В старину — в некоторых больших городах — именно так дурили приезжих водители такси. Но тем платили за время. А что выгадывает проводник Хмырь? Наверное, рассчитывает успеть выклянчить побольше печенья.

В доме мастера вышивки Переползло нашлось четыре, нет, даже пять вышитых предметов. Всё больше и больше!

Составляя "Протокол посещения жилища носителя традиции", Веселин первым внимательно рассмотрел все вышитые находки, причём когда дошёл до последней, пятой — не удержался, покотился со смеху:

— Где-то я уже встречал эту рубаху с оторванным рукавом!

— Да, — нехотя подтвердил и Грдличка, — мы её только что смотрели у господина Кабысдоха. Как она тут оказалась?

Переползло так и вытаращился на него, не зная, что сказать. Побагровел. То есть, природная краснота мутантской физиономии уступила место насыщенному свекольному оттенку. Стыдно ему, что ли?

— Ай-яй-яй! — выговаривал ему Грдличка. — Хотели нам всучить негодную вещь! Я ведь Кабысдоху говорил: рубашку не куплю, пусть и не надеется. А он её — вам прислал!

И ни слова о трёх салфетках, которые Грдличка как раз купил. Коли купил, должен был унести с собой — но нет! Все три покупки у Кабысдоха тоже попали сюда, снова лежали

перед исследователями (поверх злополучной рубахи) и — ожидали вторичной покупки. Как легко это всё переползло из одного мутантского дома в следующий!

Не случись казуса с рубахой, Веселин бы ничего не заметил, хотя лично перерисовывал вышивки в журнал полевых наблюдений. Да и что можно заметить? Подумаешь, идентичные узоры! Переползло ведь извлёк салфетки из собственного сундука — и прямо на глазах гостей.

Но в том же сундуке нашлось место узнаваемой рубашке. Оторванный её рукав даст звонкую пощёчину всякому, кто решит, будто тяжёлый сундук похож на веский аргумент.

— Не хотите зарисовать узоры, коллега? — напомнил Грдличка.

— Нет, точно такие я сегодня зарисовал, — по возможности нейтральнее ответил Веселин, — потому в этих салфетках новизны никакой.

И ведь антрополог опять их купит — не зря держит наготове и бусы, и печенье. Что он таким образом оплачивает? Ясно, что не салфетки! По-видимому, он спонсирует правильное поведение мутантов.

— А как полотенце? — поинтересовался антрополог.

О нём-то Веселин и забыл. А ведь оно — единственный по-настоящему новый вышитый предмет из сундука мутанта Переползло.

Присмотрелся — час от часу не легче. Вышитые крестиком изделия и раньше его смущали, но тут... Ай да народный умелец Переползло! Редкий, подлинно интернациональный талант.

— Что не так в этой вышивке? — не догадался Грдличка. — Там крестиком, и тут крестиком.

— Да, — усмехнулся Веселин, — но крест на полотенце — болгарский.

И точно такие полотенца запросто встретишь на сельских базарчиках в южной части побережья Болгарии, по крайней мере — на участке между Бургасом и Несебром, где-нибудь в Равде или Ахелое. Там о мутантах если и слышали — то разве от туристов, а уж учить их болгарской вышивке — это как преподавать нестинарство лох-несскому чудовищу.

Но подробности Грдличке знать не обязательно. Достаточно и сказанного, чтобы больше не встретить болгарского полотенца среди культурного наследия березанских мутантов. Тех, кого ещё осталось посетить.

5. Горан Бегич, этнокартограф

— Зорана Бегича — на стол! — скомандовал Погодин.

Голос у врача звучал уверенно, только глаза немного косили. Словно боится даже поглядеть на рану. Но ведь сам же её и запустил: первая помощь Зорану вон ещё когда была оказана, а после того — только температура да давление мерялось, будто эти замеры чем-то помогают...

— А вы, Горан, пожалуйста за дверь: зрелище вам не понравится.

Ага, вот чего боится господин Погодин: что на рану взглянет брат пациента, и происходящее ему не понравится. Правильно, кстати, боится!

Горан вовсе не собирался просто так уходить, но Хрусталёв и Гаевский вежливо вытеснили его из операционной и защёлкнули дверь изнутри.

Пока Погодин работал с ногой капитана Багрова, такой секретности не было. Напротив — заходи, кто хочет.

Но, конечно, рана Багрова — это, по сути, глубокая царапина. Вот у Зорана — рана так рана. Хотя заражение крови накрыло обоих. Хитрая смерть, она подступает с разных сторон, а прикоснуться ей достаточно однажды.

Ах Зоран, до чего несправедлива судьба! Не того подставила, не того! Зоран всегда старался, он всё выполнял на совесть, он был сама надёжность. Куда его ни втравливал безалаберный брат, Зоран вызволял обоих отовсюду.

Вот хоть разведшкола, будь она неладна! Это же Горан подбил брата туда поступить. Поверил в байки о суперменах, которым дорого платят. А что оказалось: почти вся Словения в таких школах учится. Придурки ведутся, поступают — а ведь контракты на работу светят лишь первым ученикам. Зоран — тот смог хорошо учиться, ещё и брата подтянул. Если бы не он...

Тут Горан понял, что он дремлет, опершись на стену под операционной, откуда его выставили. Ладно, что дремлет, так ещё и слова какие-то шепчет. Мало ли что он уже выболтал? Благо, коридор пуст, но ведь совсем недавно по нему шныряло два солдата со связкой ключей. Что, если они уже побежали докладывать своему капитану?

Не хотелось бы при всех оказаться шпионом. Как-то неудобно.

Далее Горан обнаружил, что побороть своей дремоты попросту не может. Снова клюёт носом и начинает бормотать. И... Да, и снова.

Когда ему случалось в последний раз нормально выспаться? Горан почему-то не помнил. Ну, если поднатужиться, то...

Последнюю ночь он не спал, поскольку помогал в подготовке операционной (или мешал — это уж как посмотреть). Перед тем... а там он сопровождал в БТРе раненого Зорана. Сколько ночей — одну или две? Как-то всё смешалось, переплелось в период блужданий на въезде в зону. Итак, около трёх суток бодрствования — солидно. Стоило бы уже на пару часов дать себе послабление. Или сперва дождаться исхода операции?

Горан решительно постучал в дверь операционной.

— Кто? — послышался голос Хрусталёва.

— Горан.

— Иди-ка, ты, Горан...

— Я только спросить! Скоро ли закончите?

— Только начали. А будешь отвлекать — закончим быстрее, чем нужно.

— Понял.

Итак, ждать в сумрачном коридоре пока нечего. Пора закатиться в ту из палат, где с соизволения капитана Сергеева в уголке простелен бегичевский евроспальник, зарыться туда лицом, закусить зубами синтапон — и молча (молча!) уснуть. "Уснуть, и видеть сны — вот и ответ".

Да. Всё правильно. Но только на два часа. Только на два... Чтобы не проспать, надо поставить будильник... Не забыть поставить будильник... Проснуться, и поставить будильник, чтобы не... проспать...

Проснулся Горан Бегич неведомо каким утром. Судя по времени суток, прошло никак не два часа. Но сколько? Не спросить — палата пустовала.

Ой, что ж я так разоспался? Операция-то закончилась, подумал Горан. Он выбрался из спальника и, протирая глаза пятернёй, двинулся к выходу из палаты. В коридоре тоже никого не было. Все разошлись?

Горан подошёл к двери операционной, подёргал. Заперто.

— Кто? — послышался голос Хрусталёва.

— Горан. Я только спросить. Вы не закончили?

— Нет.

— Нет?! Это ж когда вы начали?

— Давно. Не уймёшься — закончим прямо сейчас.

— Понял.

Кажется, Горан не прогадал. Вскочить через два часа было поспешным решением. Но как же обходятся без сна те четверо, в операционной? Хрусталёв, Гаевский, Шлик — и особенно, особенно Погодин. Что, если он как раз засыпает — со скальпелем в руке? Бр...

Захотелось проветриться. Горан прошёл к вестибюлю и здесь, у притворенных входных ворот — услышал любопытный диалог. Какой-то незнакомец пытался войти в больницу, рядовой Мамедов его не пускал.

— Это есть неслыханно! — кипятился пришелец. — Я есть врач в этот самый больница! Моё имя есть доктор Гроссмюллер!

— Больница в данный момент находится под контролем отряда войск МЧС Российской Федерации, — рассудительно вещал Мамедов.

— Немедленно позовите сюда ваш главный командир! — не отступал немецкий доктор.

— Мой командир, к сожалению, немедленно вас принять не может.

— Я буду жаловаться!

— Жалобы и предложения, — Мамедов явно сдержал смешок, — можете направить в Министерство по чрезвычайным ситуациям Российской Федерации. Это где-то в Москве, — добавил он доверительно.

Доктор в ответ на издевку процедил что-то явно нецензурное.

— Аллах милостив, — ответил на то Мамедов, — но ненавидит произносящего непристойности и сквернословящего. И не препятствует избиению шакалов, оскверняющих уста свои непотребной бранью.

Последние слова горец сопроводил характерным щелчком — снял автомат с предохранителя. У собеседника не нашлось ни возражений, ни желания ещё постоять и их выдумать.

Да что же это происходит? Горан опомнился. Настоящего врача русский солдат не подпускает к больнице. А ведь ясно: раз операция затянулась, то башенный стрелок не справляется! Надо вернуть германца.

Горан толкнул створку ворот — оказывается, заперто. Снаружи висел амбарный замок. Ничего себе! Близнец гибнущего Зорана забарабанил кулаками в ворота, крикнул:

— Мамедов, открой!

— Кто стучится? Бегич? Ну, сейчас выпущу, — часовой принялся ковыряться в замке ключом.

Когда спустя минуту Горан Бегич осторожно выглянул из-за створки ворот, уже ничто не указывало направления, в котором скрылся человек, назвавшийся доктором Гроссмюллером.

6. Леонид Андреевич Погодин, и.о. главврача больницы с. Березань

Как поглядишь на живот Зорана Бегича, так и вздрогнешь. Вздулся, что твой футбольный мяч. Помнится, замазывая его заживляющим гелем при оказании первой

помощи, Погодин чуть не любовался своей работой: "забетонировал" на совесть! Упрятал все ужасы кишечного месива под слоем вещества с благопристойным запахом — и радовался, что вскрывать рану придётся кому-то другому. Вот уж не зря сказано: не рой другому яму!

Эх, знать бы заранее, что упаковываешь подарочек самому себе...

Да нет, сделал-то всё правильно. Всё, что положено при оказании первой помощи. Рану по возможности промыл, закрыл, обеспечил возможность транспортировки пациента. Предполагал, конечно, что путь в операционную будет дольше желаемого, но не до такой же степени!

Да, рана чуток нагноилась ("чуток" — это юмор), но ведь не вскрывать её по дороге, в антисанитарии душного БТРа! Тогда бы Зоран уж точно концы отдал — и задолго до Березани. А с другой стороны, в животе-то у парня — разодранный кишечник, а в нём антисанитария куда похуже! И вся эта гадость бродила внутри брюшной полости, никуда не сливалась.

В дороге Погодин мог успеть несколько раз поставить дренаж. Другое дело — сперва провонял бы весь БТР, затем — привлёк бы запахом раны хищное зверье и падальщиков со всех окрестных лесов...

А кроме того — ленился Погодин! Имел право. Ибо нечего баловать хирургов в операционных. Привыкнут, понимаешь, что башенные стрелки всё им облегчат, а они на готовенькое, да ещё с понтами.

Ну, а сами башенные стрелки — они хирурги без понтов.

Потому заткнём потуже ноздри — да и приступим. Раз, два, три!

— Скажите, Фабиан, вы часом Ниагарский водопад не видали? Нет? Ну, не много и потеряли. Ага, подставляйте тазик.

Всех впечатлило. И Шлика, и Гаевского. Даже зануда Хрусталёв не стал допытываться, видал ли ниагарский водопад сам Погодин. Кстати, видал — на репродукции картины Айвазовского.

— Кто спрашивал меня о диагнозе? — Погодин окинул притихших ассистентов покровительственным взглядом. — Никто не спросил? Всё равно ответу: гнойный перитонит, сиречь воспаление брюшины. С осложнением в виде сепсиса, сиречь заражения крови.

Гаевский, Хрусталёв и Шлик молча внимали. Ага: главврач сказал!

Само собой, перитонит — кто бы сомневался? И фаза его развития — далеко не ранняя. Первую-то, реактивную фазу болезнь миновала ещё в БТРе — и задолго до того, как Калинин догадался, что заблудился. Вопрос в том, какая фаза идёт сейчас: токсическая, либо уже терминальная. Если последняя, может, милосерднее больного не мучить? Потому как всё равно не успеем.

Тьфу, опять гноя натекло — и откуда только берётся?

— Выживет? — Гаевский с явным сомнением потянул воздух.

— Как сказать? Вероятность остаётся. А умереть мог и в первые сутки.

Помнится, в кудрявом двадцатом веке врач по фамилии Спасокукоцкий вывел для перитонитов закономерность: операция в самые первые часы даёт девяносто процентов выздоровлений, в первый день — пятьдесят, на третий — всего десять. Но для Зорана и десять процентов — роскошь.

Трудное дело — разорвать кольцо патологии, если оно уже установилось. Легче было

предотвратить. Когда-то, в самом начале беды, всё зло несли в себе только клыки свиньи мутанта. Раз — и порваны кишки. Теперь свинья давно не интересна, зато кишки работают сами. Выбросили в брюшную полость своё содержимое и бактериальную флору — теперь и они могут отдохнуть, дальше по эстафете — работа кишечной палочки. Она-то и вызвала нагноение брюшины, откуда инфекция попёрла в кровяное русло — вот вам и сепсис! И за что теперь первое хвататься?

— Может, начнём? — робко спросил Фабиан Шлик.

— Пожалуй!

Оказывается, Погодин опять медлил, откладывая момент своего вмешательства в слаженный патологический конвейер. А внимание усыплял досужими мудрствованиями.

За что хвататься — и ежу понятно. Да, удаляем гной, saniруем брюшную полость, но главное — устраняем причину перитонита. Это значит, не только режем, а запасаемся терпением и тупо шьём. Из тех лоскутов, которые накроила мутантская тварь, надо вновь воссоздать кишечник.

Разобраться бы только, что здесь к чему пришивать!

— Гаевский, вы пазлы когда-нибудь собирали? — с таким ироническим пафосом недолго заслужить репутацию великого комика.

— Бывало, доктор, — в тон Погодину отозвался тот.

— Значит, поможете в поиске подходящих деталей.

С этой шутки начался долгий, изматывающий процесс. Устали ноги, ныла спина. Периодически накатывал сон. Пару раз Погодин ловил себя на том, что шьёт с закрытыми глазами. В третий раз его деликатно потряс за плечо Фабиан Шлик:

— Простите, герр Погодин, этот кусочек сюда пришивать неправильно.

— Почему же?

— Потому что кишечный тракт завершится слепом.

— Да? Действительно...

Как ни хотелось "отстреляться", справиться с портняжным занятием в один присест, но увы — организм с настойчивостью потребовал отдыха. Пришлось "прервать сборку пазла на самом интересном". Отваливаясь от операционного стола, Погодин предложил:

— Если кто-то хочет продолжить шитьё — милости прошу!

— Спасибо, мы лучше дождёмся вашего пробуждения, — почти в один голос ответили ассистенты.

— Не забывайте про дренаж! — напутствовал их Погодин, а сам уже предвкушал, как он вот-вот приляжет и забудется полностью.

И да не приснится ему ни одна медицинская проблема.

7. Юрий Михайлович Багров, капитан войск МЧС

Приятно бывает иногда проснуться. Глаза откроешь — а ты ещё жив.

А уже почти не ожидал с собой свидеться. Ну, с возвращением, Юрий Михайлович! Будьте в себе, как дома.

За последние неизвестно сколько дней капитан Багров уже приходил в сознание по крайней мере трижды. Ненадолго. И всё в разных местах.

То он видел себя на броне БТРа в позе раненого полководца, руководящего сражением: "Туда, туда!" — и brave полки отвечают: "Есть!", а БТРы ползут ромбом к победе в великой

битве.

То он вдруг перепрыгивал внутрь БТРа, хотя точно помнил, что сам туда не залезал. И уже никто с ним не советовался. Погодин бесцеремонно ставил свои градусники, мерил давление и даже не считал нужным сообщить командиру результат. Битва проиграна?

То бронемашина вокруг Багрова растворялась, сквозь её стенки властно просвечивали неприятельские хвойные берёзы, закрывали верхушками небеса с целью перехвата. В отсутствии очертаний БТРа дизельный его мотор тоже глух, но капитана подхватывали рядовые. И он всё равно продолжал двигаться к заветной цели, пусть лёжа в бессилии, но покуда головой вперёд, это таки обнадеживало.

Теперь на месте БТРа и берёз нарисовалась эта тёмная комната с нависающим потолком, не похожая даже близко ни на брянскую травматологию, ни на сверкающую огнями надежд еврооперационную. Стало быть, новый прыжок в иную жизненную эпоху.

Капитан Багров чувствовал себя персонажем какого-то жестокого мультипликационного фильма, где всё, что понарошку — происходит всерьёз, а жизнь порезана при монтаже на отдельные кадры. (Погодин, что ли, отвечал за монтаж?). И ритм показа кадров ускоряется, пока из мелькающих картин не образуется одна подвижная, фатально влекущая мультяшного персонажа в окончательный штопор...

Однако, на этот раз — вроде иначе. Нет ускорения, вышибающего дух. Наоборот — чуток устаканивается. Видать, добрались, куда, хотели, раз можно теперь спокойно лежать — под этим гаденьким щелевидным окошком. Впрочем, варианта не лежать попросту нет: капитан просто впечатан в постель всем своим обесточенным телом. Слабость такая, что и головы не повернуть. Окошко, капельница, негромко гудящий серый аппарат — вот и весь наблюдаемый мир.

О! Вслед за гудением серого аппарата в наблюдаемый мир ворвались и знакомые человеческие голоса. Всё те же: Хрусталёв, Гаевский, Погодин... Что, и капитан Сергей тут? Значит, удалось, значит, встретились...

Багров попытался повернуть голову в сторону голосов, но — видать, сперва для того полагалось накопить энергии. Нет, не повернулась.

— ...Считаю, что это должен увидеть каждый из нас, — тихо, но значительно проговорил Сергей, — чтобы ни у кого не осталось иллюзий, с кем мы имеем дело. Всё более чем серьёзно, и удастся ли нам выбраться...

Что такое надо увидеть? Вот Багрову теперь — даже головы не повернуть, чтобы разглядеть самого Сергея.

Кровь застучала в висках раненого капитана, перебивая звуки далёкого голоса. Что, что же он там показывает? Багров поднатужился и из последних сил мотнул тяжелой головой. Успешно: голова перекатилась, появилась возможность взглянуть на противоположную сторону комнаты. Но и только: пока Багров собирался с силами, капитан Сергей успел увести Хрусталёва, Гаевского и Погодина в коридор, мелькнувший за приоткрытой дверью.

Опоздал! Досада ли тому виной, или сверхусилие для перемещения головы, но капитан Багров опять отключился.

Очнулся на том же месте, с головой, всё так же повернутой к двери. Только резко поменялось освещение — а значит, и время суток.

Четверо товарищей Багрова по оружию как ушли, так, по-видимому, и не возвращались. Вместо них в помещении оказались новые люди, среди которых капитану был знаком только

один — Горан Бегич. Остальные трое облачились в белые халаты. Видать, врачи, коли не шутят.

— О, вы очнулись, капитан! — тут же окликнул Багрова знакомец Бегич, как только встретился с ним взглядом.

— Да-а... — не стал отпираться Багров. Шершавый язык его царапал по совершенно сухому нёбу. Водички бы...

— Вот и прекрасно! Мы уже волновались, но, к счастью, кризис миновал. Уважаемый доктор Гроссмюллер, — при этих словах Горана один из людей в белых халатах важно кивнул, — за этим проследил.

— Йа-йа, — согласился немецкий доктор, — вам есть очень крупно повезло. Я есть устранил грубые ошибки ваш доктор Погодин и привёл герр капитан от смерти к жизнь! Операция есть была сложная...

Под впечатлением от сложности операции доктор Гроссмюллер тут же перешёл на родной немецкий, а ещё один из "белых халатов" немедленно принялся переводить. Речь шла об ошибках при оказании первой помощи — и об умелой операции, о незнании некоторыми основ фармакологии — и о правильно выбранном курсе антибиотиков, об убогом снабжении русских больниц — и о новейшей аппаратуре из "Евролэба".

Хвастает, понял Багров. Но спаситель жизни имеет право.

8. Кшиштоф Щепаньски, начальник экспедиции

Впереди расстилалось холодное болото. Сопля предупредил, что посуху дороги нет аж до самого Кабаньего острова — но профессор Щепаньски не роптал. Так уж повелось, что в России мутанты живут на труднодоступных территориях, чаще всего заболоченных. Дружишь с народом — дружи и с его ареалом обитания.

Хотя важно не переусердствовать в любви к болоту: что занадто, то не здорово. С народами дружить легче, когда их ареалы обитания тебе не нужны. Хороша ваша лужа, панове мутанты, но сидите в ней лучше сами. За дружбу мы ещё потребуем от вас земель, но — не пугайтесь, не ваших.

А вот северного соседа придётся уплотнить.

— Пшепрашу пана бывшего полковника, будем уплотнять! — прозвучало злорадно, но без особенного ликования. Сейчас, когда многое можно и вслух сказать — пропал всякий азарт. Кому говорить, если никто не обидится?

Из Березани вышли очень укороченным составом. Мало того, что разом отделались от всех русских, так оставили даже четверых своих: обоих близнецов Бегичей, Панайотова и Грдличку. Отделались от балласта, и экспедиционный отряд пошёл гораздо легче. В моральном плане, так уж точно.

Теперь их восемь, если считать с проводником. Перед профессором вышагивали по болотной тропе проводник Сопля и Карел Мантл, сзади — Братислав Хомак, Вацлав Клавичек и трое югославян. Ну, последних пан Щепаньски тоже бы с удовольствием потерял.

Да чёрт с ним, с составом экспедиции. Важно, что сам пан Кшиштоф наконец-то приближается к Столичной Елани. А в той Елани его ждёт...

— А скажите, пан профессор, какая она — Дыра? — поинтересовался Хомак.

— Дыра — она... необычна!

Разве словами опишешь?

— Как видно, эта мутантка вас впечатлила, раз вы её запомнили.

— Вы правы, Братислав. Впечатлила.

Ещё сутки, и пан профессор увидится с Дырой. Пан предвкушает радостный миг, он заранее томится наедине с нескромными желаниями и мыслями о предстоящей встрече.

— Наверное, у этой мутантки яркая внешность? — спросил Хомак.

— Не каждый Дыру сразу разглядит. Но ценитель — он понимает.

Что понимает ценитель, оставим Хомаку додумать самому. Но с "яркой внешностью" он уже дал маху. Не смазливенькие крали, а смелые воительницы идут в своих женственных желаниях до истинных краёв и пределов. И лишь такие женщины возвеличивают ценителя.

— Что я слышу, пан профессор? Вы хотите сказать, что были близки с мутанткой? О ужас, что бы сказала пани Агнешка? — на самом деле Хомак заткнулся уже после прошлой реплики, но пан Щепаньски сам прочитал все эти пошлости, оглядываясь на лицо идущего сзади коллеги.

Ну да — был близок. Пан Кшиштоф как раз принадлежит к ценителям, и ему ни чуточку не стыдно. Ради некоторых буйных чувств и фантазий иногда не мешает потерять панский облик. Да что там панский — человеческий! Снизойти до божественного скотства, как некогда похитивший красавицу Европу крупный рогатый Зевс.

А пани Агнешка... Не важно, что бы она сказала. По правде говоря, для истинной пани она слишком кричаще одевается — так кого может интересовать её мнение? Только её саму.

О, вот Дыра — самая настоящая пани! Горделивая, своенравная, опасная. Ну да, мутантка. Но далеко не каждая человеческая женщина годится на подмётки для её красных сапог.

Пани Дыра.

Когда пан Кшиштоф впервые встретил её в поездке по Великой Чернобыльщине, то был поражён и повергнут ниц. Подумать только: дева-палач. Много вы видели дев-палачей?

Молодая решительная мутантка руководила расстрельной командой. И с какой властной энергией она работала! Выполняла, наверное, нужную, но далеко не женскую функцию. Хотя пан Кшиштоф, любуясь Дырой, тут же пересмотрел свои представления о функциях женщин.

У Дыры получалось командовать расстрелами легко и грациозно. Железная дисциплина в её команде была ярким исключением из правила. Вечно разболтанных туповатых мутантов не очень-то организуешь. К тому же эти хлопцы не любят огнестрела, стреляют они скверно, вот и предпочитают всё делать собственными руками, стоя по колено в кровище.

Пани Дыра заставляла их именно стрелять. Почему заставляла? Потому что заставлять она умеет. Другого основания нет. Дыра не стремится остаться "чистенькой", ханжество чуждо её пылкой натуре. Любить — так до хруста. Погружаться, так по уши. Стрелять, так стрелять.

Она бы выглядела прекрасной и с руками по локоть в кровавой пене. Своего рода древнеримская богиня мщения, или романтическая вампирица из бульварных писаний начала века. Страшна, но при том до чего хороша!

Как не впечатлиться ещё молодому тогда профессору?

— Пани, а почему вы зовётесь "Дыра"? — спросил он тогда. — Верно, потому что делаете столько дыр в телах врагов народа Чернобыльщины?

— Нет, не поэтому, — очаровательно рассмеялась мутантка, — но тайну я раскрою!.. И

сделаю это сегодня же ночью! — бесстыдно проворковала она, внезапно пригвоздив профессора к креслу острым каблучком.

В ту ночь Дыра проделала дыру в душе впечатлительного профессора. Если он и был когда-то прежде недружелюбен к народу Великой Чернобыльщины, то сие заблуждение у него прошло. С тех пор он никогда не называл родину Дыры "мутантским квази-государством", и даже думать забыл о восстановлении прежней Польши (как можно, там ведь повсюду расселись мутанты-чернобыльцы — не потревожить бы!).

Не в одиночку и тайком, а с Дырой в обнимку пан Щепаньски посетил и Краков — гордую малопольскую столицу, откуда вышли все его предки. Краков, к удивлению пана Кшиштофа, всё ещё стоял на том же месте и на той же реке Висле — только вот Польши там не осталось. Совсем никакой.

Между старинными зданиями по древним улицам бродили мутанты. Выглядели они там по меньшей мере гротескно.

— Смотри! — как-то воскликнула Дыра. — Ничего не снесено!

Кроме живых поляков — действительно ничего.

Впрочем, когда Великая Чернобыльщина присоединяла Польшу, её собственного немутантского населения, почитай, уже и не оставалось. В крупных городах, не задетых атомными ракетами, пришельцев из Чернобыля встречали, как родных. По крайней мере, без боевых столкновений.

Вот и не удивительно, что здания чернобыльские мутанты пощадили — ведь своих-то зданий они не строят, живут всегда в человеческих. Только из-за этого польские стены ещё стоят. И всё же лучше так, чем никак.

В историческом центре Кракова — в Старом Мясте, у самой рыночной площади (центральнее не бывает) — нашлась и улица Щепаньска. Верно, тут предки пана Кшиштофа и жили. Отсюда им было вовсе недалеко бегать и в колледж Ягеллонского университета, в одном из которых пан Тадеуш — основатель династии Щепаньски, по легенде, учил самого Николая Коперника. Ныне там самых талантливых из мутантов учат читать и писать.

А потом Дыру позвали в королевский замок — на пир с человеческими жертвоприношениями. Если зовёт сам Краковский король Гнида — не пойти нельзя. Пана Кшиштофа не звали — оставили выбор, идти или не идти. Предусмотрительный пан отказался, ведь на королевском пиру человечинной так просто не побрезгуешь. Эта еда — ритуальная, нарушители же ритуала долго не живут.

Пан Щепаньски поцеловал Дыру в кроваво-красные губы и впервые остался в Кракове совсем один. Тут-то к нему и подступило осознание: пора делать выбор. Маловероятная человеческая Польша, которую он до сих пор нет-нет, да и надеялся возродить — или живая, пусть и малосимпатичная Великая Чернобыльщина. Что-то от бывшей Польши в ней, наверное, осталось, дома-то стоят — и даже костёлы (хотя они теперь — тоже дома).

"Лучше пусть так, — уговаривал себя пан Кшиштоф, бродя вдоль Вислы от стен Вавеля до шпилей Казимежа, пока Дыра закусывала, чем Гнида послал. — Лучше так, чем никак, а виновата Россия!". И уговорил.

Из Кракова возвращались в спешке. Специально за руководительницей расстрельной команды прислали красномордого нарочного.

— Под Львовом поймали три банды мьютхантеров, — доверительно поделилась Дыра, — атаманов Пшемысльского, Свенцицкого и Цибульского. Надобно скорей расстреливать, ребята нервничают, а я тут прохлаждаюсь.

9. Веселин Панайотов, этнограф

Топ-топ-топ-топ-топ-топ-топ-топ — ходят мутанты кругами по лугу на выходе из Березани, вдвпятером топчут сочную мутант-траву.

Йозеф Грдличка нашёл танцоров! И имена-то их в основном уже знакомые: Ванидло, Кабысдох, Отрыжка, Переползло, Хряк, Потрох, Блевотина, Хрыч и Хмырь. Большинство из них совсем недавно в протоколах этнографического исследования проходили как вышивальщики, а один — даже как скульптор. Изваял статуэтку "Баба в плаще".

Но если взялся за мутанта дотошный Грдличка — у того уже нет вариантов, танцевать ли. Есть выбор только скорости танца да выражения лица. Лица этих мутантских танцоров выражали откровенную скуку. А наивный антрополог Йозеф умильно на них смотрел и не мог нарадоваться.

Топ-топ-топ-хлоп! Топ-топ-топ-хлоп! Топ-топ-топ... Танец довольно-таки однообразный. Сперва шло только частое хаотическое топанье и редкие хлопки, потом хоть какой-то ритм установился. Кажется, ему и сами мутанты немало подивились: что-то новенькое в их танцевальной практике.

Когда танцоры немного утомились, антрополог будто невзначай подошёл к каждому и угостил сладким печеньем.

— Мы ещё не закончили танец! — немедленно запротестовал юный Хмырь, остальные мутанты его поддержали.

— Конечно, мы посмотрим всё до конца! — заверил их Грдличка.

И снова следует тупое покачивание корпуса, и без малейших вариаций воспроизводится прежний ритм топтания.

Топ-топ-топ-хлоп! Топ-топ-топ-хлоп!

И опять Йозеф Грдличка кормит мутантов сладким печеньем. И те вторично выражают недовольство, что их прервали. На самом интересном.

Понимает ли Грдличка, что он делает? Да прекрасно понимает. Антрополог естественнонаучного толка — как он может не знать о принципе условного рефлекса, о методах дрессировки, о режимах подкрепления? Так что же он, "хореограф-постановщик", держит Веселина за полного идиота, когда прямо на его глазах разучивает с мутантами танец Урожая?

Надо полагать.

Вот бы так и написать в протоколе: "Йозеф Грдличка дрессирует носителей культуры. Применил оперантное подкрепление — кормил сладким печеньем в ответ на желаемое поведение обследуемых". И едко добавить: "Данная методика обучения веком ранее опробована в ведущих университетах США — на лабораторных шимпанзе".

Да, что-то в таком ключе Веселин обязательно напишет, но лучше — по возвращении. Зачем подставляться в самом начале исследования? Глупо раскрывать карты ближайшему сподвижнику пана Щепаньски.

— А можно мы ещё попляшем?

Топ-топ-топ... Реакция — стимул — реакция — стимул — реакция...

— Йозеф, а ваше сладкое печенье пользуется спросом. Можно ли на него поближе посмотреть?

— Извольте! — Грдличка протянул Веселину пакет, но не тот, из которого

подкармливал мутантов, а другой, закрытый.

— Хм, печенье, как печенье.

— Это только для мутантов, — предостерёг Йозеф, — и не вздумайте попробовать. Оно токсично.

Вот как! Что же в этих безобидных с виду кругляшках намешано? Должно, синтетические наркотики, обеспечивающие быстрое привыкание. Людям, значит, нельзя, а мутантам — можно. В любом случае — спасибо Грдличке за откровенность, но как-то не по-человечески такое раздавать.

— Не бойтесь, мутантам ничего не будет, — антрополог углядел замешательство Панайотова и поспешил успокоить, — они вообще гораздо крепче людей. Почему, думаете, красны их физиономии?

— После зимних обморожений? — предположил Веселин.

— Нет! Просто у мутантов ускорены обменные процессы. Они намного здоровее нас, отсюда и их "неубиваемость". Их не возьмёшь ни случайной пулей, ни первым попавшимся ядом. А в конечном счёте всё почему?

— Почему?

— Борьба за существование. Мутанты через неё прошли, люди — нет. У мутантов уже отсеялись все слабаки, а люди, — Грдличка махнул рукой, — те слабака всегда поддержат. А зачем? Затем, что предпочитают окружать себя слабаками. Те — менее опасны.

Топ-топ-топ-хлоп! — напомнили о себе мутанты. Когда зрители чересчур отвлекались, плясуны начинали топтать намного громче. В унылый танец загубленного на корню Урожая при этом вливалось хоть сколько-то живой энергии. "Урожай, поднимайся, на тебя смотрят!".

Позже, когда кулёк с печеньем опустел, Йозеф дал понять топтунам, что подачек больше не будет. И — о чудо! — танец моментально прекратился.

Отрыжка, Кабысдох и Переползло первыми остановились и вспомнили о важных делах. Разошлись чуть ли не на середине такта. За ними ушли Блевотина и Потрох. Остальные всё ещё не поверили, что добрый антрополог так и не распечатает второй пакет, вот и стояли грустные, переминались с ноги на ногу.

Благоприятный момент выяснить смысловую сторону несложного плясолового движения. Веселин спросил у юного Хмыря:

— Скажите, а зачем вы танцуете такой танец?

— Так печенье... — простодушно разоткровенничался тот. — Оно сладкое.

Однако, Панайотова подобной банальностью с темы не собьёшь.

— Я не о сегодняшнем выступлении. В чём смысл самого танца?

— Смысл? — верно, незнакомое мутантам слово. Вызвало у Хмыря гримасу мучительной неуверенности.

— Ну, то есть... для чего обычно танцуется сам танец Урожая? Обычно, когда сладкого печенья нет.

— Как нет? — возмутился мутант. — А без печенья мы не танцуем!

— Я имею в виду: когда вы его танцуете не напоказ, вы, наверное, у кого-то просите урожая, не так ли?

— Просим? Урожая?.. — Хмырь снова чего-то не догонял и взглядом призвал на выручку Хряка, Хрыча и Ванидло.

— Тю! А что его просить? У кого? — Ванидло сделал круглые глаза.

— Когда урожаем, так чего тут просить — его есть надо, — загоготал Хряк.

Интересная трактовка. Только если урожай особенно не ждать, зачем тогда вообще танцевать? Или это танец, исполняемый пост-фактум...

— Значит, этим танцем вы кого-то благодарите за урожай? — не унимался Веселин.

— Благодарим? — прыснул Хрыч. — Кого, зачем?

Так Веселину и самому хотелось бы понять, кого. Вопрос о верованиях мутантов для него пока словно тёмный лес. Если они есть, эти верования.

— Ну, хоть Йозефа поблагодарите! Вон какой урожай печенья с него собрали — за пару несложных движений.

— А если мы поблагодарим Йозефа, он даст нам ещё печенья? — с неподражаемым прагматизмом выдал Хмырь.

— И не надейтесь! — жёстким тоном вмешался Грдличка. — Печенья осталось мало. Последний пакет я сейчас не открою. Но! — Йозеф выдержал паузу. — Я отдам его тому из вас, кто согласится провести меня и господина Панайотова — отсюда и до Столичной Елани.

Мутанты зашептались. При этом они смешно сутулились, пряча за спинами говорящие губы. Делили, что ли, право на печенье?

И людям, кстати, тоже впору зашептаться.

Веселин почувствовал благодарность к антропологу просто за то, что тот озвучил его собственное стремление. Покинуть Березань — что может быть желаннее! Ведь и Веселину казалось, что засиделись они здесь.

Правда, основу недовольства Панайотова составили бессмысленность, лживость и тщета его здешних попыток научных изысканий. Причём смысл убивали как раз ухищрения "носителей культуры", в которых Грдличка играл заглавную роль. И то, что сам же Йозеф ещё и недоволен, стало неожиданным откровением.

— Вы тоже чувствуете, что пора? — вполголоса спросил Веселин.

— Разумеется. Свою программу в Березани мы выполнили, не так ли? Скульптура, вышивка, народный танец изучены — чем теперь здесь заняться?

О, Веселин бы отыскал. Но он мудро промолчит. В кои-то веки Грдличка действует в верном направлении, зачем же его расхолаживать?

— Глупо ждать, когда выздоровеет Бегич, — вёл далее Грдличка, — ведь истекает ценное экспедиционное время. Сколько пользы мы могли бы принести в Столичной Елани! Что же нам — сидеть и ждать, когда за нами в Березань явится Сопля? Уговор-то был такой, но...

— Но Сопля в Березань так просто теперь не пойдёт, — вставил и Веселин, — он же боится Пердуна, а как раз Пердун здесь вот-вот появится — всё селение ожидает его прихода. И, признаюсь, — Веселин поёжился, — встретить в Березани Пердуна не хотелось бы и мне. Наслышан о нём, и уже не только от Сопли (Хмырь тоже успел страхов нагнать).

— К тому же, — поморщился чех, — не хотел вам говорить, но отведенную мне комнату в председательском доме постоянно запирают на ночь. Это действует на нервы.

К поразительному единодушию порой приходят люди с диаметрально противоположными убеждениями.

Мутанты долго шушукались, потом к людям обратился Хмырь.

— Я бы согласился, но боюсь Пердуна. Как узнает — съест. Потому пакета печенья мало. Нужен вид на жительство в Столичной Елани.

— Сделаем! — легко согласился чех. — У пана Щепаньски в приятельницах сама Дыра,

так что трудностей не возникнет.

— И ещё, — добавил Хмырь, — дорога на Елань, которую я знаю, идёт через самый центр Кабаньего острова. Там теперь поселились страшные волки. У них всегда оскаленные пасти и глаза, точно блюдца. Хорошо ли вы умеете стрелять?

10. Горан Бегич, этнокартограф

— А отчего заперто? Днём ведь всегда открыто, — с подозрением напомнил Горан.

— Отлучался я, — просто пояснил Мамедов, — а ворота запер, чтобы никто без спросу не просочился. И гляди ты — оказался прав. Только возвращаюсь, а под больницей этот шакал топчется.

— Ведь он доктор! Надо вернуть. Вдруг поможет...

— А наш Погодин тогда на что? — горец поглядел на словенца покровительственно. — Я так тебе скажу, дорогой: мужчины коней на переправе не меняют. Раз начал делать один доктор, другого туда не мешай — не будет добра. Поверь Арслану Мамедову и слушай своё сердце.

Вот уж кому Горан верить не обещал, так это рядовому Мамедову.

Жаль, потерял время на воротах и на коротком разговоре, но догнать доктора Гроссмюллера — задача выполняемая. Куда ж этому доктору сейчас идти, если не к председательскому дому — жаловаться.

Жаль только, ориентироваться в Березани — всё-таки непросто. Опыт картографа не спасает, когда у тебя просто нет знакомых ориентиров.

С ночи прихода в Березань Горану Бегичу как-то не случилось покидать больничное здание. Он старался находиться рядом с братом, более или менее толково пытался помогать при подготовке операционной — вот и не до прогулок оказалось. Тем более, что Погодин, Хрусталёв, Гаевский и германец Шлик — те тоже сидели в больнице безвылазно. Медики.

Остальных солдат капитан Сергеев, случалось, наружу посылал. То к чистому колодцу воды набрать, то просто осмотреться. Но всегда по двое. Так если и не безопаснее, то — капитану спокойнее.

Председательский дом нашёлся довольно быстро, только Горан ухитрился выйти не ко входу в него, а с обратной стороны. Поскольку длина дома оказалась приличной, да и служебные помещения к нему лепились почём зря, пришлось огибать строение вместе с его задним двором.

Когда Бегич подходил к входной двери, из неё поспешно выскочили Йозеф Грдличка и Веселин Панайотов, переговариваясь на ходу. Что-то о предстоящем показательном выступлении здешнего мутантского народного танцевального коллектива. Панайотов нёс на плече сумку, откуда вылезал крупноформатный альбом для этнографических записей и зарисовок, а Грдличка прихватил пару объёмистых пакетов со сладким печеньем. Ага, они вам спляшут, внутренне хохотнул Горан, завидев эти пакеты.

Горан подходил к двери Председательского дома с безлюдной обратной стороны, потому торопившихся учёных ему пришлось окликнуть

Те остановились без энтузиазма, но вежливо подождали коллегу.

— Доброе утро, — Горан сразу перешёл к главному, — вы там, в доме, случайно, не видели германского доктора? Его фамилия Гроссмюллер, или около того. Недавно он здесь проходил.

— Нет, не видели, — уверенно сказал Панайотов, а Грдличка подтвердил:

— Доктора пока не было.

Горан Бегич всё-таки зашёл в Председательский дом, побродил по обоим его этажам, позаглядывал в распахнутые двери комнат, подёргал запертые. Среднего состояния дверей просто не было: что не нараспашку, то закрыто на замок.

За открытыми дверями людей не нашлось, только пара слуг-мутантов, которые на вопросы не отвечали, лишь изредка глупо моргали, глядя прямо перед собой. За запертыми — понятное дело, Горан проверить не смог, но сильно подозревал, что германского доктора нет и там. Не настолько же тот испугался русского солдата Мамедова, чтобы запереться и дрожать за одной из них.

Что оставалось Горану? Вернуться в больницу, наябедничать капитану Сергееву на мамедовское самоуправство? Этот путь — самый бессмысленный. Даже если капитан легко согласится пропустить врача-германца, то где его потом искать? То-то же.

И пошёл Горан бродить по Березани, надеясь где-то случайно на доктора наткнуться. Прогулялся под берёзовым частоколом. Правда, далеко не зашёл: впереди показались мерзкие свиньи. С некоторых пор Горан этих тварей очень опасался. А мутанты их умудрились приручить и посадить на цепи — хорошо бы на достаточно крепкие.

Конечно, свиному племени есть за что отомстить, но то — сидя в тяжёлом танке. Подъехать бы и гусеницами, гусеницами... Тьфу, что за фантазии! Нет бы — мечтать о чём-нибудь светлом или полезном, да не получается. Вот выздоровеет Зоран — жизнь и у Горана пойдёт по-старому.

Бегич не торопясь обошёл берёзовый частокол — но с внешней стороны.

Здесь раскинулась деревянная часть Березани — нарезанные треугольники дворов с убогими хижинами, сараями да колодцами. Колодцы — в каждом дворе, надо же! И у половины сидят на цепи свинорылые "мутантские доги". Брр...

В продолговатом сарае рядом с одной из хижин кого-то истязали — явственно слышались крики ужаса, перемежаемые ударами. Судя по голосу, кричала женщина. Горан остановился, но подумал и прошёл дальше. Неразумно вмешиваться в мутантские дела, если ты не вник в их культурные особенности — такую аксиому ему перед самой поездкой вбивал инструктор по "этнографическому образу мыслей", обеспечивал надёжность прикрытия.

По правде говоря, решающим аргументом в пользу "пройти мимо" стали не полузабытые слова инструктора, а оставленный под сараем трёхглазый кабан с мерзкого вида разветвлёнными клыками. Хозяин твари явно не желал, чтобы его сейчас отвлекали. Горан понял.

Женские крики преследовали словенца ещё добрых тридцать шагов. Потом они смолкли. Тогда Бегич вздохнул с облегчением.

Мало-помалу пришлось обойти всю Березань. Не так её и много. Видел Горан и пруд с неожиданно чистой водой, и небольшой рынок, примостившийся под деревянным изваянием девы Марии, и вышки с мутантами-дозорными, замаскированные под голубятни, но — без единого голубя (мутанты поели?).

На лужке за селением Горан снова заметил Грдличку с Панайотовым. Учёные обучали мутантов какому-то танцу. Видно, ученики им попались совсем тупые, так как репетировали

всё время одно и то же движение. "Танец подступающих зомби" — наверное, так это всё называлось.

Горан собрался уже "домой", то есть в больничное здание, но решил на прощание снова заглянуть в Председательский дом. Здесь его ждал сюрприз.

Прямо на крыльце стояло двое. Оба белокуры и бледнолицы — то есть явно не мутанты. И в довершение — беседовали по-немецки. Кто-то из них — несомненно доктор Гроссмюллер, обрадовался Горан.

И тут один из германцев окликнул его по фамилии. Горан присмотрелся: ба, да это же Каспар Вирхоф собственной персоной. Приятель по Люблянской разведшколе. Ну, не то чтобы приятель, а скорее — старший товарищ. Но в пивных вместе сживали.

— И ты здесь, Каспар?

— Как видишь. Где ещё встретиться, как не на задании! — Вирхоф заржал. — Ты теперь, как я понял, учёный-этнограф? Вижу: лицо стало совсем умное. А у нас прикрытие попроще: волонтерская организация "Хирурги через заборы", слышал? Ну вот и сидим здесь — за забором. В гиблом, признаться, месте. Кстати, знакомься: доктор Дитрих Гроссмюллер. Тоже из наших, но — настоящий доктор: в германских бригадах всё честно! Дитрих, а это — Бегич. Не то Зоран, не то Горан — он из близнецов, я их не различаю.

Доктор Гроссмюллер — человек по виду вдвое старше Каспара, вежливо и как-то даже послушно кивнул. В иерархии своей разведки он, судя по всему, стоял ниже Вирхофа. Верно, пришёл в разведслужбу из медицины, а не наоборот. Такие всегда остаются на вторых ролях.

— Да! Не подскажешь ли, Бегич, как нам теперь попасть в больницу? Её сейчас оккупировали русские, навели свои порядки, Дитриха даже на порог не пустили. А у нас там кой-какие вещи, документы остались...

Вот она, удача!

— Не волнуйся, Каспар, я всё устрою. Только, — Горан постарался не выдать бурных эмоций, — вам придётся соответствовать легенде. Надо подлечить двоих — русского капитана и моего брата. Зоран, он, — тут Горан сглотнул, — совсем плох.

— Не вопрос! — жизнерадостно воскликнул Каспар. — У нас и белые халаты с собой. Сейчас их только накинем, и к делу.

11. Алексей Иванович Сергеев, капитан войск МЧС

В следующем обшаривании больничного здания принял участие и сам капитан. Шутов и Егоров повели его по знакомому им маршруту, попутно комментируя, где что искали, видели, находили. Сергеев ходил и убеждался в добросовестности и тщательности обыска.

Собственно, и здание здесь несложной архитектуры: барак — он и есть барак, не замок, где легко потайные ходы запрятать. Единственный этаж, да пара лестниц, ведущих в подвалы. Всё.

Вместе с рядовыми капитан посетил каждое из подвальных помещений, включая каморку Шлика и ещё четыре подобных каморки, заглядывал и в тёмные углы под лестницами, куда и не войдёшь по-человечески — вползать надо. Безрезультатно.

— Мой капитан, — сказал Егоров, — думается мне, что немецкие шпионы спрятали свои тайные документы не в этом здании.

Сергеев невольно улыбнулся. Вот как Егоров определил для себя предмет поисков. Шпионские документы, изобличающие организацию "Хирургов через заборы". Ну,

собственно, ни для кого не секрет, что всякая подобная организация создана в основном для шпионажа. И она не стала бы посылать своих людей на длительный срок без сколько-нибудь внятной разведмиссии. Но всё же доказывать и так очевидное — это несколько мелко.

— Возвращаемся, — скомандовал Сергеев, — мы ещё не выпотрошили кабинет, в котором остановился я.

Вот именно. Предварительный беглый осмотр не считается. Тем более, что капитаном оставлена без расследования одна странность.

Ещё при первом посещении кабинета главврача внимание Сергеева привлёк свежепоцарапанный пол. Да и не только "свеже": этот пол, казалось, настойчиво царапали в течение доброго десятка лет. Двигали по нему что-то тяжёлое, время от времени перемещали с места на место, никак не могли успокоиться.

Что же именно двигали? Кровать? Нет, она бы не оставила таких глубоких борозд. Письменный стол с документами? Может быть. Прежний хозяин столом пользовался активно — ведь это на его полках отыскивались отчёты "Хирургов через заборы". Правда, зачем двигать письменный стол по комнате, это вопрос отдельный.

Что ещё? Вон тот металлический шкаф, набитый англоязычными фармацевтическими журналами? Тоже вполне подходит. Стоит он, кстати, впритык к стене — может что-то важное заслонять.

На шкаф похоже более всего.

— Ну что, ребята, поднатужились?

Мутанты сильнее людей, им такие шкафы двигать сподручнее. Но и люди кое-что могут. Шутов — известный силач, Егоров тоже далеко не слабак. Справятся.

Не с первой попытки, но получилось. Шутов и Егоров, кряхтя, сдвинули тяжёлый металлический шкаф, и за ним в стене обнаружилась ниша с дверью.

Надо же! Всё оказалось очень просто. Мутанты физически сильнее людей, вот и спрятали важный ход, задвинув его чем потяжелей. Явно не перетрудились умственно. Теперь самое дело опробовать обёрнутый в тряпицу ключ — наверняка подойдёт. Капитан Сергеев подошёл к двери со связкой и стал разматывать тряпицу.

Ключ, правда, не потребовался. Его попросту некуда было воткнуть. Зато дверь открывалась сама — от простого толчка. Сергеев толкнул дверь и нашёл за ней коридор, уводящий куда-то вглубь.

Шутов присвистнул. Егоров потянул носом воздух:

— Мой капитан, оно — воняет.

Пахло дохлятиной и зверьём. Издалека пахло. Но отчётливо.

Капитан Сергеев сделал несколько шагов, пытаясь разглядеть дальний конец коридора, но свет фонаря и тогда не добивал до противоположной стены — коридор уходил всё дальше, в неизвестность.

— Шутов идёт вперёд, Егоров — за мной! — распорядился капитан. Разумно пустите вперёд Шутова, у которого самая быстрая реакция.

Правда, не успели они пройти в этом выигрышном порядке и трёх шагов, как раздался стук в дверь. Стучали в дверь кабинета главврача со стороны коридора.

— И кого нелёгкая принесла? — плюнул в досаде Сергеев. — Не удивлюсь, если это Бегич снова собрался на Погодина пожаловаться!

Пришлось вернуться, спросить из-за двери, кто пришёл. Оказалось, Рябинович. Они с Мамедовым как раз вернулись с вечерней разведывательной прогулки улочками Березани.

— Чего так рано? — удивился Сергеев.

— Да ночь уже, — пояснил Рябинович, — второй час.

И действительно. Надо же, как быстро пролетели последние сутки!

— Есть что-то безотлагательное?

— Только одно. Мутанты всё судачат о Пердуне. Одни говорят, он завтра поутру вернётся, другие — уже вернулся, третьи — не уходил вовсе. Ах, да... Ещё говорят, вернулся немецкий доктор. Об этом все говорят одинаково. Дескать, вернулся, возмущается, что больницу отдали под наш контроль, обещает завтра поутру пойти требовать назад кабинет главврача.

— Решительный малый, — почти одобрительно произнёс Сергеев, — но нам он сейчас не к месту. В кабинете главврача — секретное расследование.

— Так ему и сказать, мой капитан? — сострил Рябинович.

— Боже упаси! Значит, так: передай Мамедову, пусть повесит на входные ворота новый замок — один из тех, найденных на кухне. Наутро двери тоже не отпирать, никого не впускать, в особенности немецкого доктора. Задание ясно?

— Так точно, мой капитан!

Рябинович ушёл, косясь на сдвинутый шкаф, а капитан Сергеев замкнул за ним дверь и снова сунулся в потайной ход. Невыносимое зловоние с новой силой ударило в нос, но ведь не возвращаться ещё и за противогазом. Шутов и Егоров — те хоть немного, да пообвыклись: дышали ртом и ни на что не жаловались.

— Пошли дальше!

Прошли ещё метров тридцать, и в стене коридора показалась приоткрытая дверца с табличкой "Библиотека". Жуткая вонь доносилась именно оттуда. Вернее, из библиотеки несло именно мертвечиной, а зверьём — это дальше по коридору.

Сергеев толкнул дверцу и заглянул в библиотеку. Зрелище не для слабонервных. Книжные шкафы громоздились вдоль стен, как оно и положено, только вот из книг здесь находился один-единственный анатомический атлас. Но полки шкафов не пустовали. Их густо заполняли... экспонаты.

Головы со вскрытыми черепами. Кажется, Сопля о таких рассказывал, или, по крайней мере, упоминал: дескать, это Пердун такой затейник — устроил коллекцию "черепков". Мозги съел, чтобы поумнеть, а расколотые посудины — выставил в особой комнате, дабы самому любоваться и других пугать. Верно, и сам Сопля их однажды видел, с тех пор и боится Пердуна.

— Мой капитан, да они все подписаны! — воскликнул Егоров. Обыденное армейское обращение "мой капитан" в его устах сейчас прозвучало, словно "О Боже!".

— Ага, Егоров, вы ведь искали письменные документы, — не удержался капитан от мрачной шутки немного в погодинском стиле.

Бурые кровавые надписи напротив голов гласили "Сволота", "Гамнюк", "Дерьмодав" — типичные мутантские имена.

Головы скалились, заходились в неслышном последнем крике, то вылуплялись невидящими сухими глазами, то зияли пустыми глазницами.

— О, да тут есть и совсем свежие! — подметил Шутов.

Свежие головы были в основном человеческими — то есть, принадлежали явно не мутантам. Большинство из них осталось не подписано, но у нескольких подпись имелась. В числе прочих — такая: "Матиас Руге".

Да это же имя одного из пятёрки немецких волонтеров! Того самого, которому в больнице Березани была проведена хирургическая операция. Кажется, удалили жёлчные камни.

Интересно, не знал ли о судьбе товарища вечно встревоженный Фабиан Шлик — тот волонтер, которого Погодин впряг в свою операционную команду. Если даже и не знал — наверняка догадывался. Надо будет деликатно выведать.

Если только Фабиан не в курсе — действительно не в курсе — может, и стоило бы ему при случае показать всю картину? Пожалуй, Сергеев принял бы такое решение, если бы только "Хирурги через заборы" не были подразделением одиозной всеевропейской разведслужбы. А уж ей-то — стоит как можно пореже давать сведения, что именно и о чём тебе известно.

А вот своим — эту библиотеку показать необходимо. Её должен увидеть каждый из нас, чтобы ни у кого не осталось иллюзий, с кем мы имеем дело. Пердун ради красивой головы в коллекции убивает даже немецких волонтеров — что ему, вообще-то невыгодно.

Удастся ли унести ноги из Березани отряду русских военных — тот ещё вопрос. Пока Пердун ещё не вернулся — пожалуй. Но ведь не бросишь ни капитана Багрова, ни даже Зорана Бегича, будь он неладен.

Кто попадает на операционный стол, тот для мутанта — пища. И жаждет он её заполучить на стол обеденный. Тому виной некоторые особенности исторически сложившейся мутантской культуры.

12. Сопля, мутант

Сопля привёл учёных в Столичную Елань, Сопля молодец.

Учёные очень обрадовались, что пришли в Столичную Елань. И пан Кшиштоф очень обрадовался. Пан Кшиштоф хорошо помнил Дыру. Пан Кшиштоф снова хотел Дыру бабах. Когда пан Кшиштоф снова встретил Дыру, то весь покраснел, почти как мутант, и стал совсем потный.

Пан Кшиштоф смелый, он совсем не боится бабах Дыру. Сопля говорил, что Дыра опасна, но пан Кшиштоф всё равно очень смелый.

Пан Кшиштоф бабах Дыру ещё совсем-совсем давно, когда Дыра бум-бум всех врагов мутантской нации в тире на Чернобыльщине. Но тогда Дыра была, как Дыра, а теперь Дыра надежда Столичной Елани.

Дыра чик-чик Метёлку, Дыра чик-чик Тряпку. Дыра вместо них надежда Столичной Елани, а надежда Елани всегда опасна. Когда кто бабах надежду Елани, она того потом всегда чик-чик.

Бугай бабах Дыру — Дыра Бугая чик-чик. Дрянцо бабах Дыру — Дыра Дрянца чик-чик. Дерьмец бабах Дыру — Дыра то же самое.

Глаза у Дыры, как блюдца. Дыра тоже хочет бабаха, Дыра подмигивает. Но потом Дыра всех чик-чик. Дыра такая.

Прыщ боится Дыру, Прыщ умный. И Пердун боится Дыру, Пердун тоже умный. Прыщ и Пердун никогда не бабах Дыру, а она их не чик-чик.

Сопля тоже не станет Дыру бабах. Сопля хитрый.

Сопля хитрый: Пердун хотел Соплю хоп-хоп, а Сопля — раз и нет его. Пердун и не ожидал, хотя Пердун умный. Умный, а не ожидал.

Пердуну Соплю не догнать. Пердун — он плохо ходит.

Пердун плохо ходит, ноги Пердуна не сгибаются, но Пердун всё равно самый умный в Березани. Пердун ел много мозгов из разных черепушек. Мозги были умные. Пердун стал самый умный в Березани.

А Сопля всё равно ушёл. Сопля умелый.

Сопля очень умелый. Дыра знает, какой умелый Сопля.

Дыра хочет и Соплю. Дыра — всех хочет. И Дыра знает, как хорошо Сопля может Дыру бабах. Сопля умелый.

Но пусть Дыра на Соплю больше не глядит, пусть не виляет попой!

Дыра съедает своих мужчин, Дыра страшная.

Сопля хочет Дыру бабах. Сопля боится.

1. Кшиштоф Щепаньски, начальник экспедиции

Как только впереди замаячил Кабаний остров, сразу за которым, насколько пан Кшиштоф помнил по карте, уже располагалась и Елань, проводник Сопля, ничего не объясняя, резко повернул в сторону. А ведь говорил — появится дорога посуху. Выходит, зря обнадёживал?

Болотная тропа далеко огибала остров, чтобы ненароком не встретиться ни с одним из выдавшихся из него мысков. Просто панически избегала островной суши. А ведь по суше тоже змеилась тропинка, заметная даже отсюда, издали.

— Это ведь и есть Кабаний! — раздражённо процедил пан Щепаньски. — Почему бы не пройти по нему напрямик?

— Там опасно, — пригорюнился проводник, — дикие звери. Злые они.

— Кабаны, что ли? — хмыкнул Карел Мантл. — Так вы же с ними так хорошо договариваетесь, мы сами видели!

— Нет, не кабаны. Волки. Не договориться.

— На Кабаньем острове — и волки? — не поверил Вацлав Клавичек.

— Да. Кабанов нет. Их волки поели. Волки сердитые.

Да уж. Чтобы справиться со здешними кабанями-мутантами, надо быть поистине ужасным зверем. К такому — и правда — лучше не подходить.

В конечном итоге, дороги "посуху" почти не осталось. Хорошо, хоть перед самой Еланью навстречу путникам выдвинулась долгая каменистая коса. На серых камнях белели чьи-то кости. Кажется, не человеческие.

А там, за косой, сразу начинался лес. Выглядел он несколько необычно ещё издали, но только дойдя до самого основания косы, пан Кшиштоф определил, в чём тут дело. Лиственные ёлки — вот что здесь росло. Словно в некий мстительный противовес хвойным берёзам из-под Березани.

Еловые лапы, с переизбытком утыканые широкими листьями, смотрелись экстравагантно. Особенно же — пучки листьев на верхушке. Будто кто-то их нарочно туда прицепил, и у основания черенков примотал невидимым скотчем.

От ёлок не очень хорошо пахло, но то — дело поправимое. Главное, у пана Щепаньски не такое настроение, чтобы обращать внимание на мелочи. Раз уже подошли к елям, значит, совсем рядом — Елань: сперва Лесная, а там и Столичная. А где Столичная Елань, там Дыра. И без Дыры теперь нет Столичной Елани.

Когда пан Кшиштоф её увидит, он подойдёт, поцелует её тонкую ладонь и тихо произнесёт: "Здравствуй, милая Дыра, я пришёл!". А Дыра игриво взъерошит ему волосы — все, какие остались — и ответит: "Ждала". И скажет правду, потому что Дыра — панилюбвеобильная. И не было дня, чтобы она кого-нибудь не ждала. Пан Кшиштоф знает, он знает всё, но давно бросил и думать её ревновать — он реалист! Она ждёт и его тоже — ему

достаточно.

После "Ждала" Дыра непременно скажет: "Пойдём", — она всегда так говорила, и время над такими словами не властно, ибо слова эти весьма экономны и влекут без преамбул прямо к действиям.

Пан Щепаньски истосковался по действиям. Он так ей и шепнёт, одним только словом: "Истосковался". А Дыра, как обычно, не расслышит. "Истаскался?" — переспросит она шутливо. А Кшиштоф радостно подтвердит её грубоватую догадку. Он скажет... Он найдёт, что сказать. Что-нибудь особенно скабрёзное, что-нибудь из самых-самых глубин жаждающего существа. А она ответит уже не словами: она обратится в саму себя, во вселенскую чёрную Дыру, которая втянет в себя и всего пана Щепаньски, и все его панские слова, и движения, и желания.

В сладких грёзах, в мысленном жарком шёпote — мимо пронеслась Лесная Елань. Так себе посёлочек, не крупнее Березани, вот пан профессор и почти не уделил ей внимания, едва заметил её главную достопримечательность: центральную дуплистую ель, а в дуплах — маленьких кабанов-древолозов. У зверьков на лапках вместо копыт выглядывали острые коготки, за спиной мелко завивались беличьи хвостики, зато в остальном — свиньи свиньями. Йозефа Грдличку такие потешные твари непременно бы умилили. Больно уж его любимым теориям соответствуют.

Но вот и Столичная Елань. Выглянула из лесу как-то вдруг. Едва показались первые строения, и вот дорога заворачивает за ряд густолиственных елей — и панорама столицы предстаёт во всей красе.

Пан Щепаньски ещё на подходе прекратил свой мысленный диалог с Дырой. Хватит репетировать: страстные слова, как это всегда бывает, в нужный момент польются сами. А заготовленные загодя словесные костыли — только мешают, ведь жаркая энергия любовных страстей из них ушла.

Лесная дорога в одночасье превратилась в главную улицу селения. А ведь Столичная Елань обустроена очень даже недурственно!

Мрачных селюков из Березани она, конечно, должна поражать. Ибо что оно такое эта их Березань: беднейшая деревня на островке среди болот. Никому не интересная, потому и засекреченная. Пердуну просто обидно за убожество своего владения, вот и пытается хоть людей к себе не пускать.

В Березани — всего два каменных здания. Два! Председательский дом и больница, спрятанные от завистливых взглядов за берёзовым частоколом. Остальное — деревянные хижины, лачуги, землянки, сараи.

А в Столичной Елани? Каменных домов — и не сосчитать. И даже не все из них — на центральной улице. Из переулков тоже такие выглядывают. А этажность? Да здесь ведь почти во всех каменных домах — по три этажа.

Не сказать, что дома красивые — у потомка жителей Кракова просто не повернётся язык, чтобы ляпнуть эту глупость — и всё же по мутантским меркам весьма-весьма богато.

И это всё с некоторых пор принадлежит Дыре. Она, а не кто другой, ныне лордесса Столичной Елани, а вместе с тем — правительница всего ареала. Приятно сознавать, чёрт возьми!

Тем приятнее, что эту карьеру твоя возлюбленная сделала сама, без посторонней помощи: кулаками, ножом, зубами — чем-то таким. Огнестрельное оружие мутанты тоже освоили, но на себе подобных обращают редко. А пани Дыра? Ну, Дыра-то могла!

Жаль, солнце стало заходить через какие-то десять минут по прибытии экспедиции в город (раз есть столько каменных трёхэтажек — чем не город?), потому всего великолепия владений умницы Дыры пан Кшиштоф узреть не успел.

Зажглись ночные факелы, но всей подступившей тьмы разогнать не смогли. К центральной части Елани, обнесенной еловым частоколом, подходили почти в кромешном мраке. Сам частокол, впрочем, всю озарялся фонарями: тускловатыми, но зато электрическими.

Частокол... А профессор уж думал... Пан Щепаньски словил себя на том, что ожидал узреть высоченную каменную стену — чуть ли не такую, как в замке Вавель. Потому-то частокол воспринял с разочарованием, как знак постыдного сродства Елани с Березанью. Конечно, наивно — самому понятно.

Мутант на воротах узнал Соплю и беспечно махнул экспедиции: проходите, мол. Гостей здесь, кажется, не боятся. Ещё бы: коли хозяйка не робкого десятка, то и страже бояться нечего. У мутантов — простые нравы.

А Председательский дом пана Щепаньски совсем потряс. Он-то ожидал встретить изящный дворец этажа в четыре, но вышло иначе. Точная копия березанского Председательского дома — какво? Такой же несуразно длинный двухэтажный дом. Ничего особенного, столичного, выражающего вкусы Дыры. Ничего!

Кроме, разве что, крыльца: ступеньки от главного входа в здание спускаются не с первого, а со второго этажа. Дыра всегда обожала быть сверху.

— Кшиштоф! — раздался знакомый мелодичный голос не без лёгкой хрипотцы. — Ждала-а!

Стройная фигурка сбежала с высокого крыльца Председательского дома. Подбежала, с ходу толкнула профессора крутым бедром, весело засмеялась, когда он на несколько шагов отлетел. Благо, устоял, не растянулся. Дыра всё такая же. В прежнем юном теле, в прежнем репертуаре.

И в движениях — стеснения ни на злотый, ни на пару грошей. Другая бы попробовала так вилять тазом — сама бы тотчас остолбенела от собственной вульгарности. А Дыра — она истинная пани. Откуда только берётся подлинный аристократизм у простой чернобыльской мутантки?

— Дай-ка я тебя рассмотрю да пощупаю — пониже бронежилета. Ну, вижу: сохранился старикан-профессор, дело будет! — Дыра издала вкрадчиво-ласковое рычание. — А дай-ка теперь поглядеть на твоих спутников... Ну, ничего, смазливенькие! А особенно вон тот ничего! — и Дыра, подмигнув Братиславу Хомаку, значительно крутнула тазом. И сразу испытующий насмешливый взгляд устремила на пана Кшиштофа: как-то старый возлюбленный отреагирует на её вольное поведение?

— Мои люди — твои люди, милостивая Дыра! — склонился пан в шутовском поклоне. А когда разгibasя, шалунья до крови прикусила ему мочку уха. И молвила, эротично облизываясь:

— Смотри, чтобы я тебя не поймала на слове, старый гамадрил!

От "гамадрила" пан Щепаньски дёрнулся, как от удара током.

— Вот теперь пойдём! — ласково усмехнулась прелестница.

Хвойные берёзы — ещё куда ни шло. Лиственные ели — гораздо хуже. От запаха тебя выворачивает — всего и наизнанку. Если есть в природе некий антоним фитонцидов, то пахнет сейчас именно им. Гадость-то какая!

Умом-то конечно, понимаешь: любая мутация ценна уже той революционной возможностью, которую она в себе таит. А всё равно — как понюхаешь иные мутант-деревья — блевать хочется.

Но "хочется" не значит "надо". Как обычно, Братислав успешно сдержался, не исторг из себя ничего того, что просилось наружу. Ибо оно того не стоит! Зачем удивлять профессора Щепаньски? Зачем Карела Мантла до глубины души оскорблять (ведь запишет во враги навек — так сплошь и рядом случается с фанатиками)?

Постепенно свыкся. Человек — он ко всему привыкает. Взять хоть Вацлава Клавичека: его ведь не далее как прошлой ночью на ночлеге в Березани грубо изнасиловал мутант. Кто это был? По всему — Вертизад, сердечный друг высокопоставленного Прыща.

Вацлав-то не давался, кричал — Хомаку из-за тонкой стены было хорошо слышно — но увы: мутанты сильнее. Вертизад своего точно добился, причём дважды.

Пока дело за стеной ещё не решилось, Хомак находился в колебаниях: может, броситься на помощь? Он даже склонился к тому, чтобы помочь, но вот незадача: дверь его комнаты кто-то запер снаружи.

Не помог. И до утра не мог заснуть, всё думал, как посмотрит в глаза товарищу.

Однако наутро Клавичек был бодр и весел. Даже шутил, как ни в чём не бывало. Искренне смеялся собственным шуткам. Правда, кисти рук у него при этом нервно подрагивали. Но кто не в курсе, тот обманулся видимостью.

Против этого героического самообладания — что значит вежливое удержание рвотного позыва? Так, мелочёвка.

Где растут ели, там и Елань. Даже две Елани — одна Лесная, другая Столичная. Лесная Елань хуже Столичной уже тем, что на ней ещё не закончились ели. Ну, а кроме того, она просто хуже.

Правда, и Столичная Елань — та ещё дыра. Трёхэтажные каменные домишки — это для мутантов из Березани пожизненное потрясение. А чем они удивят жителя древней Праги, которая сохранилась вся?

Пану Кшиштофу, конечно, Столичная Елань понравилась. Кто бы сомневался, ведь там живёт его зазноба. Правда, будь пан профессор чуть более разборчивым ловеласом, стоило бы ему менять зазноб — ну хоть раз в столетие. Эта — определённо, "никакая".

Послушать пана Щепаньски, так его Дыра изящна, аристократична, утончённа — истинная тебе пани с ухватками дорогой гейши. Ага.

Ничего себе "пани".

Приземистая бабища с непропорционально толстым задом, да ещё виляет им, словно течная кошка. Красноширокомордая и щекастая, как и все мутанты. Отвратительная, как мартовская лужа. Испытать с такою восторг падения в грязные прелести скотского секса? Вот это, конечно, возможно. И, собственно, только так. Чистое скотоложество.

Нет, конечно, на всякое дело есть любители. Чего там, можно и со свиньёй. Стоит даже признать, свинья свинье рознь — и встречаются очень харизматичные экземпляры.

Эта Дыра, например, не проста. Какой-то ток идёт от неё, что ли. Даже понимаешь, что мерзость, а попробовать тянет. Да чего там, разок... А ну, как ещё... Ну, третий раз сам Господь велел: падать, так уж падать!

Вот так на неё и пан Кшиштоф однажды клянул. Не иначе.

У Франца Кафки в романе "Замок" землемер К. всласть оттягивал трактирщицу Фриду прямо в лужах пива на полу трактира. Кафка знал потаённую человеческую природу. Грязи, грязи, ещё больше грязи!

Туда, туда, в Дыру, по уши!

Кому в Дыру, а кому и мимо.

3. Веселин Панайотов, этнограф

Конечно, большое спасибо юноше-мутанту Хмырю, что согласился довести до Столичной Елани двоих учёных, отставших от экспедиции. Но не всё так уж солнечно. Кто бы мог подумать: оказывается, придётся самим отстреливаться от волков.

Нет, конечно, стрелять Веселин умеет — по крайней мере, знает чисто теоретически, куда нажать. Другое дело, личного оружия он при себе отродясь не носил.

Йозеф Грдличка — тоже. Это если не считать за оружие сладкое печенье. Впрочем, хоть оно и токсично, а человеку-мутанту не вредит. Стало быть, и волка-мутанта тоже не обезвредит.

Что же делать? Можно было бы предложить уйти на Елань ещё и Горану Бегичу — тот носит пистолет, стреляет, и довольно сносно. Но Горан без брата не уйдёт, а Зоран исцелится в лучшем случае нескоро.

Попросить автомат у русских военных? Понятное дело, не дадут. Оружием они снабжают Ребят-из-Заслона, но не участников подозрительных европейских экспедиций. Будь Веселин один — может быть, но с Грдличкой — не дадут точно.

Не дадут, но потолковать с ними стоит.

На приём к капитану Сергееву отправились к больнице, где русские военные собирались остановиться с самого начала и, как Веселин уже знал, действительно там обосновались. По-видимому, большинство из них безвылазно сидело в больничных стенах, защищая раненых от неведомой угрозы. А может, их капитан просто скуп на увольнительные.

За всё время полевых исследований бытования в Березани скульптуры, вышивки и танца, Веселину русские солдаты встречались лишь дважды, оба раза — Мамедов и Рябинович. Наверное, не случайно эти двое держались в паре, а из соображения безопасности — хотя никто на них не нападал. Следили за ними некоторые (самые любопытные из мутантской пожилой "молодёжи"), а чтобы напасть, так ни-ни! Может, это суровый взгляд Мамедова всех отпугивал.

Нынешним утром Панайотову и Грдличке попался ещё и Горан Бегич. Этот тоже жил при больнице, но, в отличие от солдат, ходил один, без сопровождения. Сегодня он специально подходил к Председательскому дому, чтобы поискать германского врача. По-видимому, доктор из "Хирургов через заборы" в какой-то момент всё-таки нашёлся, но — наверное — снова пропал.

Позже Бегич ещё поднимался на пригорок у входа в Березань, чтобы понаблюдать издали за позорным "танцем Урожая", но близко не подходил. Не вдохновило! Веселина удивило бы обратное.

Добрались к месту дислокации военных.

У здания больницы — длинного барака, памятного Веселину по его первой, чуть не

закончившейся трагически, прогулке по огороженному частоколом центру Березани — они с Грдличкой снова наткнулись на Бегича, а вместе с ним — на двоих немцев в белых халатах.

— Герр Каспар Вирхоф, ассистент; герр Дитрих Гроссмюллер, доктор, — отрекомендовал их Горан — почему-то именно в таком странном порядке.

Стало быть, нашёл-таки своего потерянного доктора. Что, разумеется, обнадеживало. Только...

Только странный солдат Рябинович, и вот это как раз удивляло, не хотел уважаемого доктора в больницу пускать. Стоял на воротах, будто сторожевой пёс, советовал приходить в другой раз, причины не объяснял.

Может, Рябинович действовал по давнему атавистическому недоверию пострадавшего еврейства к немецким специалистам. Может, чего-то не понял в указаниях командира. Может, ещё чего, но — лишь бы доктор Гроссмюллер никак не прошёл, солдат бесцеремонно остановил всех пятерых.

Возмущались немцы, ещё сильнее возмущался Бегич, уже задыхался от негодования и Йозеф Грдличка, да и Веселин чувствовал нарастающее нетерпение. Приближался взрыв — а с Рябиновича, как с гуся вода. "Не пуцу", и всё тут.

К счастью, на шум из здания вышел сам капитан Сергеев и несколько разрядил обстановку. Вернее, даже капитан вышел не просто так: Рябиновичу сперва пришлось снять с ворот увесистый амбарный замок.

Первым долгом капитану пришлось выслушать кучу агрессивных суждений по поводу Рябиновича. Сергеев их воспринял с выражением сочувствия на тонком интеллигентном лице. Солдата, правда, не отругал, несмотря на настоятельные советы.

Затем Йозеф Грдличка предложил капитану Сергееву всех по очереди принять в своём больничном кабинете, капитан же — вот новая странность — сделал встречное предложение: поговорить прямо здесь, у входа. Дескать, в больнице стало невыносимо душно, да и неприбрано там сейчас.

Грдличка что-то заподозрил и хотел спорить, но инициативу перехватили немцы. Их претензии прозвучали довольно жёстко.

— Вы есть пропускать нас в этот больница! — ультимативно потребовал доктор Гроссмюллер. — Вы есть выметаться из мой кабинет!

— Ваш кабинет, — дружелюбно улыбнулся Сергеев, — занят лично мной. Армейская субординация требует, чтобы командир располагался в высшем по рангу помещении занимаемых зданий. Как только необходимость в нашем присутствии отпадёт, мы выйдем из этого здания и вернём прежним владельцам его кабинеты. Просим извинить за доставленные неудобства.

— Это есть неслыханно, — только и буркнул немецкий доктор.

Зато включился Каспар Вирхоф, который лучше говорил по русски:

— Скажете ли вы, чем мотивирована аннексия нашей больницы?

— Обеспечением безопасности раненых, — Сергеев решительно никак не отреагировал на слово "аннексия", ответил только по существу вопроса.

— Но почему раненые не предоставлены нам, специалистам?

— Единственно потому, — Сергеев пристально поглядел Вирхофу в глаза, — что специалистов не нашлось в здании. За их отсутствием нам и пришлось лечить раненых самостоятельно. Не так ли, господин Бегич?

Горан подтвердил:

— Когда мы пришли, из волонтеров здесь оставался один Фабиан Шлик. Где все остальные, он не был в курсе...

— Кстати, а где Фабиан сейчас? — беспокоился Каспар.

— Он в операционной, — Горан поспешил ответить за капитана Сергеева. — Военный врач Погодин задействовал его в качестве ассистента при обеих операциях.

— По какому праву? — всё бил на юридическую сторону Вирхоф.

— По его основной специальности, — безмятежно пояснил капитан, — а также по функциональным обязанностям здесь, в Березани. Фабиан Шлик ведь медик-волонтер, вы не забыли?

— Фабиан прежде всего член нашей организации! — возгласил Вирхоф. — И только перед ней он в отчете, никак не перед русскими военными.

— Да? Но не кажется ли вам, что это вопрос к самому Фабиану?

— Вот-вот! — снова встрял косноязычный Дитрих. — Мы немедленно должны задавать наш Фабиан этот вопрос. Вам есть предоставить нам наш человек для допрос и чтобы он держит ответ!

— Да и вообще, господин капитан, — добавил Каспар, — отдайте нам, пожалуйста, Фабиана. Больница — территория спорная, но уж его-то удерживать вы точно не имеете права — ни малейшего.

С последним тезисом Сергеев согласился. И тут же, не откладывая, послал Рябиновича в операционную за немецким санитаром.

Пока в ожидании Шлика в "немецком вопросе" возникла временная заминка, Веселин поспешно озвучил вопрос собственный.

Мол, задержались в Березани для исследований, пора догонять экспедицию, а проводник Сопля так боится березанского председателя Пердуна, что вернется в его владения не скоро, если вообще вернется. Нового же проводника Грдличка пусть и нашёл, но тот не знает совсем безопасных путей, а значит снова нужна охрана. От волков.

Капитан Сергеев Панайотова внимательно выслушал — и неожиданно скоро согласился. Может, готовился к более жёсткой полемике с немцами, вот и не стал упираться из-за сравнительных мелочей.

— Двух человек с оружием вам хватит? — уточнил Сергеев. — Выходите завтра поутру? Хорошо. С вами пойдут Рябинович и Хрусталёв.

Веселин и его чешский партнёр обменялись обрадованными взглядами. Горан и немцы на их триумф глядели немного исподлобья. Их дело представлялось менее перспективным.

Но вот пришёл и Шлик. Начальники из "Хирургов через заборы" тут же на него напали, стали спрашивать, как он дошёл до жизни такой. Мол, не поставив никого в известность, участвовал в операции какого-то дилетанта.

Фабиан оправдывался, напоминал, что его бросили на произвол судьбы в больнице — в полном одиночестве.

— Как так в одиночестве? — вскричал Каспар. — А Матиас?

— Я не знаю, где Матиас, — вздохнул Фабиан, — может, его и в живых больше не осталось. Исчез он немного странно. Хорошо, если просто сбежал.

Каспар и хотел было что-то возразить, но прикусил губу. Доктор Дитрих, вроде, собирался его перебить, но в результате так и не раскрыл рта. Веселин подумал, что в счастливую судьбу несчастного Матиаса никто из них больше не верит.

— Скажите мне лучше, капитан, как вам достались ключи от больницы, — хитрец

Вирхов перевёл беседу на другую тему, — нам с доктором этих ключей почему-то никто ни разу не давал.

— Йа-йа, ни разу, — подтвердил Гроссмюллер.

— Ключи я получил от ночного сторожа, — пожал плечами Сергеев.

— От какого ещё сторожа? — изумился Каспар.

— Не было никакой сторож! Фабиан, ты видел какой-то сторож?

Фабиан Шлик покачал головой:

— Сторожа действительно не было. Никогда.

— Да как же не было? — пришёл черёд удивиться и капитану. — Ведь этот самый сторож — при свидетелях — отпер вашу, Фабиан, каморку.

— А, да, действительно, — припомнил Шлик, — только это ведь не сторож. Это был сам Пердун.

4. Алексей Иванович Сергеев, капитан войск МЧС

— А, — сказал Фабиан Шлик, — да, действительно, только это ведь не сторож. Это был сам Пердун.

При последних словах санитар заметно помрачнел, а на его лицо вернулось то затравленное выражение, которое, помнится, неприятно поражало капитана в ночь приезда — и, кстати, не сходило с лица Шлика все первые сутки. Фабиан помогал распаковывать аппаратуру "Евролэба" — и боялся. Оказывается, боялся Пердуна, который ещё ночью тут зачем-то присутствовал. А потом обрядился сторожем и ввёл к нему русских солдат.

Да полно, точно ли это?

— Тот мутант был в балаклаве, — напомнил санитару Сергеев, — вы уверены, что это он?

— Что ж я, Пердуна не узнаю? — вымученно усмехнулся Шлик. — Да, он иногда прячет лицо. Но его легко узнать по походке: ноги он не сгибает. А ещё в те моменты, — Фабиан вздрогнул, — в которые он портит воздух. Тут уж больше ни с кем не спутаешь. Другие так не умеют.

Выходит, Пердун. А прикинулся-то мелкой сошкой. Обманул и Соплю, и всю экспедицию заодно. Все радовались, что Пердун в отлучке...

Но если сторож — никакой не сторож, а сам председатель инкогнито, то и переданная им связка ключей обретает новый смысл. Сторож мог её отдать по скудоумию. Пердун — нет.

Связка ключей с одним, замотанным в тряпочку, досталась капитану вовсе не по случаю; это была намеренная ловушка. Пердун догадывался, что спрятанный ключ непременно увидят и постараются его применить. На том и построен хитрый расчёт!

Если бы сразу знать, кем был тот малозаметный сторож в линялой балаклаве! Капитан бы сразу просёк, что дело нечисто. А так — беды не стряслось в основном по счастливой случайности.

А ведь в тот момент, когда Сергеев, Шутов и Егоров покидали "библиотеку" с коллекцией подписанных голов, опасность стояла совсем рядом. И скалилась в темноте, готовясь к броску.

Тогда все находились под жутким впечатлением от находки, готовы были поскорее вернуться из подземелья в кабинет главврача — если бы не Егоров. Да, именно Егоров с

немалым удивлением обнаружил: "А ключ-то мы так и не применили!". Капитан Сергеев тут же заметил: а солдат прав!

Ещё бы! Ключ, благодаря присутствию которого был найден тайник в кабинете главврача, в качестве ключа они так и не применили. Просто не нашли подходящего замка.

Дверь за шкафом, открывающая подземный коридор — она вообще не запиралась. Другая дверь, "библиотечная" — была снабжена тяжёлыми засовами, но на замок не закрывалась (там даже дырок для навесного замка не предусмотрели). Значит...

Значит, напрашивался вывод, основная тайна ещё впереди. Там, куда удаляется тёмный коридор, должен отыскаться замок, что подходит к завёрнутому ключу.

И трое военных бодро зашагали по коридору, пока не упёрлись в перегородившую его решётку. И что была за решётка: мощная, с толстенными металлическими прутьями, способными выдержать штурм целого взвода силачей, вооружённого тяжёлым тараном.

Решётка запиралась на замок. Сергеев примерил, чуть провернул: ключ подходит. Итак, повязанная тряпица привела, куда надо.

"Откроем?" — спросил Шутов. "Конечно", — отозвался Сергеев. Но — медлил. Да коридор уводил далеко и дальше, фонари туда не добивали. Только надо ли туда идти? С одной стороны — надо. Что ж это за половинчатое обследование, коли ты даже не попытался дойти до конца? А вот с другой стороны...

Решётка-то больно странная. На человека таких решёток не требуется. Его запросто остановит и кое-что полегче. Но кто бы сюда мог спускаться, кроме человека? Да, мутанты. Но те, пусть и сильнее — не настолько.

"Уходим, что ли, мой капитан?" — предложил Егоров. Тогда Сергеев решился, снова размотал тряпицу, вставил ключ в замок и со скрежетом провернул четыре раза. Решётка лязгнула и отошла, распространяя гулкое эхо в невидимых подземных сводах. О, да там лабиринт!

Сергеев прислушался. Никак, в темноте что-то двигалось. Мягко говоря, крупное. Двигалось — и, кстати, набирало скорость.

"Так что, пошли уже?" — кивнул Шутов туда, вперёд, за решётку. "Нет, уже пришли", — отозвался Сергеев и, захлопнув решётку, стал крутить ключ в обратную сторону. Вовремя. Только успел сделать четвёртый оборот, о решётку с той стороны что-то громко ударило. Гроыхнуло — будь здоров.

Только теперь капитан окончательно уразумел: решётка нужна не для того, чтобы люди не проникали туда снаружи. Нет, она призвана не выпустить кое-что изнутри.

"Круто!" — только и сказал Шутов, когда решётка содрогнулась от удара. Содрогнулась и затихла — тварь отбегала. Брала новый разгон.

5. Леонид Андреевич Погодин, бывший и.о. главврача больницы с. Березань

Вряд ли когда Зоран Бегич придумает хвастаться хорошо зашитыми кишками. А жаль: мог бы и похвастаться. Прослыл бы оригиналом, исполненным внутренней красоты.

Леонид Погодин на славу постарался, зашил так хорошо, что даже не видно. Кишки — одна к одной. Жаль их было прятать обратно, в брюшную полость.

Что до воспаления брюшины — ну, здесь красоты поменьше. А всё же гораздо лучше, чем могло бы быть. Когда есть, над чем работать, значит, пациент скорее жив.

Сепсис? Ну, и тут не так уж и страшно. Европейская техника на высоте, чего-то там

фильтрует, антибиотики тоже бьют заразу наповал. Отчего всё ещё не убили? Так дайте срок. Большинство курсов лечения рассчитаны на пару недель.

Правда, насчёт сепсиса у Погодина теперь новая гипотеза. Что, если дело не в обычных возбудителях гнойных воспалений, каких полно в кишечной флоре? Что, если свиньёй-мутантом занесены микробы-мутанты, вовсе науке неизвестные? То-то и динамика у заболеваний странная, будто зависшая, отложенная. Ни летальных исходов, ни выздоровления.

И вот ещё проблема: пациенты не слишком-то расположены просыпаться. Багров — тот ещё пару раз в сознание наведывался, а с Бегичем вовсе глухо. Будто собрался не просыпаться пожизненно. Что ж, Погодин пока и не тормозил. Зачем? Чтобы тебя же и выматерили? Кто проснётся, тому станет очень больно, и что ему тогда — стесняться?

С лёгкой руки капитана Сергеева пациенты теперь разведены по разным палатам. Прежде-то лежали прямо в операционной, благо носилки — навороченные, куда комфортабельней больничных топчанов.

Сергееву хотелось поделиться чудной находкой. Коллекция голов Пердуна — страсти какие!.. Каждый в его отряде спустился в подвал, самолично убедился. А немец Фабиан Шлик ничего-то и не видел, хотя ему-то других нужней. Друг у него там, в подвале — Матиас Руге. Мозги потерял, голову оставил.

Пока наши ходили подвал смотреть, Фабиан в операционной у Зорана Бегича дежурил. А капитана Багрова как раз в отдельную палату определили, сами же потихоньку — в подвал на головы любоваться. Там ещё рядом за решёткой громадная зверюга бесновалась. Вроде, и кабан, а вроде и на слона чем-то похож, хотя что там во тьме толком разглядишь — да ещё между толстенными прутьями решётки.

А вечером к больнице принесло старших товарищей Шлика. Ну, как принесло: Горан привёл. Втемяшилось дурачку, что немцы его Зорана спасут лучше, вот и разыскал их в пивной какой-нибудь. Хорошо бы и эти медики знали своё место, наподобие Шлика. Так нет же: давай права качать. Освободите им, дескать, клинику, самим Пердуном пожалованную

Капитан Сергеев сначала хорошо их отваживал, но потом дал слабину. Согласился на компромисс, а зря. Тоже, поди, думал: придут немцы-профессионалы, погонят поганой метлой башенного стрелка, да в одночасье и вылечат раненых.

А что там особенно лечить, когда все операции уже проведены, идёт интенсивная послеоперационная терапия, только и осталось: терпеливо подождать.

Компромисс вышел такой. Никакого "проваливайте отсюда", но и не "вы тут главные": разделили больницу на зоны ответственности. Наши оставили за собой кабинет главврача (там теперь Сергеев), уже занятые под ночлег палаты, а кроме того — вход. Зато немцы теперь будут беспрепятственно почти везде ходить и царить в операционной. И оба раненых — на их ответственности. И хвалёный евролэбовский прибор.

Погодину же скажут спасибо, потом догонят и снова скажут.

В общем, вышло почти так, как Погодину хотелось когда-то в начале. Чтобы всё в руках у немцев, а на долю башенного стрелка только два слова: "Довёз, распишитесь". И что, здорово? Чистая туфта.

Стоило по-настоящему вовлечься в спасение Багрова и Зорана, как передать ответственность германским волонтерам стало наподобие дезертирства. Да и не ответственность передал — права!

И, главное — сам же останешься виноват, чем бы дело не кончилось. Исцелятся

пациенты — спасибо немецким специалистам. Загнутая — это дилетант Погодин довёл. Бейте Лёньку Погодина!

6. Алексей Иванович Сергеев, капитан войск МЧС

Что решено, то решено. Конечно, соблазнительно было бы дать немецким разведчикам от ворот поворот, а в больницу позволить входить одному Фабиану Шлику — чисто за реальные медицинские заслуги. Соблазнительно, но неверно.

Только и выгод: показать немцам характер. Конечно, ребята бы такое решение поддержали, Погодин — тот тоже не кривился бы в сардонической гримасе свергнутого главврача. Но удовольствие солдата — не аргумент.

Сцепиться с германцами — за что? За здание, которое к этой минуте достаточно внимательно обследовано и уже начинает тяготить разведотряд, ибо сковывает силы: сиди его тупо охраняй, вместо чтобы неприкаянно где-то лазить, да узнавать что-нибудь новое.

Здание для разведки больше не нужно. Две находки в подвале предостаточно. Если "библиотека" черепов изучена полностью, то недоступный участок подвального коридора за решёткой — по крайней мере обнаружен. Чтобы его изучить, придётся убить свирепую тварь, а это долго, громко и преждевременно.

Кстати, кому и зачем нужен сам подземный коридор, решётка и тварь за ней — можно раздумывать хоть сейчас. Захват подвала вряд ли что добавит.

Надо сказать, Сергеев и думал об этих вещах, и даже к чему-то пришёл.

Из особенностей архитектуры больничного барака следует, между прочим, что первоначальное его назначение было иным. Широкие ворота и вестибюль, достаточно широкий подземный коридор — всё это контрастирует с крохотными дверцами, тесными палатами и узким просветом коридора первого этажа. Здание перестроено, а первый этаж сохранён. Вместе с той тварью, что там обитала (извне-то туда её, такую большую и злобную — точно не засунешь).

Короче, злодей Пердун ничем не рисковал, когда подкидывал капитану ключ в тряпочке. Кто выпустит чудовище, тот сам и пострадает, а уж само чудовище наверх не пролезет, застрянет в первом же дверном проёме, а стены-то толстые. Вот и не опустошит Березань жуткий монстр. Останется над кем Пердуну властвовать.

А вот как чудовище за решётку попало, тут — возможны варианты.

Первый: животное поймали (возможно, усыпили), упрятали за решётку, а потом уже сверху установили больничное здание. Второй: животное таки внесли в готовую ловушку под зданием, но — в раннем его детстве, когда тварь была маленькой. Третий: животное запихнули в подвал не через здание больницы, а через какой-то другой вход — пока что неизвестный. Если так, то скорее всего сей другой вход тоже закрыт решёткой, иначе бы зверюга давно выбралась.

— Капитан, — доложил Егоров, — Рябинович и Хрусталёв пришли.

— Впускай, — велел Сергеев, — только гляди, чтобы немецкие шпионы из коридора не подглядывали!

Рябинович и Хрусталёв. Этих двоих капитан отряжает проводить Панайотова и Грдличку. И тоже — с лёгким сердцем, ибо в больнице искать больше нечего, только — тупо следуя легенде, наблюдать за выздоровлением раненых. Если кто зайдёт от больницы далековато — привлечёт лишнее внимание (что они там вынюхивают?). Зато эти двое —

пойдут по новой, ещё не исследованной части мутантского ареала, и никто им слова не скажет. Ибо по делу.

А чтобы не замыкались только на охране учёных, да вволю смотрели по сторонам, Сергеев их сейчас специально проинструктирует.

7. Кшиштоф Щепаньски, начальник экспедиции

Ай, хороша Дыра! Всем дыркам Дыра! Дыр-Дыра!

Пан Кшиштоф с некоторых пор прекрасно знает, что такое счастье.

Счастье — это когда больше не можешь, когда падаешь от усталости на заботливо подстеленную шкуру, а настроение всё равно игривое.

Счастье — это когда с Дырой, когда на её топчане, крытом шкурой неубитого медведя.

Ага, есть у Дыры и такая шкура. Говорит, этого медведя-мутанта никто не убивал, а он просто сбросил шкуру — и дальше пошёл. Наверное, байка, хотя что в мутантском краю бывает только небылицей? Здесь запросто встретишь медведя без шкуры, да ещё с ушами, как у слона и с хоботом, полосатым, как у зебры.

Что за чудо этот мутантский фольклор! Обязательно надо будет прислать кого-то из учёных, а лучше пару человек, чтобы записали в этнографические блокноты историю про медведя.

Правда, ещё лучше — найти кого-то другого, кто эту же историю про медведя хорошо рассказывает, а к Дыре — не посылать. А то ведь известно, чем дело кончится. Дыра — она для всех Дыра. Для всех и с каждым.

— Нет, пришли-и! — капризно надувает губы Дыра, выдёргивая седеющий волос из пучка, растущего на профессорской груди. — Пришли мне того, молоденького! Его зовут Хомак? Вот Хомака мне и пришли. Других можешь пока не присылать, а этого я хочу!

— Всё, что скажешь, любимая! — с ласковой улыбкой отвечает пан Кшиштоф. — Приведу тебе всякого. Я ведь знаю, ты ненасытна!

Промискуитет, будь он неладен. Профессор Щепаньски меньше всего хотел бы делить одну и ту же пани с кем-то из своих подчинённых, но — в этой игре на желания назначать фанты не ему. К тому же самые дикие желания Дыры настолько быстро становятся его собственными, что диву даёшься! Кто знает, может её отношения с молодым чехом что-то добавят в арсенал наслаждений профессора, дадут ему взамен постыдно-сладкое ощущение ещё большей полноты жизни?

— Так ты всё про меня знаешь? — Дыра отодвигается на расстояние вытянутой руки, чтобы лучше видеть лицо пана Кшиштофа. — Всё-всё?

— Никто не может знать всего о тебе, любимая! — поспешно произносит профессор. — О ком угодно, только не о Дыре!

— Ответ правильный! — смеётся мутантка, сладострастно выгибая на медвежьей шкуре свой изящный красноватый торс.

Профессор польщён, словно только что сдал труднейший зачёт в своей университетской жизни.

— Так ты не хочешь знать всё о Дыре? — ухмылка мутантки становится хищной, выдаёт заброшенную ловушку. Если ответишь "нет", Дыра накажет за недостаток интереса, если "да" — за самонадеянность. Лучше отвечать "да": за самонадеянность Дыра бьёт мужчин всего чувственней и нежней, а за невнимание — агрессивно, как истинный палач-

профессионал.

Но вместо удара следует дразнящий разговор. Дыра не верит в "да":

— Нет, пан Кшиштоф, главного о Дыре ты знать боишься!

— Боюсь, и в то же время хочу! — выкручивается пан.

Мутантка нагибается к самому профессорскому уху и жарко шепчет, обжигая ушную раковину:

— А слышал ли ты новости о моих привычках? Рассказал ли тебе Сопля, какая судьба ждёт моих любовников?

— Э... да, конечно!

— Он рассказал, что любовников я убиваю? — на последнем слове Дыра демонстративно облизнулась.

— Э... да, рассказал, — профессору трудно говорить внятно, так как мутантка в этот момент отстранённо теревит его за щёки, словно недавно подаренную куклу из неведомого материала.

— И ты не боишься?

— Нет! — с горячностью воскликнул пан. — Мне желанны твои проделки.

— А если я убью и тебя?

— Я готов! — пан Кшиштоф выставил вперёд седовласую грудь, словно специально под расстрел. — Всё, чтобы только обрадовать мою ласточку!

Пока он это говорил, у него словно звоночки в висках зазвонили: тревожный сигнал! Но пан Щепаньски отмахнулся от охранной системы. Он будет действовать по-старинке. Если искренне готов пойти под нож из любви к прекрасной мутантке, она тебя милует. Раньше бывало так.

— И Хомака привести готов? — с недоверием проговорила Дыра. — Чтобы я его тоже убила?

Профессор Щепаньски закивал:

— И Хомака, и меня, и всю экспедицию — режь, если надо. Если только доставит тебе удовольствие!

— Не веришь, — констатировала Дыра, — много говоришь, а ни одному слову не веришь. Эх ты, этнограф! Спец по культуре мутантов... Что за ерунду твоя экспедиция берёт для изучения? Сказки, песни, танцы, народные промыслы?

— Да! — подтвердил пан Кшиштоф, влюблено глядя ей в глаза.

— А главного — того, что делает мутанта мутантом — никто не изучает. Ни разу никто не изучил.

— Что же это?

— Так я тебе и сказала! — хихикнула правительница Столичной Елани.

Умеет пани держать интригу.

Чу! Что это за жуткие звуки доносятся из окна? Вой? Пан Щепаньски такого никогда не слышал, и всё же знакомые нотки проскальзывают. На тягучие фальшивые ноты голосовой основы наложены отрывистые хриплые судороги. Ах да, вот что это такое: собачий вой с поправкой на свиные глотки. Звуки теперь понятны, но страх всё равно невольно пробирает до костей. Животные, которые так звучат, не могут не быть смертельно опасными.

Вой стих. Теперь из-за окна раздался дробный топот копытец, сопение, злобно хрюкающее рычание, сквозь которое едва пробился приглушённый человеческий вопль. Дальше вопль оборвался, пошёл мерный хруст.

— Что это за звуки? — пан Щепаньски приподнялся на локте.

— Не волнуйся, милый. Это просто мои сторожевые свинки поймали прохожего.

Надо предупредить участников экспедиции, подумал пан Щепаньски, засыпая. Чтобы по ночам во дворе не гуляли. Мало ли что.

8. Карел Мантл, антрополог

Березань учёные посмотрели в чисто "туристическом" режиме (все, кроме Панайотова и Грдлички), а вот в Столичной Елани началась работа. И вовремя. Так долго тряслись в русских БТРах, месили ногами болотную жижу — пора уже, наконец, и пользу делу приносить.

Негласный расчёт профессора Щепаньски был таков: антропологи работают в парах с этнографами-специалистами, помогают, чем могут, организуют процесс, направляют на познание тех культурных форм, которые желательно высветить.

Следуя этому правилу, при Панайотове в Березани остался Грдличка. Панайотов и возражать не стал, признал разумность решения руководства.

Да и отчего бы не признать? Ибо все же понимают: у антропологии — своя специфика, изучает она в человеке и мутанте больше биологическую сторону, чем культурную. О происхождении человеческого вида, о различных расах, включая мутантские, антрополог расскажет лучше всякого этнографа — собирателя вышитых тряпок и обрывков песен. Но тряпки и песни собирать надо тоже. Вот с каталогизацией этих фактов этнографы справляются лучше.

Жаль, разумную инициативу начальника экспедиции приняли не все. Ратко Милорадович — вот упёртый осёл — захотел себе в напарники второго серба, Славомира Костица. А ведь оба — этнографы, или там этнолингвисты — то есть люди одного и того же типа компетенции.

В свою очередь Вацлав Клавичек и Братислав Хомак тоже были вынуждены объединиться в чисто "антропологическую" диаду. Что и "не добже", и "не здорово", как во всеуслышание объявил пан Щепаньски.

А вот Мантлу повезло: работал он в паре с Гориславом Чечичем. Македонец оказался человеком понятливым. Сработались прекрасно.

Изучали устный фольклор Столичной Елани. Притчи, сказки, загадки, заговоры, легенды, предания — всё такое.

Роли в процессе с македонцем распределили чётко. Мутанты наизусть рассказывали свои народные предания, Чечич их дословно записывал, а Мантл следил по методичке, всё ли они точно излагают.

Большинство воспроизводило свои тексты достаточно точно, но некоторые — в основном те, которые плохо научились читать, забывали и перевирали важные места, несли отсебятину. Таким Карел Мантл сам зачитывал выдержки из методички — ведь просто показать без толку. Порой неразумные индивиды и тут не понимали, чего от них требуется, тогда Карел зачитывал методичку напрямую фольклористу, минуя представителей изучаемого народа.

Чечич сперва пытался протестовать, потом — махнул рукой: чего там! А как сам дополнительно мозгами пораскинул, даже предложил полезную рационализацию:

— А что, если я буду всё выписывать прямо из вашей методички?

Но тут уж Карел почувал доведение важного дела до абсурда.

— Так нельзя, — сказал он убедительно, — переписать методички от руки мы бы могли ещё дома. Зачем же мы сюда ехали, с мутантами знакомились?

— И то правда! — вздохнул Горислав. — Ну, коллега, диктуйте!

— "Происхождение мутантов", — начал Карел.

— Это название предания?

— Да. Зачитываю. "Мутанты — самые древние существа на земле. Ничего ещё не было, даже микроорганизмов, а мутанты уже были. Даже Бога на небе не было, потому что Бога гораздо позже выдумали люди"...

— Интересный тезис, — заметил Чечич, обернувшись к трем еланским мутантам, которые сидели тут же, — вы согласны с этим преданием?

— А то! — за всех отозвался крупный самец-мутант по кличке Жиртрест.

— Слушайте дальше! — скомандовал Мантл. — С красной строки: "Первыми людьми на Земле тоже были мутанты. Когда возникли мутанты, был золотой век. Возникли они путём самозарождения. Были мутанты умными, сильными, работающими и очень вкусными". Вкусными?

— Ага, вкусными! — подхватил Жиртрест, поглаживая ладонью пузо.

— Разве? Нет, это просто опечатка. Надо произносить: "искусными".

9. Кшиштоф Щепаньски, начальник экспедиции

Профессор Щепаньски прошёлся по весьма людному в это вечернее время двору Председательского дома. Именно здесь по вечерам собиралась вся этнографическая экспедиция — ради обмена фактами и мнениями. Члены экспедиции рассаживались на установленных посреди двора широких еловых скамьях и делились наработками и впечатлениями за день.

Учёным нравились эти "посиделки", потому они старались заканчивать работу до пяти вечера — чтобы не пропустить какого-нибудь важного обсуждения с коллегами. Все старались, кроме одного.

— А где же Братислав Хомак? Что-то не вижу... — несколько растерянно произнёс пан Щепаньски.

— Он ещё не вернулся из Лесной Елани, — услужливо сообщил Карел Мантл, — изучает там народные песни. А поскольку песен там поют очень много, то быстро не справляется. Надо ведь записать и слова, и ноты, и проследить за манерой исполнения, и сравнить с аналогами...

Профессор нахмурился:

— Когда вернётся, надо ему передать следующее. Председательница Дыра просила его зайти для проведения исследовательских действий. У неё для него есть интересная история под запись. "О неубитом медведе".

— Обязательно передам, — пообещал Карел Мантл, — это великая честь — исследовать саму пани Дыру.

10. Братислав Хомак, антрополог

Всё ли в порядке с Клавицеком? После ночного события в Березани, будь она неладна,

Братислав Хомак коллегу просто не узнавал. Да, унижение, насилие и невозможность себя защитить порой сильно меняют человека. Но Клавичек изменился как-то парадоксально.

На протяжении всего пути по болоту от Березани до Елани на лице Вацлава блуждала мечтательно-благостная улыбка. Хомаку она не нравилась, казалась подозрительной. Неверной. Вот так улыбается человек — день, два, месяц — а потом что-нибудь как учудит! Причём не к добру для всего эволюционного процесса.

Пару раз Братислав задумывался о том, не предложить ли товарищу помощь — ну, там, выслушать, эмоционально поддержать, направить, посоветовать чего. Останавливало то, что случай, в общем-то, для мужчины постыдный. Вряд ли Клавичек обрадуется, когда поймёт, что кто-то за стеной всё слышал. Этак уже не до помощи: не навредить бы.

Три дня в Елани прошли в интенсивном исследовательском труде: общение с носителями культуры, каталогизация культурных артефактов. Казалось бы, труд занимает время и позволяет отвлечься на что-то небесполезное. Но загадочная улыбка с лица Вацлава так и не ушла.

Братислав уже предполагал худшее. Кризис научной веры — это вам не просто рядовая смена религиозной конфессии. Вот где подлинный страх!

Как любит повторять Карел Мантл, отступление от веры в прогресс — суть тяжкий грех, для образованного человека непростительный. Братислав Хомак не столь категоричен, он бы несчастного простил, но то — внутренне и только по мягкости душевной. Да и тому есть простая причина.

Ведь Хомак... Правду сказать, он и сам не без греха. Не преодолел простых человеческих увлечений. Мутантов — положила руку на сердце — не любит. От запаха мутант-деревьев его тупо тошнит. Умереть ради торжества великой мутации — тоже в глубине души не стремится. Хомак — не фанатик, у него по многим вопросам есть собственное мнение. Которое он, впрочем, никому не навязывает и даже никогда не озвучит (зачем же дразнить товарищей?).

Но личные несовершенства — это одно, а внезапные кризисы — другое. Потому случай с Клавичеком — это вызов. Если товарищ примется обличать мутантов с тем же жаром, с которым ранее превозносил — Братислав Хомак его не поддержит. Ибо разумом он — с фанатичным Карелом Мантлом, а разум над чувствами должен властвовать.

Даже в смягчающих вину обстоятельствах, даже после событий, что стряслись в Березани, лелеять мстительную обиду негоже. Конечно, физическое насилие — оно не больно-то способствует любви даже к высшим существам, но не предавать же из-за него единственно разумные идеалы.

Много чего пришлось передумать.

И вот сегодня поутру Клавичек сказал Хомаку и Мантлу, что имеет к ним важный разговор. Сказал с той самой улыбкой, которая Братиславу не давала покоя. Но тон взял уверенный, должно — принял, наконец, некое важное решение.

Встретились они на пустыре за Председательским домом Столичной Елани, что как две капли воды похож на березанский, но не настолько окружён сараями.

— Друзья мои, я хочу поделиться с вами важным для меня событием, — произнёс Вацлав Клавичек с несколько искусственной торжественностью, — это событие преобразило всю мою жизнь. Я уверовал.

— Надеюсь, в эволюционный процесс? — осторожно спросил Хомак.

— Или в мутантскую революцию? — добавил Мантл.

Клавичек встретил их догадки широкой светлой улыбкой и совершил обеими руками принимающий жест.

— Ну, слава Дарвину, — произнёс Хомак, — а то я уже волновался, не отпал ли дорогой Вацлав от наших основных идеалов.

— Не отпал, — ещё шире улыбнулся Клавичек, — напротив!

Напротив? Это как же?..

— В Березани, — пояснил Клавичек, — в ночи меня посетил дух мутации. Я боролся с духом, но он меня одолел. Я расслабился и впустил духа в тоскующее сердце. Я победил.

Победил?

— Я отмечен судьбой. Я засеян мутантским семенем, — сказал Клавичек.

Ну, положим, гордиться-то, вроде, и нечем?

— Семя мутанта меня переродило.

Это-то я вижу, настороженно подумал Хомак. Перерождение налицо: старый добрый Вацлав городит какую-то чушь собачью... В чём же подвох?

— Моё сердце осеменено. Не только лишь пищеварительный тракт.

Ага. Комплексное влияние. Надеюсь, "осеменённое сердце" — это фигура речи? Братислав Хомак сам не знал, что из приходящих к нему мыслей стоило бы произнести вслух, потому в смятении молчал. Похоже, и Мантл чувствовал и думал нечто подобное.

— Семя мутанта говорит со мной. Я слышу его, но не могу вместить всю мудрость его посланий, — после паузы продолжил Вацлав.

Семя говорит? Значит, Клавичек слышит голос. Но это же психиатрия! Или он это — в переносном смысле?

— Грядёт мутантская революция. Из людей мало кто спасётся. Спасутся только лишь готовые воспринять мутантское семя для новой жизни.

Ну, о революции-то — всё правда, мысленно тестировал Хомак слова товарища. Тут и внутреннего голоса не надо, подобную вполне разумную фразу мог бы и Карел Мантл высказать, она — в его репертуаре. Только разве странный пассаж про семя...

— Это мои слова, — узнал и Мантл. — Только про семя я не говорил.

— Семя мутанта священо. Вам ли, Карел Мантл, этого не понимать?

— Э... Ну да... — Карел смешался.

— Семя мутантское прорастёт на благодатной человеческой почве.

— Согласен, но...

— Бесплезно бежать от мутанта. Он везде тебя догонит и осеменит.

— Ну, это спорное утверждение... — Мантл закашлялся.

— Кого не осеменит священным семенем мутант, тот навеки потерян для новой жизни! — возвысил голос Вацлав.

— Ну, если только в духовном смысле... — всё ещё пытался скорректировать ход его логики Карел Мантл.

На то Клавичек аргументировано ответил:

— Моя духовная беременность проистекает от материального семени.

И ещё:

— Семя мутанта исключительно пассионарно!

Карел покраснел — очень уж он не любил, когда его перебивают в спорах. По лицу казалось — вот-вот вспылит, но ещё пытался возражать спокойно:

— Вацлав, прошу, мутантов не надо...

— Мутанты — это уже те, кто надо! — взвизгнул Клави́чек. — Человечеству же придётся приспособливаться.

С последним, ясное дело, и не поспоришь. Мантл было закивал, но Вацлав Клави́чек вдруг выкрикнул громовым голосом:

— Оставьте меня в покое, во имя Мамонта!

— Ты сам нас позвал, — попытался его урезонить уже Братислав.

Клави́чек ему ласково улыбнулся и, извиняясь, пояснил:

— Я Мамонт. И я беременен новым Мамонтом!

Рассерженный Мантл чуть ногами не затопал, но Хомак ухватил его за плечи, зашептал:

— Разве не видишь, он не в себе!

— Не я в себе! Во мне Мамонт! — прекрасно его расслышал Вацлав.

— Не кощунствуй! — прокричал Клави́чеку Мантл (Братислав возражал, но упряму не так-то просто заткнуть рот).

— Замолчи, человечество! — на лице Клави́чека появилась презрительная гримаса. Твоё дело — приспособливаться! — безумец рассмеялся новой мысли, которая посетила его. — Слово "приспособливаться" произошло от "сабля". Отсюда ясно, что случится со всяким, кто не приспособится.

Теперь оба собеседника Вацлава молчали. Он же, не торопясь, продолжал с ними диалог. В паузах выслушивал какие-то доводы, после чего решительно их разбивал надёжными аргументами.

— Вертизад — только лишь оболочка. Главное, что в нём действует истинная мутантская ДНК.

И ещё:

— Мутантские ДНК лихо закручены!

А под конец — ещё и такое:

— Мутанты вкушают человеческую плоть и кровь. Они каннибалы и антропофаги. Они к нам давным-давно приобщены.

11. Евгений Павлович Нефёдов, капитан войск МЧС

Есть хорошая новость. На БТРы полковника Снегова мутанты специально не охотятся. Но есть и плохая. К замку Брянск теперь фиг проедешь. Как ни петляли, на какие дороги ни выезжали, а результат один: впереди всегда ожидают баррикады с гранатомётчиками. Всё перекрыто. Свободных дорог не осталось, а лесом с машинами не пробраться.

— Однако, мутанты растут! — в замешательстве сказал рядовой Седых.

Да, растут. И мы оказались в зоне роста.

Большинство баррикад увидели заранее — ведь не ждали везения, а выслали пеших разведчиков. Правда, на одну нарвались, так уж нарвались. Плотность гранатомётного обстрела зашкалила. Хорошо, из мутантов стрелки никакущие. Попасть из гранатомёта в еле ползущий БТР — и то не сумели. Но лиха беда начало.

Час назад полковник связывался по радиостанции с замком Брянск. Оттуда ответили: поддержать не смогут. Свободных машин на ходу практически нет, да и под самим Брянском обстановка сложная. С дальних замковых стен в бинокли видно, как в подлеске по одиночке и группами собираются вооружённые мутанты. На что рассчитывают, непонятно, но сам симптом тревожный. Раньше такие крупные ватаги успешно сдерживал Заслон и радиальные

патрули. Теперь мутанты слишком легко просачиваются, значит — нашли бесконтрольную тропу. Или истребили один из отрядов Заслона.

Конечно, стоит мутантам сунуться поближе к замковым стенам, правда восторжествует. Попадут, как миленькие, под перекрёстный залповый огонь. В сочетании с хорошо пристрелянными ударами точной пристенной артиллерии. Такой серьёзной обработки — и мутанту не выдержать.

Но ведь не сунулись до сих пор! Может, не за тем стоят. Хотят окружить и перехватывать патрульные БТРы — чем не цель? Но это мелочь, главная цель наверняка шире. Что-то назревает, подумалось Нефёдову. Что-то до дрожи масштабное.

— Много плутаем! — крикнул Нефёдову водитель Андолицкий. — Так скоро соляра вся выйдет!

И правда, выйдет. Ведь не дозаправишься. Дизельный мотор жрёт, как не в себя. Хоть припаркуйся на обочине, да и стой.

Что-то зреет и у самого Брянска, и здесь тоже. Прорывайся — не прорывайся. Если стоять, оно вызреет всё равно. Мутанты затеяли сложную игру. Их цель — разобраться с Заслоном. Они перекрыли все дороги, чтобы сорвать снабжение наших друзей-из-Заслона боеприпасами. Ещё выждут — и нападут наверняка. Тут и до трёх БТРов дело дойдёт. Как и до всякого, кто не сумел найти дороги наружу.

— Капитан! — голос полковника Снегова по радиосвязи. — Дальше искать нечего. Возвращаемся к базе Сокола.

То есть, к базе Заслона на реке Селезень. Хорошо, поехали.

Собственно, если понадобится стоять и пережидать, то лучше там.

В самом лучшем случае — если мутанты чего не затеют — можно будет через месяц прямо оттуда подхватить в обратный путь экспедицию Щепаньски. Неизвестно зачем, раз дороги перекрыты, но уговор есть уговор.

Правда, когда мутанты придут громить Заслон, сто процентов попадёт и МЧС-никам. Придётся стать плечом к плечу, отстреливаться, дорого продать — и всё такое. После этого мутанты точно перестанут делать различие между Заслоном и русскими федеральными войсками.

А впрочем... Ну и пусть их! Что ж одному Заслону за всех выгребать.

БТРы остановились за мостом через Селезень. Снова ритуал встречи.

Пока ожидали приглашения от атамана Сокола, Нефёдов оглянулся на дорогу, по которой приехали и проговорил вслух:

— Что-то зреет. Что-то назревает.

— Всё так, — энергично откликнулся полковник Снегов, — тревога висит в воздухе. Чувствуем мы, чувствует Заслон. Наши далёкие предки — это Сергеев рассказывал — в таких случаях прижимались ухом к земле и слушали стук копыт. Ну а нам остаётся включить рацию и эфир слушать.

— И что там?

— Кольцо осады смыкается вокруг Брянска. Отряды мутантской разведки замечены под Орлом. Думаю, скоро и о Чернигове скажут. Раз мутанты активизировались, в ЧНР будет жарче всего.

— Вы правы, о Чернигове уже говорят, — бросил, подходя, атаман Сокол. — Чернобыльская гвардия предприняла попытку штурма внешнего периметра. Мутантов отбили, остатки отошли под Прилуки, там собираются для нового штурма.

Что-то зреет? Нет. Созрело и завертелось.

— А что у вас? — поинтересовался полковник Снегов у Сокола по пути к уединённому помещению для приёма и переговоров.

— У нас пока тихо. Вот только...

Тут же тишину вспорола автоматная очередь. Вторая, третья. Кто-то побежал, крича на бегу:

— Толян! Справа!

Атаман Сокол резко поменял направление, сделал приглашающий жест идущим следом полковнику и капитану:

— К командному пункту, — пояснил, скользя по древесным стволам вокруг рассеянным взглядом. Не прорываются ли?

В командирской землянке для приёма оперативной информации Сокола уже ждал ополченец с донесением:

— Двое мутантов-разведчиков. Одного искрошили, другой ушёл. Толян и Гога с ребятами преследуют, но — вряд ли. Эти мутанты — из быстрых. Скорость развили неслабую — человеку пешком не догнать.

— Базу нашу они вычислили. Жаль, — вздохнул Сокол.

— Вот и наши БТРы засветились у Заслона, — повернулся к Нефёдову полковник Снегов, — твои прогнозы?

— Теперь кольцо сузится, и без боя нас уже не выпустят, — без обдумывания ляпнул капитан, — но мы им вломим.

Вломим — как не вломить. А что ещё остаётся?

12. Веселин Панайотов, этнограф

Ночь, как и прежние, прошла взаперти в гостевой комнатке Председательского дома. Веселин еле расслабился, чтобы заснуть: пришла тревожная фантазия. Что, если поутру дверь не отпрут? Этак никогда не покинешь пердунову Березань.

Утром, как только замок щёлкнул и шаги слуги стали удаляться, Веселин подхватил загодя приготовленный рюкзак и двинулся к выходу. Отпустят ли так же легко и Грдличку?

Выпустили — антрополог появился на пороге. Сразу заторопил. Хмырь, дескать, уже ожидает в условленном месте.

Да, ожидает. Если не передумал.

Миновали частокол. На воротах стоял Дылда, поглядел на отбывающих учёных с одному ему понятным сожалением.

В условленном месте — сразу за лугом, где вчера репетировался "танец Урожая", их ждал не только Хмырь, но и Ванидло — мутант с амбициями скульптора и вышивальщика. Он что, тоже наострил отсюда лыжи в Столичную Елань? Оказалось, нет.

Ванидло принёс какую-то видавшую виды тряпку, на которой самолично сделал несколько кривых стежков. Ага, новая вышивка. За бусы и печенье. Пробормотал:

— Я подумал... Это незаконченная работа, но, может, купите...

Йозеф Грдличка лучезарно улыбнулся и посоветовал мутанту закончить работу. То есть, пожалел на грязную тряпку сладкого печенья. Наверное, даже малость обиделся. А зря. Пожалуй, в это последнее утро в Березани ему впервые попала аутентичная мутантская вышивка. Поразительно редкий случай, а потому особенно ценный.

Подождали ещё русских солдат. Терпеливо ждали, ведь придётся идти через Кабаний остров, а он захвачен волками. Пока на лугу не замаячили Хрусталёв и Рябинович, Ванидло всё не уходил, уговаривал антрополога купить вышивку.

Ну вот, все в сборе. Ванидло зашвырнул свою поделку куда подальше и в негодовании удалился, а пятеро путников — Хмырь, Грдличка, Панайотов, Рябинович и Хрусталёв — подошли к болотной тропе.

Путь через болото новых впечатлений не принёс, а вот Кабаний остров — другое дело. На острове — изрядная дубовая роща, довольно-таки красивая для деревьев среди болота. Грдличка предположил, что это дубы-мутанты, но очевидных признаков мутации ему не попало. Веселин даже внутренне улыбнулся. Дубы-мутанты выглядят совсем как дубы.

Как только вышли на сушу, над вершинами болотных дубков разнёсся громкий вой. Волки.

— Нас заметили. Предупреждают! — в глазах у Хмыря заплескался сильный испуг. — Может, вернёмся?

— А есть другая дорога, не через рощу? — спросил Веселин.

— Да тут везде рощи.

— Тогда идём дальше, — решил Грдличка, — всё-таки о волках мы знали с самого начала.

Шли осторожно, нескоро, по возможности, тихо. Всматривались в дубовую чащу — не мелькнут ли волчьи тени. Чаща стояла мирно и спокойно.

Заманивают, подумал Веселин.

А потом на дорогу прямо перед ними выскочил большой чёрный волк.

Животное с гордым видом глядело прямо в лица застывшим на месте путешественникам и молча — без рычания — скалило зубы. Клыки впечатляли.

Особенно сильно впечатлился молодой Хмырь. В поисках защиты он попятился назад и вцепился в руку Грдлички цепкими мутантскими пальцами. Йозеф поморщился — видно, Хмырь причинил ему изрядную боль.

А что же солдаты?

В тишине Хрусталёв щёлкнул предохранителем на автомате, потом неловко завожился и виновато произнёс:

— Чёртов патронник! Снова патрон заклинило...

А Рябинович? Он-то чего медлит?

— погоди, — сказал тот Хрусталёву, — мне кажется, это не мутант. Это честный волк, и с ним можно договориться.

— Как? — Хрусталёв по-прежнему лихорадочно возился с автоматом.

— Сейчас покажу! — Рябинович выступил вперёд.

Волк обратил внимание на солдата и впервые явственно зарычал. Рябинович остановился в пяти-шести шагах перед сгрудившимися перепуганными спутниками. Немного пригнулся, чтобы оказаться на уровне волчьих глаз. Станный, необычный солдат.

— На том свете был? — вдруг строго спросил Рябинович у волка.

Волк повёл головой, что-то прорычал.

— Был! — утвердительно произнёс укротитель. Или он перевёл с волчьего языка на русский?

— Мёртвых видел? — продолжал Рябинович свой непонятный допрос.

— Видел! — ответил он же сам за волка. Волк не возражал, вероятно, был полностью

согласен с такой интерпретацией своего рычания.

— Мёртвые кусаются?

— Нет.

— И ты не кусайся! — повелительно заключил Рябинович.

Волк на пару мгновений словно призадумался — и освободил дорогу.

1. Веселин Панайотов, этнограф

Вот так всё просто.

Волк на пару мгновений словно призадумался — и освободил дорогу. Четверо же спутников обалдело таращились на Рябиновича — и как у него получилось? Станный, странный солдат.

— Что это было? — прямо спросил Веселин.

— Полесский заговор на встречу с волком, — ответил Рябинович.

Панайотов кивнул. Да, заговор, а точнее вербальный ритуал-оберег. Вообще-то он уже догадывался — читал о подобных магических практиках, только почему-то не верил, что они так запросто работают.

— И что, любого волка вот так можно? — присвистнул Хрусталёв.

— Волка-мутанта? Не думаю! — усомнился Рябинович. — А так любого.

Юный Хмырь, который как раз унял крупную дрожь и приободрился, подал свой несколько нетвёрдый голос:

— Тю... Так с мутантом я бы договорился. Они слушаются. У нас с ними...

— Общность? — подсказал Веселин.

— Общий хозяин, — сболтнул мутант и тут же резко заткнулся, даже рот прихлопнул ладонью.

Веселин хотел бы расспросить о хозяине, да по вытаращенным от нового ужаса мутантским глазкам Хмыря поневоле догадался: парень и так нарушил табу. Больше ничего на эту тему не скажет.

Да и не Хмырь сегодня герой дня. Рябиновича надо спрашивать.

Хрусталёв — тот от товарища не отставал:

— А что, долго ты тренировался? Ну, чтобы волка — так.

— Да не тренировался я, — пожал плечами Рябинович. — У нас в селе все так могут. Точнее, могли, — поправился он.

— А что, в вашем селе практиковали тайные знания? — оживился и Грдличка. — Наверное, там жили посвящённые каббалисты?

— Какие такие каббалисты? — нахмурился Рябинович.

— Ваши, еврейские, — объяснил уже Хрусталёв, — которые "Каббалу" читали. Книга у вас такая — секретная. Там про какие-то цифры на дереве.

— Сколько раз говорить! — возмутился волчий укротитель. — Я не Рябинович, я Рябинович. Какие там ещё евреи? Белорусское Полесье, село Рябиновичи — у нас там кругом рябины растут. И далась вам моя фамилия: в нашем селе все — Рябиновичи. Несколько Калиновичей было — но те из соседней Калиновки. А "Каббалу" мы не читали. У нас и грамотных-то не много — учитель ещё когда сбёг: в прошлом поколении.

— Всё правда, — счёл нужным подтвердить Веселин, — этот оберег — явно из устной

славянской традиции. Не каббалистика. Так ваше село, Рябиновичи — где-то сравнительно недалеко? До Белоруссии отсюда рукой подать. Замок Гомель — он даже ближе Чернигова.

На лицо солдата набежала тень.

— Было недалеко, — глухо сказал он, — эвакуировано село. От чернобыльских мутантов подальше.

2. Ратко Милорадович, профессор этнолингвистики

— "Ой, славься навеки Великая Чернобыльщина и её верный Дебрянский ареал! Ой, как хорошо жить мутанту на благословенной земле заболотной. Особенно в Столичной Елани, да будет счастлива её Дыра! Ой, какие тучные стада свиней у мутантов! Ой, как вкусно сами мутанты кормятся! Ой, живи и цвети Чернобыльщина и все её ареалы! Ой, как добра к мутантам толерантная Европа и Атлантика! Ой, какое большое спасибо нашим милостивым отцам: доброму президенту Картрайту, доброму канцлеру Фенбонгу, доброму премьер-министру Олбрайту, доброму генеральному секретарю Дортмундсену!" — зачитал Славомир Костич.

— Весёленький текст, — прокомментировал Ратко.

— А как бы вы оценили его жанр?

— Плач, — усмехнулся Милорадович, — хвалебный, но плач.

— В точку! — расхохотался Костич. — Так и запишу: "Хвалебный плач мутантов по Атлантике и Европе". Пусть опровергают!

— Особенно умиляют перечисленные фамилии виновников, — добавил Ратко, — не надо долго вычислять, откуда уши растут. Это по их указке здесь возникла "уникальная мутантская этнокультура". Искусственная культура искусственного народа.

— Ну, такой откровенности суждений нам не спустят, — вздохнул Костич, — к тому же затруднительно такое доказать.

— Отчего же? Язык всегда выдаёт.

— Язык? В общем-то здесь все взрослые мутанты русскоязычны. И практически все записанные нами фольклорные памятники прозвучали по-русски.

— Но много ли вариаций этих фольклорных произведений нам встретилось? — задал Ратко риторический вопрос.

Ответ они со Славомиром знали оба. Нет, отнюдь не много вариаций. Всего одна. Каждый из мутантов, который произносил под запись тот или иной фольклорный текст, повторял его слово в слово. Да, порой они что-то забывали — но при этом напрочь терялся смысл самого текста. Что лишний раз подтверждает: сам текст не предназначен для устной передачи. Он создан как письменный и ранее вслух не воспроизводился.

То же самое — в случаях, когда мутант что-то перевирал. Всякий раз это была случайная, неосмысленная подмена мелких элементов текста без установления какой-либо связи с целым. Мутант без всякого переосмысления произносил явную глупость. Иногда её аргументировал ссылкой вроде "там так написано". Всё это указывает на чисто механический характер запоминания. Мутанты нечто зазубривали наизусть, чтобы потом дословно воспроизвести для уважаемых учёных этнографов.

Мол, ищите мутантскую культуру — пожалуйста, вот она, скорее запишите, пока мы её не забыли.

А ещё практически все из воспроизводимых мутантами "фольклорных" текстов — явно

переводные. Скверный перевод исключает ошибку. В якобы русских текстах обнаруживаются иноязычные конструкции: в одном случае сугубо английские, в другом германские, в третьем французские.

У этой "уникальной мутантской этнокультуры" — много иноплеменных творцов. И скрыть своё авторство они не больно-то постарались. Мало-мальски грамотному этнолингвисту оно заметно и без подробного анализа.

— Да, язык — аргумент, — подумав, согласился Костич, — но, правда, не для профанов. Скажут: мутанты и не должны хорошо владеть русским. Они же претендуют на то, что они — не русские мутанты, а отдельная мутантская нация. И все несуразности можно списать на культурные заимствования. Мутанты в душе западноевропейцы — вот и порусски говорят неправильно. Что-то в этом роде, — Славомир болезненно дёрнул воспалённой щекой.

— Больно? — поменял тему Ратко.

— В общем-то, да, — признал Костич.

— Стоило давно обработать рану.

— Так уже обработал. Кто же знал, что хлестнувшая по лицу ветка...

— Ветка мутантской берёзы, — напомнил Милорадович.

— Да, берёзы, — Костич поёжился, — надеюсь, это всё-таки не столбняк. Хотя спросить не у кого. В Березани хоть больница стояла. В Столичной Елани больницы нет, зато на её месте — школа.

Милорадович уже удивлялся. Школа вместо больницы, хотя выглядит точно так же: одноэтажный барак со щелевидными окнами, а вместо двери — опять столь же несуразные ворота.

В той больнице своеобразно лечили, в этой школе своеобразно учат. Учат мутантской культуре, придуманной далеко за границей. Учат мутантов с горем пополам читать порусски, чтобы с листа зазубривать скверно написанные тексты. И потом их старательно воспроизводить господам этнографам.

3. Веселин Панайотов, этнограф

Чёрный волк, с которым убедительно поговорил Рябинович, не только убежал сам. Он увёл и своих сородичей. Судя по всему, это был не простой волк, а вожак стаи. "Альфа-самец", как назвал его Йозеф Грдличка. Кого-то другого стая бы просто не послушалась.

Выходит, Рябинович вот так запросто оказался главнее главного волка.

И, кстати, очень приятно, что мутанты перед волками пасуют. Ну, хоть перед ними. Ибо тупой и примитивный мутантский народ, что ни говори в его оправдание, симпатий не вызывает.

Веселин как признался себе в последнем — так и призадумался. Ага, господин этнограф — докатился! А как же принцип равноценности всякой культуры? Принцип объективности этнографического исследования? Не личное "нравится — не нравится" должно бы определять отношение к той или иной этнокультуре, а её содержание, понятое в её же логике.

Что-то случилось в Березани с его научной позицией. Что-то незаметное, но весьма разрушительное. Веселин перестал уважать мутантов. Он больше не ждёт от их культуры ничего путного. Смотрит на их творческие потуги свысока, обвиняет в присвоении чужих

достижений.

Конечно, такое отношение — эмоциональная реакция, и понятно на что. Псевдоисследование, которое в Березани взялся организовать Грдличка, имело подлинной целью убедить Веселина (как и всех-всех-всех) в высоком культурном потенциале мутантской культуры, а достигло обратных результатов. Но — каких бы то ни было, а достигло: учёный Панайотов утратил научную нейтральность, вошёл в азарт отрицания. Стыдно!

Стыдно испытывать удовольствие, сравнивая чужую неполноценную культуру со своей "единственно верной". В отношении мутантов такая установка может быть названа "гуманоцентризмом". И речь не о гуманизме как человечности в отношении ко всему существу, а о пренебрежении ко всему, что не есть человек.

Надо сказать, гуманоцентризм — прямой наследник европоцентризма, который в этнографии был худо-бедно преодолен в двадцатом веке. Этак по пустякам запросто окажешься в веке девятнадцатом. В некогда славной компании профессоров, чьи труды ныне представляют в основном исторический интерес.

Что сделаешь? Представители английской антропологической школы (Тайлор, Фрезер) были и правда чересчур европоцентричны. Эти джентльмены привычно ставили на пьедестал себя самих, себе подобным — позволяли постоять рядом, а остальные народы считали отсталыми "примитивами" и располагали пониже. Если ты британский профессор конца девятнадцатого века — поневоле задерёшь нос, ведь вся наука пытается шагнуть в ногу с тобой.

Вполне логично такому профессору считать своё мнение единственно правильным. Ведь кому дано мыслить вернее, чем британскому профессору?

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Чтобы утвердить свою монополию на истину, английские антропологи опирались на передовые данные английской же ассоциативной психологии того времени. Ассоциативные психологи считали, что разум каждого человека руководствуется едиными законами — законами ассоциации.

Мыслить можно либо правильно, либо как-либо иначе. Английские профессора — скорее всего, мыслят правильно. Кто мыслит иначе, тот ошибается. Ясно, что всякие дикари ошибаются, ведь они приходят к другим выводам по тем же вопросам. Дикарю с профессором лучше не спорить. Что может противопоставить английской профессуре невежественный туземец — и подумать смешно.

Только, правду говоря, и британскому кабинетному профессору лучше так и сидеть у себя в кабинете: диалог с туземцем у него явно не заладится. Дикарь слишком уж неправильно применяет правильные законы мышления, потому в своих заблуждениях упорствует.

Короче, в дикарях такие профессора склонны видеть почти таких же профессоров, как они сами, но только — тугодумов-неудачников.

Иное дело — французская социологическая школа (Дюркгейм, Леви-Брюль). Эти учёные старались быть демократами, уважать чужое мнение и всё такое. Да и с представителями первобытных культур зачастую встречались лично. Вот они и показали, что всякий туземец мыслит не хуже, просто иначе. Нет общих для всех "законов ассоциации". Первобытные народности мыслят, исходя из законов "мистической сопричастности", руководствуются "коллективными представлениями". Всё у них не как у

просвещённых европейцев, но не скажешь, что хуже, ибо оно — иное.

Вот так и мутанты не хуже, они — иные. Разве? Слова, вроде, верные, но звучат, как заклинание. Где-то в логике есть незаметный перегиб. Изучая мутантов, человеческая наука их очеловечивает, что неправильно. Может, и другое неправильно: зачем человеческой науке изучать нечеловеческую культуру, в чём её подлинный интерес — не в искушении ли позаимствовать нечто запретное, чуждое человечности?

4. Юрий Михайлович Багров, капитан войск МЧС

Постепенно моменты яви превратились в периоды. Капитан Багров даже стал думать, что его возвращение к сознанию — это и возвращение к жизни. Хотя слабость давала о себе знать. Будто вместо крови тебе закачали болотную воду, и при каждом движении она мерзко чавкает в мышцах вместо того, чтобы их сокращать.

Что капитан видел в периоды бодрствования? Немного. Неприятную пыльную палату с деревянными (берёзовыми) топчанами под маленьким щелевидным окошком. Из людей — троих немцев в безукоризненно белых халатах. За чем — за чем, а за халатами немцы следили хорошо.

Из этой тройки постоянно при Багрове находился самый младший и наименее самоуверенный белохалатник по имени Фабиан Шлик. Да что там — этот Фабиан был просто каким-то шуганным, если говорить не самым высоким штилем.

Ещё двое немцев — Каспар Вирхоф и Дитрих Гроссмюллер — всегда появлялись вместе, и кто из них главный доктор, Багров так и не разобрался.

Появляясь, врачи первым делом капитана осматривали, а затем заводили какой-то длинный, монотонный, утомительный, но ненужный разговор — всегда, по сути, один и тот же.

Речь шла об ошибках при оказании первой помощи, о правильно выбранном курсе антибиотиков, о новейшей аппаратуре из "Евролэба" — технике самого последнего поколения.

Багров слушал своих спасителей с вежливым безразличием, вот и не стал им пенять на неточности в деталях. Да и кто нынче не берётся судить о технике? Сам-то Багров немного в ней разбирается, но в первый раз промолчал и готов молчать дальше. Зачем расстраивать немцев?

Багрова не назвать неблагодарным. Врачей-спасителей он не обидит. Не скажет, что последнее поколение в технике — заведомо хуже предпоследнего, а то, в свою очередь — здорово слабее предыдущего. Что поделать: научно-технический регресс запустила ещё вторая ядерная война, после которой люди зажили гораздо проще. "Так больше не делают", — с грустью говорят люди, вспоминая былые годы. И только продавцы взхлёб расписывают достоинства новейших товаров. Но этим — за враньё доплачивают.

Пожалуй, одно капитана неприятно удивляло: к нему не заглядывали свои. С чего бы это?

Ну, допустим, он не самый популярный капитан. Да, распустил подчинённых, с какими-то воспитательными задачами не способен справиться, кого-то, быть может, и обидел. Ладно, Сергеев считает его фанатом-карьеристом — следствие неуместной откровенности в состоянии расстроенных чувств. Личное отношение может быть разным. Но!

Но не оставлять же его наедине с немцами, чьи разговоры с каждым разом всё больше напоминают вербовку!

5. Веселин Панайотов, этнограф

В Столичную Елань пришли очень даже засветло. Вечер только издали намечался, а шла — вторая половина дня. Сюда есть и другой путь, подлиннее — через Лесную Елань, но проводник Хмырь его не знал, вот и повёл напрямик через Кабаний остров. Мимо волка, зато "с ветерком".

Подходя к селению, Веселин увидел уже знакомые треугольные дворы. Всё, как в Березани! Можно подумать, что и не уходили. От этой всеобщей треугольности почему-то стало тошно. Березань, Елань — какая разница?

Что ж, выясним, какая. В этом селении — по предварительным данным — и мутанты более грамотные, и ремёсла разнообразнее, и с фольклорными памятниками получше сложилось.

А вот и отличие — пара каменных башен на входе, с которых прозвучал оклик. Что кричали, не разобрать, но Хмырь задрал голову и отчитался:

— Притопали из Березани. Я Хмырь, со мной — двое учёных и двое охранников.

— А охранники зачем? — подозрительно спросили с башни.

— Так мы пёрлись через Кабаний. Там же волки!

Объяснение башенных мутантов удовлетворило.

— Можно, — сказали они.

Пятеро путешественников, перемазанные болотной тиной, вошли в столицу. Вошли — и на какое-то время растерялись. От ворот, выходящих на Кабаний остров, расходилось веером несколько улиц.

— Не спросить ли, где наши? — обернулся Веселин к Йозефу.

— Известно где — в Председательском доме, — отвечивал тот.

Частокол виднелся издали. Председательские дома у мутантов — за частоколами. Вот и сориентировались.

Пошли по улице, чьё направление приблизительно совпадало. Та, правда, тут же стала немилосердно петлять между несколькими невысокими холмами — впору заблудиться. Треугольные дворы по обе стороны улицы создавали причудливые узоры, но ориентиров не давали: каждый двор — словно осколок единой голограммы. Везде за заборчиком виднелись хижина — сарай — яма. И у ямы боевая свинья.

В конце концов, улица вывела вовсе не к частоколу, зато — к богатым кварталам Елани. Здесь нашлись в изобилии каменные дома (вплоть до трёхэтажных), а главное — центральная улица Столичной Елани. Она-то и вела к частоколу, к самым воротам.

У ворот стоял стражник со свиньёй на поводке. Свинья возмущённо зарычала-заурчала на Веселина. Стражник строго сказал ему:

— Ты ей не нравишься.

Хмырь подошёл к сторожевой свинье, как ни в чём не бывало, нагнулся к ней, обнял за толстую шею, что-то проворковал в развешанные уши. Свинья освободилась от его объятий, но злобно урчать прекратила.

Прошли за частокол. И здесь, как и в Березани, Веселин обнаружил два стандартных здания: двухэтажный Председательский дом, одноэтажная больница. Или здесь она не

больница? Чуть дальше — Панайотов и не сомневался — положено располагаться громадной яме. Но яму надёжно закрывали от взоров ряды лиственных елей.

От ворот вымощенная камнем дорожка привела к широченному двору перед Председательским домом. Двор сильно отличался от березанского, был тщательно выметен и ухожен. Здесь стояли многочисленные скамейки для отдыха, а у скамеек — изящные урны и хвойные ёлки в кадках.

Должно быть, в мутантском ареале хвойные ели способны вырасти только в неволе. Или кадки — для красоты? Вряд ли, скорее она для нормальной ёлки — единственное условие выживания.

На одной из скамеек во дворе сидела невысокая толстозадая мутантка и что-то вышивала. Подойдя, Веселин удивился несказанно: мутантка наносила вышивку на ворот камуфляжной куртки. Кстати, крестиком. Не болгарским.

Ну что ж — у Панайотова и не было сомнений, что вышивание мутанты вполне способны освоить. Другое дело, что березанские мутанты, найденные Грдличкой, все как на подбор этого не умели.

На другом конце широкого двора Веселин заметил Клавичека и Хомака. Хомак стоял без куртки, демонстрируя миру бронезилет. О, так это его куртку вышивает мутантка!

Приглядевшись повнимательнее к узору, Панайотов различил и буквы, идущие под геометрическим рисунком на воротке. Там было написано "CHOMAC BRUTISLAW" — явными орфографическими ошибками, насколько Веселин знал чешский. Ишь ты — именная куртка!

То-то мутантка в направлении Братислава весьма задорно поглядывала.

— Скажите-ка, любезная, где мы можем найти пани Дыру? — спросил Йозеф Грдличка.

— Я Дыра, — сообщила вышивальщица.

Вот как — Дыра вышивает куртку Братиславу? Наверное, это великая честь и немалая милость. Хомак теперь возгордится. Не каждый удостоен.

Юный мутант Хмырь, как понял, что видит перед собой Дыру, бухнулся ей в ноги и тут же принялся проситься на жительство в Столичную Елань. И на Грдличку с Панайотовым исподтишка озирался: поддержите, мол. Ну что же вы молчите?

Вслух поддержать не получилось: Хмырь так тараторил, что и слова не вставишь. Но учёные покивали, помычали в знак одобрения. Что до Дыры, то её влекли какие-то собственные критерии. Окинув фигурку юного проводника оценивающим взглядом, она молвила:

— Оставайся!

Радостный Хмырь тут же облобызал ей ступни.

Грдличка и Панайотов собирались уже заговорить о своём — вот, дескать, приехали, куда нам заселиться? Но Дыра закончила вышивать, встала и, покачивая выпяченным задом, двинулась к Хомаку с Клавичеком. Веселин, Грдличка и Хрусталёв с Рябиновичем последовали за ней в приличествующем отдалении. Им ли стоит вмешиваться?

— Я вышила тебе куртку, — с теплотой в голосе обратилась Дыра к Братиславу, — и надписала твоё имя.

— Ага, спасибо, — небрежно и отстранённо кивнул ей Хомак, — только имя моё не так пишется. Здесь несколько букв неправильны.

Дыру его ответ, очевидно, немало обидел, но та не подала виду.

— Я переделаю! — объявила. — А эти буквы — распушу.

И с какой нежностью и всепрощением произнесено "распушу"!

— Братислав, какая муха тебя укусила! — громко зашептал коллеге Грдличка. — Ты ведь рискуешь обидеть саму Дыру!

— А мне какое дело? — передёрнул плечами Хомак. — Коли Дыра обидится и отстанет, я не в претензии.

— Не обижусь, не отстану, — вкрадчиво проговорила Дыра, — а перепишу твоё имя правильно, будешь ходить в моей вышивке.

И тут же, не теряя времени, мутантка уселась на ближайшую скамейку и принялась пороть только что вышитые слова.

Грдличка тем временем всерьёз взялся за Хомака, принялся его стыдить. Дескать, так не разговаривают с дамами. Хомак отвечал, что когда нежеланные дамы хотят одного, их следует держать на расстоянии и не давать призрачных надежд.

— Да послушай, Братислав! Она же не просто дама, от неё здесь, в Столичной Елани и окрестностях, всё зависит! — настаивал Йозеф.

— Что ты мне предлагаешь? — поставил Хомак вопрос ребром. — Ублажать дам, от которых что-то зависит?

— Не "что-то"! Всё! — упорствовал старший антрополог. — Да и мало ли... От мужчины разве убудет? Сам пан Щепаньски отдаёт Дыре должное — и вполне счастлив, под настроение расскажет.

— Возможно, пан Кшиштоф ей что-то должен, а я — так нет! — взвился Хомак. — И если когда-нибудь соберусь удариться в блуд, выбирать партнёршу буду сам!

— Блуд, — сказала Дыра, — блуд! — и, отложив вышивку, прямо через платье почесала свою промежность.

Не сказать, что сие движение выглядело красиво, но на присутствующих мужчин подействовало. Сам Веселин ощутил, как некое тёмное, неподвластное воле начало вздымает его плоть. Мерзость, однако.

Грдличка пережил атаку с искренним удивлением — он даже пропустил свою очередь говорить в споре. Русские солдаты за спинами напряглись, и, насколько можно было уловить боковым зрением, покрепче вцепились в свои автоматы. Да, эти люди — люди войны — сразу опознали атаку.

И только Хомак, которому властный порыв Дыры адресовался, надменным жестом руки отвёл наваждение (или такой жест — традиционный оберег?). Виновник мутантской страсти пощёлкал пальцами перед застывшим лицом Йозефа и указал на Вацлава Клавичека — тот на протяжении всего недавнего разговора, оказывается, безучастно просидел спиной к собеседникам. Причём, если присмотреться...

Клавичек жестикулировал, словно с кем-то вёл собственный разговор.

Понял ли что-то Грдличка? Вероятно, нет, так как включился в прежнюю тему:

— Братислав, а где же твои убеждения, наконец? Кто говорил, что за мутантами будущее? Кто признавал, что человечество закатилось? И вот, когда предстоит на деле доказать приверженность идее мутации...

— Я не зря указал на Вацлава, — с волнением в голосе произнёс Хомак, — присмотритесь только к нему. Знаете, как с ним такое случилось? Ему пришлось "на деле доказать". Ещё в Березани.

— Да, с Вацлавом что-то... — Грдличка заглянул в пустые глаза Клавичека и отшатнулся.

— Я с утра его сопровождаю, не могу оставить, потому не ушёл на исследование в Лесную Елань и здесь нарвался... на даму, — Хомак с видимым трудом подобрал нейтральное выражение.

— А что произошло в Березани? — спросил Веселин.

— Там тоже водятся "высокопоставленные мутанты", и тоже "хотят любви", — юродствуя, процедил Братислав.

— Кто? — с неожиданно резкой злобой прорычала Дыра.

— Вертизад, любовник Прыща.

— Уничтожу обоих, — мстительно пообещала Дыра.

Веселин не решился спросить: обоих — это кого? Один из "обоих" — несомненно Вертизад. А вот за понимание, кто второй, поручиться трудно. Или Прыщ, который отвечает за своего любовника, или Клавичек, который ему уступил. А может, и сам Хомак — ведь именно на него Дыра обратила пылающий гневом взгляд.

6. Кшиштоф Щепаньски, начальник экспедиции

О Клавичеке пан Щепаньски узнал ещё утром. Поздним утром, но для начальника экспедиции это утро выдалось ранним. Стук в дверь вырвал любвеобильного пана прямо из объятий щедрой Дыры, в которых он как раз заснул, причём совсем недавно.

Какой наглец себе позволил? За дверью стоял Карел Мантл.

— Вацлав сошёл с ума, — высказал антрополог без прелюдий, — извините за вторжение, но мне показалось, вам надо узнать об этом первому.

— Правильно показалось, — пан решил сменить гнев на милость, — Карел, подожди в коридоре, я сейчас оденусь.

Прохладный поцелуй в плечо Дыры, пан Кшиштоф тянется за нижним бельём... Нет фальстарт. Дыра не получила причитающегося утреннего удовлетворения и властно требует своего. Профессор со вздохом соглашается и начинает подневольный труд над телом мутантки. Мысли его далеко. Вацлав? Сошёл с ума? С какой, интересно, стати?

Дыра прекрасна, исполнена аристократического изящества, тонка, как лезвие, полнозада, как персик — но порой утомительна и затратна по времени. Впрочем, трудясь над нею, пан Щепаньски выполняет важное задание. Налаживание личных контактов с мутантами — важная часть его миссии, а половые контакты — высший пилотаж, за которые и гонорар полагается первостатейный. И кого заботит, что пан профессор обычно получает удовольствие и от самого процесса.

— Ты отвлекаешься! — грозно вскричала Дыра. — Перестань думать о своём Вацлаве, или я тебя зарежу, — честно проинформировала.

— Как скажешь, богиня! — попытался сосредоточиться пан Кшиштоф. С горем пополам получилось.

Что ж, ситуация снова под контролем. Всесильная мутантка стонет от удовольствия, словно крыса, которой хитроумные учёные раздражают центр наслаждения специальным электродом. "Или я тебя зарежу"? В этом состоянии не зарежешь, милочка. От добра добра не ищут; справедливо как для людей, так и для мутантов. Кто же в трезвой памяти рубит сук, на котором всё и выстроено?

Ну вот великая мутантка Дыра полностью подчинена, а потом практически без передышки — подчинена вторично. С мутантами ведь что надо помнить: не мы для

мутантов, а мутанты для нас. Пан Щепаньски эту максимуму затвердил навсегда, потому и оказывается сверху в любой позиции. Ну, а теперь, когда Дыра повержена, пора смело натягивать одежду и выходить в коридор к Мантлу. Конечно, не без словесной маскировки:

— Можно, любимая?

— Валяй!

Пан Кшиштоф вышел в коридор с приличной задержкой. Ну что ж, Карел должен осознавать, что каким бы ни было его известие, оно не выбьет из седла истинного поляка. Не заставит тревожиться и торопиться.

— Так что там с Вацлавом?

Карел Мантл вкратце передал суть происшествия. Дескать, Клавичек уверовал, что его в Березани осеменил Великий Мамонт, и всякая такая пурга. От подобной бессмыслицы вяли уши; Мантла оправдывало лишь то, что он повторял слова умалишённого.

— Где он сейчас?

— Вацлав? Внизу, во дворе, с Братиславом. Хомаку приходится его сторожить, потому что несчастного посещают странные идеи, порой опасные для жизни.

— Например? — поднял правую бровь пан Кшиштоф.

— Рвётся осеменить всех наперебой мутантов и их домашних животных. Потом — говорит, что не достоин великой миссии и должен понести кару за нечестивые мысли. И та и другая идея может закончиться летально.

— Да. Пожалуй.

— Мы с Хомаком договорились, что он сторожит Клавичека, а я приглашаю вас, и так мы как-то сумеем всё урегулировать, и поймём, что делать с Вацлавом. Нужна ведь специфическая медицинская помощь, а в Столичной Елани и простых медиков не сыскать.

— Всё верно, — дал оценку профессор, — что ж, Карел, ты можешь быть свободен, а к Братиславу я сейчас спущусь.

— Не надо! — раздалось сзади.

Мантл обернулся на голос, вжал голову в плечи и прибавил шаг.

В дверях стояла Дыра. Обнажённая, как Венера, грозная, как та же Венера в ночном облике.

— Чего не надо, любимая? — ласково спросил пан Щепаньски.

— Спускаться не надо. Я сама спущусь, — сказала она.

— Что, так, без одежды?

— Оденусь, — пояснила Дыра.

И правда: через полчаса мутантка оделась, стала спускаться. Пан поколебался, потом сунулся было следом.

— Останься здесь! — велела Дыра. — Там Братислав Хомак, ты помешаешь мне с ним общаться.

Что ж, из соображений конспирации стоит послушаться. Просто, чтобы Дыра и подумать не могла, что в один прекрасный день профессор запросто воспротивится её воле. Не мы для мутантов, а мутанты для нас. Но самих мутантов не стоит посвящать в эти обидные для них тонкости.

7. Братислав Хомак, антрополог

В интересном виде Братислав Хомак получил назад свою камуфляжную куртку, с

которой расстался в минуту слабости. И глупости. Ибо никак не ожидал, что вместо начальника экспедиции к ним с Клавичеком спустится мутантская дама, которой он на протяжении нескольких последних суток успешно избегал.

Но случилось. Пришла, заговорила. Поскольку Хомак отвечал односложно, кликнула своего слугу по имени Глист, и тот принёс бокалы с какой-то бурдой для расслабления. Братислав отказался пить — и вся бурда полетела прямо ему на куртку. Тут бы заранее распознать, в чём уловка, но — не догадался.

— Ой, что я наделала! — всполошилась Дыра. И давай эту куртку на Братиславе растёгивать.

Что за глупости задурили антропологу голову! С обещанием замыть злосчастное пятно соседствовал пренебрежительный жест: Дыра стянула куртку с Хомака и швырнула её наземь.

Тут уж Братислав понял, к чему дело идёт, проворно вывернулся из распахнутых мутантских объятий и, отскочив прочь, потребовал оставить его в покое и позаботиться о брошенной куртке. Дыра напустила на себя вид преувеличенной покорности, схватила эту куртку, облобызала, после чего, минуя стадию замывки пятен, принялась покрывать её вышивками. Благо, иголку с красной ниткой она всегда носила с собой, заткнутой за передник.

Вышитый камуфляж. Что за бредовая фантазия?

Теперь-то уж точно его куртку легко узнать среди миллионов таких же.

Мало того, что воротники на них обычно не вышивают, так эта — ещё и именная. Дыра, вроде, и принялась отпарывать вышитые буквы, но до конца дела не довела. Оставила какие-то обрывки: "СНОМА BRUT". Ни то, ни сё. Братислав хотел было поскорей продолжить уничтожение, но подумал: странно он будет выглядеть за дамским рукоделием.

А тут ещё и Веселин Панайотов со своим утверждением: аутентичная мутантская вышивка — дефицит. Во всей Березани не нашлось ничего такого, что взаправду вышили бы сами мутанты — надо же! Его послушать, так свести подлинную вышивку с воротника собственной куртки будет актом вандализма.

Ладно, принял Хомак окончательное решение, оставлю-ка всё, как есть. Этак и вандалом не прослышу, а кроме того покажу всем, насколько я выше всех этих условностей. Вышивать по камуфляжу смешно? Смешно. Вот и буду смеяться всех громче и веселее. Сойдёт за смелое чудачество.

И, право же, о себе да своём имидже думать как-то совестно, когда такое приключилось с коллегой.

Дело с Вацлавом закончилось тем, что его посадили под замок в одну из полуподвальных комнатшек Председательского дома. Лечить его — дело немыслимое, вот и посидит пока взаперти. Может, сам одумается.

8. Ратко Милорадович, профессор этнолингвистики

Тексты-тексты... До чего грубо, по-идиотски сколоченные тексты!

Славомир Костич обратился к недавней записи предания, зачитал:

— "Жило-было три брата: Рус, Европ и Мутант. Худо быть самым младшим братом. Тяжело жилось бедному Мутанту. Рус — брат злокозненный — его притеснял и наказывал, за человека не считал, а считал за козявку противную. Европ же — самый разумный брат —

и разговаривал с Мутантом вежливо, и всегда готов был его выслушать, и всегда за шалости миловал. Вот как-то раз решили Европ с Мутантом проучить Руса..." — и так далее. Слова "проучить Руса" в этой истории — лейтмотив.

— Такова вся их "история", — Ратко Милорадович оторвался от своего блокнота, где подчёркивал иноязычные обороты в мутантских преданиях, — причём идея "проучить" занесена извне. Ясно, почему?

— Едва состоявшемуся этносу некогда кого-то "учить", ему для начала надо обустроиться, — Славомир ухватил суть.

— Да! К тому же, — прибавил Милорадович, — эта идея всегда исходит от сильного народа, приходящего в упадок. Заметно по самому её смыслу: "так учить, чтобы ученику стало плохо".

— Кстати, учеников, которым становится всё хуже, мы встречаем в здешней мутантской школе, — Костич, посмеиваясь, вздохнул.

Ратко вернулся к собственному блокноту и тут же выловил очередной американизм в "аутентичном" мутантском предании. О! Учителя попались.

— А вот ещё одна мутантская история, — Костич перешёл к следующему тексту, — говорили, что очень древняя. И верно: имена-то какие старинные!

— Старинные? У мутантов?

— Читаю: "Было три брата: Прыщ, Прыщ, Пердун — и сестра их Дыра"... Я и спрашиваю: а что, двоих братьев одинаково звали? Нет, говорит, это один и тот же брат, просто он два раза был! Каково?

— Бывает, — не стал удивляться Ратко, — поменять имена дело нехитрое. Но когда меняешь на ходу, имён может и не хватить.

Милорадович пролистнул несколько перелицованных сказок из собрания братьев Grimm — ага, в числе соавторов мутантской культуры и немцы отметились — и добрался до настоящей жемчужины коллекции.

Этот весьма протяжённый текст ответственный за него мутант никак не мог целиком наговорить вслух, зато — сумел написать. Собственной рукою, прямо в блокноте у Ратко, вывел печатными буквами.

"Жил был Адам, и он был человек. И был у него родной брат — Мутант. Было их у Господа двое. Адам был непослушным, ходил всегда пьяным, говорил по-русски, ругался матом и рвал запрещённые плоды в Эдемском саду. Мутант же был послушным, он всегда делал, что ему говорил Господь, а когда Господа не было, он слушал его заместителей: доброго папу Бонифация, доброго президента Картрайта, доброго премьера Олбрайта, доброго канцлера Фенбонга, доброго генсека Дортмундсена.

Однажды сказал Господь Адаму и Мутанту: вот, смотрите, в центре сада Древо познания добра и зла. Принадлежит оно только мне, а также доброму папе Бонифацию, доброму президенту Картрайту, доброму премьеру Олбрайту, доброму канцлеру Фенбонгу, доброму генсеку Дортмундсену. Потому не ешь ты, Адам, чужой собственности. И ты, Мутант, тоже не ешь.

И пошёл господь погулять, а мудрые папа, президент, премьер, канцлер и генсек за кустами спрятались и стали ждать, что будет. Не прошло и пяти минут, а непослушный Адам уже у дерева. И рвал он запрещённые яблоки, и засовывал их за обе щеки.

А Мутанту тоже хотелось яблок, но он был очень послушный, поэтому вместо запрещённых яблок пошёл объелся разрешённых груш.

И хихикал Адам от удовольствия, и было Мутанту плохо. Но мудрые папа, президент, премьер, канцлер и генсек из-за кустов всё-всё видели. И поняли они, какой Адам плохой, а какой Мутант хороший, и всё-всё рассказали Господу.

А Господь очень рассердился, и говорит: раз ты, Адам, не слушался, так на теперь тебе запреты и санкции. А раз ты, Мутант, был послушным и ничего себе не позволил, так вот тебе теперь всё позволено. Делай, что хочешь, и ничего тебе за то больше не будет.

С тем и отправил обоих из Эдемского сада на землю Чернобыльскую.

А чтобы не отбирал непослушный Адам у бесхитростного послушного Мутанта его привилегии, приставил Господь к Адаму своих верных надзирателей: доброго папу Бонифация, доброго президента Картрайта, доброго премьера Олбрайта, доброго канцлера Фенбонга, доброго генсека Дортмундсена".

На какие, однако, прочные цепи посадили господа западноевропейцы мутантскую боевую свинью.

9. Веселин Панайотов, этнограф

В столичной Елани Веселин Панайотов освоился быстро. Конечно, от Березани она чем-то отличалась — но мало чем. Общие размеры, этажность домов, количество каменных строений — всё это отличия не по существу. Три поросёнка тоже гораздо больше одного поросёнка, но — точно такие же поросята.

Ещё Березань селение в "берёзовой" зоне, а Елань — в "еловой". На что эта подробность влияет, Веселин так и не определил.

В Березани открыто жили мутанты строго мужского пола, в Столичной Елани присутствовали мутанты-женщины. И это отличие о чём-нибудь поведало бы, если бы Веселин сумел разузнать, почему в Березани женщин не попадалось. Ибо не спрашивать же о женщинах в Елани, почему они здесь имеются?

А двери гостевых комнат в еланском Председательском доме на ночь никто не запирали — с непривычки это показалось чуть ли не самой яркой особенностью. Правда, гостям всё равно не выпадало выходить по ночам из дома да разгуливать по селению. Там бродили спущенные с цепи сторожевые свиньи. Каждую ночь кого-нибудь грызли!

Может, и по ночной Березани тоже свиньи бегали? Не слышалось ли когда и там ночного крика или хруста костей? А кто ж его знает? Веселин спал, не слышал.

Только теперь задумался: а что, если закрытые на ночь двери в комнатах гостей — это как раз забота об их целостности и сохранности? Нет, правда? Эпизод с ночным посещением Клави́чека подлым Вертизадом в такую логику не вписывается, ну да везде есть место исключениям.

Пожалуй, самое яркое сходство (и отличие в том же флаконе) у Березани и Столичной Елани расположено за частоколом. На первый взгляд — всё то же самое: здание длинное двухэтажное, здание длинное одноэтажное, яма. Ну, подумаешь, яма гораздо больше, да сараи у Председательского дома иначе стоят.

А ведь оказывается, больничный корпус здесь — вовсе не больничный. Что в Березани больница, то в Елани школа. И тогда...

Тогда "модель мутантского мироздания", созданная Панайотовым в Березани, требует уточнения. Не три стороны света и три стадии жизни "дом — больница — яма", а что-нибудь другое. Что же общего у школы с больницей? Сразу и не сообразишь. Там учение, сям

лечение. Там образование, сям исцеление. Там учителя, сям врачи. Там ученики, сям пациенты. Пациенты — значит "страдающие". Может, в этом-то всё и дело?

Ключевое слово — "страдание". Страдать можно в контексте лечения, можно и в контексте лечения, а можно и в контексте пыток. В этом "пыточном" контексте употреблял слово "пациент" ещё маркиз Альфонс Донасьен де Сад. Уж этот-то в пытках понимал.

Итак, "мироздание по-мутантски" выглядит так: "дом — пыточная — могила". При этом дом и могила — константны, а пыточная приобретает новые значения (школа, больница) в зависимости уже от привнесённых европейских контекстов. В Березань приехали немецкие медики — вот вам и больница, в Столичную Елань прибыли учителя — вот вам и школа!

В школе Столичной Елани работали учителя из университетских замков Англии, Франции, Румынии и НША — всего полтора десятка человек, объединяемых организациями "Педагоги Свободной Европы" и "Атлантика превыше всего". Веселин и думать не гадал, что столица Дебрянского ареала настолько посещаемая. Так поди ж ты!

Впервые подходя к школьному бараку, Панайотов уже знал, что там не больница, но по-прежнему ожидал встретить тишину и запустение.

Куда там! По коридору шныряли ватаги голопузых красномордых мутантских ребятишек со злобными глазами. Их было столько, что Веселин без труда догадался, отчего их совсем не встретилось в Березани. Сюда, в единственную мутантскую школу, согнали детей со всего Дебрянского ареала, и согласия, по-видимому, не спрашивали.

Мутантские дети не просто так хаотически перемещались, они при этом толкались, кусались и били друг друга ногами. Людские учителя ходили среди этого мелкого мутантского моря с увесистыми палками, и время от времени протягивали пониже спины какого-то особо отличившегося зверёныша. Если тот в ответ бросался на обидчика-преподавателя, усмиряли его уже втроём-вчетвером ударами по дурной голове.

— К сожалению, с ними иначе нельзя, — виноватым голосом признался учитель математики Аттила Попеску, который взял на себя миссию гида для Веселина и Грдлички.

Кстати, Попеску тоже носил при себе длинную увесистую палку, и с палкой наперевес выглядел учителем фехтования.

— И как, удаётся их выучить математике? — поинтересовался Веселин, морщась при виде очередной сцены насилия.

— К сожалению, счёт до десяти — это их потолок, — признался Попеску.

— А я знавал мутанта, который считал ровно до сорока трёх, — возразил было Грдличка, но тут Попеску вовлёкся в очередную драку с воспитанниками, так что вопрос математических способностей у мутантов остался открытым.

Вернувшись, Аттила припомнил, что ему пора быть на уроке, и быстрым шагом доставил этнографа и антрополога к директорскому кабинету. По своему расположению в школьном бараке он соответствовал кабинету главврача березанской больницы.

Заправлял школой некто Залман Супскис, евроамериканец польско-литовского происхождения. Внешне он до того напоминал пана Кшиштофа Щепаньски, что Веселин даже подумал: уж не розыгрыш ли это?

Да только пан профессор — не тот человек, чтобы запросто принять участие в розыгрыше. Супскис, как оказалось, тоже.

Директор школы попенял в лице Панайотова и Грдлички всей этнографической экспедиции за недостаток внимания к его заведению. По его словам, сюда наведалься лишь

сам пан Щепаньски, да двое сербских этнолингвистов. Да и те не пожелали проверить знание мутантскими детьми английского языка.

— А вы их специально учите английскому? — чему-то удивился Веселин. Ему прежде казалось, что любые оригинальные первобытные культуры лучше оставлять в неприкосновенности. По возможности, разумеется.

— У нас школа с языковым уклоном, — гордо произнёс Супскис, — мы обучаем детей разным европейским языкам. Основная же задача, впрочем, состоит в том, чтобы они забыли русский.

— Вот как?! — Панайотову всё сильнее казалось, что его занесло в эпицентр масштабного розыгрыша.

— И каковы успехи? — спросил Грдличка.

— Забывают помаленьку. Очень способствует тот факт, что они не общаются с родителями.

— Не общаются? — переспросил Веселин. — Зачем?

— Их родители только по-русски и понимают, — вздохнул Супскис, — как мы ни бились, всё без толку. Ни одного человеческого языка Европы им не внятно. Сейчас мы больше не занимаемся ликвидацией безграмотности среди взрослых, но раньше... Не поверите, чем приходилось заниматься!

— Чем же?

— Учили их читать и писать по-русски! — с болью произнёс господин Залман. — Хотя это оскорбительно для памяти моих польско-литовских предков. В высшей степени оскорбительно!

— Но... вы знаете, пан Залман, — наябедничал Грдличка, — пройдя по коридору, мы и сегодня слышали в некоторых из классов явно русскую речь. И там по-прежнему обучались взрослые.

— Конечно, знаю, — Супскис успокоительно всплеснул руками, — но это специальные классы, срочно открытые для изучения мутантской истории и культуры, — директор заговорщицки подмигнул, — как раз перед приездом вашей экспедиции, понимаете?

Как не понять!

Уже на выходе из мутантской школы какой-то красномордый пацанёнок влетел носом прямо Веселину в бронежилет.

— Как тебя зовут? — спросил его Панайотов.

— Тхе! — ответил мелкий мутант и подбоченился.

— Странное имя...

— Это первое слово, которое я прочитал по-английски.

10. Кшиштоф Щепаньски, начальник экспедиции

Не мы для мутантов, а мутанты для нас. Но самих мутантов не стоит посвящать в эти обидные для них тонкости. К счастью, идеи легко переворачиваются с боку на бок. Совсем с ног на голову — не надо; лучше с одного боку на другой. По сути ничего не поменяется, но лучший бок останется сверху.

"Мы вам поможем победить русских!" — красиво звучит. Лучше, чем "Помогите нам, пожалуйста, победить русских!". Звучит лучше, а главная суть прежняя. Ибо не в том суть, кто кому поможет. Взаимопомощь — вот что превыше всего, когда у всех одна задача:

наказать Россию.

К счастью, мутанты вполне созрели для величия такой задачи. Спасибо учителям, спасибо учителям учителей, большое спасибо аналитикам и стратегам, огромное спасибо папе, президенту, премьер-министру, канцлеру и генсеку. Сколько людей работало, вкладывало деньги, преподавало, не спало, вычисляло ночи напролёт ради одной короткой фразы на ушко пани Дыре. "Решено: мы вам поможем победить русских!" Музыка этой фразы не дано оценить и записному этнолингвисту вроде Милорадовича.

Решено, конечно, давно. Но мутантов поставить в известность о решении полагалось к определённой дате. Дата такова, чтобы мутанты раньше времени не проболтались. Или не принялись торопить события — кому нужны фальстарты, когда евроатлантический кулак не занесен?

Дата задумана с таким расчётом, чтобы разгон уже был взят. Чтобы не остановить. Чтобы мутантам Дебрянского ареала осталось присоединиться к готовому, раскачанному и запущенному процессу.

Если же мутанты ко всему решат, что сами сей процесс и запустили — тем лучше, убеждали аналитики из замка Брюссель. Мутанты останутся по гроб жизни обязаны и благодарны европейским союзникам. Выгодно!

Пан Щепаньски, правда, знал мутантов поближе, чем брюссельские аналитики. Он бы не стал так уж полагаться на мутантскую благодарность. Мутанты — они ведь как дети: сегодня благодарны, завтра забыли. Но и в этом "сегодня", однако, при надлежащей сноровке можно здорово попастьись.

Но вот дата подходит. И как раз на эту дату пани Дыра — вот чутьё у прекрасной мутантки — назначает пир. Или не чутьё? Или кто-то ей сообщил заранее всё, что уполномочен предложить суперагент Кшиштоф Щепаньски?

Кто сообщил, того уж вряд ли сыщешь. Многие из профессиональных разведчиков уже несколько лет преподавали европейские науки мутантским детям в одноэтажном бараке-школе. Там, кстати, они и жили — как ученики, так и учителя. Вели уединённый образ жизни, носы за школьные ворота не высывали, но пан Кшиштоф не сомневался: с каждым из этих учителей пани Дыра успела не только познакомиться, но и близко пообщаться. Иначе у Дыры просто не бывало, да и разведчики имели свой интерес: за каждый близкий контакт с высокопоставленной мутанткой на их европейские счета капали денежки. Мелочь, а приятно.

Знал пан Щепаньски также и то, что в работе разведчика — мастера интимного контакта для успеха требуется обоюдная откровенность. Уже само проникновение в доверие требует известной искренности, а следом — идут и другие сведения, выданные "по большому секрету". Искусством вовремя придержать язык сам пан профессор так и не овладел, чего же ему требовать от панов учителей средней мутантской школы?

Между прочим, уколы ревности по поводу драгоценного внимания Дыры, уделённого жалким учителяшкам, стоило бы изжить. Кто в поте лица трудится на ниве мутантского просвещения, тот точно не может принадлежать к элите разведки. Значит, никакой он не соперник.

И... Подумаешь, кто-то госпожу предупредил! Зато официальное предложение Дыра получит от вельможного пана Кшиштофа. Предложение важней и значимей, чем — руки и сердца. Главное — масштабней.

11. Ратко Милорадович, профессор этнолингвистики

В этот день записывать мутантские предания не пошли.

— Что-то меня стала беспокоить щека, — сказал Славомир Костич.

Прежде жизнерадостное лицо коллеги искажала страдальческая гримаса.

— Странно, что не беспокоила раньше, — заметил Ратко Милорадович.

Действительно, странно. Ратко хорошо помнил, с чего всё началось. С хвойной берёзовой ветки, которая хлестнула Костича по лицу ещё на пути к Березани. Тогда-то Славомир не придавал травме серьёзного значения: подумаешь, ветка! Однако, в мутантском лесу мелочей не бывает. Когда — уже в Столичной Елани — Костич залил свой нарыв антисептиком, было уже, по-видимому, поздно. Весьма скоро щеку раздуло настолько, что глаз закрылся. Да и второй как-то болезненно сузился.

— Ну, как не беспокоила, — досадливо морщась, пробормотал Славомир, — я бы сказал, она не мешала работать. А так — очень даже раздражала. Болела. Да и в зеркало на себя — не налюбуйешься! — Костич зашёлся в хриплом, каркающем смехе, который так не вязался с его образом — пусть и пожилого, но здоровяка.

Прежде Славомир Костич смеялся иначе — а похохотать он любил. Густой, раскатистый баритон слышался в его звучном смехе. И видно, и слышно, что дурацкая травма стала угнетать коллегу действительно сильно.

— А теперь что?

— Как-то лицо мертвеет, — пожаловался Костич, — и мышцы сами собой напрягаются — расслабить трудно. И судороги временами — челюсти так сведёт, что рта не откроешь. Какую-то заразу, наверное, подхватил, а она вырабатывает токсины — нервно-паралитические.

— Похоже на столбняк, — встревожился Милорадович.

— А какой у столбняка инкубационный период?

Вопрос Костича поставил в тупик. А и действительно, какой?

— Кажется, он бывает разный.

— Столбняк? — словно примеряя на себя это слово, сардонически усмехнулся Костич. — Скверное дело, но могло быть и хуже, — он снова разразился страдальческим каркающим смехом, от которого кожа ещё крепче обтянула обострившиеся черты лица.

— Что же могло быть хуже?

— Так я уже думал, что понемногу превращаюсь в мутанта! — кажется, Костич просто шутил, но вполне возможно, что подобные страхи его действительно посещали. Когда не управляешь собственными мускулами — ненароком всякое померещится.

Да уж, генетические мутации неизлечимы в принципе, а столбняк опасен, однако излечим. Только кто же будет его лечить здесь, в Столичной Елани, где нет ни медиков, ни больницы, а в больничном бараке расположилась мутантская школа?

— Кажется, надо поискать врача, — вздохнул Костич, — может, у Щепаньски спросить? А он, к примеру, у Дыры узнает, нет ли...

— За врачом придётся послать в Березань. Или лучше самим отправиться, — Ратко не поддержал тщетных надежд больного товарища. — Вся медицина там.

— Это точно?

— Само собой. До недавнего времени здесь, в Елани, гостил некий доктор Гроссмюллер, но он уже отправился обратно в Березань — вскоре после нашего сюда

прибытия. Не знаю, добрался ли он, но больница-то там имеется. И если не Гроссмюллер, то хотя бы Погодин ещё сидит там с нашими ранеными.

— Да, — кивнул Славомир, — придётся всё оставить и тащиться к березанской больнице. Жаль.

— А чего жалеть? — Милорадович высказался прямо. — Можно подумать, мы здесь, в Елани, занимаемся чем-нибудь серьёзным.

— Согласен, нас кормят подделками. Но всё-таки... зачем-то мы сюда добирались. Что-то надеялись открыть, — Костич махнул рукой. Сардоническая гримаса с его лица так и не сошла.

— Надо найти Соплю, — сказал Ратко, — либо другого проводника. Это, наверное, через Щепаньски.

— И солдаты, — вспомнил Славомир, — с Панайотовым и Грдличкой сюда пришло двое — Хрусталёв и ещё один. Им ведь тоже надо возвращаться в Березань. Вот и меня проводят.

К пану Щепаньски Милорадович пошёл один. Костич остался в своей комнате, "чтобы никого не пугать этой жуткой гримасой". Наверное, зря не стал пугать: надменный начальник экспедиции умыл руки.

— Где сейчас пан Сопля, мне неизвестно, — сказал Щепаньски, — только вам его всё равно не уговорить. В Березань уже мог вернуться Пердун, а Сопля Пердуна боится.

И всё. Разбирайтесь, мол, сами.

Спросить, что ли, у Дыры? Уж она-то наверняка должна знать, где живёт Сопля, подумал Ратко. А проводнику заходить в селение Пердуна вовсе не обязательно: достаточно провести через болото и показать направление дальнейшего пути.

К сожалению, Дыра сегодня не принимала. Она с кем-то уединилась у себя в покоях, так что слуга — долговязый и худой Глиста, стоя на страже господского наслаждения, даже не стал докладывать. Милорадович немного подождал, но понял, что зря теряет время.

Осталось разве что зайти к двоим русским солдатам, которых — Ратко знал это — поместили в сарайчике, пристроенном к Председательскому дому со стороны заднего двора.

Милорадович обогнул здание и подошёл к солдатскому сарайчику. Перед металлической дверью, покрытой свежими глубокими бороздами и вмятинами, понял две вещи: во-первых, к солдатам совсем недавно ломилась одна из сторожевых свиней, во-вторых, у солдат — гости. Судя по одному из голосов, что донеслись из-за двери, к ним зашёл один из воспитанников мутантской школы.

Странность состояла в том, что учителя очень строго блюли свою молодёжь и, надеясь привить ей английский язык, ни с кем из посторонних не позволяли общаться.

Ратко постучал. Голоса за дверью смолкли, потом Хрусталёв спросил:

— Кто?

Милорадович назвал. Солдаты ещё пару мгновений поколебались, потом открыли дверь. Всё-таки сербскому профессору они склонны доверять, что, разумеется, приятно.

В сарайчике — помещении без окон, скудно освещённом двумя парафиновыми свечками, Ратко нашёл двоих солдат и краснощёкого мелкого паренька-мутанта.

— Это Тхе, — отрекомендовал мальчика Хрусталёв, — он забежал к нам этой ночью, спасаясь от боевых свиней.

— Ай эм Тхе, — подтвердил ученик, — свиньи вонт ту кэтч ми, бат я счастливо смылся.

— Мы тут с Тхе уже полночи беседуем, да и утро прихватили, — сообщил второй солдат

— по фамилии Рябинович, — и столько интересного выяснилось! Вам, наверное, тоже будет любопытно, вы же изучаете их культуру. Чем эти мутанты живут, и всё такое...

— Да-да! И что выяснилось?

Рябинович поведал вкратце, что удалось узнать. Оказывается, ночная охота спущенных с цепи боевых свиней — обычное дело, и преследуют чудовищные свиньи в основном учеников из мутантской школы. Почти каждую ночь кто-то из них сбегает — пролезает через щелевидные окна спален и учебных классов — но мало кому удаётся уйти. Мутантские свинодоги высыпаются при свете дня, а потом не дремлют всю ночь.

Малолетние мутанты прекрасно знают, что за участь их ожидает в случае побега, но в школе им оставаться бывает совсем не вмоготу. Над ними там измываются как люди-учителя, так и мутанты-надсмотрщики. А главное — английский язык больно сложный, его невозможно как следует выучить.

— И верно. Чудовищный, в общем-то, язык, — не стал спорить профессор этнолингвистики. Причём сам себе улыбнулся.

Хорошо, что его не попросили аргументировать это парадоксальное мнение, ибо изложить его простыми человеческими словами — задача каверзная. Этнолингвисты бы суть ухватили, хотя в большинстве — сочли бы за недопустимое чудачество. Английский язык принято уважать, иногда превыше собственного.

Рябинович продолжал свой пересказ, и Ратко Милорадович вдруг осознал, какой ценный информатор достался солдатам. Ученик Тхе — одиннадцатилетний мутант-ребёнок — был ещё свободен от множества табу, которыми ограждались речь и общение взрослых мутантов. Двое рядовых, которых высокообразованными людьми не назовёшь, вытащили у него такие подробности о бытии мутантского этноса, до которых и за вторую неделю работы не добралась экспедиция профессионалов.

Оказывается, источник жизни и благосостояния мутантов — рабский труд. Работают на мутантов исключительно люди, так как сами мутанты скорее сдохнут, чем согласятся работать. Такова уж базовая жизненная установка носителей мутантской культуры. Работа для них — намного хуже и страшней английского языка.

Отчего же людей-рабов нигде и никогда не видно? И на этот вопрос получен ответ. Хвастать своими личными рабами у мутантов не принято, даже предосудительно. Настолько, что каждый, кому понравился выставленный на обозрение чужой раб, имеет полное право его забрать. Вот мутанты и прячут рабов в специальных сарайчиках, которые выстроены в каждом дворе.

Мутант, который рабов не имеет — обречён на голод и вымирание. Поэтому мутанты рабов ценят, стараются их не поедать без крайней нужды. Если же всё-таки съедят, выпрашивают новых у правителя селения. До недавних времён — ещё в раннем детстве Тхе — общесельские резервы рабской силы были значительны. Не то теперь, когда удачный набег на людские сёла — редкость.

Кстати, в сёлах общие рабы находились в специальных бараках рядом с Председательскими домами. В Столичной Елани в бывшем бараке для рабов ныне действует школа, в Березани же — больница. И всё бы ничего, но мутанты чисто по инерции продолжают считать общими рабами учеников и пациентов — оттого и не ценят их жизни ни на грош.

Общесельских рабских резервов — уже года четыре, как нет, зато сохранился единый резерв рабской силы для всего Дебрянского ареала. Неподалёку от Столичной Елани

находится Глухомань. Так вот, эта Глухомань представляет собой концлагерь. Находится она на месте старого карьера, в глубооченной и широченной яме, сверху полностью прикрытой маскировочной сеткой. Эту огромную сетку — в знак уважения права мутантов на самоопределение — в своё время предоставил английский премьер-министр.

Ещё малыш Тхе упомянул о подземных складах оружия. Где они находятся, о том простому мутанту неизвестно, но оружия там очень много. Позаботились англичане, которые организовали эту закладку ещё до последней ядерной войны (думали-то сами воспользоваться, да не судьба).

И вот ещё что. Оказывается, несколько лет назад в Дебрянском ареале случился переворот. В Столичную Елань и другие крупные сёла понаехали мутанты из Чернобыльщины. Они-то и захватили власть, а чтобы считаться легитимными — заживо съели всех предыдущих руководителей. Причастились к их правам, так сказать. Дыра, например, самолично сгрызла Тряпку, а до того — Метёлку. Прыщ и Пердун — тоже много кого поглотили. Не отстали от вдохновительницы.

Когда рассказ Рябиновича иссяк, Ратко Милорадович принялся опрашивать мутантёнка сам. Солдаты ему это легко позволили, даже остались довольны: ведь профессор этнолингвистики знал английский язык намного лучше них, потому дело пошло намного быстрее.

Лишь под вечер профессор Милорадович спохватился, что так и не решил вопрос о лечении бедняги Костича. Наука наукой, интерес интересом, а коллегу таки надо переправить в Березань, к больнице.

— Да без проблем! — воскликнул Хрусталёв. — Доставим в лучшем виде, даже проводника не надо! Я хорошо запомнил дорогу, Адам Рябинович умеет волков отгонять — что ещё для похода надо?

— Надо, чтобы Славомира полностью не парализовало, — заметил Ратко.

12. Братислав Хомак, антрополог

Назначенный Дырою на вечер "пир на весь мир" оказался довольно-таки камерным мероприятием, затерявшимся под сводами парадного зала. Были только свои. Из всей экспедиции профессора Щепаньски "своих" набралось всего четверо: сам профессор, а также Йозеф Грдличка, Карел Мантл да Братислав. Не густо.

Коли всё бы шло по изначальному плану, посвящённых оказалось бы семеро, но вот Бегичи застряли в Березани, а Клавичек — в совершенно бредовом мамонтовом мире, что развился из идеи "осеменения".

Можно было бы для восполнения картины позвать и Горислава Чечича. Хотя бы его. Что Милорадович, Костич и Панайотов на пиру окажутся не ко двору — понятно заранее, но македонец-то, по словам Карела, доказал свою лояльность. Однако пан Кшиштоф — сеньор строгий. "Коней на переправе он не посвящает в рыцари", как пошучивали студенты-второгодники.

Кроме четверых экспедиционеров к "пани" Дыре явилось человек пять из школьных учителей — во главе с директором Супским, да ещё впервые появился на людях пресловутый мутант Прыщ (а то Хомак уже начинал понемногу сомневаться, уж не легендарный ли это персонаж).

Прыщ выглядел колоритно даже для мутанта. На маленькой, незаметно выступающей из

шеи и почти шарообразной головке, сплошь покрытой свиной щетиной, моргало два туповато-бессмысленных глаза, под глазами на небольшом бугорке находились углубления ноздрей, а маленькая круглая воронка рта создавала впечатление, что весь пищеварительный тракт Прыща прилажен в обратном направлении.

Вот такой воплощённый шарж. Оно-то и не удивительно, не всякому повезёт с внешностью, особенно когда тебя накрыло генетической мутацией. Но когда такой "красавчик" начинает важничать, выставляя напоказ не что-нибудь там, а собственное уродство!.. Экий... Прыщ, в самом-то деле!

Праздник начался с обильного угощения за столом.

Пятеро рослых прислужников Дыры за несколько ходок нанесли в парадный зал, наверное, полный набор пиршественных блюд и напитков Дебрянского ареала. Гора посуды взгромоздилась на столе перед гостями: стеклянные, оловянные и деревянные тазы с ещё дымящимися, прямо с огня, мясными огрызками; фарфоровые миски с картофельным пюре и бобовой кашей, а для подлинных ценителей мутантской кухни — подносы с ещё тёплыми, хотя и сырыми птичьими тушками.

Напитки в графинах — все как один, весьма мутные и непрозрачные — различались только специфическими оттенками бурого, да ещё — запахом. Братислав только по обонятельному признаку и мог различить, какое из пойл претендует на принадлежность к винам, какое представляет мутантский аналог водки, а какому мутанты присвоили звание пива.

Некоторые же виды мутантской бурды пахли на все три лада одновременно. Верно, подавальщику, а то и изготовителю было вовсе не принципиально, что и куда ему сливать.

— Внимание! — смеясь, сказала Дыра. — На этот стол, к сведению гостей, подана человечина. Немножко, но есть! — подтвердила она в ответ на недоумённые взгляды. — Но где именно — секрет нашего повара. Советую попробовать всего понемногу и угадать, где же!

На шутку "прекрасной правительницы" наивно купились только чешские антропологи. Ни пан Щепаньски, ни пан Супскис и его учителя ни на миг не забеспокоились. Верно, заранее знали — людского мяса быть не должно. Говядина, свинина, зайчатина, курятина, голубятина — вот и всё, что на столе представлено. Человечине просто некуда втиснуться.

Будем считать, что Дыра пошутила по-доброму. Оно и к лучшему. Не отказываться же от вкусных блюд из-за нелепых подозрений, как, например, старый профессор Милорадович в Березани.

— Угу, вкусная человечина! — вгрызаясь в свиную ногу, произнёс Залман Супскис. — Ваш повар истинный волшебник, милая госпожа!

— Повар знает, — мерзко хихикнула Дыра, — что если будет невкусно готовить, то я съем его самого. Люди вообще понятливы. А этот со мной ещё из Чернобыльщины — и вот дожил до сих пор.

— Да? — немного наигранно удивился пан Щепаньски. — Старый Кухарчук ещё живой? Он ведь так многого не умел...

Дыра с набитым ртом кивнула, и пан Кшиштоф поглядел на соотечественника с нескрываемым превосходством. Ясно, что не судьба какого-то Кухарчука его так взволновала, но возможность показать: именно ему, пану Щепаньски, а не жалкому выскочке Супскису, принадлежит честь давно и по-настоящему знать пани хозяйку.

Когда Дыра прожевала, ответила подробнее:

— Кухарчуку пришлось многому научиться. Служить у мутантки и не уметь готовить человечины — это нонсенс, вы понимаете...

При слове "нонсенс" пан Кшиштоф опять послал Супскису высокомерную ухмылку. По всему, это мудрёное слово Дыра действительно подхватила у профессора. Не у повара же.

Пока что в светском разговоре участвовала пани Дыра и два поляка. Люди Супскиса и люди Щепаньски молчали, Прыщ тоже не вмешивался, целиком занятый едой. Протолкнуть в его маленький круглый ротик весьма крупные куски свинины из деревянного таза — задача почти непосильная, но мутанты — настойчивые ребята.

Гора еды на столе постепенно уменьшилась. Вытирая лоснящиеся губы салфеткой, Залман Супскис откинулся на спинку стула и спросил:

— Так я был прав, госпожа? Это была человечина?

— Конечно, Залман! — задорно закудаhtала Дыра. — Вы наблюдательны.

А Прыщ, который до сих пор не проронил ни слова, вытащил изо рта наружу последнюю обглоданную кость и пояснил:

— Свинья у мутантов — священное животное. Поэтому свинины наши повара не готовят. Никогда. Об остальном делайте выводы.

Хомак обмер. Он ведь тоже пробовал куски с того блюда. Неужели... Нет, не может быть! Кости-то на мясе были наверняка свиные. Не станет же повар Кухарчук, каким бы мастером он ни сделался, прикреплять человеческую мускулатуру к суставам парнокопытного животного. Нет, все шутят: и Прыщ, и Дыра.

Так или иначе, над столом повисла долгая пауза. И пан Щепаньски, видимо, сочтя обстановку, достаточно торжественной, произнёс речь.

— Я долго ждал этого дня, — говорил красноречивый пан, — ждал, несмотря на волю к действию. Ибо со мной выжидала вся Европа, глядя на попрание прав и свобод мутантов одной крупной варварской страной...

Братислав Хомак внутренне посмеялся, слушая босса. Тот при подготовке речи явно перестраховался на случай присутствия вражьего уха, но сделал это блестяще. Достаточно представить, что эту речь слушает кто-то из русских варваров — ведь главное пропустит мимо ушей. Под "крупной варварской страной" он, конечно же, поймёт отнюдь не Россию, а — Великую Чернобыльщину. По нынешним меркам это — крупнейшая, разумеется, после России, страна в Европе. А расположена — тут совсем неподалёку, сразу за Черниговской народной республикой. И коли властвуют там мутанты, то права каких-то других мутантов уж наверняка попирают.

— Но выбор Европы сделан, — пан Кшиштоф плавно подвёл свою речь к кульминации, — справедливость в её сердцах восторжествовала, и отныне я уполномочен сделать важное заявление. Закрывать глаза на проявления в России варварской мутантофобии Европа больше не намерена. Решено: мы вам поможем победить русских!

Финальный аккорд. Аплодисменты.

Дыра, прижимая ладонь к одной из развесистых грудей, прочувствованно произнесла:

— Мы принимаем помощь милой Европы. Что нам теперь нужно делать, Кшиштоф?

— Первым долгом — зачистить свои леса от мьютхантеров, — пан профессор заговорил деловым тоном, — и сделать это быстро, а для того мобилизовать всех мутантов мужского пола, не считаясь с их возрастом. Оружия в закладках под Глухоманью должно хватить.

— Сделаем, — согласилась Дыра.

— Уже делаем! — поправил её Прыщ и перемигнулся с Залманом Супскисом.

— То есть как? — нахмурилась правительница Елани.

— Американское предложение пришло раньше. Я уже две недели, как поставил своих людей под ружьё, — Прыщ потешно скривил свой мелкий роточек, — поэтому с мьютхантерами будет покончено самое малое дня через два-три. И к этому моменту можно планировать следующее действие. Какое, пан Кшиштоф?

— Удар по ЧНР, — просто сказал профессор. Упреждение его видимо обескуражило, ведь прибывая в Столичную Елань с тайной миссией он — конечно же — рассчитывал на свою эксклюзивность.

— Удар по ЧНР всеми силами, — поправил его Супскис, — при чёткой координации между мутантами вашего ареала, войском Великой Чернобыльщины и непобедимой евроатлантической авиацией.

— Да, это я и имел в виду, — с некоей унылостью согласился пан Кшиштоф и прихлебнул из оловянной кружки мутантского пойла. Братислав на его месте не стал бы делать настолько крупных глотков.

— Как результат, — продолжал Супскис, — неминуемо падёт Чернигов, Нежин, Новгород-Северский, Путивль. Чернобыльщина выйдет к Дебрянскому ареалу и... — после лёгкой заминки, — они воссоединятся!

— Но это ещё не всё! — в последней надежде поднял указательный перст пан Щепаньски. — Не все в курсе, но...

— Но после воссоединения с Чернобыльщиной мы штурмуем замок Брянск, — закончил за него Прыщ, — и открываем дорогу на Москву.

Пан Щепаньски молча дохлебал кружку до дна и налил ещё.

— Кстати, насчёт брянского направления, — поросячьи глазки Прыща сконцентрировались и поглядели на профессора довольно остро, — точные данные о местонахождении тамошних баз мьютхантеров нам должны были передать Горан и Зоран Бегичи, картографы из вашей экспедиции.

— Так информация предназначалась вам? Неужели? — устало отозвался профессор.

— Именно нам. И мы всё ждали ваших картографов, пан Кшиштоф, а они нас в Елани так и не посетили. Я уже слышал от Пердуна, что с одним из них произошёл несчастный случай, но второй-то Бегич — всё ещё не пища! Что же он всё не прибудет начертить нам уточнённую карту?

— Вот и пошлите за ним! — несколько злорадно оживился профессор и потянулся за новой кружкой.

Интересно, кому адресовано злорадство: Горану Бегичу, Прыщу, Супскису, всем троим? Ясно одно: прямо сейчас пан думал не об общем деле.

О том, что карты не получилось, Братислав Хомак знал не хуже, чем сам пан Щепаньски, а уж тот подобного по гроб жизни не забудет. Подумать только! Мелочному полковнику Снегову вполне удалось напакостить не одним лишь разведчикам из Словении, но и каждому, кто на их данные рассчитывал.

Прыщ и Залман Супскис ещё немного повыступали, повышая свою значимость в деле будущего воссоединения с Чернобыльщиной, но удостоились жёсткого окрика хозяйки, после чего заткнулись.

— Мобилизацию-то я проведу, — хмуро выплюнула Дыра, — и в штурме Чернигова мои боевики будут первыми. Но я не понимаю одного: куда спешили вы двое? — Дыра с презрением ткнула в шею Прыща и щеку Супскиса заострённым ногтем, после чего

брезгливо вытерла от крови салфеткой указательный палец. — И если уж спешили, почему вовремя не известили меня?

Прыщ что-то забормотал — Дыра в ответ полоснула его ногтем ещё и по глазам. И не закрылся тот ладонью в последний миг — дальше бы ходил слепой.

— Молчать! Я знаю, зачем вам выслуживаться перед Великой Чернобыльщиной, — с презрением процедила Дыра, — да только моих заслуг никто не перебьёт! — голос её зазвучал звонче. — А теперь — только пьём и веселимся! Того, кто на моём пиру ещё хоть раз заговорит о деле — съедаю на месте! Заживо, в сыром виде! — хозяйка облизнулась.

Языком изрядной длины и влажности Дыра облизывала свои губы, а заодно щёки и кончик носа, после чего хлопнула в ладоши. По этому сигналу пятеро давешних прислужников внесли новую смену напитков, а за ними три совершенно обнажённые прислужницы принесли напитки и себя.

Дыра потребовала, чтобы за успех предстоящей войны выпил каждый.

Братислав подумал, что кому-кому, а пану Кшиштофу лучше бы остановиться, но настырная Дыра присматривала, чтобы от её тоста никто не уклонился. Щепаньски снова опрокинул полную кружку, тогда как предусмотрительный Хомак свою лишь слегка пригубил — и то моментально почувствовал сильный перебор!..

...Проснулся Братислав Хомак у себя в постели, почему-то без штанов, но зато в бронежилете. Чем же вчера всё закончилось? А кто его знает — память выдавала чистые страницы.

И в какой момент потерялись штаны? Нет ответа. То есть, разумеется, Братислав — уже далеко не мальчик, чтобы не догадываться, в каких случаях люди просыпаются без штанов. И он помнил, как упорно его внимания желала и добивалась хозяйка вчерашнего пира.

А ещё Дыра оставила на нём свои запахи. Тьфу, мерзость какая! Она же отвратительна! Хуже, чем с животным, застонал Хомак, скрипя зубами от огорчения. Так низко пасть, в таком навозе вываляться...

А впрочем, ладно — утешил он себя спустя пару часов: всё-таки в пьяном виде — не считается!

Глава 8. Неделька-другая, и звери сорвутся!

1. Адам Константинович Рябинович, рядовой войск МЧС

Прежде чем отправиться в Березань, хорошо всё взвесили: кому идти, зачем, да и надолго ли? Выходило, что идти надо по-любому, ведь от столбняка хороший человек умереть может. А к тому же и от пацанёнка узнали уже много: капитан Сергеев у себя в Березани таких вестей не сыщёт. Конечно, пора докладывать капитану. А что пацанчик ещё может много чего сказать — так пусть лучше профессору Милорадовичу говорит. Профессор умный, он главное запомнит, чего надо, перескажет.

Думали ещё, чтобы кому-то в Березань идти, а кому-то остаться — но несерьёзно это. Когда вас всего два солдата, лучше дальше не разделяться. Не то по одному делить будут уже совсем жёстко и на много частей.

Так вот и порешили: идти поскорей, прямо с утра, не задерживаться, и непременно вдвоём — с Коляном Хрусталёвым, то есть. Ну, и Славомира Костича третьим взять, как же иначе, когда ради него идём.

О том, что собрались уходить, решили особо не распространяться. Мало ли, вдруг капитан скажет: а чего пришли-то, возвращайтесь-ка в Елань, да разузнайте всё путём. А то без подробностей нет понимания, что делать. Коли скажет так капитан — и ладно: вернёмся в Елань, будто никуда не ходили. Официально ведь ни с кем не прощались. Щепанского вон тоже не расцеловали на прощание в обе щеки. Непорядок, хе-хе!

Неофициально кое с кем попрощались, конечно. С Милорадовичем, понятное дело. С мальцом по имени Тьфу (то есть Тхе — но тут один хрен: имечко у него какое-то плевательное). И Веселин Панайотов ещё в гости зашёл, так с ним тоже попрощались. А больше в этой экспедиции, почитай, и не с кем прощаться. Остальные — чисто шпионы.

С мальцом, кстати, вот что получилось. Он-то сбежать — сбежал, а куда сбежал, и сам не прикинул. Детей ихних — мутантских — теперь лет до трёх в особом питомнике с матерями держат, а дальше отлучают от матерей — и скорее в школу. Английский язык изучать. И нет такого, чтобы кто-то своих детей прятал — за это ведь можно самому пострадать. Потому родители Тхе — они бы первые его сдали. Такой уж мутантский образ мыслей.

Ну, и раз некуда Тхе деваться, то решили его Панайотов с Милорадовичем у себя прятать. Им-то он и по-человечески приглянулся, да и для науки шибко полезен, не без этого.

Но то уже дела еланские, а нам дорога в Березань. Знакомая уже дорога. Так вот и по жизни: ходишь себе туда-сюда, БТРом ездешь взад-вперёд — патрулируешь, значит. А коли всё по одному месту, то, знать, на роду такое написано.

Хотя что на роду написано, то и переписать можно. Вон село Рябиновичи тыщу лет себе на одном месте простояло, а подкралась мерзкая Чернобыльщина с тамошними почварами — пришлось всем перебираться куда-то под замок Полоцк. Добро бы только и там мутанты

не достали. А то ж переезжать — оно тоже судьба, и из незавидных.

Нынче и проснуться пришлось ни свет, ни заря — чтобы не сильно на глаза попадаться, а вчера и легли совсем позно — всё Тхе спрашивали. Вот бы поскорей дойти до березанской больницы и выспаться.

А пока зачавкало под ногами болото: ляпу-чапу, ляпу-чапу... Шли медленно — параличному Костичу с трудом удавалось двигаться. Прикрутила клятая инфекция. А когда медленнее идёшь, так и ноги сильнее вязнут — не без того. Как взошли на твёрдую землю Кабаньего острова — вздохнули с облегчением. Или нет?

Навряд ли. По лицу Славомира из Белграда никакого там облегчения не прочтёшь — застыло, как глина. И Хрусталёв шёл в напряжении, это точно. Наверное, он волков боится.

Зато Адам Рябинович не боится. Он знает, чего ждать от этого зверя. Если волк тебя уж признал — дальше можно ходить смело. Волки — не шакалы какие-нибудь, чтобы ни с того ни с сего менять решения. Им надо действовать уверенно. А коли начнёт волк так глупо колебаться — его свои же проучат. Ибо заколебал!

За весь путь через Кабаний остров перед Рябиновичем лишь однажды мелькнул волчий силуэт где-то на пределе человеческой видимости. И всё. Видать, этот четвероногий сторож опознал их с Хрусталёвым — и попусту решил не вмешиваться. Идут люди, значит, надо им. А волку что с того?

Пройдя весь остров, Адам обернулся, отвесил земной поклон и вполне серьёзно негромко сказал:

— Спасибо, волки, что пропускаете.

По дороге к Елани он так поблагодарить забыл, но никогда не поздно набираться вежливости.

В ответ на "спасибо" Рябиновичу послышался отдалённый волчий вой.

— Ты слышишь? — вздрогнул Колян Хрусталёв. Ага, по всему — вой не просто послышался.

Остался второй, самый долгий болотный переход. Одолеть его — и можно будет отдохнуть в Березани.

Только Славомир Костич заметно выбился из сил. Или тело всё дальше переставало его слушаться — тут одно другому не мешает, всё равно скверно. Костич и шёл-то налегке, не тащил на спине рюкзака с вещами, но для больного человека и ноги переставлять — это труд.

— Так что, тащим его за руки — за ноги? — нехотя предложил Хрусталёв.

— Пусть пройдёт, сколько сможет, — решил Адам, — а как начнёт уже тонуть, мы подхватим. Заранее выбиваться из сил — дело гиблое.

Костич очень старался, вот и прошёл своими ногами добрую половину болотного пути. А там уже и Хрусталёв с Рябиновичем подсобили. Выдюжили, хотя Колян — мужичонка хлипкий.

Березань — по первому впечатлению — ничуть не поменялась, будто и не покидали её несколько дней назад. Интересно, вернулся ли в неё страшный Пердун? Похоже, нет, думал Рябинович, придирчиво оглядывая селение со стороны луга, на котором их троица расположилась передохнуть. Ничего не говорило глазу: вот пришёл хозяин. И это-то радовало.

— Как, Славомир, отдохнул? — спросил Рябинович.

Ответить тот не смог. Рот перестал открываться — бывает же!

— Ну, отдохнул, или нет, а пойдём! — Адам с Коляном взяли на плечо напряжённое, какое-то затвердевшее тело учёного и понесли к посёлку.

По дороге Рябинович ещё пытался поговорить с Костицем. Тот, судя по глазам, всё понимал, но не имел власти растворить рта. Положеньице!

— Ух, Погодин обрадуется! — хохотнул Хрусталёв, поднимаясь кривой улочкой к берёзовому частоколу. — Он же и Бегичу, и Багрову чуть ли не первым долгом противостолбнячную сыворотку вкатил. И уже ходил довольный, что, по крайней мере, от столбняка застраховался.

— А чего ему не ходить довольным?

Из дальнейших путаных объяснений Хрусталёва Рябинович уразумел, что и сама противостолбнячная сыворотка — штука опасная. Если Погодин не смутился возможными осложнениями, а колол сыворотку не глядя, значит, сильно боялся столбняка у раненых. Тех пронесло, но вот сегодня к нему на операционный стол внесут Костица. Как тут лицу Погодина не вытянуться?

Встречные мутанты провожали настороженными взглядами тело Костица, будто одеревеневшее на плечах солдат. Вчувствоваться в эти взгляды было проще пареной репы. Мутанты же тупые, и редко могут скрыть личное отношение, особенно во всём, что касается человеческих тел.

Так вот, тело Костица. У некоторых прохожих оно вызывало явный аппетит, но большинство испытывало тревогу. Рябинович не раз слышал шёпоток про какого-то "духа берёзового леса", который в Костица наверняка вселился. А таких одержимых есть нельзя: они заразны.

А никто вам, свиньи, его в пищу и не предлагал!

Зайдя за частокол, Хрусталёв и Рябинович привычно свернули к больничному барaku. Подойдя совсем близко, спохватились, что ворота стоят нараспашку, а на часах никто не стоит. Ни Мамедов, ни кто другой.

— Что-то нечисто, — взволнованно пролепетал Хрусталёв, — может, так сразу не будем заходить?

— Поздно, — почти не раскрывая рта, словно в подражание Костицу, проворчал Рябинович, — за нами уже толпа собирается.

Хрусталёв оглянулся и побледнел:

— А слона-то я и не заметил.

Вместо того, чтобы тянуть, да выжидать, в больничные ворота почти вбежали. В вестибюле тоже не встретилось никого из русских военных. А чем дальше в коридор, тем неспокойнее.

Рябинович пинком распахнул дверь в операционную. Пусто. Серый евроаппарат по обеззараживанию крови всё ещё стоит под окном, но из людей к нему никто не подсоединён. Ни Багров, ни Бегич.

— Или все выздоровели, или всё намного хуже, — пробормотал Хрусталёв, — но второе "или" — скорее всего.

Что тут ответишь? О чём говорит опустевшая больница в мутантском краю? Вряд ли о светлом празднике выздоровления.

Тут отворилась дверь одной из палат, и в коридор вышел санитар Фабиан Шлик.

— Фабиан, привет! Где наши? Где капитан Сергеев? — изрядно запыхавшись, выпалил Хрусталёв.

— Так... они ушли, — промямлил Шлик, — не знаю, куда. Здесь остались только мы трое...

— А где раненые? Зоран Бегич, капитан Багров?

— Всех ваши забрали, — более уверенным тоном сказал Шлик, но глаза забежали. — А вы что, принесли больного?

— Как видишь, — Хрусталёв кивнул на застывшее тело Костица, ноги которого держал на плече, — кажется, столбняк.

— Так несите скорей в операционную! Я пойду позову Каспара и Дитриха, — засуетился Фабиан.

Вместо чтобы вернуться к операционной, куда только что заглядывали, Хрусталёв дёрнулся в сторону выхода из больницы, но поздно — в вестибюль уже входила плотная группа мутантов. Между прочим, с автоматами.

— Не пробьёмся, — одними губами произнёс Рябинович, оценив ситуацию, — отступаем вглубь здания...

Славомира Костица не стали заносить в операционную, положили прямо на пол в коридоре, сами отбежали едва ли не в панике. Рябинович втянул Хрусталёва в пустой кабинет главврача и стал медленно, не дыша, закрывать за собой приоткрытую дверь. Может, не разберутся, куда мы юркнули? Вроде, отвлеклись на оставленное тело. Прости Господи, что не успели беднягу пристрелить.

В сужающуюся щель Рябинович прекрасно видел своих недалёких преследователей и убеждался: их помыслы приковал к себе Костиц. Мутанты, собиравшиеся в вестибюле, глядели на тело учёного с гастрономическим вожделением и медленно к нему приближались, покуда кто-то из них не проронил:

— Поглядите, в него же вселился дух берёзового леса!

После таких слов толпа мутантов от Костица даже отшатнулась. И слава Богу: вовсе некрасиво было так его оставлять! С другой стороны — выжить бы теперь хоть кому-то!

— Да, это дух берёзового леса! Посмотри-ка на лицо: всё уже одеревенело, скоро нарастёт береста, — разорвался среди мутантов некто самый наблюдательный.

— Точно! Эти двое! Они же нам специально его подкинули! — раздались крики гнева. — Искать диверсантов!

Конечно. Если мутанты отравятся человечинной, виноваты только мы.

— Что делать будем? — грустно шепнул Хрусталёв.

— Спустишь, погляди, что там теперь в подземелье, — предложил Рябинович, — а я буду гостей встречать. Боюсь, вот-вот постучатся.

— Думаешь, там появился выход? — сыронизировал Колян.

— Не думаю, но мало ли...Лучше знать больше, чем меньше.

— Как скажешь, — Хрусталёв исчез за железным шкафом.

Вернулся хлопец довольно быстро. Мутанты пока не подоспели.

— Ну, какие там новости?

— В "Библиотеке" новая голова появилась. Подписано "Сопля", представляешь? Верно и правда Сопля. То-то его в Елани не могли сыскать.

Что ж, если Пердун спокойно пополняет коллекцию, значит наших тут нет давненько, печально прикинул Рябинович. А вслух сказал:

— Да не размазывай соплю, парень! Что там ещё?

— Ещё там близ решётки кто-то чудовище порешил, — добавил Колян. — Верно, наши

— рядом куча стреляных гильз и пустые рожки остались.

— Расстреляли из-за решётки?

— Ага — размазали по-чёрному, пока гадина прутья сгибала. Прорвалась бы — наделала шороху, но её так уделали...

— А как сама решётка? Пролезть-то теперь можно?

— Кажется, нет, — замылся Хрусталёв, — щель там совсем маленькая.

Но не прошло и четверти часа, как оба запросто преодолели "совсем маленькую" брешь в решётке, на ходу отстреливаясь из калашей от наседающей мутантской кодлы.

2. Юрий Михайлович Багров, капитан войск МЧС

Немцы из "Хирургов через заборы" оказались не самыми утончёнными вербовщиками. Действовали с немецкой добросовестной прямолинейностью, вот капитан Багров их и раскусил. И попросил далее не стараться. Так и сказал, имея в виду, правда, не медицину.

Но герр Дитрих и герр Каспар обиделись — и прекратили стараться решительно во всём. С тех пор к капитану навевался лишь санитар Фабиан, да и тот, наверное, тайком от начальства. И процедуры с серым евролэбовским аппаратом в одночасье прекратились.

Знал бы Багров заранее — сумел бы облечь высказывание в более обтекаемые формы. Вот только заранее с ним было не знание будущего, а прекраснодушные представления о немцах как о романтических героях, повёрнутых на ответственности, как об аккуратных тружениках, ценящих превыше барышей свой профессиональный долг, и много такой ахинеи.

Где-то он о немцах подобное читал. Да и не только. Много раз он сводил и личное знакомство с носителями германского духа — через их литературу, музыку, философию. И по-прежнему готов подтвердить мнение о немцах, как о людях ответственных. Но теперь — с оговоркой.

Правильные, ответственные немцы, наверное, остались в Германии. А в Россию приехали шпионами — совсем другие немцы. Безответственные, неправильные — ведь им здесь предстоят заведомо несправедные дела. Настоящая немецкая совесть подобного бы не потерпела.

А ещё через полночи Багров обнаружил, что он привязан к носилкам. Крепко-крепко. И даже не столько привязан, сколько обездвижен за руки и за ноги специальными захватами.

И опять осталось фантазировать в сослагательном наклонении: знать бы заранее... Знать бы заранее, отчего медики из "Хирургов через заборы" решили тебя держать не на деревянном больничном топчане, а в тех самых носилках, в которых ты сюда доставлен товарищами.

Ты думал, речь шла о твоих удобствах? Что ж, носилки удобнее дурацкого топчана, тут и спорить не о чем. Но топчан прост, а носилки — трансформеры с множеством функций. Кстати, среди них — и функция "смирительной рубашки", востребованная в психиатрии. Ты о ней до сих пор не знал, так как русского текста инструкции тебе не прислали. А ещё носилки при тебе ни разу прежде не подключались к питанию. Ты не мог заметить, как из пазов выезжают стальные захваты для голеней и запястий.

А ведь носилки-трансформеры долго ждали своего часа. Ещё с того волнительного мига, когда к замку Брянск прибыла фура из Германии, доверху набитая всяческой гуманитарной помощью — и честной, и не очень, и явными "троянскими конями". Носилки

тоже оказались среди помянутых "коней", но на тот момент показались изделием достаточно невинным, чтобы укомплектовать ими начальственные БТРы.

3. Алексей Иванович Сергеев, капитан войск МЧС

Всего два новых немца поселилось в больничном бараке, а теснота как-то сразу ощутимо сдавила бока. Свободно уже не поговоришь. "Осторожно, враг подслушивает!", как писали на советских плакатах сороковых годов двадцатого века. И если раньше вполне мог бы подслушивать тот же Фабиан Шлик, то теперь, с добавлением ещё двух пар ушей, разведывательная суть "Хирургов через заборы" стала навязчиво бросаться в глаза. И даже о сущих мелочах Сергеев предпочитал говорить солдатам в кабинете главврача, оставшемся едва ли не единственной русской территорией больницы. Вот и мало места — ещё бы, когда больница сузилась до размеров одного кабинета. По сути, так.

Захотелось убраться из тесного мирка далеко-далеко. Но пока нет оснований забрать с собой капитана Багрова, придётся оставаться здесь. И не торопиться, не выдавать нетерпения.

— А эта тварь, внизу, ломится в решётку всё сильнее, — заметил Мамедов.

— Так и есть, — хмыкнул Погодин, уж не знаю, на что она рассчитывает, но мне кажется... в последнее время звук стал другим.

— Может, на то и рассчитывает, — Сергеев прислушался, — а чем отличается звук?

— Как будто решётка поддаётся, — вздохнул Погодин.

— Да, поддаётся, — Мамедов сказал уверенней.

— Это не новость, — вздохнул Сергеев. — Решётка немного шаталась уже давно. Там, — он кивнул на нишу за металлическим шкафом, — Шутов дежурит. Как раз и следит, чтобы расшатывалась не чересчур сильно.

— Что же он нас не извещает? — фыркнул Погодин. — Ему что, ещё слабо расшатано? Да если мы отсюда слышим?!

Словно в ответ на критику снизу послышалась автоматная очередь.

Наверное, Шутов пытался охладить пыл чудовища. Как бы только, наоборот, не раздражил его. И да, удары в решётку сделались чаще и мощнее. Но и очереди злее. Шутов и чудовище друг друга стоили.

— За мной, — скомандовал капитан Сергеев, заходя в нишу за шкафом, откуда открывался подземный ход.

Мамедов и Погодин присоединились. За ними просунули было любопытные лица Егоров и Гаевский, но капитан приказал им вернуться в коридор первого этажа и подежурить перед дверью кабинета. На случай, если кто-то будет ломиться: всё-таки Шутов уже нашумел изрядно.

К месту, где коридор перегородила решётка, подошли быстро.

Сергеев окликнул Шутова ещё издали — на всякий случай. Иди пойми, что выкинет азартный автоматчик, если осознает чьё-то присутствие в подземелье в последний момент. Оглушённый от грохота собственных очередей солдат может и не сразу признать капитанский голос.

— Эй, Шутов, что за самодеятельность?! — крикнул Сергеев.

— Тварь почти прорвалась! — не поворачивая головы, прорычал Шутов, зарядил в АКМ новый рожок и продолжил поливать свинцом две загибающиеся конечности монстра,

высунутые из-за решётки на добрых три метра. Когти судорожно скребли каменные плиты.

А бесформенный обрубок между конечностями — там же раньше была голова! Надо же, как сильно Шутов продвинулся — шею твари перерезал очередями, отчего огромная свиномедвежья морда, чудом просунутая между прутьями решётки, теперь бессильно упёрлась в пропаханную зубами борозду между напольными плитами.

Кровь чудовища так и брызгала по полу, стенам и потолку, еле озарённым тусклым факельным светом. Шутов и сам стоял весь красный, под ним — наверное, уже с одежды — натекла отдельная кровавая лужица.

— Мамедов, Погодин, а ну не стоим, помогаем! — оценил ситуацию капитан Сергеев.

— Да я и сам почти справился, — отёр Шутов со лба пот пополам с вязкой кровью монстра.

— Вот и отдохни, дай другим поиграться! — Мамедов точной очередью окончательно перерезал шею чудовища. Голова дёрнулась на полу и застыла. Когти передних конечностей перестали скрести по плитам, расслабились.

— Вот что значит вовремя поразить нервные центры, — небрежно бросил ефрейтор Погодин. Он тоже пару раз успел куда-то выстрелить.

— Справились, — констатировал Шутов.

— Вижу, — кивнул Сергеев. Он обошёл вокруг торчащих из решётки частей чудовища. Неправдоподобная образина.

Свиномедведь? Да, что-то наподобие. Пещерный вариант. Причём с бивнями почти слоновьими — правда, их злобная тварюка лишилась первыми, расколотила об решётку. Но зато и решётку-то как погнула!.. Не пусти Шутов автомат в дело, ему бы и самому несдобровать. Наверное, гигант-свиномедведь протискивался сквозь выгнутые прутья, чтобы разобраться с ним лично. Хорошо ещё, задняя часть основательно застряла.

— Что теперь, мой капитан? — спросил Мамедов.

— Надо бы обследовать подземелье за решёткой, — прикинул Сергеев, — а для этого придётся убрать с пути тушу.

— Сделаем! — Арслан вытащил из ножен идеально острый родовой кинжал, который по пустякам, а тем более — для разделки туш — обычно не вынимал. Но сейчас — особый случай. Поверженный зверь истинно чудовищен, и расчленив его способен далеко не всякий клинок.

— Помогайте! — привлёк Сергеев Шутова с Погодиным.

Мамедов кромсал кинжалом свиномедвежью тушу, остальные отволакивали прочь отсечённые куски.

Некоторые из отрезанных частей конвульсивно подёргивались, и Сергеев подумал, что расчленив чудовище — решение правильное во многих отношениях. Но главное...

А что, если бы гадина в один прекрасный момент ожила — когда того менее всего ждали? Обследовали бы подземелье, шли бы спокойно назад — а тут безголовый свиномедведь оклемался, когти веером выставил — и снова на обидчиков!

— О, смотрите, мой капитан! — послышался небывало изумлённый голос Мамедова. — Этого медведя кто-то до нас уже пытался свежевать!.. — горец уже в большинстве отсёк лишние части монстра и через искорёженную решётку заглянул на ту сторону прохода, закупоренную задней частью свиномедведя. Там и увидел давние следы от аккуратно спущенной с чудовища шкуры.

Сергеев тоже их разглядел и укрепился во мнении о феноменальной живучести чудовища.

Когда-то свиномедведя уже побеждали. Даже шкуру сняли — но почему-то только до половины. А дальше... — дальше зверюга проснулась и жила припеваючи в подземелье аж до сегодняшнего дня. И остальную часть шкуры содрать оказалось некому.

Вот он каков, неубитый медведь. Или — неубиваемый?

— Надо бы сжечь отсечённые части, — нахмурился Погодин, — и задние лапы отделить от туловища поскорее. На них ведь тоже коготки будь здоров!

— Согласен, — проронил Сергеев.

— Займёмся, — ответил Шутов.

4. Горан Бегич, этнокартограф

Словно какая-то сила после обеда выгнала на парадный двор перед Председательским домом почти всю мутантскую верхушку Березани — Закусило, Вертизада, высокопоставленных охранников — Дылду, Дерьмодава, Перебейноса, Кишкинаружу, четвероногого Свинтуса, да в довершение полноты представительства — всех троих немцев из "Хирургов через заборы".

И Горан. Да, Горан тоже зачем-то сюда вышел. И остался, чтобы понять, что же затевается.

Ну, вернее, он так себе объяснил причину, почему остался. А мог ли не остаться, да и какова подлинная причина — дело тёмное.

Будто случайно прогуливаясь, к Председательскому дому подошла группка из рядовых уважаемых сельчан. Среди последних Горан узнал Ванидло, Переползло, Кабысдоха с племянником и Хрыча. Каждый из них имел какие-то дела с Каспаром Вирхофом, наверное служили тайными информаторами, вот Горан Бегич их поневоле и запомнил.

А потом подошёл и давешний сторож из больничного барака. Сторож сильно хромал, ноги его не гнулись, на голове красовалась линялая балаклава, но никто на этого субъекта не обратил внимания, даже лица не повернул, пока он проходил через двор.

Вернее, внимание-то хромой сторож как раз привлёк, и даже весьма напряжённое. Но за ним следили в основном боковым зрением. И стояли во дворе, как ни в чём не бывало, только молча.

Сторож прошёл по средней линии двора, в упор глядя на мутантов справа и мутантов слева, которые старательно его не замечали. Дошагал до стены Председательского дома, развернулся, ощупывая взглядом всех и каждого. И с оглушительным звуком испортил воздух.

Звук послужил сигналом. Будто моментом истины.

— Ты, Пердун? — с испугом и недоумением в голосе воскликнул Закусило. И все другие тоже словно только что признали правителя Березани, вот и кинулись изъявлять почтение:

— О, Пердун, сколько зим...

— Не узнали тебя, Пердун, богатый будешь!

— Соскучились, надёжа ты наш...

Сторож больничного барака слушал славословия, чуть склонив голову в балаклаве и широко расставив несгибаемые конечности. Затем чему-то кивнул и сорвал с головы маску, причём открыл совершенно обычное и унылое в своей банальности мутантское лицо. Акт открытости.

Обнажение лица своего лидера толпа мутантов встретила единодушным воплем,

исторгнутым из глоток будто по специальному сигналу невидимого дирижёра.

— Да, я Пердун, — ухмыльнулся мутант, — вы очень наблюдательные.

Толпа рассыпалась в ответных любезностях. Приятно, когда первое лицо в селении тебя хвалит, пусть даже не выделяя персонально.

— Я Пердун, и я принёс вам кое-что показать, — улыбка Пердуна при этих словах стала злобной, — оно в мешке.

Тут только Горан заметил, что в руке Пердуна — небольшой мешок. А в мешке-то что? Футбольный мяч?

В мешке оказалась голова Сопли. Почему-то Горан Бегич узнал её моментально, хотя мутанты, как он неоднократно убеждался, почти все на одно лицо.

Итак, Сопля. Тот, который с самого начала боялся вести экспедицию в Березань. Тот, который обрадовался, когда узнал, будто Пердуна в Березани пока нет. И — вполне довольный, ушёл в Столичную Елань, где надеялся спрятаться от козней Пердуна под крылом правительницы Дыры. Не спрятался.

— Ой, а как же Дыра?.. — глядя на голову Сопли, перепугался Закусило.

— Дыра в курсе! — победно бросил Пердун. Она не в обиде, но ждёт ответной услуги. Эй, Кишкинаружу, Перебейнос!

— Слушаем, Повелитель! — поклонились те.

— Возьмите Вертизада.

— Меня?! Меня-то за что? — заверещал гей-мутант.

— Не важно, — с ленцой отозвался Пердун, — Дыра определит.

Вертизад принялся вырываться, другие посмотрели на него с осуждением. Мол, что за детство и пустые затраты времени?

— Ты справедлив, Пердун, — торжественно молвил Закусило.

— Чёрт поberi, да! — хохотнул тот. — Сопля за Вертизада.

Кишкинаружу с Перебейносом скрутили голубого дружка Прыща и увели его. Скорс голова Вертизада пополнит коллекцию голов, которую собирает Дыра. Сопля за Вертизада. Да...

— За этим ли ты нас пригласил, о великий Пердун?

— Нет. Есть другое важное дело.

— Какое? — в хоре, что задал этот вопрос, поучаствовали даже немцы.

— Ультиматум Пердуна, — сказал председатель Березани, — я появился, чтобы вы узнали. Русским надо уйти.

Да? Горан стал соображать, не отразится ли решение Пердуна и на судьбе его близнеца Зорана. Не должно бы, но кто знает?

— Русским давно пора указать на дверь, — продолжал Пердун. — И очень жаль, что меня в Березани не было. Потому что стряслось непоправимое. Истинный Хозяин Березани повержен, — на лице Пердуна вдруг сложилась страдальческая гримаса и он завыл в голос. — У-у-у-у! Умер наш неубитый медведь! Осиротела Березань. Русских нельзя больше тут оставлять. Вон их!

— Вон! — поддержали Пердуна мутанты-соратники.

5. Алексей Иванович Сергеев, капитан войск МЧС

Чудовище не ожило. Хотя, наверное, собиралось. Отчленённая голова его несколько раз

бессмысленно разинула пасть, благо, её отволокли с прохода и упёрли носом в угол, где укусить живого человека она не могла. Последним движением челюстных мышц головной фрагмент свиномедведя как можно шире распахнул пасть, да так и остался, напоминая взведённый капкан. Мамедов ткнул в капкан подобранный на полу коридора стальной прут, но — ловушка не захлопнулась. Рискнуть ради опыта собственной ногой никому не захотелось.

Движения туловища тоже угасли далеко не сразу. Последний случай состоялся уже к вечеру, когда решётку с горем пополам удалось открыть, и Шутов, опережая капитанский приказ, протиснулся в прежде недоступную часть подземелья. Словно специально поджидая врага, тело чудовища выдало заметную двигательную реакцию только в этот момент — но без вреда для человека. Лишённое передних и задних конечностей, оно едва пошевелило обрубками и застыло снова, уже навсегда.

Шутов отвесил чудовищу шуточный поклон, выглядел который довольно-таки нелепо. И Сергеев догадался (ага, не дурак!), что победитель свиномедведя не просто так играет на публику из удовольствия покрутиться. Шутов на такую мелочь и размениваться не станет. Он ждёт особого отношения, выделяющего героя между людьми. Он претендует.

— О, — сказал Шутов уже из-за решётки, когда более-менее осмотрелся, — а тут просторно. Есть, что посмотреть. Заходите.

— Приглашаешь? — хмыкнул Погодин. — Спасибо, не надо. Вдруг там ещё одно такое чудовище бегает?

— Это вряд ли, — отмёл идею башенного стрелка капитан Сергеев. — тут им вдвоём не разминуться! И одно-то закрыло почти весь просвет коридора. Но зря рисковать не будем. Шутов, проверь-ка там обстановку, а тогда и мы полезем. Свети факелом и говори, что видишь.

Шутов молча кивнул, ушёл, отсутствовал минут десять, потом вернулся.

— Поворот, — сказал Шутов, — шагов через тридцать. А там дальше, за поворотом — дверь. За дверью — оружие в ящиках. И боеприпасы. Ящики американские.

— Много оружия?

— Прилично. А ещё дальше по коридору — свежий воздух. Аж эту вонь от зверя разгоняет малость... — солдат состроил гримасу отвращения, передавая силу здешней вони.

— Шутов! — позвал Сергеев.

— Да, мой капитан, — по-уставному откликнулся Шутов. А потеряно-то не всё. Берега парень запомнил.

— Скажи мне пожалуйста, — Сергеев наклонился к погнутой решётке, за которой сейчас переминался с ноги на ногу звероборец, — нефёдовские всех круче, да? — тон получился наивный-пренаивный.

Шутов отшатнулся от неожиданности. Сергеев продолжил с иронией истинно сократической:

— Не дашь ли мне совета, как достигнуть твоей крутизны, а, Шутов? До сих пор у меня не получалось, но я буду молиться на тебя, и всё у меня получится. И тоже укушу какую-нибудь тварь. Как хирург из-за забора! — от последней фразы Погодин и Мамедов заразительно прыснули, но Сергеев чудом удержался в псевдосерьёзном тоне. — Гляди, Шутов: и мои ребята тоже хотят быть похожими на тебя, но я — не Нефёдов, я не могу их этому научить!

— Извините, мой капитан! Нашло, больше не повторится, — скороговоркой

протарахтел солдат.

Ответ правильный, можно и поддержать.

— Бывает! — усмехнулся капитан. — Пока тварь не загнулась, ты чуток переволновался. В этом дело?

Шутов поспешно кивнул, теребя камуфляжную куртку, покрытую свежими бурыми пятнами — свиномедвежьей кровью.

Что ж, один из нелюбимых Сергеевым воспитательных моментов успешно завершён. До будущего раза.

— Я... сделаю выводы, — с вежливостью пообещал Шутов.

— Сделаешь, — примирительно подтвердил Сергеев, — а теперь-ка рассмотри остальную часть подземелья. Ту, где свежий воздух. В комнату с оружием не входи — вдруг растяжки? А ты нам с Нефёдовым ещё целым пригодишься. Всё понял?

— Слушаюсь, мой капитан.

Рядовой стал удаляться, вскоре его факел исчез за поворотом коридора. Остались только отсветы на тёмных каменных стенах. Странствовал на сей раз минут двадцать. Вернулся, доложил:

— Прошёл всё. Опасности нет. Дошёл до лежбища дохлой твари, живых там не осталось.

— Лежбище? — переспросил Сергеев. — А что там?

— Там такой типа колодец, он на поверхность выходит, — объяснять Шутов немного затруднялся — помог себе жестами.

Ого! Яма? Яма, охраняемая "мутантскими догами" — свиньями на цепи. Здорово дел складывается, стоило что-то подобное предполагать. Значит, засекреченная яма — это колодец, ведущий в подземелья. И он сообщается с больничным баракком. Да, логично.

Жуткий зверь свиномедведь, оказывается, житель не подземелья, а открытого небу колодца. Подземелье же для него — так, охраняемая территория. В нём (в подземелье) две подвальные комнаты: одна с оружием, другая с жуткой коллекцией Пердуна. Которая с оружием, находится под защитой монстра, а которая с головами — защищена от самого монстра — крепкой решёткой. Прежде когда-то крепкой.

6. Горан Бегич, этнокартограф

— Русских надо попросить отсюда вон, — повторил Пердун, ласково косясь на троих германцев, — обязательно надо. Но вот послушают ли русские простых мутантов? Сомневаюсь.

Самокритично, ничего не скажешь. И Каспар Вирхоф, как самый опытный и ловкий из германских разведчиков, первым попытался "разубедить" Пердуна:

— Простите нашу германскую наивность, но так далеко и она не простирается, — медоточивая улыбка скрасила возражение, — кое-что знаем и мы. Друг Пердун — далеко не простой мутант. Мутантов с такой героической историей — ещё поискать. Мы-то знаем... — Каспар с изящной гибкостью поклонился. — И русские с такой силой не могут не считаться.

Поклоны и лесть дошли по адресу. Пердун расцвёл, преисполнился значимости. Но о целях своих не забыл. Лидер Березани хитёр, уж это-то можно признать вовсе без лести.

— Вы правы, друзья германцы. Ваши слова — совершенно справедливы. Силу русские

признают, сопротивляться не смогут. Всё так. Но, — Пердун помолчал, заполняя долгую паузу единственно урчанием кишечника, — как-то несолидно нам разговаривать с русскими военными лично. Понимаете? Не тот у них статус. Старше капитана — никого! И это — на переговорах с третьим лицом Дебрянского ареала!

— Вам нужны посредники, — нехотя признал Каспар, — да, мы понимаем.

— Нет! — покачал головой шеф мутантов. — Нам нужны успешные посредники. Вот чего мы ждём от вас, — признанных европейских специалистов. Вот чего! — Пердун поднял выше уровня плеч и нацелил в потолок толстый указательный палец.

— Мы применим наши скромные способности, — поклонился Вирхоф.

И по тону его Горан Бегич безошибочно заключил: предстоящее применение способностей — вовсе не обязательно в германских интересах. Не вредит, это да — но и не на острие полученных с родины распоряжений. Троим врачам из "Хирургов через заборы" лучше бы попусту не светиться, действовать через местную власть, а не наоборот. Увы, где-то что-то пошло не так. Роли поменялись. Вассалы вертят сеньорами — это немного неожиданно.

— И мы надеемся на благополучный исход! — с твёрдостью отчеканил Каспар (а что ещё оставалось?). — Но мы хотели бы иметь представление о своих реальных полномочиях. Что именно мы вправе обещать?

— У вас в руках один из них, — улыбнулся Пердун, — капитан Багров, так его, вроде, зовут? Это хорошая основа для торга. Вы дадите гарантии, что с этим капитанишкой ничего не случится. Им надо его подлечить, вы его действительно подлечите — подумайте, до чего довольными они останутся.

— Если они соберутся уходить из Березани, вы не будете им препятствовать?

Пердун задумался, потом покачал головой в знак того, что останавливать отряд капитана Сергеева ему никак уж не выгодно.

— Лучше пускай проваливаются, — тихо промолвил он.

Каспар потёр ладони в знак того, что теперь знает всё необходимое для разговора с военными. Всё необходимое? Горан усомнился. А если русские всё же не согласятся? На этот случай германец не выяснил ничего. Но мутанты ведь предполагают и наказывать за несговорчивость? И кого им легче наказать, как не раненого капитана Багрова? Но где Багрова накажут, там и Зорану ненароком перепадёт. До чего все события опасно сцеплены и взаимосвязаны! И всякое из них угрожает либо лично тебе, либо близким!

Трое германцев прямо с ходу направились к больничному барaku — договариваться с русскими. Горан искал повода поучаствовать в их разговоре, но не мог придумать, а Дитрих, Каспар и Фабиан уже далеко отошли; нагонять их и присоединиться казалось неоправданным: чем лично ты склонишь ситуацию в пользу мутантов? Разве путаться в диалог не станешь.

Словенец совсем было решил, что зря колебался, когда свирепеющий взор Пердуна обратился на него лично.

— А господину Бегичу требуется особое приглашение? — шеф березанских мутантов ухитрился совместить вкрадчивое произнесение каждого слова с громким, режущим уши криком. — Между прочим, господин Бегич уже и так подвёл кучу людей, когда вовремя не доехал до Столичной Елани! Не привёз карты с позициями мьютхантеров! — Пердун пренебрежительно сплюнул прямо Горану под ноги. — Люди обязательно отомстят — и будут совершенно правы! Так что — привет от Прыща!

Словно ошпаренный, Бегич кинулся догонять германских товарищей. Да только если уж опаздываешь — то во всё. Не успел Горан присоединиться к беседе, а русские уже во всё согласились с немецкими переговорщиками. Практически по всем пунктам прошли те формулировки, которые Каспар только что согласовывал с Пердуном. Однако! Чудны бывают дела переговорные — иной раз присутствие другой стороны никак не влияет на выработку решения!

— Итак, — заключил капитан Сергеев, — раненые находятся полностью на вашей ответственности. С ними ничего не должно случиться. Отвечаете вы и ваши "Заборы". Мы же — беспрепятственно — уходим из больницы и из Березани, остаёмся лагерем где-нибудь в лесу — и контактируем с вами по вопросам выздоровления капитана.

— Всё так, — весело сказал Каспар, — я рад, что вы не стали делать трагедию из своего "изгнания". По большому счёту, вам стоило бы остаться — больничного здания на всех хватит — но, сами понимаете, — Вирхоф сокрушённо развёл руками, — вы убили важного для Березани зверя, которого здесь все уважали. Только поэтому Пердун и...

— Слышал-слышал, не повторяйтесь, пожалуйста, — поторопил его капитан Сергеев, — остаток дня мы употребим на сборы, уйдём завтра на рассвете. Ваша сторона всем довольна? Прекрасно.

На обратном пути к Пердуну германцы специально замедляли шаг. И Горан понимал, зачем. "Хирургам через заборы" хотелось бы предстать победителями в напряжённом споре, а не просто гарантами и посредниками в передаче мутантского ультиматума. В реальности же русских уламывать не пришлось, и получалось — германцы продешевили.

На следующее утро русские выполнили свою часть соглашения. Как и обещали, собрались и ушли. Правда, вот это Горан отметил не без удивления, вещей у военных значительно прибавилось. Оружия — так уж точно. Причём некоторые образцы вряд ли стояли на вооружении русских войск. Трофейные? Отобранные у зверя, что сидел в яме под Березанью?

А, не важно. Главное, теперь медики Гроссмюллер, Вирхоф и Шлик всерьёз отвечают за жизнь и здоровье капитана Багрова. Значит, и Зорану, может быть, от них отныне перепадёт больше внимания.

После того, как русские съехали, первым в больничное здание вошёл Пердун. Правитель Березани долго не показывался обратно, когда же вышел, то пребывал в глубокой печали.

— Пропал наш зверь, — сокрушённо вздыхал мутант, — совсем пропал! Убили нашего неубитого медведя враги лютые! Я знал, я заранее знал — так они ещё и арсенал обокрали! Главную оружейную комнату Березани — обнесли, осквернили!

Временами Пердун закрывал себе лицо маской-балаклавой — при этом его все, как по команде, переставали узнавать — и слонялся взад-вперёд по центральной территории Березани, окружённой берёзовым частоколом. Когда он в образе "больничного сторожа" подходил к вырытой в дальнем углу глубокой яме, то сторожевые свиньи, сидящие там на цепях, подбегали к нему и ластились.

В ответ Пердун, казалось, проникался ласковыми чувствами к сторожам. Одну свинью потрепал по загривку, вторую, третью... Четвёртую, правда, он то ли задушил, то ли свернул ей голову. Пердун — он такой непредсказуемый! Кто знает, что ему взбредёт в следующий миг?

Кажется, убийство свиньи пошло Пердуну на пользу. Немного повеселел, успокоился. Правда, в тот же день на обеде объявил доктору Гроссмюллеру:

— Я желаю съесть капитана Багрова.

— Да что вы такое говорить! Как так можно делать шутка! — возмутился герр Дитрих. — Мы есть договорились с капитан Сергеев!..

Гроссмюллер сыпал громкими возражениями, а Каспар за спиной Пердуна подавал ему какие-то знаки. Мол, уймись, дорогой коллега, Пердуна возмущёнными речами не остановишь — раздразишь только.

— Друг Гроссмюллер, — сказал мутант якобы спокойным тоном, но от этого напряжённого спокойствия смолкло всё и вся в обеденной зале, — друг Гроссмюллер, кажется, до сих пор не определился, кому он друг: нам или капитану Сергееву?

Тут инициативу быстренько перехватил Каспар Вирхоф. Он поспешно объяснил, что доктор Гроссмюллер — убеждённый европеец, а значит, по определению не может быть другом какому-то там капитану Сергееву. И чем единственно объясняются несправедливые слова доктора, так это привычкой выполнять взятые на себя обязательства.

— Дурацкая привычка! — надулся Пердун. — Ну ладно, если вам так важно, чтобы капитан Багров остался живой, — он со значением поглядел в лицо каждого из германцев, а также заглянул в глаза Горана, — так тому и быть. Но съесть его сегодня на ужин я всё равно желаю. У капитана ведь имеются какие-то части тела, без которых он выживет? Например, нога!

— Вы верно подметили, друг Пердун: нога! — радостно воскликнул Каспар, попутно показывая знаками Дитриху, чтобы тот помолчал. — Нога капитана будет чудесным компромиссом! Это же гениально: рана, полученная пациентом — она как раз на одной из ног. Если мы эту конечность, к примеру, ампутуруем — никто и слова не скажет. Не сумели спасти — да, такое бывает!

Горан слушал товарища по Люблянской разведшколе, и покрывался холодным потом. Ну, Каспар... Что он такое городит? Неужели на самом деле... Нет, весь мир сошёл с ума. Так ведь не делают.

Но вслух ничего не сказал. Даже когда герр Дитрих Гроссмюллер с гордо поднятой головой вышел из-за обеденного стола с заявлением:

— Я в этот неблагоприятный дело не желаю принимать никакой участие!

— "Неблаговидный дело"! — передразнил Пердун. — Кажется, ваш доктор, друг Каспар, чего-то важного не понял. Он думает, благовидность моих дел зависит от его разрешения. Зря! — он зашёлся в пароксизме смеха, потом резко посерьёзнул. — Друг Каспар! Ты видел мою коллекцию, а твои товарищи — ещё нет. Своди-ка их, покажи. Там сейчас везде открыто.

Вирхоф побледнел, но кивнул.

— И запомни, друг. Если к ужину мои повара не успеют приготовить капитанскую ногу — моя коллекция пополнится. Может, и не одним экспонатом! — и Пердун, смачно рыгнув, встал из-за стола.

Дальнейшее Горан запомнил фрагментами.

Дорога к больничному бараку.

Нет, сперва Каспар Вирхоф разыскал Дитриха Гроссмюллера, но тот решительно отказался куда-либо идти по указке Пердуна. Никакие коллекции его не интересуют, заявил прославленный доктор, и заведомо ни в чём не убедят. На том с Гроссмюллером и разошлись, и Вирхоф качал головой.

А вот тогда уже началась дорога к больничному бараку. Трое: Каспар, Фабиан и Горан

— вошли в старое пустое здание, где сейчас находились только двое раненых. Багров и Зоран. Дежурство у их постелей недавно само собой отменилось — как-то так вышло. С тех пор, как медики и Горан переселились к Пердуну в Председательский дом, многое поменялось.

Дальше они зашли в кабинет главврача. До недавнего времени его занимал капитан Сергеев, а до того — доктор Гроссмюллер. Но чего Горан не знал, оттуда вёл ход в подземелья. Там нашлась ниша за шкафом, а в нише — дверь, за дверью — коридор, идущий с небольшим уклоном вниз.

А вот в стене коридора была ещё одна дверь — с подписью "Библиотека", за ней-то и располагалась жуткая коллекция Пердуна.

Головы на полках. Много голов на полках. С раскроенными черепами и съеденными мозгами. Гадость этакая.

Последняя голова была совсем свежая, и принадлежала она Сопле.

Но Фабиана Шлика больше всего впечатлила не она.

— Матиас! О, Матиас! — воскликнул с отчаянной болью санитар.

— Да, — вздохнул Каспар Вирхоф, — это действительно Матиас Руге. Он из наших, и мы не смогли защитить его от Пердуна. Покойся с миром! — поклонился германский разведчик оскаленной голове.

Вышли на свежий воздух. Шлик не мог прийти в себя, и Каспар встряхнул его:

— Теперь нет иллюзий? Всё очень серьёзно, и уже давно. Пердун играет с нами в свои игры, но отказываться — не выход. Демарш герра Дитриха может закончиться вовсе не добром.

Кто бы сомневался?

— Что же делать, как быть? — спросил Фабиан.

— Первым делом Пердуна надо задобрить, — уверенно заявил Вирхоф, — а для этого мы таки принесём капитанскую ногу.

— Что ты говоришь! — простонал Горан.

— К сожалению, другого выхода не вижу. Фабиан — идёт отрезает ногу Багрова, мы несём её на кухню...

— Я? — переспросил Шлик. — Я не смогу.

— Ампутация конечностей вам вполне по силам! — резко возразил Каспар. — Что с того, что нога уже заживает? Проводите наркоз, дальше... Не мне вам указывать на все эти дурацкие мелочи.

— А может... — Фабиан не закончил, но Вирхоф догадался, что Шлик хочет ему передать всю ответственность за предстоящую операцию.

— Хочешь остаться чистеньким? Не выйдет! — рассвирепел Каспар. — Дитриха, может, и пощадят, за то что он большой учёный, но никак не тебя! Я — принял решение, по моему, этого довольно! Ампутировать ногу предстоит тебе.

— Что, сейчас? — испуганно проблеял Шлик.

— А когда ещё? Нога нужна как можно раньше. Если к ужину её не успеют приготовить — пиши пропало.

И Вирхоф почти пинками погнал Фабиана к больничному барaku.

Полчаса прошли в нервной тишине, которую не нарушали ни Каспар, ни Горан. Словенец пытался не думать о судьбе калеки-капитана, который, помнится, спас жизни и брату Зорану, и ему самому.

Шлик вернулся без ноги. Парень пытался что-то объяснить Вирхофу, но пора разговоров прошла. В дело пошли тяжёлые удары кулаками в лицо, потом не менее тяжёлые сапоги впечатались в живот санитара.

Каспар загнал Фабиана обратно. Теперь парень отсутствовал около часа, зато вышел — с человеческой ногой наперевес. Бедный-бедный капитан Багров! Когда-то, помнится, он принял решение вести БТР вперёд, в неизвестность, а не возвращаться в замок Брянск, где хирурги слишком легко расставались с конечностями пациентов.

Грустные выборы порой приходится совершать. Ничего не попишешь.

Потом нога капитана попала на кухню. Кажется, это сам Горан её туда и понёс — Каспар Вирхоф следил с большим вниманием за распределением ответственности.

Повар — кстати, не из мутантов, а из самых подлинных людей по рождению, заверил: переживать не следует, нога к ужину не опоздает. Если же будет недожарена, то Пердуну только больше понравится.

За ужином лидер Березани был весел. Он полностью вернул германским медикам своё расположение, рассказывал, как сильно они его порадовали. Единственное что — порывался всех накормить капитанской ногой. И Вирхофа, и Гроссмюллера, и Шлика, и Горана Бегича.

Никто из них не тяготел к антропофагии, но пришлось сделать вид, что едят. Нагибались над тарелками, стараясь не прикоснуться к человечине, но ненароком перемазываясь вподливе — что и к лучшему, ведь Пердун не терпел отвержения своих даров. Каспар даже нахваливал — только от добавки отказался.

Наутро Горан Бегич пошёл в больницу проведать брата. Демон любопытства чуть не толкнул его заглянуть и в палату капитана Багрова, но всё-таки Горан удержался. Не ему сейчас посещать недавно преданного русского капитана.

Как обычно, Горан внимательно поглядел на близнеца, стараясь заметить мельчайшее изменение в его состоянии. Не очнулся ли? Не исчезли ли окончательно симптомы сепсиса?

И Горан был поражён. За истекшие сутки состояние Зорана действительно резко поменялось. У брата — вот неожиданность — напрочь пропала левая нога. Как не бывало.

7. Фабиан Шлик, санитар из организации "Хирурги через заборы"

Пердун примитивен, но, надо отдать должное, свои жестокие игры разыгрывает, как по нотам. Такова уж особенность серийных убийц. А что Пердун — именно серийный убийца, у Фабиана и раньше не возникало сомнений, но после посещения его коллекции мёртвых голов — о, так уже все признаки налицо!

Серийная логика. Всё, как по нотам. Сперва — ультиматум русским. Выметайтесь, мол! А озвучить эту тему Пердун предложил немцам. Случайно ли? Ни в коем случае! Немцы дали гарантии, только потому русские и поверили.

Теперь ультиматум немцам. Если друзья — принесите ногу капитана. Ловко! Все прежние гарантии предложено забыть. Если русские про что прознают — это уже проблемы немцев. Не Пердун же виноват! Кто давал гарантии? Он? Нет, от него — только ультиматумы.

И вот, когда немцы добыли ногу — новый поворот. Им предложено поучаствовать в трапезе. Подумаешь, какие нежности! Принесли, сварили, так ешьте. И даже если никто ни куска не попробовал — всё равно измазались по уши. И решительно все.

Пожалуй, на этом пиру извращений Фабиана Шлика утешает только одно. Нога

капитана не пострадала. Ни одна, ни вторая.

Не всё учёл серийный убийца Пердун, не всё додумал Каспар — его полоумный сообщник. А уж любящий братец Горан Бегич — тот и помыслить такого не в силах. Что капитан Багров остался цел. А Зоран-то — без ноги!

Хотелось бы, очень бы хотелось принять подобное решение самому. Но Фабиан Шлик — не герой. Простой санитар, попавший в чужую опасную игру ради лишней евродойчмарки.

Фабиан слаб. Ему сказали, что ногу капитана надлежит ампутировать — он бы, скорее всего, послушался. Если бы не хозяин ноги.

Да, это Багров под дулом автоматического пистолета заставил его отступить. Взвёл затвор, направил дуло в переносицу — и моментально поменял образ мыслей.

К счастью, русский капитан как раз бодрствовал, а по безмерно встревоженному лицу и трясущимся кистям Фабиана — что-то заподозрил. Вот и не позволил вколоть общий наркоз, после чего логика, запущенная Пердуном, вступила бы в свои права.

На прицеле у Багрова Фабиан не просто выронил шприц и пилу для ампутации конечностей. Он раскаялся. Да, порой не мешает подтолкнуть раскаяние верным действием извне.

Багров мог бы и пристрелить Фабиана, но не стал. Отпустил. Поверил в раскаяние и наверное, не ошибся.

Правда, когда раскаянный Фабиан Шлик вышел из больницы, то сразу нарвался на закоренелого в грехе Каспара Вирхофа. Тот почуял в прежнем санитаре перемену, вот и устроил показательную экзекуцию крепкими кулаками. Надеялся заткнуть рот — ах, мечтатель!

И Горан Бегич тоже рядом стоял совсем нераскаянный, явно не собираясь ничего слушать. Что ж, он сам напросился.

Нужна нога? Очень нужна? Любой ценой? Что ж, у Фабиана Шлика есть все возможности её получить. Зоран Бегич до сих пор ни разу не очнулся, уж он-то свои ноги ничуть не контролирует. А брат его — слишком безучастен. И слишком легко согласился с необходимостью добыть ногу. И при том — слышать не желает ни о каких раскаяниях Шлика.

Зря. Очень зря.

8. Юрий Михайлович Багров, капитан войск МЧС

Освобождение капитана Багрова началось с момента, когда он подметил: а носилки-то его держат. Стальными захватами — за руки и за ноги.

Если тебя держат, это всегда не к добру. К счастью, чтобы носилки-трансформеры работали, к ним необходимо подвести электрический ток. А чтобы захваты работать перестали, ток следует отвести. Только и всего.

Ещё удобное обстоятельство: раненую ногу захватом не охватило. Тот, кто Багрова обездвиживал, всё-таки позаботился, чтобы не причинить ему лишних страданий. То есть, воображал себя гуманистом.

Чужой ложный гуманизм тоже бывает ценным ресурсом.

Раненая нога Багрова оказалась не слишком-то легко управляемой, но точно лучше управляемой, чем нога здоровая, охваченная сталью.

И главное: за Багровым не следили. Прикрутили к носилкам, да и решили: куда он денется?

А он — денется.

Нащупать больной ногой кабель питания носилок — дело полутора десятков минут. Ага, нашёлся. Правда, со стороны прижатой захватами здоровой ноги, но это уже детали. Капитан Багров уж как-нибудь извернётся, чтобы дотянуться. Человеческому телу подвластно многое.

Отключить кабель — задача куда сложнее и больнее в осуществлении. В глазах темнеет, когда изо всех сил тянешься раненой ногой, упирая её в противоположный борт носилок. И вернуть эту ногу, как была, уже не выходит. Почти воешь от доставленных самому же себе великих неудобств. И остаётся лишь убеждать себя, что кабель, нащупанный в этом направлении — и правда нужный. Тогда неудобства — временны и оправданы будущим спасением от мерзкого прокрустово ложа.

Над отключением кабеля Багров проработал несколько часов. По собственному ощущению времени, понятное дело, ведь хронометра при капитане не нашлось. Прежние-то командирские часы кто стибрил?

Но вот кабель отвалился от борта носилок, и все три жёстких захвата на двух запястьях и ноге моментально ослабли. Ура. Вот бы этот кабель навеки испортить! Делается такое ножом, только где бы его отыскать? Ага, в операционной должны быть ножи. Да и иглами можно потыкать, которые под капельницу идут — они-то могут найтись и поближе, в этой палате.

Морщась от боли, капитан спустил с носилок на пол здоровую ногу, потом раненую. Ну, если на раненую не переносить вес, ходить можно. Перемещаться изящными прыжками. Ужимки — и прыжки.

Шнур, предназначенный к уничтожению, Багров с трудом поднял с пола и — за неимением в палате острых предметов — сунул пока в карман. Как только найдётся чем, капитан с этим кабелем живо разделается. Но если пока нет подходящих средств, не оставлять же его врагам!

Так. Тогда бы сами эти носилки — закоротить, что ли? На тумбочке стоит кружка воды. Её должно бы хватить для короткого замыкания, только знать бы, куда полить. Пока Багров не уверен, поливать он ничего не станет. Но будет иметь в виду такую счастливую возможность.

Хромая на раненую ногу и поддерживая себя руками, капитан дошёл до двери и выглянул в коридор. Ого: так вот ты какая, мутантская больница. По сути, коровник. И людей в коровнике — негусто. Прямо скажем, нет никого. То-то и Багрова к носилкам прикрутили: некому здесь его охранять, совершенно некому. И это радует.

Багров позаглядывал в ближние палаты. Нигде никого, и только в одной обнаружился Зоран Бегич. Парня наверняка прооперировали, но исцеления операция не принесла. Зоран лежал в отключке, которую точно не назовёшь здоровым сном. И Евролэб не спас.

А в операционной нашёлся набор скальпелей. Капитан устроил экзекуцию над принесенным с собой кабелем — больше ток по нему не побежит, а значит, шнур можно смело возвращать на место. По мере надобности сам Багров теперь легко уляжется на носилки и будет изображать невозможность освободиться. А сам припрячет под матрасом пару скальпелей. Для последнего и решительного боя.

В этот первый выход капитан Багров худо-бедно исследовал здание, в котором очутился.

Прошёлся по коридору, заглянул в палаты. Наведался и в кабинет главврача — где нашёл открытым некий потайной ход. Может, это шанс? Заранее не скажешь: иди знай, куда подземный ход выведет. Возможно, через парадные ворота здания уйти гораздо проще.

Опасаясь уже, что его хватятся, Багров улёгся в свои навороченные носилки, прикрыл запястья и ногу вялыми захватами, скальпели напихал под матрас — и стал ждать. Никто не пришёл.

Промаявшись несколько часов, капитан вскочил снова. Дело за обследованием подземного хода. Если даёт он какую-то возможность, важно её не прозевать. Исчерпать до дна.

Подземелье вышло не особенно разветвлённым — а чего хотеть от ленивых мутантов? Лабиринт — это дело рук человеческих, а здесь...

Правда, разлагающаяся туша Минотавра в подземелье нашлась. Тот, кто чудовище победил, превратил его в воплощённую идею обрубка.

Любопытно, что подземелье когда-то перегораживала решётка. Чудовище её искорёжило так, будто собиралось из неё скрутить ленту Мёбиуса. Впрочем, себя же этой лентой и поймало. Пока Минотавр тупо сражался с решёткой, удачливый герой расстреливал его из АКМ.

Багров протиснулся через решётку и похромал дальше по коридору. Заканчивался коридор тупиком. Вернее, выходом на дно глубокого сухого колодца. Здесь у Минотавра было лежбище. В первых утренних лучах золотилась соломенная подстилка, корыто для воды и помоев. И здесь же — несколько десятков выбеленных временем человеческих костяков. Ого! Зверю приносили человеческие жертвы? С мутантов станется.

Правда, при некоторых скелетах лежало проржавленное оружие — стрелковое, холодное, всякое. Может, люди пытались сражаться с Минотавром? Вступали в поединок наподобие древнего героя Тесея.

Глядя на всю здешнюю ржавчину, капитан попытался разыскать хоть какую-нибудь железяку, годную к употреблению. Бесполезно.

Зато на обратном пути Багрову попался богатый мутантский арсенал — за специальной дверью. В комнате с оружием кто-то уже здорово порылся, многое повиносил, а остальное — заминировал. Причём по почерку в выставлении растяжек капитан легко определил: здесь побывал Мамедов.

Зная слабые места мамедовского стиля минирования, Багров освободил один из ящиков с импортными автоматами и другой — с кучей патронов к ним. Распихал то и другое за пазуху и пошёл с грузом обратно, укладываясь на носилки-трансформер.

И на сей раз вовремя. Пару часов спустя кто-то больницу — определённо, посетил. У Багрова даже сложилось мнение, что неизвестные интересовались подземным ходом. А почему бы и нет?

А потом к нему в палату вороватой походкой проник санитар Фабиан Шлик — из немецких медиков-шпионов самый добросердечный, но то — вообще, а явно не в этот момент. При Фабиане был шприц с какой-то бурдой и — медицинская пила. Жутковатое сочетание.

Шлик приблизился к носилкам капитана, но едва подготовил шприц к уколу, как Багров выпростал из-под одеяла руку с компактным американским пистолетом-автоматом.

— Даже не думай! — сурово сказал он, упирая дуло Фабиану прямо в переносицу.

9. Веселин Панайотов, этнограф

По правде говоря, в Столичной Елани у Веселина Панайотова работа не шибко-то задалась. Всё из-за дурацкой задержки в Березани, где и посмотреть оказалось практически нечего: вместо культурных артефактов — одни фальшивки. Когда же Веселин прибыл в Елань, тут же понял: все основные направления работы застолбили за собой коллеги-соперники.

Не мешаться же в чей-то налаженный график работы, рискуя продублировать уже задокументированные другими памятники.

В Елани сильна традиция сказок и преданий — так эту область захватили сразу две диады учёных-напарников. В северо-восточной части столицы мутантские предания собирали Милорадович и Костич, в юго-западной — Мантл и Чечич.

Перед Милорадовичем, признанным светилом этнолингвистики, Веселин, откровенно говоря, немного робел — и никак бы не хотел почувствовать себя обузой. А с Мантлом у Панайотова вышел неприятный разговор. Всё из-за того, что чех — совсем берега потерял: собственные сочинения принялся выдавать за мутантские.

Веселин прекрасно помнил слова, произнесённые Карелом ещё в берёзовом тупике, задолго до посещения мутантских селений. "Ходит мамонт по Европе, мамонт гуманизма...". Когда же памятный текст про мамонта встретился в записях богатейшего фольклорного наследия братьев Мордоворотов, ни один из которых не наловчился и слова-то связывать в предложения... Такого Панайотов уже не стерпел. Высказался.

Йозеф Грдличка — тот как в Березани скупал "аутентичные" мутантские салфетки с вышивками, так и в Столичной Елани продолжил начатое. Веселин понимал, что отбоя в находках не предвидится, но вторично вступать в одну и ту же лужу — простите, больше не надо!

Вот Панайотов и бродил по столичному селению, как неприкаянный. Сколько-то дней он убеждал себя, что создаёт важный план центра Елани: "дом — школа — яма". Или так: "дом — тюрьма — яма". Разница, собственно, невелика.

Чуть позже, когда русские солдаты приютили беглого ученика Тхе, у Веселина появилось, наконец, достойное научное занятие. Одна беда: неофициальное, ведь малыша Тхе никому не покажешь.

А пан Щепаньски как раз принялся посматривать на Панайотова косо. Отчего это, мол, болгарин сидит в своей комнате и ничего не делает?

Веселин после того поскорее напросился в исследователи-компаньоны к Братиславу Хомаку. Лучший вариант из оставшихся, и от Щепаньски подальше.

Клавичек и Хомак — те с самого начала работали над описанием песенного фольклора Лесной Елани — что от Столичной Елани в стороне. Они, кстати, тоже в помощи не нуждались, пока с Клавичеком не приключилось психоза.

Конечно, к моменту подключения Веселина основные находки в Лесной Елани уже состоялись, но любую этнографическую находку надо ещё правильно описать — и в этом Веселин мог реально помочь. Конечно! Ведь даже главный хит народной музыки мутантов — песню "На теплоходе музыка играет, а я одна стою на берегу" — Хомак успел давно наизусть выучить, но, так и не удосужился задокументировать адекватно, с нотами.

— Признаться, коллега, до сих пор мне было как-то не до подобных тонкостей, — объяснил Братислав, — дело в том, что на меня, как вам известно, положила глаз

разлюбезная Дыра. И каждый день меня поджидает. Стоит мне когда зазеваться — она тут как тут. Так и норовит пристать (вон, даже куртку вышила, дурочка!).

— Да, я помню. Но при чём здесь этнографические факты?

— Как же не при чём? Песен в Лесной Елани знают не так уж и много. Если все из сразу правильно записать — то мне и повода не останется там торчать. А я — стараюсь в Лесной Елани посидеть подольше. Главное — подальше от Дыры.

Что же, мотивация понятна.

До Лесной Елани добираться недолго. Стоит она в роще из мерзких оранжевых елей с опадающими на зиму круглыми листьями. Полтора десятка хмурых лачуг — вот и всё село. Песни там любит и знает каждый, но в основном — одни и те же. "На теплоходе музыка играет" и ещё три-четыре. Про весну, про любовь и про "Снегопад, не мети мне на косы".

Что до мелодии... Всякий мутант, конечно же, орал полюбившиеся песни кто во что горазд, а потом затруднялся воспроизвести мелодию за самим же собой. Только Веселин принялся записывать ноты — и началась жуткая тоскливая рутина. Понятно, почему Хомак за это дело браться не спешил. И не только в одной Дыре всё дело.

Из ярких позитивных впечатлений о Лесной Елани у Веселина осталось разве что высокое дуплистое дерево посреди селения, по которому в изобилии сновали весёлые свинобелки с потешными мордочками. Правда, когда эти озорные твари начинали грызться между собой, идиллия разрушалась в один момент. Из дупла летели кровавые ошметки, глядя на которые приверженец дарвинизма Хомак торжественно заключал:

— И здесь нас встречает она: её величество Борьба за существование!

Веселин понимал, что на темы дарвинизма с Хомаком лучше не спорить, потому возвращался к феноменам песенной культуры села. Бог с ними, с нотами да мелодиями. Всё-таки, у песен есть ещё сами тексты, а в них попадаетея хоть какой-нибудь, да смысл.

И тут оказывалось, что в поиске смысла песен антрополог также выказывал чудовищную прямолинейность, которая сочеталась с крайним упрямством. Песня про музыку на теплоходе заставляла Братислава предполагать, что болота Дебрянского ареала некогда были судоходны. Открытие? Ну ещё бы!

Правда, Веселин прекрасно понимал, что выстроить теплоход — это для мутантов задача непосильная. Разве что — эксплуатировать готовое судно, да только откуда ему взяться? Панайотов припоминал старые карты, из которых следовало, что до атомных войн в нынешнем мутантском ареале протекало не так-то много рек. Десна с несколькими притоками — вот, кажется, и всё. Точно ли по Десне могли ходить теплоходы? Не такая уж и широкая речка, вроде.

Но Хомак на его резонные доводы только морщился и просил не придирается к мелочам. Дескать, идея-то — светлая.

Чем именно светла идея, Панайотов уже и не спрашивал. Если Братислава даже идея борьбы за существование так приятно возбуждает, что и говорить об идее какого-то там мутантского судоходства местного значения.

В Столичную Елань возвращались в сумерках. Не доходя примерно километра до селения, заметили впереди крупный отряд мутантов, особо заметный благодаря факелам и ярко-красным балаклавам.

— Гвардейцы Дыры! — понял Братислав. — Меня поджидают, гады. Противная бабёнка без меня так и бесится...

— Можем вернуться в Столичную Елань через другие ворота, — предложил Веселин.

Антропологу его решение понравилось. Пользуясь тем, что высланный Дырой отряд их так и не заметил, Панайотов и Хомак ушли с дороги в густой еловый лес, по которому и стали пробираться, невольно вздрагивая от неприятных прикосновений еловых листьев.

К счастью, Веселин верно прикинул направление. Вошли в те самые ворота, которые смотрели на Кабаний остров. На сей раз со сторожевых башен их никто даже не окликнул.

Попрощавшись с Братиславом, Веселин первым долгом постучался к Милорадовичу. Этнолингвист не откликнулся. Ах да, подумал Веселин, я же забыл назвать, а у Ратко в комнате незаконно сидит мутантёнок Тхе.

Он назвал. Без толку. Походило на то, что у Милорадовича действительно никого нет.

Может, старик с малышом Тхе отправились исследовать Глухомань?

Не исключено. Ещё с того дня, как Милорадович впервые услышал о Глухомани, он загорелся идеей посетить это место — самое гиблое в здешнем ареале. А буквально за день до того, как Веселин решил отправиться с Братиславом Хомаком поработать в Лесной Елани, старый этнолингвист подробно расспрашивал малыша, как до Глухомани добраться. Выходит, задумал путешествие.

И если не вернулся... Как-то от этого тревожно.

Веселин собирался уже отправиться к себе в номер — а его разместили в противоположном крыле Председательского дома, ведь они с Грдличкой к основной части экспедиции присоединились позже, когда решительный топот нескольких пар ног возвестил прибытие мутантской стражи.

На всякий случай Веселин юркнул на лестницу, ведущую на второй этаж. Уже оттуда мельком углядел, как группа гвардейцев Дыры в кроваво-красных балаклавах постучалась в дверь Хомака.

Ну, парень попался, подумал Веселин, видать, очень сильно Дыре приспичило добиться его внимания.

Братислав, наверное, тоже так подумал, поскольку открывать отказался, попросил не беспокоить, ибо к Дыре он всё равно не пойдёт. Тогда главный из "красных балаклав" сказал неожиданное:

— Дыра за вами и не посылала, друг Братислав. Вы ни ей, ни нам не нужны. Мы ищем человека по имени Веселин Панайотов.

— Да? — в голосе Хомака прозвучало удивление с толикой разочарования. Он-то думал, весь сыр-бор в его честь.

— Мы знаем, — добавил мутант, — что вы с ним вместе ходили в Лесную Елань, а потом пропали по дороге обратно.

— Панайотов у себя! — деловито сообщил Хомак. — В противоположном крыле, третья дверь от дальней лестницы. Поищите.

— Его там нет, — возразил мутант, — мы только что оттуда. Проверили — пусто.

10. Ратко Милорадович, профессор этнолингвистики

Глухомань. Самое секретное место на весь Дебрянский ареал, недоступное даже взгляду с воздуха. Огромный песчаный карьер, накрытый маскировочной сетью. Такого, по словам Тхе, не довелось увидеть даже представителям европейских разведок. Что, вообще-то, сомнительно: ведь кто-то зачем-то взял да обеспечил мутантов упомянутой гигантской сеткой.

А ещё в Глухомани спрятана правда. Состоит она в том, что мутанты, какие они ни живучие, сами себя прокормить не могут. Их кормит рабский труд — универсальный источник мутантских экономик, будь то дебрянской или чернобыльской.

Именно за правдой в отвратную Глухомань и собрался Ратко Милорадович. Ибо как оценить всю меру лжи, царящей в мутантских текстах, если твои представления о здешней реальности — чистые гипотезы?

Тошно от лживых текстов, тошно от лжи этнографов, плотающих псевдофольклорную блевотину под видом "чистой воды из народных источников". Потому сейчас, когда Славомир Костич отправлен подлечиться в Березань, самое время отдохнуть от примитивных фальшивок и нечто настоящее, наконец, повидать.

Мутантский концлагерь. Добраться к нему более чем рискованно, но кому-то же надо туда добраться, иначе домыслы так и останутся на совести чудаков-фантазёров, к которым так легко причислить старикана-профессора. "Скажите, господин Милорадович, — спросит некто компетентный, — а сами-то вы лагерь в Глухомани посетили? Нет? Отчего же не посетили, если работали совсем рядом, в Столичной Елани? Может, оттого, что никакого концлагеря там и нет?". Но при этом у компетентного оппонента найдётся достаточно точных данных о "несуществующем" концлагере, чтобы показательно изобличить всякую ложь, пришедшую от тебя.

Выведывать жуткие тайны мутантов — занятие опасное. С другой стороны, что бывает безопасного в нашей жизни? Не выведывать жуткие тайны — ещё опаснее. Ведь эти тайны — и от тебя. И уж наверняка — против тебя. И, уж если начистоту, не мутантские это тайны. Просто мутанты достаточно тупы, чтобы запросто выдать многое, вроде бы надёжно припрятанное людьми-сообщниками.

Уходя на Глухомань, стоило побеспокоиться о безопасности Тхе. Оставить паренька оказалось не на кого. В этот день Веселин Панайотов тоже собрался поработать на выходе из Столичной Елани. Поскольку Костич и оба русских солдата ушли в Березань ещё раньше, а больше никому из коллег Ратко не доверял, стало ясно: Тхе пора вывести. Пока не поздно.

Поздно будет, когда в комнату Милорадовича нагрянут с обыском. А ведь нагрянут, если под Глухоманью его угораздит попасться мутантскому патрулю. А значит...

— Значит так, — сказал Ратко малышу Тхе, — прятать тебя дальше резона нет. Если не надумаешь вернуться в школу, пора тебя выводить из Елани. На рассвете. Найдёшь, куда податься потом?

— Уупс... — надул щёки Тхе. С таким туповатым выражением лица он имел обыкновение думать. Но зато думать — умел. Впрочем, под настроение.

И многое зависело от языка: хлопцу пока не случалось ничего толкового выдумать по-английски, зато на языке своих предков он так и сыпал идеями — хотя объяснялся на нём куда хуже. Долго отучали.

— В лесках тут попадаются смолл халабудки. Ничейные! — додумался Тхе. — Тичерз их не знают! Тзей вилл нот кетч ми!

Ну, допустим. Хижины в лесу — на первых порах сгодятся. Теперь бы подумать, как парня провести мимо городской стражи.

— А меня можно вынести в рюкзаке! — выдал Тхе новую идею. — Я помещусь, меня так уже носили!

— Отличное решение! — похвалил Ратко. Профессор уже прикидывал, как перепаковать рюкзак, чтобы Тхе туда поместился и притом не выдал себя человеческими

очертаниями.

Перепаковать — это слабо сказано. Из рюкзака пришлось едва ли не всё вытрясти, чтобы взять единственно мутантёныша. Зато — никаких подозрительных горбов, которые бы ещё — чего доброго — шевелились.

В утренний поход Милорадович выступил в отличном расположении духа. Да, тяжелоатом нагружено. Но! Ради такой весёлой шутки стоило рискнуть спиной. Впрочем, весь путь до Глухомани с мутантом на плечах Ратко проделывать и не собирался. Отойти подальше от центральных ворот, свернуть в еловый лесок, да и выпустить заплечника, дальше — налегке.

Всё случилось несколько иначе, чем представляло в замыслах.

Стоило Милорадовичу миновать еловый часток, как один из мутантов-стражников резво кинулся к Председательскому дому — докладывать об его выходе. Профессор, видя такое, прибавил шагу, но по центральной улице Столичной Елани предстояло идти ещё долго. Его же неведомые мутантские силы, кажется, ни за что не желали выпустить.

Как ни странно, всю Столичную Елань Ратко с мутантом в рюкзаке отмахал без лишних приключений. Зато почти тотчас по выходе за черту столицы — его нагнали. Четверо мутантов, каждый — в пурпурной маске-балаклаве. Личная гвардия Дыры.

И зачем же скрывать красное лицо под красной маской? Подумалось несколько невпопад, но может, стоило бы высказать вслух. Мутанты бы обиделись и тоже всякого наговорили — только, вероятно, в процессе драки.

Милорадович думал, его сейчас завернут. Вовсе нет! Ему сказали:

— Следуйте с нами! — после чего один из гвардейцев перевесил себе на плечо тяжёлый профессорский рюкзак (однако, Тхе попался!), а остальные весьма требовательно поддержали Ратко под локти.

Никто не поинтересовался, куда Милорадович шёл. Его просто повели куда-то вперёд. По правде говоря, Ратко и так бы шёл в том же направлении. Судя по ориентирам, которые вспомнил малыш Тхе, дорога на Глухомань проходила где-то рядом.

Не доходя до Лесной Елани, повернули резко на юг. Вышли к невысокому лысому холму со старинным обелиском на вершине.

За холмом начнётся песчаная тропа, вспомнил Милорадович указания Тхе. Песчаная тропа началась. Выглядела поразительно знакомой, ожидаемо привела к развилке. И даже сосны по правую руку словно намекали: мы — те самые, упомянутые малышом сосны, которые следует оставить по правую руку, чтобы путь до Глухомани вышел короче.

А вот и обрыв. Точнее, стена песчаного карьера. Пока подходишь, никакого карьера и не видно, но вот дорога резко уходит вниз, и тут же над тобой обнаруживаются стропила гигантской маскировочной сети. Тёмная паутина мелькает в просветах между кронами деревьев, а по мере приближения к расчищенному участку закрывает от тебя небеса.

И вот уже небо расчерчено мелкой клеткой с кляксами какого-то маскировочного тряпья. Эта сеть — и есть нижний уровень здешнего неба. Нижний и непроницаемый ни снаружи, ни изнутри.

Когда же спускаешься дальше, на дно громадного котлована, пейзаж начинают дополнять высоченные пулемётные вышки — никак не менее десятка. Выстроены они на склонах, и каждая контролирует своё направление. Если смотреть с самого дна, то каждая из этих вышек упирается в клетчатое небо.

Это вышки делают небо совершенно недосягаемым. Мало того, что выше головы не

прыгнешь, так и попытки наказуемы: сверху всегда есть кому открыть по тебе стрельбу. На каждой из вышек торчат по три-четыре мутанта, наверняка изнывают от скуки. Как тут не пострелять — хотя бы просто из желания развеяться?

Интересно, сумел бы Милорадович обнаружить Глухомань, если бы его сюда не отвели знатоки местности? Очень вряд ли! Даже и всех ориентиров, предложенных юным Тхе, оказалось бы недостаточно. Чёртов котлован очень хорошо спрятан. Так можно было бы и неделю проплутать, а вернуться с опытом безуспешных странствий. И вдруг...

До чего просто всё получилось, изумился Ратко своему неожиданному "успеху". Долго искать не пришлось. Раз — и ты в Глухомани. Как бы только теперь вернуться?

11. Горан Бегич, этнокартограф

Горан самому себе не поверил, когда завидел брата без ноги. Как такое могло случиться? Нет же, не могло, ни разу!

Но зажмуриваться, надеясь, будто утраченное вновь отрастёт — это лишь дурацкая регрессия. Мужчина должен встречать и самые подлые удары судьбы с широко раскрытыми глазами. И всё видеть, даже — такое.

Осталось три ноги. На двоих близнецов Бегичей — всего три. Каждому по полторы. Это так неудобно! Кто же прозевал жуткую утрату?

Зоран, кажется, это ты прозевал. Ты даже не проснулся, когда нас лишали одной из наших ног. А ведь ты был ближе, находился совсем рядом! Именно от тебя отрезали ногу, а ты даже не поморщился.

Странно, как ты голову не потерял, дорогой братец. Кто теперь тебе поверит, что ты когда-нибудь проснёшься? Хотел бы — проснулся уже давно.

Ты ведь сильный человек, Зоран, тебя все признавали крутым мачо! Только захотел бы — схватил за шиворот обоих врачей — Погодина и Гроссмюллера — и заставил бы лечить на совесть! Но ты принял иное решение. Ты неправ, Зоран. Ты сам себя предал.

И капитан Багров тоже неправ. Да, он счастливчик: сумел отстоять свою ногу. Небось, от боли проснулся, гаркнул — и Фабиан отступился. Но не подумать о пациенте, лежащем рядом? Стыдно, господин Багров. Русские капитаны так не поступают. И это из-за вашей капитанской ноги — и так изувеченной — Зоран и Горан лишились ноги совсем здоровой.

Горан заглянул в палату, где раньше держали Багрова. Хотелось в последний раз поглядеть в бесстыжие глаза капитана, ну а тогда и револьвер вытащить. Разумеется, "дохлый номер"! Конечно, Багров не дурак остаться на месте преступления. Сбежал!

Сбежал, несмотря на большую ногу. И нога не помеха побегу, коли совесть нечиста. Ибо раненная нога — это ещё не съеденная. Она болит и, может быть, спасётся. Но не для жизни вечной.

Фабиан Шлик — тот, конечно, мелкая шушера. Потому он будто и не виноват ни в чём. Но это ещё не повод его не убить. Кто тот мерзавец, который своими отрезал здоровую ногу пациента? Тебе сказали? Верно! А своя-то голова где была? На табуретке лежала?

Конечно, как только соберёшься убить пройдоху Фабиана, тут же окажется, что и Фабиана-то нигде нет. Бродишь, как дурак, то по больничному бараку, то по Председательскому дому, отчего куча народу на твой смешной револьвер начинает опасно коситься, даже мутанты, которые — ребята крепкие, их же только очередями и косить, гадов живучих.

И уже понимаешь: Фабиан вслед за Багровым драпанул, скотина, куда подалее за частокол, за границы Березани, за болота и моря. И надо бы гадов по указанному новому адресу и искать, но...

Но тут на тебя начинает сбоку идти дружок твой Каспар Вирхоф, и на губах у дружочка улыбочка, но глаза его холодны-холодны. И протягивает Каспар ладонь, словно собирается здороваться, но не собирается он здороваться, а сам, не будь дураком, пушку твою ловит за дуло. От греха, говорит, подалее.

Нет, парень, не подалее. А ближе, ещё ближе! Я что, не помню, что и ты был соучастником? А кто истолок Фабиану Шлику всю харю кулаками, чтобы тот вернулся в барак и что-нибудь там отрезал?.. Никто? Да я же сам там был и всё-всё собственными ушами слышал, а моргалами даже лицезрел.

Короче, Каспар, ты попал, хирург тебя разэтак через заборы. Бабах! Ещё бабах! И контрольный — внутрь бронежилета. Бабах! Кстати, а глушитель-то где? Забыл навернуть — с кем не бывает. Извини, Каспар, тебя грохнули непрофессионально. Нашумели на весь дом. То-то сейчас мутантов набегит, а с ними как раз и Пердун явится.

Да вот и он — лёгок на помине, скотина каннибальская.

— Ну, привет, Пердун!

Ах да, он сейчас в линиялой своей балаклаве. Как я запомнил: его же в маске не принято узнавать!

— Эй, говнюк в маске, не видал ли ты Пердуна?

Молчит, а глаза-то злобные искры мечут. А погоди метать: вспомни, не ты ли братскую ногу на ужин заказывал. А потом ныл: "Не могу доесть ногу, помогите!". Не ты ли пытался накормить ногой Зорана его собственного брата? Нет, не ты? Врут твои наглые глаза.

Бабах! Бабах! И больше не врут.

Горана Бегича учил стрелять кто? Зоран Бегич. И он его научил стрелять как? Очень метко. Получай, мутант, в глазницы! Не ту ножку ты накануне обглаживал, ох не ту.

Ну что, темно? Потушен свет? Так то-то же! Думал, харя мутантская, что тебя из револьвера сильно не повредишь. Но про бельма-то забыл!

Тут со всех сторон набегают мутанты в балаклавах. Одни — в чёрных, другие — в красных. Которые в красных — просто петухи какие-то с гребешками. Те и другие ловят Бегича за локти, вышибают из пальцев револьвер, заламывают руки за спину, лицом впечатывают в подоконник. И второй, и третий раз, с истинно мутантским наслаждением.

Пока мутанты развлекаются, Горан смотрит в окно и — на тебе! Кого он видит во дворе? Ясное дело, капитана Багрова. И довольно далеко. Тот воспользовался заварушкой, которую Бегич устроил, да и хромает себе, даже не озираясь, к частоколу. А на воротах как раз никого! Все мутанты собрались под Председательским домом, чтобы хорошенько отдубасить дерзкого словенца.

Прощай, капитан, не хромай, не кашляй! Не поминай лихом пассажиров твоего БТРа.

Зоран и Горан сидели на броне. Зоран и Горан упали во сне.

— Горан идёт вразнос. И не вопрос!

Кто это говорит? Ах да, это я сам говорю. Только зачем я такое о себе говорю, это вопрос отдельный. Нет, неправда, Горан не пойдёт. Ни в разнос, ни на стол, ни на блюдо. Горан ведь — человек. И не важно, что наемни за ужином он уписывал за обе щеки ногу родного брата. И обе щеки перемазал кровавой подливой.

Пердун воеет и сокрушается по потере, он зажимает ладонью дыры на месте глаз, между

пальцев сочатся кровавые слёзы. Заслужил.

— Сварить негодяя Бегича! — слепой каннибал скрежещет крепкими зубами. Бегич тоже что-то заслужил, это понятно и неизбежно.

Но кому-то понятно вовсе иное.

— Этого Бегича — не надо варить! — улыбается предводитель стражников в красных балаклавах. — Этот нужен нам. Сварите-ка лучше, друг Пердун, его родного братца. Тоже Бегич — и точно такой же, разве только на одну ногу короче. Да что я говорю: вы же сами его ногу и пробовали. Вкусно?

12. Братислав Хомак, антрополог

Поход в Лесную Елань с Веселином Пайайотовым выдался последним. Уже на следующее утро Братиславу сделалось не до разысканий в области песенного фольклора мутантов. То есть, сначала-то Хомак собирался идти. Нацепил поверх бронежилета ветровку (вышитая Дырой камуфляжная куртка уже дня три, как запропастилась), взял сумку с блокнотами для записи фольклорных образцов, отпер дверь своей комнаты... И столкнулся нос к носу с паном профессором.

Щепаньски пришёл не один. За ним стояло четверо мутантов в красных балаклавах. Личная гвардия Дыры.

Не дожидаясь приглашения, начальник экспедиции и сопровождающие вошли в комнату Братислава. Хомак посторонился, бормоча:

— Если вы всё ещё по поводу Панайотова, то не могу ничего добавить. С вечера я его не видел...

— Панайотов действительно скрылся, — строго поглядел на него пан Кшиштоф, — и его найдут и водворят, куда надо. Но мы сейчас пришли не за тем, — профессор сглотнул. — Дыра... Мы пришли по поводу пани Дыры.

— Вы пришли звать меня к Дыре? — Хомак задохнулся от возмущения. — Так просто, со стражниками — к ней? Нет, пан Кшиштоф, воля ваша, но я не пойду. У меня нет с пани никаких дел. Совсем никаких.

— Да брось, — устало, с некоторым надрывом проговорил Щепаньски, — никто не говорит о свидании. Всё в прошлом.

— Не было, — пытался упорствовать Хомак, — ничего не было!

Пан Щепаньски вяло, с кислым выражением отмахнулся от его слов:

— Было — не было, теперь-то какая разница. Сейчас же идём к пани Дыре! Возражения не принимаю. Сумку можно с собой не брать.

Братислав пожал плечами и вместе с паном Кшиштофом и маскированными мутантами вышел в коридор Председательского дома. Хомак запер за собой дверь комнаты и все шестеро двинулись в сторону покоев пани Дыры.

По пути Братислав решился спросить у Щепаньски:

— Простите моё любопытство, но Панайотова — его за что ищут? Он в чём-то провинился?

— Панайотов? Нет! — рассмеялся пан. — Просто мы ему не доверяем. Ему, а также Милорадовичу, Чечичу, Костичу, — при последней фамилии пан Щепаньски скрипнул зубами, — стоило бы до конца нашей экспедиции посидеть взаперти. На всякий случай.

— Стесняюсь спросить, что за случай вы имеете в виду?

— Ожидаются важные события, — ответил пан Кшиштоф уклончиво, — и лишние глаза некстати.

Что ж, понятно. Болгарин, сербы и македонец — южные славяне, народы заведомо ненадёжные. Их и в экспедицию-то включили в основном для отвода глаз. Но в главные — разведывательные — задачи экспедиции никто их посвящать не собирался. Вот и третьего дня на пир у Дыры их не пригласили, а там ведь много секретов звучало.

Но вот пришли. У дверей стоял чем-то безмерно расстроенный мутант Глиста. Ни слова ни говоря, он посторонился. Нет, чтобы завести своё привычное "доложу госпоже" или что-то в этом роде.

Войдя в покои Дыры, Хомак не сразу догадался, где же госпожа. Только голос из угла: "Привели?" — заставил его повернуть голову.

Пани Дыра возлежала на расстеленной в уголке медвежьей шкуре. Под ней — и на шкуре, и рядом, на дощатом полу — расплзлось широкое кровавое пятно. Судя по всему, мерзкая бабища была обнажена, прикрывал её — единственный предмет одежды: камуфляжная куртка с вышивкой по вороту. Скажем так, очень знакомая Хомаку камуфляжная куртка.

Дыра попыталась отворить глубоко запавшие глаза. Не получилось. Тогда она с горестным стоном покрепче запахнулась в куртку. Лужа крови на полу от этого движения немного раздалась вширь.

— Кто её так? — вполголоса произнёс Братислав.

— Будто сам не знаешь, — ожесточённо скрипнул зубами Щепаньски.

— Я — правда, ничего не помню... — слабый лепет вместо решительных возражений, но что делать, если память не возвращается.

Значит, Дыра здесь лежит с того самого пира? А Хомак ещё удивлялся, отчего она его больше не ищет. Надеялся, что разочаровал глупую бабу.

Дыра с усилием распахнула глаза. Её взгляд сфокусировался на Братиславе и внезапно потеплел, на устах пробежала нежная улыбка.

— Это было... незабываемо! — прочувствованно выдохнула Дыра.

— Что незабываемо? — на ум приходили только глупые вопросы, но Хомаку хотелось конкретики. Что, что именно он сделал?

— Всё, что было, — Дыра ещё сильнее расплылась в улыбке, — но как же это было больно! — тут же пожаловалась она. Что за разговор загадками?

— Она умирает, — заметил Хомак, — кажется, потеряла слишком много крови. Вот и болтает что-то не в себе...

— Хоть теперь не паясничай! — сурово оборвал его пан Кшиштоф.

— Нет, пусть говорит, — слабым неверным голосом произнесла Дыра, — мне приятно слышать, как любимый обо мне заботится... — её бескровные пальцы прошлись по вышитому воротнику куртки, ласково погладили обрывки недопоротого имени Хомака: "СНОМА BRUT".

— Указывает на имя своего убийцы, — на сей раз пан Щепаньски обратился к стражникам в красных балаклавах. Те понятливо закивали.

— Это какое-то недоразумение. Я не мог... — промолвил Братислав, чувствуя, насколько словам его недостаёт уверенности.

— Я не в претензии, милый! — проворковала Дыра и тут же конвульсивно дёрнулась, после чего затихла, неудобно вывернув шею.

— Околела, — подметил кто-то из мутантов.

1. Юрий Михайлович Багров, капитан войск МЧС

Чтобы уйти живым из мутантского посёлка, вооружиться до зубов, в общем-то, недостаточно. Капитану ли Багрову этого не понимать? Мутанты живучие, и если их много, то они тебя окружают в два счёта, пока ты сосредоточишься на расстреле одного-двоих. А уж если ноги твои неодинаково хорошо ходят — и вовсе пиши пропало. Мутанты и без этой дополнительной форы были бы быстрее тебя.

Потому лучший способ избавиться от навязчивого мутантского гостеприимства — чем-то "хозяев" отвлечь. Ну, или дождаться, когда они отвлекутся сами. Второе предпочтительнее, так как малоподвижный капитан вовсе не уверен, точно ли его попытка отвлечения не привлечёт излишнего внимания — а он ведь не успеет далеко уйти. Достичь обратного эффекта — такое в его жизни иной раз случалось. Не повторить бы. В последний раз, самый неудачный.

Не самым лучшим стартом стало уже то, что Багров пришёл в мутантское село далеко не своими ногами. Он даже приблизительно не смог бы сказать, как он это сделал. Тем более — вычислить траекторию. А ведь обратный путь предстоит — через болото. То есть, наверное, весьма небезопасный путь. Дальше начнётся берёзовый лес, но до него ещё надо добраться, иначе даже и не начнётся.

Хорошо, есть хоть определённая цель. С направлением-то сложности, но цель ясна: поскорее рвать когти из этого гиблого места, где уже нашлись желающие тебя съесть, а из противников этого желания остался один ты. Тут уж без вариантов.

И что-то капитан Багров уже сделал. Да, "больницу" он успешно покинул, не стал дожидаться, когда к ней приставят охрану. Но лучше по порядку.

Собственно, выйти ему пришлось вскоре после инцидента с Фабианом Шликом — санитаром, которого пришлось припугнуть. Глупо было бы не заинтересоваться, что же будет дальше. Вот и капитан, даром что с великим трудом двигался, за Фабианом проследил.

Стоило санитару выскочить в больничные ворота, как Багров приковывал к щелевидному окошку одной из палат. Оно выходило как раз в нужную сторону, чтобы заметить отправителей Шлика: врач по имени Каспар Вирхоф и с ним — Горан Бегич. Если Бегич — тот Фабианом почти не занимался, то Вирхоф с ходу дал волю рукам, а уж это — знак серьёзной напряжённости конфликта.

В результате нещадно избитый Шлик снова кинулся в больничный барак. Тут уж капитан затаился на полу в уголке палаты, дверь же взял на мушку, подозревая: санитару надоумили-таки довести до конца задуманное. А задумана — какая-то подлость, направленная против Багрова лично. Чтобы, значит, склонить к "сотрудничеству".

Вышло иначе. Фабиан Шлик искать русского капитана не стал. Зато — наверняка без согласования с Гораном — он направился в палату, где лежал его брат-близнец. Зачем, Багров на тот момент и выяснять-то не стал. Как-то даже не подумал, что Зоран Бегич, имея

вполне здорового брата, может нуждаться в его защите.

Когда же капитан, заслышав, что Фабиан выходит, выглянул в прежнее окно и увидел ампутированную ногу словенца, защищать несчастного стало несколько поздно. Любопытно, что и Горан Бегич добытую Шликом ногу его брата воспринял без выраженного недовольства: чего-то, должно, недопонял, поскольку взял эту конечность под мышку и безмятежно куда-то понёс.

Пора, понял капитан Багров, когда Вирхоф, Шлик и Бегич повернулись к бараку спиной. Куда пора, Багров не уточнял. Главное — откуда. Из продвинутой больницы европейского уровня. А где остановиться? Да, почитай, под любым кустом во дворе, который покажется достаточно густым, чтобы скрыть раненого капитана от нежелательных взглядов.

Сказано — сделано. Багров отворил воротца и быстро-быстро захромал к темнеющей во дворе стене из неухоженных кустов, за которой и залёг. Один крупный шаг наружу совершён. И крупных ошибок не самый везучий капитан пока не допустил. И то радость.

До позднего вечера Багрова никто не искал. Вероятно, Фабиан Шлик никого не всполошил известием, что раненый капитан освобождён из плена носилок-трансформеров и раздобыл оружие. Отчего же не всполошил? Напрашивался такой ответ: у Шлика не хватило духу признаться в подмене. Так и не удивительно. Стоит ему только заикнуться, что русский капитан воспротивился уколу и не позволил ампутировать ногу, как Горан Бегич, не будь дураком, спросит: а чью это ногу добыл санитар? И вряд ли спокойно выслушает объяснения.

Зарослей дремучих кустов около больницы имелось несколько, причём ближние от больничного барака выдались довольно реденькими? Только присмотрись, и беглец как на ладони. Короткими перебежками — если так можно назвать долгие периоды хромоногой ходьбы, капитан добрался до более надёжного укрытия, расположенного как раз подле ворот в берёзовом частокале. Но тут движение Багрова к свободе надолго застопорилось. На воротах стояло два мутанта в балаклавах. И не спали, не скучали, а вертели головами в поисках подозрительных прохожих. Служаки!

В ожидании удобного случая пробраться мимо часовых, капитан уснул первым. Вот как бывает!

А проснулся от разговора. Стражники-мутанты спорили, кому из них остаться на воротах, а кому пойти на торжественный ужин к Пердуну. Ясное дело, победил тот, кто был выше и сильнее — звали его Дылдой. Второго из мутантов звали просто Шнурок, а что может шнурок супротив дылды?

С другой стороны, против раненого капитана Багрова и Шнурок имел все шансы на победу. Если не прибегать к самообману, то придётся признать: рукопашная схватка с любым из мутантов просто невысказима. Или всё-таки получится?

Багров нащупал в кармане кабель от собственных электрических носилок — тот кабель, который он столь тщательно привёл в негодность. Для того, чтобы проводить ток, этот кабель отныне действительно непригоден. А если, к примеру, задушить мутанта? Тут надо пробовать.

Дылда ушёл куда-то к Председательскому дому — так, кажется, назывался длинный двухэтажный особняк, заметный ещё из-под больницы. Раздосадованный Шнурок принялся ворчать себе под нос разные неразборчивые слова несомненно ругательного назначения. Тут-то капитан и решился подобраться к нему сзади, благо, полной тишины не наступило. По пути скрутил из кабеля удавку.

Миг — и электрический кабель захлестнул мутантскую шею. Дальше работает сам узел, главное не выпустить из рук свободный конец шнура. Мутант совершает резкие движения, которыми ещё сильнее затягивает петлю под подбородком. И до сих пор тихо: ни очередей автоматных, ни крика, ни даже чересчур красноречивого хрипа. Выходит, удушить мутанта возможно?

Шнурок долго не сдаётся. Он молотит в стороны руками, на счастье Багрова — всё мимо. Пытается вертеть головой, чтобы рассмотреть нападающего, но и тут не преуспевает — от возни чёрная балаклава сбилась, прорези не совпадают с глазами, сумеречное время суток тоже не добавляет отчётливости восприятию.

Мутант уже обмяк, и Багров потянул его к кустам, когда (вот засада!) — сзади раздались шаги, да ещё голос. Дылда возвращается!

Успеет ли капитан дать дёру через ворота? Нет, не с раненой ногой. Надо скорее прятаться в кустах, из которых только что напал на Шнурка. Только вдобавок там же схоронить и мутантское тело.

Но вот засада! Надрезанный шнур, за который Багров тянул Шнурка, неожиданно лопаётся. И остаётся в руках капитана — вместе со сдёрнутой с головы балаклавой. Мутант всей тяжестью шлёпается наземь, закашливается и, как будто, начинает приходить в сознание. Да, живучая порода.

Багров едва успел отползти к спасительным кустам, а Дылда уже тут как тут, да и Шнурок поднялся с колен, ошалело озираясь.

— Ты чё вернулся, урод? — процедил Шнурок, и Багрову стало понятно: драки не избежать. На сей раз мутантской.

— Ты кого уродом назвал, подонок? — ожидаемо ответил Дылда.

Дальше заговорили мутантские кулаки. Захлопали расквашенные лица. Попадись под такой удар человек — не встал бы больше. А вот этим ничего. Даже полузадушенный Шнурок бился с отменной бодростью. Не говоря уже о Дылде, который по ходу драки что-то сосредоточенно жевал. Верно, у поваров разжился деликатесами с барского стола.

Капитан Багров сперва думал отползти как можно дальше, чтобы Шнурок не припомнил эпизод с удушением и не кинулся его искать. Но, кажется, у меньшего мутанта удушение и возвращение Дылды чётко связались воедино. Когда Шнурок лупил соперника, то приговаривал:

— Чтобы больше не перекрывал мне воздух, длинный урод!

Багров то ли почувствовал себя в безопасности, то ли поленился далеко отступить — и даже сам не понял, смелость ли им движет, или глупая лень. С больной ногой коротких дистанций не бывает, и ему понятно.

К несчастью, мутанты-привратники скоро помирились. Да и стали рядом в проёме ворот — не проскочишь. А Багров так и остался сидеть в кустарнике, постепенно теряя надежду на новые подходящие случаи. Потому пришлось-таки отползти, кляня непослушную затекающую ногу.

Как было и чуть раньше, напряжённое ожидание вызвало у раненного капитана сонливость. И вроде бы лёгкая дремота смежила веки Багрову, а проснулся он лишь на завтра — и далеко не ранним утром.

Проснулся от звука револьверных выстрелов, который сам же себе легко проинтерпретировал: это Горан Бегич наконец-то пошёл вразнос. Что ж, ожидаемо, вполне ожидаемо.

Выстрелы звучали со стороны Председательского дома. Видать, об отступлении Горан и не подумал. Забрался поглубже в осиное гнездо.

Сомнения в источнике выстрелов Багрова даже не посетили. Конечно, Бегич, кто же ещё? Мало того, что у него наверняка сохранился один из тех дурацких стволов, против мутантов неприменимых в принципе — из которых словенские близнецы давеча напрасно пытались завалить свою роковую свинью, — так ведь нынче именно у Горана наклёвывается подходящий мотив. Его брата укоротили. Должны же известия об этом хоть когда-нибудь и до Бегича дойти!

И если Горан Бегич впал-таки в своё праведное буйство, то по логике вещей, серьёзное противомутантское оружие ему и не потребуется. Горан будет мстить "стрелочникам". На первых порах пострадает Фабиан Шлик, за ним, возможно — остальные немцы. А что дальше — строго говоря, и неважно, поскольку к тому времени мутанты пристрелят самого Горана.

Точно, пристрелят. Не зря они уже и так со всех ног помчались к Председательскому дому, впервые за всё время освободив ранее строго охраняемый проход в частоколе. Ибо Дылда и Шнурок пробежали в числе самых первых — эх, часовые недоделанные!

Что же значит нынешняя стрельба для Багрова? То и значит, что даёт последний шанс легко выбраться. Сумеет ли он им правильно воспользоваться?

Правильно — это быстро. Ибо долго Бегичу не продержаться. Быстро — это не на карачках. Потому что Багров прикинул, как это долго — тащить свою ногу по земле волоком. Стало быть, уходить придётся в полный рост.

Прежде чем выйти из-за кустарника, капитан Багров нахлобучил на голову трофейную мутантскую балаклаву — единственный результат вчерашней попытки вырваться за ворота. Сойдёт ли он в этой маске за мутанта? Ой, вряд ли. Но лицо человеческое спрячет.

Да и страха своего не выдаст. Шутка ли — осталось пройти почти через всё селение. Если начнёшь попеременно краснеть, да бледнеть — непременно привлечёшь внимание. А в маске можно хоть позеленеть — ну и на здоровье.

Как Багров постановил, так и делал. Шёл как можно быстрее — правда, получалось медленно. Старался не привлекать внимания походкой — но больная нога с отчётливым звуком шаркала по бульжной тропе и в принципе не желала сгибаться. Пытался никому не попадаться на глаза — но встречал всё новых и новых мутантов.

Но вот странность. Завидев капитана в нелепой балаклаве, да ещё с его весьма неадекватной походкой, мутанты лишь стыдливо, с тревожной неловкостью отводили взоры. Нет, чтобы поинтересоваться, кто же мимо них идёт, свой или чужой.

Много позже капитан Сергеев рассказал предысторию их опасливых взглядов. По-видимому, мутанты невольно принимали Багрова за Пердуна — хромого повелителя Березани. Если сей жестокий тиран напяливал на рожу балаклаву, всякий житель посёлка обязался его не узнавать, а проходить себе мимо, не мешая шефу хранить инкогнито.

Но в тот день, когда от его походки шарахались жители Березани, капитан Багров передумал многое, и никак не мог взять в толк, чем же вызвано такое их поведение. Может, они намеренно издеваются? Может, ещё пошालят, а тогда и повяжут? Может...

Но тут Березань благополучно закончилась и капитан вышел на луг. И где-то там впереди его ждало болото. Грязный водоём, с которым его ноге наверняка лучше не контактировать, но... Но что такое какая-то там грязь против мутантов и их приспешников, готовых оттяпать любому даже вполне здоровую ногу? Ей-богу, смешно.

В болотную воду он вступил бестрепетно. Здоровье — важная ценность, но только для живых. А болото нынче — дорога жизни. Жаль, прежде по здешнему болоту Багров никогда не ходил, а проехать в носилках — не считается. Зато капитана не обделила интуиция. Словно заговорённый, он поворачивал вместе с тропой, не заходил в непролазные топи.

Где-то на середине болота капитану встретился Фабиан Шлик. Санитар несколько раз повторил, что он "раскаялся", но что это слово для него значило, Багров так и не уяснил. Кажется, суть раскаяния Шлика в том и состояла, что парень боялся мести Горана Бегича.

Теперь же, посреди болота, Фабиан явно раскаивался уже и в том, что собрался форсировать сию водную преграду. Куда идти дальше, он не представлял, предпочитал вернуться.

— Что ж, возвращайтесь, — одобрил ход его мыслей капитан Багров. А сам пошёл дальше. И не ошибся: глубокое место, которое так напугало Шлика, осталось позади. Дальше вода не поднималась выше пояса.

А вскоре Багрова окликнули знакомые голоса. Мамедов, Погодин — вот так встреча! И главное — парни стояли на твёрдой суше. На противоположном берегу болота. Неужели дошёл?

Мамедов и Погодин помогли выбраться на берег, подставили плечи, вися на которых капитан и прибыл в лагерь, разбитый среди мутантского берёзового леса.

— Что же вы, Юрий Михайлович, рану-то не поберегли? — цокал языком Погодин, — али думали по болоту пройти, "аки посуху"?

— Нет, конечно, — отвечал Багров, — но не было вариантов. Лучше пусть болотная антисанитария, чем "чистенькая" евробольница.

— Хотя почему непременно антисанитария? — любил башенный стрелок противоречить. — Почему бы не наоборот? Представьте, что вода здесь может быть с бактерицидными, бальзамирующими свойствами — такой эффект в некоторых болотах тоже ведь наблюдался: там сохранялись тела мамонтов, а то и просто доисторических людей!

— Моё тоже сохранится, — смеясь, пообещал капитан Багров.

2. Адам Константинович Рябинович, рядовой войск МЧС

Отступая всё глубже в подземный ход, Рябинович и Хрусталёв так и поливали мутантов из автоматов. Как ни странно, хрусталёвский автомат больше не капризничал. Никаких застреваний патронов. А что? Даже автомат понимает, когда выделяться больше не стоит.

— Они прижмут нас к решётке! — скороговоркой выкрикнул Колян в перерыве между очередями.

— Значит, будем просачиваться! — Рябинович удачной очередью снёс голову одному из нападающих. Безголовый с обиженным видом повалился на пол. Все жесты его как бы говорили: не заслужил. Что бы мутанты ни творили, они всегда думают, что смерть их навещает незаслуженно.

От кабинета главврача таких незаслуженно погибших мутантов Адам насчитал уже четыре. Ну, и Колян Хрусталёв одного или двоих тоже обидел насмерть. Когда на тебя тупо идут, тут уж не обидеть и не получится. Если не обидишь, мутант подберётся вплотную, а в рукопашной против него — никаких шансов. То есть, совсем никаких.

Шестерых мутантов они положили, но тех, кто остался — ещё больше. И, веруя в свою непогрешимость, продолжают тебя теснить всё далее в подземелье. Ведь их убивать по

определению не за что; вдруг и ты проникнешься их глупой уверенностью, и перестанешь в них стрелять, а зато они весело прикончат тебя — вековечного виновника всякой беды. Прикончат — и "все довольны".

Рябинович прижался спиной к решётке и — надо же — почувствовал, как легко она подаётся. Выходит, не заперта. Хрусталёв её даже не подёргал — не догадался. А надо бы...

— Стой, Адам! — крикнул Хрусталёв, глядя, как Рябинович левой рукой открывает решётку. — Вдруг там ещё такие же чудища? — парень кивнул на останки. Вдруг нападут?..

Так вот, чего боялся Колян Хрусталёв! "Чудища" в подземелье.

— Погляди назад, придурок! — рявкнул Рябинович. — Вон где чудовища!

— Да, ты прав! Ты очень прав! — быстро сказал Колян и поскорее подкосил очередь ближнего к себе мутанта. Тот пополз к нему по-пластунски, злобно разевая зубастый рот. Чем не чудовище?

Мутант успел укусить Хрусталёва, но только однажды. Колян расстрелял в упор его неразумную голову. Фонтан обломков мозга и кости, а среди стихии — обиженная фраза из хлюпающего кровью горла:

— Так это же я, скульптор Ванидло: меня убивать нельзя... — и такой уверенностью дышали произнесенные слова, что даже Рябинович невольно призадумался. Неужели трогать скульпторов запрещает какая-то конвенция?

Нет, ерунда! Трогать мутантов пытаются запретить мутанты. И всё.

Укушенный Хрусталёв больше не раздумывал, а шмыгнул за решётку вслед за Рябиновичем. Из-за решётки они вдвоём расстреляли ещё четверых мутантов. Последний из этой четвёрки тоже пытался им рассказать, что в него стрелять не надо, его зовут Переползло, его в Березани всякий знает.

А сам — всё норовил отворить решётку, чтобы дальше преследовать солдат. И отворил бы, когда бы Хрусталёв не отстрелил ему последние пальцы на обеих работающих руках прирождённого вышивальщика.

3. Веселин Панайотов, этнограф

Когда до Веселина дошло, что мутанты в красных балаклавах ищут его, то на какое-то время — запаниковал. К счастью, в панике Панайотов не склонен к суетливым действиям, которые бы его выдали. Напротив, он затаился на лестнице, где встретил пугающую новость. И сидел в уголке на ступеньках, пока паника не прошла. Хитрая болгарская уловка.

Итак, что же делать? От самого вопроса — чуть не вернулся панический страх. Но поставить его необходимо. Ибо... Ибо некогда раздумывать. Если Веселин откажется подчиняться мутантам, которые его ищут, значит ему пора уходить подальше от Столичной Елани. Это притом, что уходить Панайотову заведомо некуда.

Если же Веселин решит, что произошло "недоразумение", что мутанты, как только его найдут, извинятся и немедленно тут же отпустят... Тогда можно не скрываться, никуда не надо спешить. Только ведь не отпустят мутанты. Эти — не отпустят. Ратко Милорадовича они уже куда-то загребли, да так, что старик и связаться ни с кем не успел. Извинились? Ха!

Нет уж, всё слишком серьёзно, и уговаривать себя Веселин не станет. И лучше поскорее выйти в никуда, чем никуда не выйти.

Панайотов спустился по лестнице в давно опустевший первый этаж Председательского дома. Теперь — к выходу.

Вместе с азартом побега явилось и желание всё же заскочить к себе в номер — за рюкзаком! — но Веселин успешно с ним справился. Жизнь и свобода важнее. А в его комнате может сидеть засада.

Рюкзак он когда-нибудь новый купит, а вот в рюкзаке оставил — только хлам. Старый, уже не на многое пригодный фотоаппарат. Пустые блокноты для этнографических записей. Заполненные блокноты для этнографических записей. И ведь которые полные — это же испорченные пустые!

Да и многое ли можно ценить в "научных записях", если вся этнографическая экспедиция пана Щепаньски — чистая профанация науки от первого до последнего дня. "Мутантская скульптура", "мутантская вышивка", "мутантский танец", "мутантские предания" — что здесь только не выдумано чешскими антропологами?

Выйдя из Председательского дома в ночную Столичную Елань, Веселин сперва порадовался: прохожих-то нет! Ни с кем из нежелательных глаз не пересечёшься. Однако потом задумался: почему же нет прохожих? И поразился неприятной догадке: неужели спущены с цепей сторожевые свиньи? Те животные-убийцы, которые недавно преследовали по ночной столице беглого юного мутанта Тхе. Фу, какая жуть!

Но свиней бояться — воли не видать. Панайотов перевёл дыхание и решительно направился к проходу в еловом частоколе, боясь услышать сзади дробный стук свиных копыт. И надо же: он его услышал!

Куда деться? Веселин забежал за угол Председательского дома и там заметил памятный сарайчик Рябиновича с Хрусталёвым. Как-то раз именно здесь солдаты спрятали от свиней погони малыша Тхе. Сейчас, правда, оба ушли в Березань, дверь за собой, наверное, закрыли... Но другой надежды, кажется, нет. Звуки парнокопытной погони сильно приблизились, того и гляди, из-за угла вылетит клыкастая торпеда. Была — не была!

Панайотов подскочил к солдатскому сарайчику, дёрнул за ручку двери — та и отворилась. Значит, не заперли Хрусталёв с Рябиновичем? Долго раздумывать Веселин, понятное дело, не стал — но проскользнул внутрь сарая, задвинул засов. Через несколько секунд в дверь впечаталось тяжёлое тело. Вовремя Веселин спрятался!

Свинья ещё с полчаса покрутилась у сарайчика, расстроено хрюкая, но Веселин отдаться на милость преследователя не спешил. Вместо того Панайотов осмотрел сарай и убедился: здесь недавно случился обыск. Вот потому-то и дверь осталась незапертой.

Выходит, попытки мутантов его захватить имеют системный характер. Приходили не к одному Панайотову. Что-то хотели также от профессора Милорадовича и русских солдат. Не в том ли дело, что всем им случилось пообщаться со спасённым от свиней мутантом Тхе? Может быть, но Тхе на солидную причину никак не тянет. Подумаешь, спасли мальчика.

Скорее, мутанты имеют некую более серьёзную причину загрести всех независимых гостей Столичной Елани, а знакомство с малышом Тхе — просто частный случай их независимости. Наверное, так.

Веселин просидел в сарайчике пару часов, прислушиваясь, не вернулась ли свинья. Нет, не возвращалась. А значит — стоило выходить. Убраться бы до рассвета из мерзкой Елани, не то двуногие мутанты подключатся. Обнаружат, заметут.

Панайотов приоткрыл дверь, выглянул — свиньи нет. Замаялась его караулить, побежала по другим делам. Значит, действительно пора.

Выскользнул во двор, по возможности бесшумно двинулся к проходу в частоколе. Там никто не дежурил, даже ворота на засов задвинуть не озаботились. Веселин прошёл за

ограду, свернул на улочку, которая приведёт к воротам, глядящим на Кабаний остров. Да, ему — туда. Наверное.

Из Столичной Елани вышел беспрепятственно. С облегчением вступил на болотную тропу, которая выведет к волчьему Кабаньему — туда свиньи точно не сунутся. Правда, там волки. Но от волков — спасибо Рябиновичу — Веселин теперь знает чудный полесский оберег, который, что немаловажно, лично наблюдал в действии — работает!

Есть надежда, что сработает и у самого Веселина. Ведь как действует магия? Механизм прост. Она меняет настрой человека. Зная нужную формулу, человек может на равных вступить в разговор с волком. И волк поддастся обаянию его уверенности.

Всё это Веселину понятно, как дважды два. Но страшно всё равно.

4. Кшиштоф Щепаньски, начальник экспедиции

С гибелью пани Дыры для профессора многое изменилось, прежде всего — в эмоциональном тоне событий. Какие-то прекраснотушные мечты ушли в прошлое. Больше не поглядеть вдвоём с прекрасной пани с Воробьёвых гор на пожар Москвы. Глазеть на него одному — совсем-совсем не то веселье. Наполеону — не понравилось.

Конечно, главные смыслы остались в неприкосновенности. С Дырой, или без Дыры, а Кшиштоф Щепаньски свой долг выполнит. Пусть без радости, даже с отвращением — но это его личные трудные подробности. Великую Европу они интересоваться не должны.

К сожалению, если пан Кшиштоф о своём долге помнит хорошо, то про Залмана Супскаса, директора Еланской мутантской школы — такое скажешь наверняка. Супскас ориентирован чересчур жёстко — на работу с Прыщом.

Казалось бы, что за разница: Прыщ, Дыра, или даже Пердун? Все — прирождённые мутантские лидеры, все пришли в Дебрянский ареал из Чернобыльщины, сообщая его подчинили... Но для некоторых европейских разведок — есть разница. Тем более — для американской.

Хозяева Супскаса — как раз американцы. Это ведь они ему сказали: Дыра не нужна. Сказали: мы работаем с Прыщом, а иначе мы не работаем. Профессор Щепаньски словно самолично слышал их бодрые самоуверенные голоса. Такому самоуверенному звучанию парней из будущей элиты НША обучают ещё с малолетства — пану ли Кшиштофу про то не знать?

Да, несомненно, всё произошло как-то так: не от большого ума, по глупой американской самоуверенности. В разведке НША давно прознали, что европейцы свои планы всё больше с Дырой связывают, а германцы — так и вовсе с Пердуном. Сами же американцы решили на Прыща поставить. Неказистый он, прыщавый, с головой самой маленькой — вот и слушаться их станет постоянно, вовсе не через раз, как это с Дырой бывало.

Нет бы сперва посоветоваться с союзническими разведслужбами — так парни из НША торговаться не любят. Они пару веков уже привыкли всех союзников держать за вассалов. И не стеснялись их ставить и нагибать перед готовыми фактами. Благо, союзники к такому и сами привыкли.

Конкурентные американские интересы, понятное дело, резко активизировались накануне исторических событий в ареале. Вот их в свете пан Щепаньски и трактовал для себя загадочную смерть Дыры.

Смерть — якобы от половых излишеств. Она наступила от внутреннего кровотечения, в котором только ленивый не обвинит Братислава Хомака. Пан Кшиштоф — не ленивый, он тоже Хомака обвиняет, но вовсе не потому, что верит в его вину. Скорее наоборот.

До чего неправдоподобны некоторые стечения обстоятельств, если они вместе ведут к чьей-то конкретной выгоде. Вот и с кровотечением Дыры, повлекшим гибель — очень уж всё непросто. Пир, на котором перебрали мутантского пойла решительно все — да после такого пира мог запросто не проснуться каждый третий! Но только несчастная пани Дыра получила смертельную пробоину, остальные заказчика просто не интересовали.

А ведь пробоина ознаменовала финал не какого-то там — исторического пира! На нём пан профессор, если кто ещё помнит, дал отмашку мутантской мобилизации. С официальным обещанием военной помощи от европейцев — это впервые за кучу лет! И Дыра приняла предложение. Да что там "приняла" — возрадовалась, как ребёнок, заранее готовая идти об руку с воинственным паном Щепаньски хоть на край земли, хоть к Москве...

А как на великий момент отреагировали пан Супскис и Прыщ? Попытались всё заболтать и обесценить. И мобилизация-де уже начата (пан Кшиштоф и Дыра просто не в курсе), и мьютхантеры почти все разбиты, и замок Брянск блокирован, и столичный замок ЧНР не сегодня-завтра падёт... Ах, господа союзники, зачем же так явно тянуть одеяло на себя!

На том пиру все перепили, но дело не в количестве, а в том, что именно и кем было подмешано в мутантское пойло. И в том, что кое-кто (кивать в ту сторону лучше не будем) остался трезв, как бутылочное доньшко. Вот он-то и продырявил пани Дыру, а ославил — Братислава Хомака.

"Ославил"? Вернее, "подставил" — кажется, инструкторы из разведки НША пользуются этим термином. Ох, и любят эти ребята подставлять! В каждой своей операции обязательно сыщут, на кого бы перевесить вину. Но с мутантами — просчитались.

Ясно, почему просчитались: операцию разрабатывали у себя за океаном, о мутантах Европы знали понаслышке. Думали, наверное, что где-то в мутантском ареале действуют уголовные суды. Что Братислава Хомака немедленно схватят за убийство и мигом предадут суду присяжных, или там самосуду на лихой конец.

А того не могли предположить хозяева Супскиса, что подставляют Братислава не под уголовную статью. Вовсе нет! Убить вождя — есть ли для мутантов поступок, исполненный большего героизма? Ну, разве — убить и съесть. И огрызок от головы вождя — тогда уж отправить в коллекцию, по примеру милашки Пердуна. Сохранить для истории, так сказать.

Братислав Хомак пани Дыру до сих пор не съел — ну что ж, у него всё впереди. Зато способ убийства у всех мутантов мужского пола заранее заслужил прочное уважение. Им бы тоже так хотелось!

Впрочем, кому бы чего хотелось — увидим сей же час.

— Я ведь правда ничего не помню! — скулил Братислав, когда пан Кшиштоф подталкивал его к балкону второго этажа Председательского дома. Дурачок ещё не понял своей удачи, а профессор не спешил ему всё разжёвывать. Пусть поволнуется, мерзкий жиголо, ему полезно!

Здесь, на широком официальном балконе, уже стояло несколько людей и высокопоставленных мутантов. Из мутантов выше других держали головы Прыщ и его любовник Вертизад, из людей шире всех ухмылялся Супскис.

Он тоже ещё не знает, с тайным восторгом проинтерпретировал пан Кшиштоф супскисову весёлую гримасу. Коли знал бы, то хоть лёгкая тень тревоги пробежала бы по лицу верного сына Америки. Но если не знает, значит — Прыщ с Вертизадом не предупредили. Видно, боялись его расстроить и обозлить? Или надеялись, что присутствие Супскиса всё решит в их пользу?

Если до сих пор надеются, то зря. Мутанты — всё-таки народ, пусть и повально марионеточный. Их оценки — это их оценки, этноспецифические. И специфика вот-вот проявится, Братислав, хоть ты не ной!

Во дворе под балконом собралось широкое сходбище мутантов. Часть — с открытыми лицами, часть в чёрных балаклавах, третья часть — в красных. Эти последние до недавнего времени были личной гвардией Дыры, многих из них она у себя принимала — как официально, так и неофициально, по ночам. А всё же гвардия первая переметнулась к Прыщу. Хитромудрого пана такое не изумило: мутантской гвардии попросту свойственно время от времени предавать своих изнеженных благодетелей. Такова давняя традиция.

Пан Щепаньски подтолкнул Хомака к перилам балкона, при этом Супскис одобрительно кивнул профессору:

— Раз виновник с нами, начнём!

Виновник? Да, с нами. Саркастичный пан чуть не сказал сгоряча кислых, необдуманных слов. Но зачем? Союзники не должны ругаться, имея великую общую цель.

Хомак снова попытался пролепетать что-то самооправдательное. Не вышло. После встречи с умирающей пани Дырой он и сам усомнился в своей непричастности. "Не помню" — не аргумент.

Слово взял Супскис. И разлился обвинительным соловьём. Братислав Хомак, дескать, и такой, и сякой, и Дыру задрал насмерть. В тоне директора школы не разберёшь никакой эмоции. Одно послушание фатуму — при том, что фатум носит форменный мундир госразведки НША.

Ах, послушание... Чтобы вытянуть вперёд, к верховной власти своего ставленника Прыща, послушный Супскис и гибель Дыры подстроил. Как именно он этого добился, про то только сам он и ведает, но больше-то некому. Мутанты её чересчур боялись, чтобы действовать на свой страх и риск. И директор школы гарантировал им поддержку. Всех Независимых штатов Америки. Всех пятнадцати!

Когда Супскис завершил изложение грехов Хомака, Братислав попытался что-то горячо выкрикнуть в своё оправдание. Но рядом стоящие мутанты — Вертизад и ещё один — так его встряхнули, что слова застряли в горле. Сильны, чертяки!

Тогда заговорил пан Щепаньски. Со всеми тезисами Супскиса он сходу согласился, причём насытил их эмоциональными красотами. Когда же вывел свой обвинительный пафос на финишную прямую, то к финальному обличительному аккорду речи дождался лично от Супскиса рукоплесканий.

Под гневные филиппики пана Кшиштофа и аплодисменты американского шпиона Хомак весь скукожился, вжал голову в плечи, потупил взгляд, и, по всему, никак не ожидал благожелательного приёма от мутантской толпы. Тем более не ожидал его Супскис. И когда под балконом раздались приветственные кличи, оба принялись оглядываться в большой растерянности.

— Хо-мак, Хо-мак, Хо-мак! — скандировала мутантская толпа.

— О чём они кричат? — спросил Аттила Попеску из свиты Супскиса.

Вертизад услужливо ответил:

— Хотят убийцу Дыры посадить на её место...

— Молчать! — оборвал его Супскис. — На какое ещё место? — ему-то, понятно, казалось, будто место пани Дыры уже занято Прыщём.

Вертизад не смог молчать и отвечать одновременно, потому выбрал второе. Стал объяснять, что пост правителя Столичной Елани по мутантскому закону передаётся её убийце. Значит...

— Значит, я теперь повелитель Столичной Елани? — глаза Братислава округлились, точно иллюминаторы древнего мутантского теплохода, на котором "музыка играет".

— Ну, не совсем так, — уточнил пан Щепаньски, — предстоит ещё церемония инициации. Посвятительные испытания, проще говоря.

— Зачем? — вздрогнул Хомак. — Зачем испытания?

— Их проходит всякий мутант.

— Но я же не мутант!

— Это пройдёт, — заверил Братислава пан профессор.

5. Евгений Павлович Нефёдов, капитан войск МЧС

Атаман Сокол в который раз склонился над картой мутантского ареала, словно силился высмотреть какую-то ранее не замеченную деталь. Но не в деталях дело. Надо видеть ситуацию в целом, а её полковник Снегов не просто сумел уяснить, но доходчиво изложил для самых непонятливых. Какие ещё требуются поправки?

Но если требуются, Снегов не против изложить основные мысли.

— Мутанты пришли в движение, — сказал полковник, — и первым делом напали на посты Заслона в черниговском направлении. Здешнее, брянское — оставили на закуску.

От слова "закуска" Сокол нервно поморщился, да и Нефёдову стало не по себе. Он знал, о какого рода закуске могла бы идти речь, коль скоро мутанты не брезгают людоедством.

Но полковник просто излагал очерёдность шагов мутантов.

— Если с ними утрачена связь, это ещё не значит... — пробормотал атаман свой старый довод. Несколько дней назад он звучал куда убедительнее, но дни идут, связь не восстанавливается.

— Боюсь — значит! — резко осадил его Снегов.

Да, в лицо правде смотреть не хочется, но надо. Боевые товарищи Сокола разбиты, рассеяны и частью — даже наверняка — пошли мутантам на "закуску". И если никто ничего не сообщил по рации, это говорит лишь о том, что их захватили врасплох. Мутанты на такое вполне способны.

— Далее, — продолжал полковник, — почему основной удар пришёлся на черниговское направление? Что, Заслон в тех местах их особенно сильно тревожил? Именно с юга и юго-запада?

— Нет, — признал атаман Сокол, — тревожили мутантов, если брать в основном — только мы. В черниговском направлении наши ребята какие-то... покладистые, что ли. Себя, конечно, защищали, но атаковать мутантов не решались. Чтобы, мол, ответки не прилетело. Глупо, конечно.

— Вот таким первым долгом и прилетает, — вставил Нефёдов и свои пять копеек. Он тоже считал, что пацифистам в Заслоне не место. Уж коли ты взялся кого-то заслонять,

изволь соответствовать миссии.

— В данном случае — просто совпало, — возразил полковник Снегов, — какую бы линию ни вёл Заслон в черниговском направлении, первый удар предназначался им. Понятно, почему?

— Мутанты возбудились, — устало проговорил атаман, — а возбуждаются они не сами по себе. Там у них сидит целый змеиный клубок разведчиков. Европейских и американских. Куда мутантам скажут, туда они и стукнут.

— Хорошо, что это понятно, — тут и Снегов подошёл к карте, расстеленной на столе, — теперь будем разбираться с привязкой к местности. Вот он — Дебрянский ареал, — палец полковника очертил широкий овал, охвативший почти всю бывшую Брянскую область, а заодно часть Орловской (на северо-востоке), Курской (на юго-востоке), Сумской и Черниговской (на юге), Гомельской (на западе). Отмеченный на карте мутантский ареал выглядел куда скромнее, но карта за последние пару лет здорово устарела.

— Не согласен, — проговорил атаман Сокол, — значительную часть очерченной вами зоны занимает наш Заслон.

— Занимал, — жёстко поправил его Снегов.

Суровый тон означал, что игры кончились. Заслон до сих пор худо-бедно сдерживал мутантов (или так казалось), но бороться ему приходилось с отдельными мутантами-отморозками, либо с бандами из нескольких десятков особей от силы. Весь этот сброд некогда совершал набеги на окрестные сёла, когда же сёла эвакуировали в соседние области, пытался прорываться и туда.

До Заслона ситуация складывалась вообще прескверно. Заборы из колючей проволоки помогали слабо. Патрули на БТРах днём и ночью колесили вокруг Дебрянского ареала, вылавливая нарушителей. Но полномочий на боевые действия внутри мутантского ареала патрульным никто не давал, вот и не было возможности устранить саму причину набегов.

С появлением добровольных ополченцев — Ребят-из-Заслона — набеги мутантов на соседние области мало-помалу сошли на нет. Фактически, сам Заслон стал постоянно действующим набегом людей на мутантской территории, так что мутантам сделалось уже не до попыток экспансии.

Но Заслон — официально не признан. Приток людей в его отряды — весьма невелик. Оружие и боеприпасы тоже попадают не централизованно. Военные из внешнего патруля с горем пополам снабжают Ребят — попросту делятся частью собственных запасов. Но это же не выход! Как результат — бесполезно ждать от Заслона полной зачистки Дебрянского ареала в случае массовых мутантских движений, либо — тем более — повальной мобилизации.

— Почему мутантов надоумили ударить по Заслону именно в южном направлении, надеюсь, понятно? — спросил Снегов.

— Чтобы они подошли к границам ЧНР, — ответил Сокол.

Как не ответить, когда столько уже говорено. Да, с юга — земли черниговские, да ещё маленький остаток сумских. А в другие стороны мутантам двигаться — там будет только Россия, Россия, и ещё раз она же — конца-края нет. В русских землях мутанты из Дебрянского ареала с ходу так увязнут, что вместо завоевания найдут скорую погибель. Вот европейцы и не решаются их туда посылать. Чай, не совсем дураки попусту тратить своих марионеток.

— А зачем им подходить к границам ЧНР? — полковник будто экзамен устроил.

— Наверное, для блокады Чернигова? Для предотвращения поставок черниговцам русского оружия?

Полковник отрицательно покачал головой:

— Такие задачи — из числа повседневных. А мутантов сейчас поднимают на что-то крупное.

— Взять замок Чернигов? Ну, на это дебрянские мутанты не способны. Чернигов — он укреплен ничем не хуже Брянска!

— А чернобыльские способны?

— Ну, Чернобыльщина-то сильна... — признал Сокол.

Ещё бы не сильна. Там и мутантов полно, и оружие у них самое мощное и передовое — Западная Европа постаралась. Люди-черниговцы уже много лет сдерживают натиск мутантов-чернобыльцев, и держатся, если начистоту — лишь каким-то непостижимым чудом. Да, Чернобыльщина способна одолеть Чернигов.

— А что случится, если Чернигов падёт? — продолжал опрос полковник.

— Плохо им будет, — Сокол сокрушённо вздохнул. Верно, представил, что сотворят мутанты на отвоёванных территориях ЧНР. Жуть людоедская.

— А нам с вами? — судя по тону, Снегов задал ключевой вопрос.

— Вы хотите сказать... — атаман остановился на полуслове.

— Я хочу сказать, — твёрдо выдержал недобрую мысль полковник, — что если Чернигов падёт, Чернобыльщина моментально окажется здесь. Со всеми её немалыми ресурсами. Вот тогда-то ни Ребята-из-Заслона, ни наши войска МЧС ничего не сделают. Нас опрокинут и сомнут, затем всей силой обрушатся на замок Брянск, а в случае успеха — куда двинутся?

— На Москву, — без колебаний отозвался Сокол.

Ещё бы колебаться, горько подумалось Нефёдову. Мутанты — не мутанты, дело десятое. Но если вражескую силу направляет Западная Европа или Америка, эта сила всегда идёт на Москву. Где её ждать — в целом понятно. Но ждёт ли Москва чернобыльского набега? Ой, вряд ли.

Вся надежда — остановить людоедов ещё под Брянском. А лучше бы — не пустить их в Чернигов. Легче, конечно, сказать, чем сделать.

— Значит, на нас так и не напали, — оторвался Сокол от долгого лицезрения карты, — просто потому, что время не пришло. У мутантов на очереди Чернигов, они по нему и готовятся синхронно ударить. И мы, если будем тихо выжидать на своём брянском направлении...

— Столкнёмся с прорывом армии Чернобыльщины! — твёрдо закончил полковник Снегов. — Итак, с обстановкой худо-бедно разобрались. Теперь недурно бы решить, что в этой ситуации способны сделать мы сами.

Напрашивается — "уносить ноги", досадливо подумал Нефёдов. Но придётся, верно, вместе с бойцами Заслона ехать оборонять Чернигов. Или я не знаю своего полковника?

6. Ратко Милорадович, профессор этнолингвистики

Пригнали. Лишили обуви и верхней одежды. Втолкнули в заполненный измождёнными людьми барак. Барак по архитектуре — точная копия березанской больницы и еланской школы. Только в Глухомани он стоит не один. Здесь выстроено не менее дюжины таких

бараков. И не мудро.

Глухомань — это концлагерь. А концлагери все на одно лицо. Да, среди них выделяют разновидности. Среди гитлеровских лагерей различали преимущественно "трудовые" версии и откровенные "лагеря смерти". Разница в основном та, что в первом случае тебе предлагалось до смерти трудиться, а во втором — умереть без особенного труда.

"Лагеря смерти" были невелики размерами, поскольку заключённые там надолго не задерживались. Партия пришла — партия ушла. Трудовые лагеря требовали больше места и предполагали более сложную структуру, ведь труд предполагал некоторую организацию жизни заключённых. Не только лишь смерти.

Но каждый лагерь — это производственное предприятие. Даже если производятся на нём только трупы с последующей утилизацией. Каждый лагерь имеет в основе своей конвейер, только люди могут располагаться по разные стороны от конвейерной ленты. Где-то — сбоку, где-то — сверху.

Даже когда никакого конвейера не видно, не сомневайся: он есть всё равно. Пусть не в техническом воплощении, но — в самой логике процесса. Без конвейера концлагерь просто не имеет смысла. Потому победить концлагерь изнутри можно только единственным способом. Перерезать конвейерную ленту, что бы это действие ни означало.

Везде, где видишь нечто похожее на конвейерную ленту, немедленно перережь. Но главное — перерезать ленту в себе самом. И это самое сложное, ведь внутри себя никакой такой ленты заведомо не видно.

Однако, подумалось Ратко, хорошо же быть мудрым профессором, вооружённым непобедимой теорией. Теперь бы только наметить пути практического воплощения теории в жизнь. И — в смерть, разумеется. В любом концлагере практика смерти — конечно же, основная.

Где в Глухомани конвейер — далеко не каждый отыщет. Хотя лагерь она и "трудового" типа, но собирались тут далеко не автомобили да гусеничные танки. Труд заключённых имел сельскохозяйственный уклон, смерть — гастрономический (не надо забывать, что мутанты — людоеды, а значит, для них вопрос утилизации мёртвых тел решён раз и навсегда экологически чистым способом).

Барак, куда пригнали Милорадовича, оказался наполовину заселён крестьянами, наполовину — людьми случайными, вроде самого профессора. Были тут румыны, венгры, болгары самых разных профессий, непостижимым образом очутившиеся в Дебрянском ареале. Но всех использовали на уборке корнеплодов — моркови, свеклы, репы. Вроде, и поздно снимать урожай в октябре месяце, но — с мутантами не поспоришь. Надо, значит, надо. Может, здесь высаживают особо поздние культуры, чтобы занять заключённых в холодное время года. Но могут занять и ранее не убранной гнилью.

Поход Ратко к лагерному огороду состоялся на второй день поутру. Люди шли довольно долго. Сильно мешали кандалы на ногах — английского производства, новейшие и модифицированные, а всё же неудобные, как ни крути. Конечно, разработчики думали не об удобстве, а о надёжности. Ведь покупает кандалы не тот, кто собирается их носить, а значит, удобство — без надобности. Уборка свекольного поля в кандалах — та ещё задачка.

Огородом, как узнал Ратко, в Глухомани занималось несколько бараков. В других бараках, числом поболее, жили животноводы. Те ухаживали за крупным и мелким рогатым скотом. В некоторых бараках жили мутанты, неведомо чем провинившиеся перед властями ареала. Мутантам доверяли уход за свиньями, а некоторым — и разведение людей

(разумеется, в пищу, а не для решения других задач).

Один из барачников Глухомани находился на особом положении. Его обнесли двухметровым забором и пристроили к нему специальную пулемётную вышку. Тех, кто там обитал, мутанты и не пытались загружать работой. Надо же! Возможно, в их отношении сама собой реализовалась идея Милорадовича об обрезанной конвейерной ленте.

Кого же туда поместили? Только на третий день один из соседей по бараку рассказал, что на особом положении в Глухомани находятся "мьютхантеры". Иначе говоря, парни из Заслона, те, которых мутантам удалось изловить. И таки много кого удалось, грустно задумался Ратко — раз для них специальный брак отведен.

О собственных знакомых, товарищах по экспедиции, Милорадович старался не думать. Малыша Тхе, оставшегося в рюкзаке — попытался забыть. Всё равно ведь не спасёшь! Оставалось надеяться, что мутантёнок сам о себе позаботится. Вылезет, убежит — если повезёт, ясное дело.

Вообще Ратко с первого же дня в концлагере заметил за собою, что смотреть по сторонам он избегает, избыточно щурится, точно не желает чего-то или кого-то видеть. Может, поэтому только на исходе третьего дня он и заметил Горислава Чечича. Македонец какое-то время уже находился в том же бараке, что и Ратко. И тоже старался не видеть коллегу, не попадаться ему на глаза. Странная, однако, застенчивость.

Милорадович заставил себя подойти к Гориславу, спросить:

— Давно вы здесь, коллега?

— Второй день.

— Не ожидал вас встретить при таких обстоятельствах.

— Я тоже не ожидал! — голос Чечича выдал отчаяние. — Я ничего не сделал, чтобы здесь очутиться. Я был вполне лоялен пану Кшиштофу, я честно изучал всё, что им предлагалось. И вот итог: я здесь. И вынужден переквалифицироваться в огородники. На пару с вами.

Пропустив мимо ушей осуждение (кажется, Чечич верил, что Ратко своё место в концлагере честно заслужил), профессор уточнил:

— Значит, из экспедиции мы здесь — только вдвоём? Вы уверены?

— Да, вдвоём! — осуждение в тоне македонца усилилось. — Что поделаешь, если Костич и Панайотов куда-то пропали? Никому ничего не сказали, а потихоньку спасли свои шкуры. Хотя заслужили здесь оказаться — и куда более некоторых!

7. Братислав Хомак, антрополог

Вот это поворот! Думал ли когда простой чешский антрополог Братислав Хомак, что ему суждено править мутантской столицей? Пусть, и не в самой Великой Чернобыльщине, а в маленьком ареале под захолустным замком Брянск. Но всё равно: главное — приятная неожиданность.

Казалось бы, что хорошего может проистекать в твоей жизни от глупой и похотливой толстозадой мутантки? А вот — пожалуйста! Столичная Елань отныне твоя, правь — не хочу. И пан Кшиштоф тонко так улыбается: понимает, что конъюнктура складывается благоприятно. Да и раньше понимал: то-то внутренне веселился, приглашая перепуганного Хомака на председательский балкон.

— Не всё так просто, пан Братислав! — напомнил профессор Щепаньски. Предстоит

ещё пройти инициацию.

А? Что? Инициацию? Это-то что такое?

— Посвятительный обряд, — пояснил пан Кшиштоф, усмотрев на лице Хомака всю меру его недоумения, — в данном случае — обряд посвящения в правители Елани.

Ну да, Братислав уже и сам вспомнил, что означает этот термин. И вспомнил, как пан профессор его истолковывал — сегодня днём, на балконе.

— Это будет... что-то серьёзное? — догадался Хомак и невольно содрогнулся. А так уж ли нужно ему в правители Елани?

— Без сомнения, — подтвердил пан Щепаньски, — посвятельные испытания — не из лёгких.

Ну вот, приехали... А всё так здорово начиналось.

— А человек... такое может пройти? — осторожно спросил антрополог.

Начальник экспедиции красноречиво пожал плечами. Даже соврать ради спокойствия не считает нужным!

Но зачем же, зачем эти все дурацкие посвятельные обряды? Да, пан Кшиштоф ответит известно что: испытание делает человека сильнее, и всё подобное. Но всё это — этнографические штучки, ничем не проверенные верования. Метафизика, одним словом.

Чешские антропологи в такое не верят. Они доверяют объективным измерениям — в пику субъективистским измышлениям господ-этнографов, поражённых бациллами феноменологии, экзистенциализма и прочей метафизики, тянущей нас — одним словом, к регрессу.

Вот борьба за существование — это то, что реально сделало сильнее мутантскую популяцию. В результате мутации рождались самые разные люди: некоторые намного слабее, некоторые сильнее нормальных. Слабых отсеял естественный отбор в ходе жёсткой внутривидовой борьбы — да, с каннибализмом и прочими прелестями. Но не вступи мутанты в эту борьбу — не выжили бы из них сильнейшие, не стали бы они высшей расой по отношению к человеку. Вот в чём надо искать истоки силы мутантов и их правителей, а вовсе не в архаичных посвятельных обрядах.

— А нельзя ли эту инициацию... как-нибудь обойти?

— К сожалению, нет. Даже если бы мутанты согласились — есть ещё Залман Супскис. Уж он-то проследит, чтобы всё прошло честно.

Да, этот проследит. В профессоре Щепаньски он видит соперника — и не успокоится, пока не уложит на обе лопатки. Подленький типчик.

— Кстати, а то, что нескольких человек из нашей экспедиции арестовали парни в балаклавах — не Супскиса ли проделки?

— Не совсем, — возразил пан Кшиштоф, — я тоже был в курсе. И именно я определил их персональный состав. По тому основанию, можно ли их молчанию доверять, — профессор нахмурился. — Впрочем, наши люди находятся в безопасном месте. За последнее я ручаюсь. Как начальник экспедиции.

Ну вот, подумал Хомак, половина экспедиции в безопасном месте, один сошёл с ума, одному предстоит опасное для жизни посвятельное испытание. А пан Кшиштоф продолжает, как ни в чём не бывало, начальствовать над экспедицией — и даже за что-то ручаться.

Мечтатель, однако.

8. Кшиштоф Щепаньски, бывший начальник экспедиции

О том, что инициация правителя Столичной Елани представляет собой поединок, да ещё с тремя соперниками в течение трёх ночей, пан Щепаньски благоразумно умолчал. Братислав — парень крепкий, может и выдержит. Но коли узнает заранее — откажется, как пить дать. А кому надо, чтобы наш претендент на власть над Еланью отказался от борьбы? Супскису, понятное дело. И Прыщу его дегенеративному.

Пусть Хомак только ввяжется в посвятительный ритуал — тогда ему точно не соскочить. А до того, как началось посвящение — может ещё передумать, встать и уйти. По мутантской традиции, имеет такое право. Хорошо, сам Хомак не знает, какие права он среди мутантов имеет, а какие нет. Иначе — того и гляди, обрадует мерзавца Супскиса.

Пока же пан Кшиштоф поведал наивному преемнику Дыры единственное: посвящение состоится на торжественной арене, которая находится в Мамонтовой яме в дальнем углу огороженного частоколом центра Столичной Елани.

— В яме? — с подозрением переспросил Хомак.

— В особой яме! — поправил его хитроумный пан.

В общем-то, всё верно сказал. Конечно же, яма особая. По сути — главная в Столичной Елани. Главнее нет, а наравне с нею ценятся лишь два здания: Председательский дом и Еланская мутантская школа. Конечно, они — здания, а она — всего лишь яма, но тут уж дело вкуса и живого чувства истории. Важнейшие события в жизни селения традиционно определяются в яме. Не в здании.

— А как же мы попадём в эту яму?

— Ты попадёшь, — уточнил пан Щепаньски, — там ступеньки. Сумеешь спуститься по ступенькам вниз?

— Думаю, да...

Вот когда Братислав достигнет дна ямы, пан Кшиштоф с облегчением вздохнёт. До тех пор убийцу Дыры никто не сочтёт официальным претендентом на её председательский пост.

Вечер подкрался незаметно.

— Пора, — решил пан профессор, поглядев на часы.

Начальник экспедиции и один из верных экспедиционеров покинули Председательский дом и заспешили к яме. У её краёв толпились любопытные мутанты, пришедшие поглазеть на посвятительный обряд со всей немаленькой столицы Дебрянского ареала.

Карел Мантл и Йозеф Грдличка тоже были здесь, держались несколько в стороне, но по сигналу профессора сразу подошли, встали за спиной Хомака. Как им себя вести, было договорено заранее. Кстати, по их напряжённым позам легко читалось: о договоре они помнят.

Пан Кшиштоф внезапно подумал, что если с Братиславом что-то случится, у него в запасе останется ещё два участника экспедиции. Последние два. Негусто.

Впрочем, завершать экспедицию, как договаривались с полковником Снеговым, пану начальнику не придётся. Слишком многое должно измениться. Даже если полковник и его люди выживут, вряд ли ему удастся подвести к Берёзовому тупику три своих пахучих дизтопливом БТРа. Да и не до того Снегову станет, чтобы выполнять какие-то там договорённости. Задним же числом удастся полковника и обвинить в их срыве. Приехал за учёными? Не приехал. Так о чём дальше говорить?

Под одобрительные возгласы мутантской толпы Братислав подошёл к деревянной

лестнице. Здесь он замешкался, даже почти дал задний ход — но Мантл и Грдличка заступили ему путь обратно. Хомак дёрнулся в сторону, чтобы их обойти, но Йозеф его приобнял и сострадательно молвил:

— Пора уже, коллега. Посвящение ждёт.

— А, уже ждёт? Ну, раз пора — стало быть, пора! — тут же согласился Братислав и начал спуск на дно ямы. Правда, некоторые шаги у него получались в обратном направлении, но большинство шагов устремлялось вниз, к широкому кругу гладиаторской арены.

Мог бы, кстати, зайти с противоположной стороны, там вытоптаный тяжёлыми ногами склон был почти совсем пологим. Мамонт, который когда-то здесь жил, слишком часто повадился выбираться из ямы, вот и превратил в удобный пандус один из прежде обрывистых её краёв.

Наверное, Братислав о том и думал, а не зайти ли с противоположной стороны. Иначе как объяснить столько неверных шагов?

Широкая арена внизу идеально подходила для гладиаторских боёв. И одиночных, и даже стенка на стенку. Бывали здесь бои даже непосредственно с мамонтом, но имён павших героев история не сохранила, мамонт же по сей день жив-живёхонек и прекрасно себя чувствует. Хорошо, что Братиславу предложена другая программа, куда полегче, чем против мамонта.

Окидывая взглядом арену с обрывистого края ямы, пан Щепаньски заметил клеёнку, лежащую сбоку от лестницы. На клеёнке лежало всякое разное оружие, прикрытое другой клеёнкой на случай дождя. Профессор знал, что эту клеёнку незадолго до спуска Братислава постелил Глиста, бывший телохранитель пани Дыры.

Даже сверху впечатлял богатый выбор. Под клеёнкой угадывался тот самый впечатляющий арсенал, которым некогда любила прихвастнуть пани Дыра. Колющее, режущее, дробящее оружие прежде лежало вповалку в одной из кладовых Председательского дома. Копья, алебарды, топоры, молоты. Конечно, наш современник этими штуками, как правило, не особенно владеет. Но они — вполне смертоносны. Далёким предкам людей и мутантов — так вполне заменяли огнестрел.

У мутантов это богатство появилось, понятное дело, от людей — пани Дыра рассказывала. Какой-то сумасшедший английский оружейник ездил по Великой Чернобыльщине, предлагал мутантам новейшее оружие в стиле "этно". Зная, как не любят чернобыльские воины тратиться на патроны, предлагал заплатить однажды, а дальше — владеть чудесными орудиями убийства, не стареющими с годами.

К своей беде, англичанин не понял, что мутанты вовсе не сторонники идеи заплатить даже однажды. В общем, его арсенал на нём же и опробовали. Действительно оказалось великолепное убойное оружие, особенно в мутантских руках. И незаменимое в поединках, почему Дыра и привезла его в Столичную Елань — накануне несчастья с пани Метёлкой и знаменитого на весь ареал инициационного боя на топорах с пани Тряпкой.

Хомак спустился на дно ямы, и тут же с дальнего краю загремел голос Залмана Супскиса. Тот спрашивал, признаёт ли Братислав себя виновным в смерти Дыры. Грозно так спрашивал!

— Да, признаю! — дерзко прокричал Хомак. — Это из-за меня она сдохла!

— Чем докажешь? — вкрадчиво пропел уже Прыщ.

— Моя куртка! — выкрикнул Братислав. — именная куртка, лично вышитая пани

Дырой. Она куталась в мою куртку, когда умирала.

— Именная? — поднял бровь Прыщ. — Там было вышито: "Хома Брут". Разве так тебя зовут, о убийца нашей надежды?

— Хома Брут — это я! — вскричал Братислав Хомак. — Это сокращение моего имени! Моего, а не, к примеру, вашего!

— Кто готов оспорить слова претендента? — поинтересовался Супскис.

— Я! — раздался громкий голос.

Пан Кшиштоф присмотрелся к мутанту, который решил бросить вызов Хомаку — и узнал Вертизада. Того самого бессовестного гей-мутанта, который ночной порой посетил в Березани Вацлава Клавичека. Помнится, его голову Дыра выменяла Пердуну на голову Сопли.

Пердун Соплю теперь наверняка обезглавил, а вот Дыра насильника Вертизада не успела казнить. Слишком рано сама умерла. Много не свершила.

— Это ты, Вертизад? — задал ритуальный вопрос Прыщ.

— Да, это я, — ответил тот, — и это именно я убил Дыру, а вовсе не самозванец Хома Брут. Я убил её первым, — Вертизад ослабил, — чтобы она не убила меня. Наша Дыра, признаться, была такая дыра...

— Зачем она хотела тебя убить? — строго спросил пан Щепаньски.

— Затем, что я осеменил одного из твоих людей! — расхохотался ему в лицо гей-мутант. — А парень не выдержал и всем похвастался!..

— Хорошо! — провозгласил Супскис. — Вас рассудит поединок.

При этих словах лицо Братислава глубоко внизу заметно побледнело и вытянулось. Настолько заметно, что среди мутантов-зрителей раздалась озорная смешка.

Развязной гейской походкой Вертизад стал спускаться по лестнице на дно ямы-арены. На середине пути он сделал непристойный жест и, паясничая, прокричал Братиславу Хомаку:

— Иди сюда! Я тебя осемению!

Грянул дружный хохот мутантов, которые только что посмеивались над цветом лица щепаньского претендента. Идея осеменения носила явно издевательский характер — и не могла их не воодушевить. Ничто так не сплачивает мутантские ряды, как воля над кем-то поизмываться.

В ожидании соперника Хомак тупо стоял на дне ямы, но тут вдруг задёргался. По всему, осознал, что всё серьёзно, что спускаются к нему не для словесной перепалки.

— Оружие! — закричал пан Щепаньски. — Понадобится оружие!

Хомак поднял на него непонятливое лицо. Совсем растерялся на гладиаторской арене, кабинетный певец борьбы за существование.

Пан Кшиштоф ещё раз крикнул: выбирай, мол, оружие, пока не поздно. Братислав заметался, в панике чуть не поскользнулся на клеёнке, вновь остановился, переводя дух.

— Здесь ничего нет! — он развёл руками, стоя прямо над широкой клеёнкой, под которой даже с высоты угадывались древки копий, лезвия длинных ножей, топорщица секир.

— Холодное оружие! — закричал пан Кшиштоф. — Под клеёнкой!

— А, холодное! Под клеёнкой... — дошло до Братислава, — так бы сразу... — он не стал договаривать, а откинул клеёнку.

Удивиться пришлось не столько Хомаку, сколько пану Щепаньски. Ничего из богатейшего боевого арсенала пани Дыры в гладиаторскую яму не попало. Глиста, что ли,

всё разворовал? Так скоро!

Под клеёнкой лежал в основном сельскохозяйственный инвентарь. Вилы, грабли, лопата, топоры... Нет, один из топоров был ничего себе — Братислав Хомак его-то и подхватил. Но предназначался такой топор явно не для боя, а так — лес рубить.

Вертизад, как спустился в яму, тоже бросился к клеёнке с инвентарём. Подхватил вилы, какие подлиннее, да поострее. Понадеялся достать соперника одним ударом, прежде чем тот размахнётся. Если человека пропороть вилами, дальше он дерётся не так хорошо — доказанный факт.

И начался поединок. Вертизад с вилами наперевес гонял Хомака по арене, при этом не забывая время от времени повертеть задом специально ради развлечения публики. А публике много и не надо, чтобы со всей искренностью покатиться со смеху.

Братислав отступал, всё не решаясь пустить в дело тяжёлый топор. Мутанты-зрители кричали ему что-то оскорбительное, но Хомак их вряд ли слышал. В общем-то, поступал вполне целесообразно. Что зрители, когда победить надо Вертизада, и только его.

А потом Вертизаду надоело корчить паяца. Он бросился на Хомака, силясь поднять его на вилы, отвлекая соперника истошным воплем:

— Осемению!..

Братислав неожиданно поднырнул под вилы — те его только по щеке чиркнули — да как хряпнет топором в лицо. А у Вертизада лицо — довольно смазливое, как для мутанта. Было.

Пытаясь защитить красоту, Вертизад выронил вилы и ну ладонями закрываться. Но Братислав Хомак уже вошёл в раж: он рубил мутанту лицо пополам с ладонями, отсекал пальцы, скулы, нос. И приговаривал:

— Получай! Получай! Это тебе за осеменение! А вот это — за Клавичека! Запомниш Клавичека, гамнюк! Ещё получи!

Остановился Братислав только тогда, когда соперник с полчаса пролежал на песке гладиаторской арены. Лицо Вертизада к тому времени походило на изящно выдолбленную деревянную ложку.

— Кажется, он победил, — с неудовольствием констатировал Супскис, — на сегодня всё. Поединок закончен.

Только и после официальной отмашки Братислав не успокоился. Он всё далее крушил вертизадовы останки под бурные рукоплескания и радостный рёв зрителей. Мутанты такие зрелища особенно ценят.

Пан Щепаньски думал было лично спуститься на арену, остановить парня — но отчего-то страшно стало спускаться. Что, как попадёт по лицу топором от неадекватного поединщика?

9. Алексей Иванович Сергеев, капитан войск МЧС

Отряд капитана Сергеева окопался в берёзовом лесу, немного в стороне от найденных троп в Березань, но и не так, чтобы очень далеко. Кое-что с Березанью их ещё связывало. Сначала — капитан Багров, пока он ещё находился на излечении "Хирургов через заборы". Потом, после счастливого бегства Багрова — посланные в Столичную Елань рядовые Хрусталёв и Рябинович. Ведь парни под конец работы экспедиции обязательно вернуться в Березань: так договорились.

Слишком рано ребят не ждали, вот и просчитались чуток. Ну кто же мог подумать, что со Славомиром Костичем случится беда, которая и их приведёт втроём с ним в такую гиблую засаду? Никто бы не мог. Ибо соваться в Березань после чудесного побега раненого капитана — это уже испытывать судьбу на прочность. Знали бы Хрусталёв и Рябинович... Но не знали. Догадаться бы вовремя Сергееву... Но вышло не вовремя.

Догадаться пришлось позавчера, когда со стороны Березани донеслись звуки автоматной стрельбы. Долгий, довольно интенсивный бой чуть приостановился, чтобы завершиться впечатляющим взрывом. Бабах — и в селении тишина.

— Это наши мины! — предугадал Мамедов, светясь от великой гордости. — Там, в подвале! Ух, как рвануло!

Мины в подвале расставлял в основном он. Сделал это несколько небрежно, что — в результате — спасло жизнь знакомому с его почерком капитану Багрову. Капитан сумел набрать в подвале оружия и притом не подорваться. А кто-то другой не сумел. Неужели наши? — гадал Сергеев. К сожалению, было похоже. Если у Рябиновича и Хрусталёва кончились патроны, — а как им не кончиться в том автоматном крошилове?..

Подробнее о случае с Хрусталёвым, Рябиновичем и Костичем капитану Сергееву поведал "язык" — мутант в красной балаклаве, пойманный вчера в лесу близ тропы от Березани. Мутанты, конечно, бывают разными, попадают и неразговорчивые, но этот — исключительно "шуганный", примерно того же подтипа, что и Сопля, но глупее. На такого чуть надави — выложит всё: правду, ложь, глупые домыслы. Главное, не станет молчать.

Хрыч — так звали мутанта — показал, что послан в разведку. Главная задача — разыскать беглого капитана Багрова. Причём с добрыми намерениями. Конечно, упомянутого капитана желает съесть Пердун, да только не съест, потому что у Прыща теперь больше власти, а намерения Прыща — именно что добрые.

В чём доброта намерений Прыща? В том, что людей он есть запрещает, а велит собирать да вести в Глухомань. Что там, в Глухомани? Очень-очень надёжное место. Специально для людей, которых Пердуну не дали съесть.

Каких людей не дали съесть Пердуну? Ну, во-первых, Горана Бегича. Этот человек много нахулиганил, насмерть убил одного из немцев (Каспара Вирхофа) и больно ранил самого Пердуна, но Пердуну всё равно не позволено съесть Горана, а пришлось просто доесть его брата, но и того растянуть на несколько дней.

Каких ещё людей не дали съесть? Ну, во-вторых, доктора Дитриха Гроссмюллера. Доктор много ругался, раздражал Пердуна, но Прыщ и его хочет видеть в надёжном месте — Глухомани. И санитаря Фабиана Шлика тоже: это будет уже в-третьих, ведь Хрыч умный, он умеет считать до трёх, он и всех оставшихся немцев сосчитал тоже.

И это все, кого не съедят? Нет, конечно. В Березани у многих мутантов есть люди-рабы. Этих людей тоже не съедят, а отправят их в надёжное место — Глухомань, потому что Глухомань в людях-рабах очень нуждается.

И на этом всё? Нет, ещё не съедят двух солдат, которые привели с собой учёного, и которые прятались в больнице и многих мутантов убили, но у них кончились патроны. Этих солдат тоже отправят в Березань, потому что там очень надёжное место.

И учёного, которого солдаты принесли — его тоже не съедят, потому что в учёного вселился дух берёзового леса, и есть его больше нельзя, а в Глухомань его тоже не отправишь, и вообще неясно, что же с ним делать.

Когда же всех отправят в Глухомань? Скоро, очень скоро. Вот разберут завалы после

взрыва в больнице — и сразу поскорее в надёжное место.

Вот и всё, что разболтал "язык". По правде говоря, за время допроса капитан Сергеев чуть не озверел — так раздражала вязкость мутантского мышления, но выпросил обо всём мало-мальски важном.

Вроде, и негусто, но Сергееву хватило пищи для ума. Тем более, что многие факты косвенно подтверждались. О стрельбе Горана Бегича рассказывал капитан Багров, о судьбе солдат, вернувшихся из Столичной Елани — возникали уже некоторые догадки. Заодно и о взрыве в больнице.

И если верны мелкие детали, понимал Сергеев, значит, и тема Глухомани возникает в рассуждениях мутанта не случайно.

— Попробуем наших отбить, — изложил итог своих мыслей капитану Багрову. — На берегу над болотной тропой — хорошее место для засады. Как только пойдут в свою Глухомань...

— Отобьём, — согласился Багров.

— А после того — идём разведывать Глухомань, — продолжил Сергеев, — именно туда ведут главные нити.

— Дойдём, — Багров избегал смотреть на свою раненую ногу.

— Дать бы только знать полковнику Снегову... — Сергеев огорчённо закричал. — Эх, людей не хватает. Направил бы Егорова или Гаевского с посланием в лагерь Сокола, да с кем тогда засады устраивать?

— Отобьём двоих — сможем двоих послать, — заключил Багров. Юрий Михайлович — в своём новом репертуаре. После курса лечения в мутантской больнице от его суждений так и веет стоицизмом.

10. Братислав Хомак, антрополог

Бой с Вертизадом удался на славу. Братислав никак не ожидал от себя подобной прыти. Спортивное телосложение, это, конечно, плюс в любом решительном деле, но убивать мутантов (да и не мутантов) Хомаку раньше ни разу не случалось. Он просто и подумать не мог, что он это умеет.

Победил мутанта в борьбе за существование. Да, это случилось! Сам Карел Мантл признал успех Братислава именно в этих терминах. А для Мантла такие термины — сама жизнь, он-то ими бросаться не станет.

Отомстил за Вацлава Клавичека. Да, уж так отомстил, что всякий задумается. Правда Грдличка нашёл, к чему придраться. Долго, дескать, месил кровавое тело. Подозрительно долго.

Но то — для Грдлички подозрительно. Всякий же, кто хоть немного понимает в поединках с мутантами, непременно подтвердит: долго — это наверняка. Это с гарантией, что мутант больше не встанет.

Победная эйфория длилась весь день. С утра Хомак обошёл все помещения Председательского дома, искал место, куда перенести покои. Не в покоях же старухи Дыры обитать истинному герою — там у неё обои в розовый цветочек. Вот если обитать прямо в парадной зале, напротив балкона, откуда его впервые лицезрел мутантский народ — другое ведь дело!

К вечеру, правда, чрезмерное веселье мало-помалу развеялось. Ещё бы: инициация-то не

завершена. Справиться с Вертизадом было необходимо, но ведь недостаточно! Теперь, поди, Супскис напустит на смелого Хомака не примитивного драчуна с гейскими замашками, а серьёзного прославленного воина. И если биться придётся на равных — иди пойми, чем дело решится.

Пан Кшиштоф уже не так внимательно опекал Братислава (понимал, что пути назад больше нет), но Мантл и Грдличка по-прежнему всюду его сопровождали, наверно, не по собственной воле.

Гуляя по Председательскому дому, Хомак — ну как дитя — радовался обществу. Однако, под вечер — стал им тяготиться. Даже искреннее восхищение Мантла набило гадкую оскомину. Хватит уже греться в лучах славы! Пойдите да займитесь чем-то полезным. Ха! Пойдут они...

— Как? Что? Уже в яму? На бой? — Хомак несколько натужно улыбнулся. — Да я с удовольствием! — и отправился вслед за Мантлом, при том, что Грдличка напряжённо дышал в затылок. — Да расслабьтесь, друзья мои! Держите равнение на меня, берите пример... — положительно, балагурить у Братислава не получалось, да и голос подрагивал немного не по-геройски. Предательски подрагивал, скажем начистоту.

И снова яма. И опять лестница. И лица мутантов, пришедших на кровавую потеху. Старая история, старые знакомые вещи на клеёнке...

— Стоп! Где мой топор? — взвился Хомак, ощутив панически ускоренное сердцебиение. — Вчера там лежал топор! Я им пользовался!

— Тот топор затупился, — пояснил Грдличка. Ему-то откуда знать?

— Как затупился?

— Ну, о лицевые кости Вертизада.

— Ты нанёс противнику столько ударов, что топор этого надругательства просто не вынес! — присоединился к объяснениям и пан Щепаньски. Не по-доброму объяснил. Надменно, высокомерно.

И мерзавец Супскис тоже сострил нечто прескверное. Этот — понятно: он и рад не добавить оружия герою. Но другие-то?

— Там ещё остались топоры. И вилы, — подметил Йозеф.

Спасибо, только с вилами мне и ходить на мутанта... Братислав подошёл к куче предметов, стал придиричиво в ней копать. Ничего не нравилось. Не моё! Придётся хватать первое, что попадётся.

Между тем Супскис всю разорялся насчёт переломного характера второго дня испытания. Ух, дождётся он перелома, червяк американский!

Кого же он прочит мне в соперники на этот раз? Что, Прыща? Ну надо же! А ведь Прыщ — противник так себе. Не сложнее своего полюбовничка Вертизада, даже попроще. Хлипенок он для мутанта. Прыщеват-с!

Но у Прыща нашёлся козырь в рукаве. Он взял слово и Супскис тут же основательно скис. Ибо Прыщ сказал следующее:

— Согласно традиции нашей Столичной Елани, вторая ночь испытания — действительно переломна. И главный перелом состоит в том, — Прыщ гаденько засмеялся, — что претендент способен выставить за себя другого поединщика. И это будет...

Хомак замер. Он понял, что стоит Прыщу назвать какого-то настоящего богатыря-мутанта — и вся вчерашняя победа пойдёт насмарку.

— И это будет Залман Супскис! — мстительно закончил Прыщ. Ты хотел подставить

меня, я подставил тебя, говорил его взгляд. Квиты?!

Супскис попытался взять отвод, но не на тех попал! Мутанты стали подталкивать разведчика к яме, а он изо всех сил слабо сопротивлялся. Человеку не устоять. Это ж мутанты! Даже будь ты трижды американским шпионом, они тебя сильнее.

Братислав приободрился и почти уже стал вытаскивать из груды инвентаря хорошо заточенные вилы (на человека — в самый раз) — как сердце пронзила догадка: у Супскиса наверняка с собой огнестрел!

Ой, что будет? С вилами против пистолета — шансов нет. Ах, Братислав, Братислав, ты попал не в ту историю!

— Стойте! — закричал теперь и он сам. — У меня тоже будет заместитель. И я называю... — Мантл и Грдличка втянули головы в плечи, подались подальше от обрывистого края арены. — И я называю пана Кшиштофа Щепаньски!

Вот теперь пора и посмеяться. Только Супскису со Щепаньски не до смеха. Ни тот, ни другой и не гадали, что им придётся схлестнуться лично в рукопашном поединке. А придётся! Что заготовлено для Прыща и Хомака, то теперь досталось заготовителям.

Хомак выбирается из ямы по пологому склону. Предусмотрительно — чтобы не столкнуться с разгневанным шефом.

И начальник экспедиции, и директор школы оба пытаются отказаться от возложенной на них миссии, но не тут-то было. Мутанты непреклонны. Европейцы с американцами долго их приучали к такой самоуверенности, многократно заявляли о своём безоговорочном уважении к мутантским традициям и обрядам, вплоть до самых людоедских. Теперь осталось подтвердить делом. Вы боролись за права мутантов? Тогда сходитесь!

Начальники обречённо спускаются в яму. Копаются в инвентаре на клеёнке. Пан Кшиштоф выбирает косу, Залман Супскис — грабли. Любопытный выбор. Заставляет подозревать некую скрытую тактику. Тем сильнее подозревать, что каждый держит свой предмет в левой руке. Известное дело: с левой тягаться в фехтовании как минимум неудобно.

Дальше Супскис и Щепаньски подходят друг к другу как можно ближе — и неожиданно выхватывают короткоствольные револьверы. Гремят выстрелы, стволы кольтов дымятся, лица противников дырявеют на глазах, кровь брызжет во все стороны. Мутанты довольны.

Надо же! До чего похожи, замечает Братислав. И лицами, и уловками, и марками любимого оружия. И легли на песок арены в сходных позах. И к обоим одновременно пришла смерть. Только к одному — с косой, а к другому — с граблями.

11. Адам Константинович Рябинович, рядовой войск МЧС

Рябинович и Хрусталёв попались в плен к мутантам совершенно бездарно: кончились патроны. Уж сколько их ни было с собой, а вечно стрелять из автомата невозможно. Тем более — мутантов надо косить очередями, одиночные выстрелы мало чем помогают.

Обиднее всего, что патроны-то были рядом. Просто Колян Хрусталёв не прочесал как следует подземелье, когда на то ещё оставалось время. Не зашёл за решётку, даже не подёргал. А за решёткой, в каких-то тридцати шагах, за поворотом коридора, находилась дверь. Вот за ней-то патроны и лежали. И много их там, наверное, было — хватило бы отстреливаться на несколько суток, если не недель.

Только если в твоём автомате магазин пуст, если пора сматываться — и то неизвестно

куда, кто же станет открывать ещё и боковые двери по ходу своего движения? Разве педант какой дотошный. Знаем одного.

Самое смешное, что Рябинович нужную дверь даже открыл. Хрусталёв уже пробежал вперёд, а Рябинович открыл, заглянул, увидел ящики с патронами... Но вот засада: ящики-то заминированы. Кругом растяжки, наверняка есть ещё кой-какие приколы, а в спину тебе — мутанты дышат. Некогда осмотреться, аккуратненько достать патроны нужного калибра, перезарядить пустые магазины... Тут бы куча времени потребовалась!

Поэтому Рябинович не стал задерживаться, а припустил со всех ног за Хрусталёвым. Чтобы ещё через короткое время остановиться в тупике. Полном и окончательном.

Широкий пустой колодец с ровными стенками, а ты с Коляном — на самом дне. Сверху на тебя дневное солнце светит, слепит с непривычки. И так бы хотелось отсюда наверх, но высота здесь, наверное, метров восемь. Если когда и одолеешь, то не с первых попыток.

И мутанты приближаются, теперь-то точно мимо них не проберёшься к заминированной комнатке с оружием.

К счастью, сами же мутанты набедокурили. Кто-то из них в приоткрытую Рябиновичем дверь таки сунулся. Может, решил оружия подтибрить, а может и глупость какую вздумал. Например, что надо проверить, не притаились ли русские солдаты между ящиками.

Итог один: что-то там сдетонировало, шарахнуло так, что уши заложило доброй дюжиной слоёв ваты. Ясно, и подземный ход обвалился — что ж не обвалиться-то? Рябиновича с Хрусталёвым тоже бы капитально засыпало, но прямо над ними аккурат оказалось небо. Колодец устоял, даром что некоторые кирпичи из кладки повывлетали. Серьёзное дело!

Потом оказалось — и больничное здание пострадало. С одной стороны здоровенный кусок стены обрушился, с другой — глубокая трещина пошла. Любо-дорого посмотреть!

Но то потом, когда мутанты их с Хрусталёвым достали из колодца. То есть далеко не сразу.

Так или иначе — достали. Рябинович уж думал — начнётся крайняя жуть и кошмар, но самых кровожадных из мутантов, поди, в подземном ходе засыпало. Эти, которые достали, трапезничать не спешили. Отвели обратно к больничному бараку, заперли в том крыле, которое лучше сохранилось.

У тех, кто их вёл, лица были закрыты красными балаклавами. Мода, наверное, такая — мутантская. Пока вели, кто-то за их спинами скулил, что снова хочет отведать человечинки. Стражники в балаклавах строго ответили:

— Сказано — нет! Иди, Пердун, Зорана Бегича доедай!

— Так почти доел, — ныл Пердун. И совсем не выглядел чьим-то там правителем. Попрошайка какой-то, вот что о нём скажешь с первого взгляда. И, кстати, слепой попрошайка.

В больничной палате, куда Рябиновича с Хрусталёвым определили сначала, не закрывалась дверь — видать, после взрыва перекосило. Когда мутанты разобрались, то втолкнули солдат в другую палату для арестованных — уже занятую. Здесь им встретился Горан Бегич, а ещё Фабиан Шлик, доктор Дитрих Гроссмюллер и четверо измождённых до жути мужчин в грязных рваных рубахах, перепачканных землёй — березанские рабы.

Горан Бегич и немцы друг на друга дулись, Шлик — тот и вовсе старался не попадаться словенцу на глаза, но с Коляном Хрусталёвым запросто разговорился и Горан, и Фабиан. Как-никак, Бегичу Колян помогал спасти раненого брата (это которого Пердун теперь

доедает), а с Фабианом они трудились бок о бок в операционной.

Что сказано Хрусталёву, то услышано и Рябиновичем. Разные вещи, подчас уже известные от малыша Тхе. Глухомань — пацанёнок ведь тоже о ней говорил. Концлагерь где-то на юге, вблизи от границ ЧНР. Теперь в эту самую Глухомань со всего Дебрянского ареала стоняют человеческую рабсилу, да и не только простых работяг.

— Урожай собрать некому, — предположил Хрусталёв.

— Нас ведь тоже погонят в Глухомань, — грустно напомнил Коляну Шлик, — всех без исключения. Немцев, словенцев, русских...

Вот это странно! Отправлять на срочную уборку сельхозпродукции давних гостей ареала с высококвалифицированным немецким врачом включительно? Зачем же? Иди пойми.

А через два дня мутанты их вывели и построили во дворе для долгого перехода. На ногах защёлкнули новенькие кандалы с гордой надписью "Made in England". Английские, стало быть. Импортные.

Всего во дворе собралось человек сорок, в основном типичного рабского вида. Рябинович, Хрусталёв, Бегич, Гроссмюллер и Шлик смотрелись посреди них, точно пять белых ворон. И что за комедия? Разве пять человек что-нибудь решат? Смешно даже.

— Нас собирайт для какой-то дело, в котором не нужен квалификация, — озабоченно произнёс Дитрих Гроссмюллер.

— Догадываюсь, что за дело: посидеть в заложниках! — мрачно произнёс Горан Бегич. И, наверное, угадал: не зря один из мутантов на него тут же замахнулся.

Неподалёку строились и мутанты в модных красных балаклавах. Их пришло — ну очень много, раз в десять больше, чем рабов. Четыреста — по самым скромным подсчётам. Но скорее — за пятьсот. Всё население Березани.

Если пятьсот мутантов поведут в Глухомань сорок людей — убежать по пути будет затруднительно, тем более в английских кандалах.

"Мобилизация" — услышал Рябинович новое слово. То есть, это у мутантов мобилизация, или у людей тоже? Хотя, как ни назови, а у людей она — без оружия. Раздай им оружие, разве станут они с Хрусталёвым слушаться самозванных начальников? Совсем недавно — настолько не слушались, что многих мутантов накрошили в винегрет.

Прозвучала команда — судя по голосу, подал её толстяк Закусило. Видно, это он здесь главный по мобилизации. Делает карьеру, обходит Пердуна, уводит от него население Березани. Тоже напялил красную балаклаву, старый модник.

По команде мутантский строй двинулся к воротам берёзового частокола. Строй арестантов потянулся следом. Пристроился в хвост "свободноживущим" мутантам. Прошли частокол, прошли всю Березань, которая словно вымерла. Вышли затем на луг, вступили на болотную тропу.

Ещё сколько-то часов — и здравствуй, Глухомань. Там и прояснится всё, что было и осталось непонятным.

12. Братислав Хомак, антрополог

В прошлую ночь как-то глупо и бездарно погибли главные кураторы мутантского движения от западноевропейской и американской разведок. Сам Братислав, кажется, не успел глазом моргнуть, а их уже нет. Совсем нет: хладные трупы не считаются.

— Хоть какие-то угрызения тебя мучают? — довольно резко спросил у Хомака Карел Мантл.

— Конечно, мучают, — ответил Братислав, и сказал правду.

Всё верно, нехорошо получилось: погубить шефа, на которого завязано столько нитей... С другой стороны, не подставь он на своё место профессора, был бы сам гарантированно мёртв. У Супскаса ведь имелся револьверю. И пан Щепаньски догадывался об этом, и никак не попытался спасти Хомака.

Понятно, что жизнь Братислава — неизмеримо дешевле жизни вельможного пана. Но всё же она у него всего одна, пусть и недорогая.

— Теперь всё посыплется! — мрачно предрёк Мантл. — Мутанты не будут знать, что им делать, координировать их некому. Мобилизация провалится, рабов у Глухомани не соберут.

— А зачем собирать рабов у Глухомани? — поинтересовался Хомак.

— Известно, зачем — погнать их на штурм Чернигова, — не колеблясь, ответил Карел, — использовать в качестве живого щита.

Ах вот оно что! Да, интересная находка. Собрать всех людей, не слишком нужных в мутантском быту — и туда их, в топку!

— Стоп, так ведь и наших коллег туда погонят! — вдруг перепугался Хомак, — Милорадовича, Чечича, потом ещё — Панайотова, если найдут...

— Нет, наших не погонят! — убеждённо заявил Грдличка. — Это совершенно точно. Мутанты не пойдут против правил гуманизма!

— Ну, раз вы так считаете, — с облегчением выдохнул Хомак.

— Не о том беспокоитесь, коллеги! — строго заметил Мантл. — В опасности вся мутантская освободительная революция. Мутанты ведь — как дети, им без западных кураторов никак нельзя. Вся надежда теперь, — он от волнения даже стал заикаться, — н-на тебя, Братислав! Только н-на тебя!

— Сделаю, что смогу, — вздохнул Хомак, — заслужу Елань, возглавлю, поведу, приведу к победе. Всё проконтролирую. Справлюсь.

Ух, и обещаний надавал! Ответственностью так и пригрузило. А всё равно — так и подмывало слинять по добру да по здорову на третьи сутки посвященных испытаний. Кто знает, что его там ждёт, а пан Щепаньски с него теперь всё равно не спросит за дезертирство.

С другой стороны, не в пане Кшиштофе всё дело. Мантл прав, пора возглавить мутантскую революцию. Сбегать накануне победы — смешно, не правда ли? И глупо, и смешно, и нелогично.

К тому же, две ночи позади. У Братислава появился опыт. Да, за эти ночи испытания он здорово натерпелся страху. Но ведь больше не страшно! Это с первого разу — действительно страшно. Ну, со второго — тоже немного страшно. Зато на третий раз — страха ни в одном глазу! Пусть лучше противники страшатся — кто на силача и хитреца Братислава Хомака? Больше никого? Спасибо, стало быть, давайте сюда Столичную Елань!

Теперь, когда пана Кшиштофа не стало, Братислав ощутил силы и стремление вести себя по-деловому. Начальства над ним больше нет, он сам кузнец своему счастью. Так что и об адекватном оружии для поединка надлежит самому позаботиться, не надеяться на всесильного пана. Значит, и с мутантом Глистой, который выносит эти дурацкие грабли да вилы, ему самому придётся потолковать.

Потолковал. Глиста проникся. И мигом отыскал вполне подходящий боевой топор. Боевой! А не то грустное орудие лесорубов, которым Хомаку пришлось пластать Вертизада!

Глиста обещал топор положить на клеёнку, Братислав ему поверил.

До вечера ещё оставалось прилично времени, и Хомак с видом хозяина прогулялся по широкому двору, а затем по всему пространству, огороженному еловым частоколом. Всякий его узнавал, это было приятно.

Радовало и то, что страхи Карела Мантла не оправдались. Мобилизация мутантов шла полным ходом. Всё больше жителей Столичной Елани получали красную балаклаву и бодро маршировали на пустыре между Председательским домом, Еланской школой и ямой.

Красная балаклава прежде считалась знаком принадлежности к личной гвардии Дыры. Но вот Дыры уже нет, её европейского куратора пана Щепаньски — тоже, а балаклавы востребованы, жизнь продолжается. И каждый мутант, кого не спроси, твёрдо знает, зачем нужна мобилизация: для воссоединения с братьями с Великой Чернобыльщины.

Ясно, что воссоединение легко не дастся. Люди постараются помешать. Но и мутанты не отступят, они заранее готовы к атаке на неприступные замки ЧНР — Чернигов, Нежин Новгород-Северский, и какие там ещё остались. Падёт ЧНР — то-то развеселится чернобыльская мутантщина!

Вечер подкрался незаметно. Начался он с предзнаменования, причём не самого хорошего: с Кабаньего острова ветер донёс леденящий душу вой.

— Это воют волки-мутанты? — спросил Братислав у Грдлички.

— Хуже! — ответил тот. — Я видел одного такого волка — жуткое создание. Он из тех неправильных зверей, которые отказались мутировать.

— Оборотни? — догадался Хомак. — Вервольфы?

— Не думаю, — дипломатично возразил Йозеф Грдличка, — по правде говоря, оборотней не существует. Биологическая наука в таких вопросах придерживается вполне определённых критериев.

— Да, я помню, — прервал его Братислав, — очень хорошо, что их не существует. Просто хотелось поговорить о чём-нибудь легковесном.

Но поговорить уже некогда. Пора к яме.

На сей раз Братислав Хомак подошёл к арене бодрым, пружинистым шагом. Пусть видят мутанты: он больше не боится. Он во многих отношениях — такой же, как они.

Поспешил по лестнице вниз, с облегчением углядел на клеёнке боевой топор. Глиста не обманул — значит, победа в кармане. Знать бы только, что за противник сегодня нарисует. Кто рискнёт здоровьем? Уж верно, не Прыщ.

И правда, Прыщ не спешил рисковать. В отсутствие Супскиса и пана Кшиштофа он один вёл церемонию, причём всячески подчёркивал свою нейтральность. Мол, он-то ни на что не претендует, может, кто-то из толпы?

Толпа молчала, и по лицу Братислава расплзлась кривая улыбка. Да, надо быть сумасшедшим, чтобы к нему сунуться. У всякого героя есть счастливая звезда, и звезда Хомака ныне стоит в зените. Никому другому попросту не пройти!

Но сумасшедший нашёлся. Причем самый настоящий. К яме подошёл мрачный, словно туча, Вацлав Клавичек. Не понять, сам ли он освободился из комнаты, где его заперли, либо кто-то помог.

— Братислав, ты самозванец! — провозгласил Вацлав с жутким завыванием. — Трон Столичной Елани по праву принадлежит мне!

— Чем докажете? — болезненно оживился Прыщ.

— Я осеменён самим Мамонтом! — объяснил Клавичек. — Я отмечен истинным хозяином Елани, живущим в этой яме! Поэтому мне и владеть мамонтовым селением и мамонтовым народом!

— Вацлав, я убил Вертизада, который тебя осеменил, — совершил Хомак слабую попытку скорректировать его бредовую логику.

— Вертизад — лишь сосуд греха! — возгласил Вацлав. Но и в грешные мехи великий Мамонт наливает подлинное вино. Не Вертизад меня осеменил, а сам Мамонт, вселившийся в Вертизада.

Да, вздохнул Братислав, такое мы уже слышали. Что же, не отступится Клавичек? Неудобно было бы хватить боевым топором коллегу, товарища по Карловому университету. Избежать бы такой сомнительной чести, только позволят ли мутантские правила?

— Драка до первой крови! — торжественно провозгласил Прыщ. И поправился. — То есть, я хотел сказать, до последней. До последней крови!

— Готовься, самозванец! — не своим голосом захохотал Вацлав, спускаясь на арену по весьма крутой лестнице чересчур смелыми широкими прыжками. — Я выпущу твою неподлинную кровь!

— Чем же моя кровь неподлинна? — возмутился Хомак.

— В ней нет ни следа мутации! — зарычал бывший коллега. — Это-то ты понимаешь, неосеменённый кретин! — последним широченным прыжком Клавичек оттолкнулся от лестницы и приземлился всего в паре метров от Братислава. Ну и прыть развилась у парня!

Хомак поспешно нагнулся за присмотренным топором, оказывается, он до сих пор его не взял. Пока он нагибался, Вацлав бросился на него и вцепился зубами в шею. Чёртово сумасброд!

Братислав едва оторвал бывшего коллегу — причём с изрядным куском собственной кожи. Тот отскочил с душераздирающим хохотом — и принялся демонстративно жевать откушенный от Хомака шмат.

— Защищайся, скотина! — заревел Братислав и взмахнул топором.

Оружие лишь свистнуло в воздухе — Клавичек проворно отпрыгнул и заголосил издевательски:

— Самозванец взял топор! Самозванец взял хороший топор! Но ничего у него не выйдет! Не воспринял он мамонтового семени! Не получил права зваться мутантом! Слышите, мутанты — вас дурят!

Братислав снова хватил топором по воздуху. Клавичек снова развеселился, завопил:

— Не достанешь, не достанешь! — и под третий удар перекувыркнулся через голову. Надо же, какие акробатические таланты пропадают.

Хомак сделал ещё несколько широких рубящих движений, обманом ткнул Клавичека в живот, но снова промахнулся.

— Ты не мутант! — заверещал неуязвимый Вацлав.

— Ты тоже! — с тяжёлой злостью выплюнул Братислав.

— А вот и нет, а вот и нет! Я докажу! Я буду рвать тебя зубами, как настоящий мутант! Тебе нужен топор, чтобы меня достать, а мне не нужен! Мне не нужно Никакого-человеческого-орудия! У-меня-есть-зубы!

— У меня тоже, — злобно процедил Хомак, прижимая к плечу прокушенную шею. Чёрт, кровищи-то натекло! Полный воротник. И вся вышивка Дыры в крови. И буквы

"СНОМА BRUT" — словно кровью писаны.

— Нет, ничтожество, у тебя нет зубов! — пискнул Клавичек. — Ты не мутант по духу.

— Увидишь, — спокойно сказал Братислав и отбросил топор подальше.

Клавичек — сумасшедший, а таки не дурак — бросился вслед улетающему оружию. Но кое-чего не учёл.

Словно коршун, налетел на него разъярённый Хомак, впился зубами в глотку и принялся сжимать челюсти. Так кто тут не мутант? Так кого тут недоосеменили?

Рот заполнился противной липкой кровью, Вацлав со всей дури лупил кулаками по черепу, но без толку. Хомак тоже мутант по духу, он изо рта добычу не выпустит. Его хватка — мёртвая.

В отчаянии Клавичек вновь использовал свои недюжинные акробатические навыки. Последним усилием оттолкнулся ногами от земли, взвился в воздух на добрых полметра... Но даже в полёте Братислав Хомак так и болтался у него на горле, подобно упрямому бульдогу.

А потом они приземлились. Клавичек — уже неживым и без кадыка. Из прокушенной трахеи, пузырясь в крови, вырывался воздух. Хомак оторвался, привстал над поверженным соперником, отклонился в сторону, пытаясь отплеваться, но избавиться от вкуса крови во рту всё не удавалось.

Тьфу, чёртова инициация, тут уж поневоле мутантом сделаешься.

Гладиаторская арена огласилась радостными криками зрителей. Доставленное удовольствие побуждало их бесноваться по краям ямы, чудом удерживаясь от падения вниз. Но никто не упал. Мамонты — народ тренированный.

Пошатываясь, Братислав поднялся на ноги и поклонился публике. Та взорвалась новыми воплями обожания. Хомак с омерзением отвернулся от мёртвого тела и вновь поклонился почитателям. Приятно, чёрт возьми.

Публика что-то скандировала. Победитель — хоть убей, не понимал, что именно. Время шло, а внятные слова не становились. Тогда Прыщ — мутант с известным авторитетом — велел зрителям замолчать, и те подчинились.

— Они кричат, чтобы ты съел соперника, — пояснил Прыщ в наступившей тишине, — лучше бы — заживо, но — хоть так...

В горле у Хомака пересохло.

— Это шутка? — спросил он.

— Нет, — безмятежно пояснил Прыщ, — вы же знаете, в основе мутантской культуры лежит жертвенность. Если на третьем поединке жертву не съесть, инициация не считается. Таковы правила.

— Что, правда не считается? — Братиславу хотелось плакать.

Толпа снова возбудилась, принялась скандировать то самое слово, которое Хомак раньше не мог разобрать. Теперь слышал отчётливо:

— Жри! Жри! Жри! Жри! Жри! Жри! Жри! Жри!

— Не буду! — прошептал он, садясь на арену рядом с трупом — ноги его не держали.

Зрителям его поведение показалось излишне вольным. Многие из них рассердились, обиделись, разъярились, раздосадовались. От обожания до ненависти — один шаг. Великий герой проявил неуважение к священному ритуалу. Не почтил съедением тело жертвы. Да что он теперь за герой, если он трусит отведать вкусной человечины?

Откуда эти мысли и чувства? Неужели сам Хомак может воспринять и понять их?

Может, инициация дала какой-то магический эффект, и перевоплотила его, как оборотня, в новую оболочку, дарующую понимание мутантских желаний? Или — подселила в его собственное тело некое демоническое существо, от которого не скрыты никакие желания и чувства?

— Он упорствует! — возгласил Прыщ. — Призовём же Хозяина!

— Хозяина, Хозяина! — подхватили мутанты.

Некоторые пропали из виду. Спрятали свои любопытные мордочки, освещаемые факелами по краям ямы. Неужто в самом деле побежали искать мамонта? Хомак залился истерическим смехом.

Но чего-то и он в этой жизни не знал.

Издали ещё раздались тяжёлые шаги, и на пологий склон ямы пала густая чёрная тень. Мамонт. Мамонт-мутант. Эту особь Хомак однажды уже видел: волохатое чудище с дополнительной рудиментарной головой на боку. Именно оно прошло мимо БТРа полковника Снегова, в котором Братислав ехал от замка Брянск до Берёзового тупика.

— Хозяин! Хозяин! — возгласили мутанты, падая ниц перед пришельцем. Их переполнял не столько страх, сколько восторг, поэтому они то и дело приподнимались — чтобы в новом приступе счастья пасть ниц.

— Кто вас обидел, мутанты? — раздался раскатистый голос.

Интересно, откуда же он раздался? Где-то прячется чревовещатель?

— Он! Он! Этот человек нас обидел! — запричитали мутанты.

Тяжело переступая колоннами ног, Мамонт-хозяин спустился в яму.

Оцепенение сковало движения Хомака. Несчастный антрополог сидел у тела поверженного коллеги и до колик в животе боялся, но всё равно не решался даже пошевелиться. После прибытия мамонта просторная гладиаторская арена стала поразительно тесной. Впечатляющего размера ноги топали совсем близко. Если такая нога на тебя наступит...

Внезапно Братислав ощутил свободу — будто невидимые путы пали. Он воспользовался моментом, когда мамонт разворачивался, и юркнул в неприметную нишу в стене ямищи.

Мамонта заметно разочаровало, что человек, по чью душу он пришёл, внезапно пропал из виду.

— Вон он! Вон он! — заорали наблюдательные мутанты, показывая на нишу с Хомаком своими кривыми и когтистыми указательными пальцами.

Мамонт оглянулся и заметил Хомака передней головой, а тогда повернулся, чтобы дать посмотреть и второй голове — рудиментарной, прилепившейся сбоку. Или не просто посмотреть?

Эта вторая голова у чудовища именно и разговаривала. Вот и сейчас она произнесла прежним раскатистым басом:

— Поднимите мне хобот — не достану!

Послышалась возня — это к Мамонту со всех сторон подбегали мутанты. Некоторые от переизбытка чувств бросались прямо с обрыва в яму, но такие разбивались. А те, которые побежали по пологому склону, либо по лестнице, добивались с некоторой задержкой.

— Поднимите мне хобот, не могу нацелиться! — с раздражением потребовал Мамонт. Те мутанты, которые добежали, ловко стали друг другу на плечи и быстренько составили пирамиду, чтобы добраться до безжизненно повисшего хобота рудиментарной боковой головы. Раструб хобота направили на героя. Из раструба несло какой-то бензиновой

гадостью. Напалм, что ли?

Всё! Пропал, понял Хомак.

Захотелось всех надурить — и умереть раньше, чем начнётся самое страшное. И, кажется, у него получилось. Бездыханным грянулся он об стену, и от страха почти не заметил, как вылетевший из хобота столб огня обращает его тело в пепел.

1. Веселин Панайотов, этнограф

Перед Веселином показался не один волк, а четыре. Один чёрного окраса, два буропегих и один серый. Вышли спокойненько из лиственной чащи Кабаньего острова, сели на пути у этнографа, внимательно на него посмотрели. Специально Панайотова не пугали — клыков зря не скалили, но волки — они ведь вообще страшны. Самим фактом своего присутствия.

Что ж, волки находятся в состоянии видимого благодушия, самое время с ними пообщаться. Хорошо, что есть готовая форма-оберег, которую Веселин готов предъявить. Проблематика "того света" четвероногих, может быть, и не сильно волнует, но таков уж ритуальный диалог, с научной точностью подслушанный у Рябиновича.

— На том свете были? — спросил у волков Панайотов. Те, как будто, заинтересовались поставленным вопросом. По крайней мере, молча переглянулись.

Понимая, что собеседники, скорее всего, не ответят, Веселин сам ответил за них.

— Были, — сказал он.

Волки снова переглянулись — кажется, одобрительно. Интересно, насколько они поняли сказанное. Если бы поняли — должно быть, согласились бы. Волки, живущие в Дебрянском ареале — всё равно, что с того света.

— Мёртвых видели? — продолжил этнограф опрос волков.

— Видели, — признался он как бы от имени волчьей стаи.

Да уж, волки мертвецов наверняка видели. Не в том они мире живут, чтобы не водить знакомства со смертью. И с собственной, и с чужой. Хищные звери, не в пример травоядным, должны наиболее глубоко чувствовать присутствие разрушительной стороны в мире и себе. В особенности — хищники, живущие вдали от людей в дикой природе. Пуще того — во враждебном всякой естественной жизни мутантском ареале. Там смерть — в каждой берёзовой иголке. Доказал Славомир Костич.

— Мёртвые кусаются?

— Нет.

На сей раз волки переглядывались долго, и Веселин ожидал, когда они снова обратят внимание на него. Ничего, дождётся, спешить-то ему особенно некуда. Вопрос о том, кусаются ли мертвецы, мог лежать за пределами волчьего опыта. Тогда, чтобы принять версию Панайотова, четвёрка должна сперва ему поверить. Ну так за чем дело стало? Пусть поверит.

Правда истину об укусах мёртвых Веселин сообщал не от собственного имени, волки его даже не уполномочивали отвечать, но истина — она говорит сама за себя...

Волки поглядели на Веселина насмешливо. Усомнились.

— То есть, вы хотите сказать, что мертвецы кусаются? — переспросил Панайотов.

Против такой постановки вопроса волки не возражали.

Пожалуй, Веселину пора скорректировать свои взгляды на способности мертвецов. Если у волков на эту тему нашёлся собственный опыт, его не стоит сбрасывать со счетов.

— Но вы всё равно не кусайтесь, — миролюбиво закончил Панайотов.

Один из волков предупредительно зарычал. Тот, чёрный. Сразу дал понять: то, что горюдит Веселин, ему не по нраву.

— То есть, как хотите, — поправился Панайотов, — кусаться, не кусаться — вам решать. Полная свобода выбора.

Такое решение волку понравилось гораздо больше.

— Собственно, — развил идею Веселин, — не бывает поведения на все случаи жизни. Иной раз кусаться вовсе не стоит, как в традиционном заговоре у Рябиновича. Но приходят и такие времена, когда — надо кусаться. Кстати, по-моему, такое время как раз подошло.

2. Алексей Иванович Сергеев, капитан войск МЧС

Вот так сидишь в засаде, ожидаешь, что мимо тебя проведут твоих товарищей, и будет их контролировать какое-нибудь вменяемое количество мутантов. Ну, пусть двадцать, ну тридцать, ну чуть больше...

А из болота, как из рога изобилия, лезет и лезет, и вот уже прошло несколько сот мутантов — наверное, всё население Березани. Всеобщая мутантская мобилизация, будь она неладна. Это же как можно было ненароком влипнуть!

Хорошо, Сергеев заранее прикинул — что-то не то, да и приказал своим людям получше затаиться, не высовываться. А то ведь рядовой Мамедов уже собирался снимать передних из снайперской винтовки, заранее прицеливался, мог и без команды кого-то грохнуть, либо просто ненароком спусковой крючок задеть... Легко догадаться, что бы за таким выстрелом последовало. Всемером попробовать остановить батальон — это круче, чем в одиночку на пустынной улице сделать умное замечание городской шпане. У всякой великолепной семёрки есть свой запас прочности.

Пропустили. Всех. Даже спины затекли от неподвижного лежания в наскоро вырытых окопчиках.

Где-то под конец нескончаемой колонны мутантов тащились и рабы с арестантами, а в их составе — Рябинович и Хрусталёв. На ногах тяжёлые кандалы, совсем новенькие. Сзади — ещё прилично мутантов оставлено, специально, чтобы пресекать побег. Не подберёшься потихонечку.

— Так что, мой капитан — просто пропустим врага? — вполголоса поинтересовался Гаевский. Этот боец — далеко не Мамедов, ввязываться в лишнюю потасовку без команды не станет. Потому — не просто так интересуется, а пытается подсказать решение.

— Нет, — отверг его неприятную идею капитан Сергеев, — врага мы намерены преследовать.

— Преследовать? — изумился Гаевский. — Но их же там...

— Нападать не станем, — уверенно сообщил Сергеев, — а по следу пойдём. Вот они нас и выведут к надёжному месту Глухомани.

— Так там же их ещё больше! — оторопел боец.

— Я в курсе. Но что-нибудь придумаем.

Мутанты шли, не торопясь. Кандалы на арестантских ногах их здорово задерживали. Поэтому капитан Сергеев их пропустил далеко вперёд, и только тогда велел бойцам

собираться.

— Не слишком ли задержались? — капитан Багров, как обычно, поглядел на свою раненую ногу. — Сумеем ли нагнать?

— Вот то-то и оно, что постараемся не нагнать, — усмехнулся Сергеев, — поэтому, Юрий Михайлович, за ногу не беспокойтесь: она нас никак не задержит. Напротив, ориентирует, поможет идти потише, поспокойнее.

— Зачем же поспокойнее, Алексей Иванович?

— Затем, чтобы на превосходящие силы ненароком не нарваться.

— Но Глухомань у них, наверное, хорошо охраняется, — заметил Багров, — там нарвёшься в два счёта.

— Так и мы будем настороже!

Шли, как и задумали. Медленно, привольно, точно на городской прогулке. Ритм задавал капитан Багров. Ковылял себе, опираясь на палку. Шутов, Погодин, Гаевский, Мамедов, Егоров и сам капитан Сергеев изо всех сил старались его не обогнать. В общем-то получалось.

Время от времени Сергеев посылал вперёд кого-то из бойцов — в основном проверить, не сокращается ли дистанция до опасного предела. Не сокращалась: спасённая нога Багрова прекрасно справлялась с возложенной на неё задачей.

А вот опасности сбиться с пути не было вовсе. Попробуй заблудись, если до тебя по лесу прошлось несколько сот неряшливых мутантов. Что могли, вытоптали, что попало под руку — поломали. Дикий народец.

Жаль только, от места встречи с полковником Снеговым удалялись с каждым шагом. А посылного к атаману Соколу, близ поста которого полковник обязательно остановит БТРы, Сергеев так и не направил. Не мог дальше дробить отряд. Ведь не отбили Рябиновича с Хрусталёвым, как собирались. Пропустили, отложили освобождение на будущее.

3. Славомир Костич, этнограф

Сколько пришлось пролежать на полу в больнице посёлка Березань, этого Славомиру Костичу и не упомянуть. Долго, наверное. Скверно переживать собственный паралич, пребывая почти в полном сознании. Для такой деятельной натуры, как Славомир — в особенности.

Запомнить пришлось практически всё. И дорогу из Елани в Березань через Кабаний остров, и ожидание: вот-вот появятся волки. И момент, когда Хрусталёв и Рябинович были вынуждены больного понести. И Березань, которая с момента ухода оттуда экспедиции изменилась до неузнаваемости. И суетливые попытки солдат разминуться с мутантами.

Пока сохранялась надежда уйти втроём, Хрусталёв и Рябинович его не бросали, но как только сделалось ясно: вряд ли кто-нибудь вообще выживет — Костича положили на пол и попробовали раствориться. И то не получилось: разыгралось крупное побоище, автоматы прямо в больничном здании трещали без умолку.

Костичу, можно сказать, повезло. Мутанты, как ни были голодны, признали его несъедобным — и тут же утратили всяческий интерес. Видите ли, Дух берёзового леса избрал его тело временной обителью, вселился, навёл свои порядки.

Наверное, "духом берёзового леса" мутанты и называли банальный столбняк, ведь в школе им не объясняли про всякие там болезнетворные бактерии (мутантская школа —

вообще явление особое). А может, и не столбняк там был: мало ли какой возбудитель-мутант мог подкрасться к щеке Славомира в гиблом берёзовом лесу.

Впрочем, столбняк — не столбняк: что за разница? Главное, для мутантов оно — дух. И духа этого мутанты уважали, но тем более боялись подцепить при поедании Костица. Лучшей охранной грамоты от их каннибальских поползновений — и придумать сложно.

Костиц лежал, а солдаты в отдалении отступали и отстреливались, и опять отстреливались, и снова отступали. Их автоматы то затихали, то работали дальше. Хоть какое-то развлечение для парализованного — слушать мелодию боя.

А потом случилось и локальное светопреставление, которое — опять же, чудом — Славомира всерьёз не задело. Ну, не то, чтобы не зацепило совсем. Больницу так здорово потрянуло, что тело Костица даже подпрыгнуло на полу, а дальше из многочисленных прорех по больничному зданию подули суровые сквозняки — которые, казалось, всю душу из тела выдули. Хорошо, что так только казалось.

Славомир Костиц всё лежал, позабытый, а вокруг творилась история. Мутанты раздавали друг другу красные балаклавы. Что это значит, Костиц так и не смог понять, но что-то революционное.

Потом краснобалаклавники привели в здание много людей в лохмотьях, и заперли в больничных палатах. В одну из таких палат — Костиц бы рот раскрыл от изумления, когда бы челюсти его слушались — поместили и двоих немцев — Гроссмюллера и Шлика. Третьего же немца, как стало ясно из их разговора, зачем-то пристрелил Горан Бегич.

Любопытно, что совсем недавно, в недобрый час появления в здании Костица и русских солдат, Фабиан Шлик им что-то другое рассказывал, будто не знал, что Каспара Вирхофа не стало. Так и говорил: "Здесь остались только мы трое...", или ещё: "принесли больного?.. Я пойду позову Каспара и Дитриха". Выходит, специально врал, заманивал. Зачем ему это?

Потом в ту же дверь втокнули Рябиновича с Хрусталёвым — недавних сопровождающих Костица. Славомир порадовался, что солдаты ещё живы (думалось уже иное), но всё же закрадывались сомнения: надолго ли?

Когда лежишь в абсолютной неподвижности, остаётся хотя бы думать. Подмечать, анализировать. Если хоть это можешь, ты жив. Даже если мысли лезут — ох и зауспокойные. Например, о нервно-паралитических токсинах, которые вырабатывает возбудитель столбняка (или другая, мутантская бактерия — в данном случае не важно).

Паралич скелетной мускулатуры и лицевых мышц — это ещё цветочки. Вот когда вегетативная нервная система откажет — это будет что-то! Остановится, скажем, дыхание — и всё. Дальше не интересно.

А потом краснобалаклавные мутанты вывели рабов и арестантов. Построили их где-то рядом во дворе и увели. Да и сами там же построились и тоже удалились. Наступила тишина. Практически никого не осталось.

Надо же, как не повезло Хрусталёву и Рябиновичу! Стоило на сутки-другие задержаться — и Березань бы их встретила иначе. Пустотой, заброшенностью, безопасностью. Правда, Костицу бы намного легче не стало: врачей-то, к которым он шёл в Березань, мутанты всё равно увели.

Ну, раз увели, с "духом берёзового леса" придётся бороться самому. Победить в борьбе за власть над организмом. Неясно только, как это сделать, если скелетные мышцы уже не слушаются. Мысленно проговаривать свои решительные протесты? Только это и остаётся.

Сербы — народ упрямый, это всякий скажет. Которые из них были недостаточно

упрямы — давно превратились в хорватов, либо мусульман. Даже без надежды на успех сербы гнут свою линию, не считаясь с затратами, вот им и удаётся порой использовать в полной мере малейшую вероятность победы. Костич тоже, вступая в борьбу с берёзовым недугом, пообещал себе не сдаваться, не отступать. Победить проклятого духа-бациллу.

И что же: не прошло и двух суток после исхода мутантов из Березани — а "дух берёзового леса" заметно потеснился. Понемногу восстановился контроль над кистями рук — это уже что-то! Затем обрела подвижность нижняя челюсть. Лицевые мускулы после нескольких суток судорожного сжатия немилосердно болели, но радовало, что расслабились и они.

Развивая успех, Славомир принялся ползать по коридору. Не беда, что лишь одними кистями рук сильно не оттолкнёшься. Не в том дело, чтобы далеко проползти. А в том, чтобы показать "духу берёзового леса", кто в теле хозяин. Мутантский дух злился, протестовал, но дух самого Кости́ча продолжал его теснить, освобождая орган за органом.

Где-то за сутки Славомир умудрился доползти до дальнего конца коридора — и это притом, что после взрыва на полу в нескольких местах лежали труднообползаемые груды битого кирпича. Руки же освободились до самых локтей, правда, кисти от долгого и сильного трения превратились в одну сплошную ссадину. Больно? Весьма. Зато нет сомнения, что ты воплощён.

Добравшись до дальнего торца коридора, Костич пополз обратно. Теперь он и голову научился неплохо держать. Ещё несколько мучительных пластунских ходок — и "духа берёзового леса" удастся изгнать. Насовсем.

Но посреди обратного пути Славомиру пришлось остановиться. В больничное здание кто-то вошёл. Значит, не все мутанты покинули Березань.

Костич застыл. На сей раз по собственной воле.

Вошедший был, похоже, совершенно слеп. Он двигался на ощупь вдоль стен коридора и ругался вполголоса. И дважды основательно испортил воздух. Пердун, тут же догадался Славомир Костич.

Из ругани, к которой сербский учёный не замедлил прислушаться, следовало, что Пердуна в Березани оставили одного. Совсем одного! Даже верные побратимы — и те ушли на мобилизацию. Даже четвероногие братья-мутанты — боевые свиньи. Пропали, к тому же, и повара. Недоеденные останки Зорана Бегича даже некому оказалось сварить. А сырые, да ещё несвежие — просто испытание для желудка.

Пердун был слеп, голоден, зол и озабочен судьбой коллекции. Где-то там, во взорванном подвале под больницей он держал свои любимые головы. А путь в нужный подвал открывался из кабинета главврача. То есть, прежде открывался. Сейчас-то и кабинета главврача никакого не осталось, там почти до потолка возвышалась куча щебня, а выше зияла дыра в осенние небеса.

Слепец пытался добраться к несуществующей двери, опираясь на стены, несколько раз он оскальзывался и падал мордой в кирпичное крошево, но так и не преуспел. Тогда уселся на кучу камней и заголосил:

— Пропала коллекция! Пропала библиотека! Головы мои, головы!

Библиотека? Библиотеку жалко, конечно, подумал Костич. Хотя вряд ли в собрании Пердуна нашлось бы что-нибудь стоящее.

А правитель Березани уже оставил попытки проникнуть в кабинет главврача. Теперь он шарил по полу в той части коридора, где раньше лежал парализованный Славомир.

Интересно, что ему там нужно?

И об этом ругань Пердуна дала исчерпывающие сведения:

— Дьявол, куда ж он делся? Где-то тут его оставили, не съели. Во придурки, испугались "духа берёзового леса", а может это ещё и не он...

Так он же меня ищет, догадался Костич. Видать, проголодался так сильно, что и духи ему более не страшны.

Хорошая идея была — отползти. Теперь слепцу запросто не наткнуться.

Ругаясь, на чём свет стоит, Пердун ушёл. Но на следующий день вернулся, продолжил свои поиски. Славомир за это время снова отполз по коридору подальше. Власть над конечностями возвращалась, но не настолько, чтобы решиться покинуть больничное здание. Всё же укрытие, какое-никакое.

А потом в бывшую Березанскую больницу ворвались волки. Сначала четверо, потом ещё несколько. Ох, и разделались они с Пердуном — ошмётки мутантской плоти так и летели, кровь орошала стены и пол.

Славомир Костич успел подумать и о своей незавидной судьбе — волки, как справятся с правителем Березани, наверняка всё здесь обнюхают и обшарят — но тут вслед за хищниками в барак вошёл и Веселин Панайотов. Спокойно, как ни в чём не бывало. Словно и не волки хозяйничали в Березани, а — так, охотничьи псы расшалились.

Неужели волки способны вытерпеть власть человека?

Так оно, или иначе, а вместе с Веселином пришло спасение.

4. Евгений Павлович Нефёдов, капитан войск МЧС

Людей-то в распоряжении полковника Снегова оставалось — кот наплакал. Капитан Нефёдов. Два башенных стрелка-ефрейтора: Волынец и Акимушкин. Четверо рядовых Елохин, Зверев, Седых и Чуров. Ах да, ещё трое водителей: Калинин, Андолицкий, Рысаков. Итого... Маловато на три бронемашин, как ни крути.

Случилось такое малое количество — известно, как. Во-первых, многих оставили ещё в замке Брянск. БТРы ведь не резиновые, и если везёшь в них целую этнографическую экспедицию, поневоле кто-то из твоих людей не поместится. Во-вторых, раненого капитана Багрова пришлось отправить в Березань, а капитана Сергеева с кучей бойцов — ему в помощь и охрану. Никто ведь не думал, что вернуться в Брянск окажется так непросто.

Но полковник Снегов не был бы собой, когда не обратил недостаток в достоинство. Мало людей — много места. Значит, при переезде Наших-друзей-из-Заслона из-под Брянска к Чернигову — будет, куда поместить большую часть отряда атамана Сокола.

Правда, у людей атамана недостаёт боеприпасов. Поделиться с ними — так у всех станет не хватать. Потому ребятам Сокола придётся кататься пассажирами, пока не достанется боевых трофеев. Может, оно и недолго, но — тревожно, ещё бы!

Расформировывая свой лагерь, Сокол постарался прихватить всё ценное. Например, у него было три пушки. Все три — прицепили к БТРах. Хотя снарядов имелось немного — хватило бы от силы на два десятка выстрелов — но сознание, что отряд обеспечен артиллерией, тоже, наверное, чего-то стоит. Занять бы ещё уверенности, что все три пушки к нужному моменту удастся развернуть.

БТРы нагрузили основательно. Ехали осторожно, выпуская вперёд пешую разведку. Часть пути делали по дорогам, но кое-где — поперёк дорог (разумеется, зная наверняка, где

и как можно проехать).

У одной из дорог, известных только ему, атаман Сокол попросил обождать и сам с десятком своих ребят углубился в чащу. База Заслона, которую они предполагали посетить, ни капитану Нефёдову, ни полковнику Снегову введома не была. Только и знали, что в этих местах ополченцы из Заслона избрали атаманом какого-то Сапожника. Но где сидел Сапожник, имели представление лишь патрульные из замка Орёл. Они и снабжали ребят Сапожника оружием и боеприпасами. Как обычно, втихаря.

Вернулся Сокол хмурым донельзя — это притом, что боеприпасами разжился. На вопросительный взгляд полковника Снегова лидер Заслона ответил, скрипя зубами от досады и ярости:

— Нет больше Сапожника. Наверное, мутанты захватили его врасплох. Окружили — ну и... — здесь атаман помолчал, уравновешивая дыхание. — Весь отряд полёг подчистую, никто не спасся.

— Что-то вы пропустили, атаман, — без увёрток указал Снегов, — не исключено, что и нам о том важно знать.

— По ним прошлась какая-то тяжёлая тварь, типа слона, — восполнил пробел атаман Сокол, — везде прошлась — по палаткам, окопам. Везде её следы. Много людей подавила. Заживо.

— Мамонт! — вскричал Нефёдов. — Помните мамонта, мой полковник? Которого мы встретили, когда везли экспедицию Щепаньски?

Разумеется, и Снегов помнил мамонта — разве забудешь? Нефёдов не сомневался, что нет, никак не забыть. Мамонта-мутанта. Лохматого слона-переростка с рудиментарной головой на боку. Тогда его пропустили без боя и радовались, что гигант не стал крушить БТРы. Так вот — сокрушил большой отряд Заслона при поддержке двуногих мутантов, которые перекрыли пути к отступлению. Печально.

— Хотите сами посмотреть? — предложил Сокол.

— Нет, — покачал головой Снегов, — некогда. Едем дальше.

Впереди маячила перспектива встретить ещё не один затоптанный отряд: Вииссарионыча, Скорика, Никитина. Первого неплохо подкармливали из Курска, второй с горем пополам защищал от мутантов сумские деревни и вряд ли мог похвалиться хорошим снабжением, а вот у третьего-то вообще положение — не позавидуешь. И с черниговскими властями разругался, и друзей по Заслону настроил против себя — пытался на собственный страх и риск вести с мутантами переговоры. Такому боеприпасов не достать. Только и остаётся: экономить притыренные изначально.

В зоне ответственности Виссарионыча полковник предложил капитану Нефёдову тоже пойти к постам Заслона — вместе с атаманом Соколом и его людьми. Сокола особенно не спрашивали, но тот и не подумал возражать. Уяснил уже — на примере отряда Сапожника — что всё весьма серьёзно. Когда Ребята-из-Заслона гибнут целыми отрядами — тут уже не до мелких секретов.

От дороги, на которой остановили БТРы, до лагеря Заслона добирались часа полтора. По дороге разговорились. Нефёдов понял: Сокол не очень-то верит, что с отрядом Виссарионыча случилась точно такая же беда, как у Сапожника. Всё-таки, здешний старик-атаман — опытный командир. И людей у него больше раза в три, и со снабжением, вроде, больших трудностей не возникало. Неужели и его лагерь — мамонтом?

В чём Сокол оказался прав, беда людей Виссарионыча — не точно такая же. Но беда

жуткая. Его отряд мутантам удалось захватить. А значит, этих людей в лучшем случае заживо съедят. В худшем — это если мутанты сыты — будут их пытаться, пока не нагуляют аппетит.

Ещё на подступах к разгромленному лагерю Сокол, Нефёдов и сопровождение встретили четвёрку виссарионычевых ополченцев, которая избежала общей участи. Эти бойцы и поведали леденящую душу историю захвата их лагеря, которая затем подтвердилась при посещении места трагедии. Без мамонта здесь тоже дело не обошлось, хотя по людям он и не топтался. Зато — вломился на середину лагеря, ухитрился ухватить хоботом самого Виссарионыча, вызвал на себя шквальный автоматный огонь. А пока лохматое чудовище таким образом отвлекало внимание, со всех сторон подоспели мутанты, взяли людей тёпленькими.

— И главное, слону ихнему ничего не случилось, — пожаловался один из встречных, — шкура толстая, редко какая пуля пробьёт. А все наши так старались его свалить, что на двуногих мутантов — ноль внимания. Лишь мы вчетвером уложили-таки нескольких. Потому и спаслись.

А стоило бы ребятам Виссарионыча в массовом порядке обратить оружие против двуногих, как мамонт их тут же принялся бы топтать. Фу ты, беспроегрешная мутантская тактика.

— Этот слон у них — не простой, — добавил другой ополченец, — не просто животное. Он у них — как мозг операции. Верно говорю? Ему-то все мутанты и подчиняются.

В своём бывшем лагере четверо спасённых без труда разыскали не замеченные захватчиками тайники с боеприпасами, чем уже окончательно решили главную проблему отряда Сокола.

К лагерю Скорика могли бы и не заворачивать. Но, ради полноты картины, сделали лишний крюк на БТРах. И этот лагерь оказался растоптанным, а частично, видимо — уведённым в плен. Сам атаман Скорик попал под тяжёлую мамонтову ногу. Лицо, искажённое гримасой боли, осталось для Сокола узнаваемым. А вот на месте живота и грудной клетки — не сказать, чтобы хоть что-то осталось. Мокрое место уже высохло.

Навестить лагерь атамана Никитина — последняя задача перед тем, как стать лагерем самим и принять бой на подступах к ЧНР. В отношении этого лагеря — тоже никто не питал иллюзий. Победили бы никитинские — давно бы вышли на связь по радиации. А молчание — знак полного поражения.

По сложившейся уже традиции, капитан Нефёдов проводил атамана Сокола с людьми до места трагедии. Лагерь никитинских выглядел похоже на ранее рассмотренные — с одним отличием. Атамана Никитина, кажется, устранила не мутантская сторона. По почерку судя — свои. Труп Никитина висел на высокой ветке одинокой хвойной сосны в центре лагерной поляны. А на груди его — табличка: "Предателю от Заслона". Коротко и ясно.

И — оставалась надежда, что, по крайней мере, часть никитинских избежала плена и разгрома. Неподалёку от лагеря обнаружились явные следы боя, а чуть дальше — места, где горел лес, как будто подождённый напалмом.

5. Ратко Милорадович, профессор этнолингвистики

Ратко и не думал, что ему так быстро приведётся посетить особо охраняемый барак с пленными бойцами Заслона. Но привелось — на пятый, примерно, день. Одно неосторожное

слово в бараке овощеводов — и его сочли неисправимым врагом мутантов. Ещё одно — и его перестали терпеть.

А незадолго перед тем — вот неожиданность — в прежний его барак подселили пару чешских антропологов. Мантла и Грдличку — последних, кто в Столичной Елани оставался из состава этнографической экспедиции.

— Это мне только кажется, или нашей экспедиции больше нет? — спросил тогда Милорадович едва ли не саркастически.

Чехи сарказма даже не заметили. Мантл с прискорбием согласился:

— Вы правы, какая может быть экспедиция, когда погиб пан Кшиштоф!

Смех, да и только: для чешского коллеги вся экспедиция заключалась в одном профессоре Щепаньски. Есть пан Кшиштоф — есть экспедиция, хоть бы все остальные участники трижды перемерли.

А Грдличка весь ушёл в свои переживания. Тот факт, что в отсутствие пана Щепаньски положение его сподвижников резко пошатнулось, очень уж его встревожил. И ведь не за себя переживал! Повторял:

— Мутанты выйдут из-под европейского контроля. Это страшно!

А Мантл ему на то:

— Пока что их действия — в русле основных директив.

А Грдличка:

— Мне кажется, они только делали вид, что нам подчиняются. Их настоящий хозяин — Мамонт. Только его они и слушают, больше никого. Как Мамонт прикажет, так и сделают. И он — наверняка рукотворен. Один чёрт знает, что это за организм, но в него встроены огнемёт. Такого в живой природе не бывает. Огнедышащие драконы никогда не существовали, это доказано. Кто сделал Мамонта, тот и контролирует ситуацию. Наши европейцы? Вряд ли. Американцы — тоже вряд ли. Неужели русские? — этот исполненный паранойи вывод ужасал Грдличку больше всего.

— А что, если Мамонт спонтанно родился в среде мутантов? Что, если он — не продукт заговора, а дитя естественного отбора? — возражал Мантл.

В общем, интересно было послушать мысли неисправимых ревнителем социалдарвинизма, уже отбракованных в ходе некоторого отбора. И отбора — несомненно искусственного, совершённого кем-то вполне осознанно, по известным ему признакам. Таким секретным, что оба чеха, как ни старались, соответствовать им не смогли.

Долго слушать, однако, не пришлось. Кто-то из новых соседей по бараку, которым не хватило нар, настучал на Ратко мутантам-надзирателям. Заводит, мол, провокационные разговоры. Кто бы мог подумать, что и в концлагере они запрещены? Милорадовича о том не предупреждали.

Жалобы Грдлички с Мантлом ещё звучали, а надзиратели уже стояли рядом с Ратко. И начали демонстративно хмуриться, отчего слова с языка Грдлички стали сползать медленно и тяжело, подобно черепахам.

— Не следует в бараке говорить обо всяком разном! — строго сказали мутанты-надзиратели. — Не забывайте, что вы здесь гости, а гость не должен испытывать гостеприимство хозяев.

Здорово сказано! Причём отрететированным хором.

Сложность текста надзирателей явно превышала их интеллектуальные силы. В сочетании с потухшим взглядом, отсутствием смысловых пауз и неизменностью самих

текстовых формул она не оставляла сомнения: всё, что надзирателями проговаривалось, было ими заучено заранее. Для каждого случая своё. По специальной методичке.

Мутанты действовали, как роботы. Но Мантл и Грдличка поспешили принести извинения, на всякий случай заискивающе улыбаясь. Милорадович промолчал — тоже на всякий случай. Не помогло.

— На вас уже не первый сигнал, — строго, но сравнительно вежливо сказал ему один из надзирателей, — однако вы так и не исправились. Отныне в этом светлом бараке вы более не вправе находиться. Следуйте за нами.

А второй надзиратель толкнул его в спину, чтобы придать ускорения.

Так Ратко Милорадович поменял прописку внутри Глухомани на барак самого строгого режима содержания.

Из чего состояли здешние строгости? Во-первых, заключённых вообще не кормили. Во-вторых, из барака выпускали не дальше внутреннего забора, где держали под постоянным прицелом пулемёта со специальной вышки. В-третьих... Нет, ничего третьего Милорадович бы не вспомнил.

А дальше шли послабления. Во-первых, работать на мутантов обитателям особого барака не приходилось. Во-вторых, за их речами никто уже не следил (сильнее-то не накажешь, кроме как ускорением смерти) — а значит, здесь не было "стукачей". В-третьих, и надзиратели в этом бараке появляться опасались: очень даже могли обратно не выйти.

Итого, послаблений больше. Милорадовича это порадовало.

Ратко свёл знакомство с товарищами по несчастью. Убедился, что почти все они — ополченцы из Заслона. И каждый из них появился здесь недавно. "Старожилы" провели здесь от силы пару недель, остальные меньше. Многолетних узников, как в бараке овощеводов, не могло быть в принципе, ведь тут вообще не кормили.

Интересно, почему не кормят, подумал Ратко, может, пытаются приучить к людоедству? Вероятнее, впрочем — не кормили, поскольку не особенно интересовались их судьбой. Или — сочетание обеих причин.

А ещё в этом "особо строгом" бараке открыто обсуждался план побега. В среде "овощеводов" о таком и заикнуться бы никто не помел, зато тут — в порядке вещей. И ведь речь шла не о каком-то побеге "втихаря". Заключённые в полный голос, не стесняясь, говорили о восстании.

Ясное дело, главное препятствие для побега — вышка с пулемётом. Вот если бы как-то пулемётчика вырубить... Но как бы такое повернуть? До такой высоты и камень толком не добросишь. Вот если бы где-то достать надёжную рогатку!..

Особенно много в бараке оказалось тех Ребят-из-Заслона, которые недавно воевали под началом атамана Виссарионыча. Попали сюда по глупости, чувствовали сильную досаду. Они-то и усердствовали в поиске способов подавить пулемётный огонь с вышки.

Что любопытно: только заговорили про рогатки, а какой-то умелец уже сотворил пару экземпляров. Туповатые мутанты при захвате спешили, обыскали людей плохо — вот и нашлись вполне пристойные тугие ремни, способные забросить камень высоко вверх. А с деревом для самой рогатины проблем не случилось. Пусть в бараке особого режима не держали деревянных нар, но перекрытия-то оставались.

А камни к рогаткам? Тоже не вопрос. В одном из торцов барака, под самой крышей, Ребята-из-Заслона принялись разбирать стену. О том, где именно разбирать, долго не раздумывали. Нашли, где полегче. Главное, кровля-то там протекала, вот и кирпичи в стене

держались кое-как.

От скорости перехода от слов к делу у Милорадовича немного захватывало дух. Всё казалось: чего-то заключённые не учли. Какие-то подвохи мутанты наверняка оставили, не говоря уже о том, что выходить с рогатками против мутантов, которых только очередями и скопишь — чистое самоубийство. А всё же Ребята-из-Заслона работали с таким энтузиазмом, что расхолаживать их казалось несомненным грехом. Грехом уныния.

Тем более — времени на раздумья, в общем-то не было. Заключённых здесь не кормили, только позволяли пить воду. Если повременить с действиями, можно и не вписаться в рамки отведенной тебе жизни.

Глядя, как слаженно действуют товарищи: те кирпичи вынимают, эти носят, третьи — особо квалифицированные — рогатки крутят, Ратко подумал, что от профессора этнолингвистики в этом бараке, кажется, проку меньше всего. В мире овощеводства ему ещё удавалось служить ориентиром для слабых духом. Здесь же и ориентиры у людей пожётче, да и к действительности они ближе.

— Это вы, что ль, профессор по мутантскому фольклору? — неожиданно спросил у Милорадовича какой-то старик. Может, ровесник, а то и постарше будет. Седые волосы всклокочены, вид как у бомжа, но глаза умные.

— Нет у мутантов никакого фольклора, — прямо сказал Ратко, — но я по нему и правда профессор. С кем имею честь?

— Меня здесь зовут Виссарионом, — представился старик, — хотя отчество моё другое. Просто зовут Иосифом, — он весело подмигнул.

— Так вы тут главный, — догадался Милорадович.

— Ну, как бы да, — признал старик, — и раз я главный, у меня к вам есть небольшая просьба. Для вас — сущая безделица, но нам важно.

Ратко приготовился слушать.

— Хорошо бы, чтобы вы послушали наши сказки, песни и предания, — произнёс Виссарионич нечто совсем неожиданное, — у нас-то, в Заслоне, есть много сказителей. Надеюсь, справитесь?

— Без сомнения, — отозвался Милорадович, — только скрытая суть вопроса от меня ускользает. Зачем? Зачем это делать именно сейчас? Я понимаю, что не все выживут, но всё же...

— Э, про "не все выживут" — не надо, пожалуйста, — попросил старик, — дело же самое простое. С дисциплиной и в нашском отряде — не очень, а тут, в бараке — не только наши. Есть парни совсем горячие, безбашенные — всякие. Не каждый мне подчиняется. Так вот, если этих, горячих, чем-нибудь не занять — того и гляди, станут раньше времени пулять камнями в охрану. А ведь у нас пока не всё готово. Поспешишь, людей насмешишь.

Милорадович понял свою функцию. Что ж — весьма важная: координация восстания по времени. Примерно такая же, какую большевики возложили на орудейный залп с крейсера "Аврора". Прекрасно, займётся.

Виссарионич призвал товарищей к тишине, растолковал и им, что к чему. Мол, профессор из Белграда сейчас, накануне восстания, согласился выслушать их байки. Кто до начала восстания успеет, тот и засветится в большой науке. Кто не успеет — по крайней мере сказки послушает.

На следующие три-четыре часа в бараке воцарились тишина и покой. Послушать

истории от Заслона каждый оказался не дурак. Нервное хождение по бараку прекратилось, у сподвижников атамана Виссарионыча, стоящих "на атасе" около ворот, выдалась передышка — то они с кем-то всё время спорили. Занятые на вязании рогаток специалисты, да ещё силачи — на разборке стены, тоже могли послушать байки товарищей. Виссарионыч позаботился организовать прослушивание в коридоре, в непосредственной близости от месторождения кирпичных боеприпасов.

Первым выступил парень с довольно старым сюжетом про упыря на мельнице, вторым — пожилой мужчина с новеллой о том, как мутантам всех свиней поели волки, третьим — старик с волшебной сказкой о трёх подземных царствах, имена им: Березань, Елань да Глухомань.

Посреди третьей истории к бараку явились мутанты-тюремщики. Не с целью разгрома готовящегося восстания, как заподозрил было Ратко. Тюремщики отперли ворота и втокнули внутрь барака двоих новых арестантов, после чего снова заперлись снаружи.

Приглядевшись к тем, кто прибыл, Милорадович узнал Рябиновича и Хрусталёва — солдат, которые повели на лечение в Березань Славомира Костича. Надо же, и их взяли. Хоть Елань, хоть Березань — а правит ими одна мутантская хунта. Нигде не спрячешься.

— Кто таковы? — спросил у солдат Виссарионыч.

— Рядовые войск МЧС, — ответил Хрусталёв.

— Служивые, значит. А из рогатки-то стрелять умеете?

— Спрашиваешь!

— Ну и славно. Тут у нас намечается восстание, ваши навыки пригодятся. А пока — садитесь, тоже сказочек послушайте. Так, как у нас в Заслоне, больше никто не рассказывает.

Рябинович и Хрусталёв ничем не выдали своего удивления. Сели, как ни в чём не бывало, вошли в курс дела, тоже заслушались. Милорадовичу хотелось расспросить их о судьбе Славомира, но личные вопросы профессор отложил. Сейчас его профессиональная обязанность — всё выслушать и всё запомнить из историй Заслона. Которые, кстати, до сих пор никто ни разу не собирал.

Спускался вечер. Справившись о заготовленных камнях и рогатках, атаман сообщил довольно-таки буднично:

— Последняя сказка, и мы начинаем.

Уже последняя? А в очереди на внимание профессора Милорадовича — целых семь сказителей осталось. И по лицам видать — не последних в своём мастерстве. Что же — шестерых обидеть?

— А что, если сочиним одну историю на семерых? — предложил самый молодой и бесшабашный. Его-то Виссарионыч, скорее всего, и боялся без дела оставить — руки у парня так и чесались что-нибудь натворить.

— А легко! — приняли вызов сказители постарше. — Ты начнёшь, мы подхватим. Каждый по двум-трём предложениям.

И на глазах у Ратко Милорадовича родилось новое фольклорное диво. До чего сильно сия история отличалась от унылых мутантских пересказов по евроамериканским методичкам!

А Виссарионыч дождался, когда их творение прибежит к логическому концу, после чего резко взмахнул рукой и просто сказал:

— Поехали!

6. Алексей Иванович Сергеев, капитан войск МЧС

Вот ведь — долго думал капитан Сергеев, послать ему ли с донесением к полковнику Снегову рядового Егорова, или рядового Гаевского, или лучше обоих вместе. В результате — никого не послал. И оказался прав.

Не время для донесений, когда все группы находятся в движении, причём в непредсказуемых направлениях. Гаевский с Егоровым караулили бы полковника на посту атамана Сокола... Вернее, надеялись бы там его застать. Но ни Сокола, ни Снегова не встретили бы. Возвращаться — а и отряда капитана Сергеева след простыл.

Зато в движениях разных групп — случаются общие закономерности. Такие, что им легче пересечься на пути, чем искать друг друга по месту прежней дислокации.

Так случилось и теперь. Отряд Сергеева словно магнитом притянулся к трём БТРа́м полковника Снегова. А в тех машинах, нагруженных под завязку, ехали и люди атамана Сокола.

Но всё по порядку. Сдерживаемый скоростью ноги Багрова, разведотряд Сергеева на врага так и не напоролся. Правда, и спасение Хрусталёва и Рябиновича не приблизил, поскольку подобрался к Глухомани вскоре после того, как путешествие арестантов завершилось.

Надежда была на то, что мутантов при арестантах однажды сделается мало. Тщетная надежда. Достаточно посмотреть на укрепления Глухомани, как всякая тщета и наивность проявляются под собственными именами. Не напасть на полутысячную толпу мутантов на выходе из Березани, чтобы теперь теми же силами штурмовать Глухомань? Нет уж, клуб самоубийц закрывается по техническим причинам.

Что любопытно, следы толпы из Березани недвусмысленно показывали: к окрестностям Глухомани пришли все — и рабы в кандалах, и мобилизованные мутанты. Никто никуда по пути не сворачивал. Только у входа в укромно спрятанный концлагерь произошло разделение. Рабы с арестантами прошествовали внутрь, под огромную маскировочную сеть, а мобилизованные мутанты расположились чуть поодаль.

Видать, осталось у них какое-то общее занятие, коли далеко не расходятся. Видать, найдут себе применение где-то поблизости.

Что же тут поблизости — замок Чернигов? Ох, не к добру для ЧНР все эти мутантские приготовления.

Счастливо обошли как охрану глухоманского концлагеря, так и посты, выставленные березанским войском. Никому не попались. Но только выбрались из опасной зоны, как наткнулись на толпу людей в камуфляже. Оказалось, Ребята-из-Заслона. Присмотрелись — а рядом знакомые БТРы стоят. Может, и неплохо спрятаны, но при такой скученности людей и мутантов на неширокой территории — не мудрено и попасться.

Полковник Снегов обрадовался встрече с отрядом Сергеева не меньше, чем сам отряд. Лично обнял каждого рядового, поблагодарил капитана, что сохранил людей.

— Хрусталёва и Рябиновича не сберёг, — помрачнел Сергеев. — Живы, но попали в мутантскую Глухомань. Это такой концлагерь.

— Подумаем, что можно сделать, — вздохнул Снегов. — Так не оставим.

Потом, уже с глазу на глаз, капитан Сергеев рассказал полковнику всё, что удалось разведать. Не обошёл вниманием ни одного мало-мальски значимого факта. Снегов слушал,

кивал и — ничему не удивлялся.

— У меня сложилось впечатление, что вам и так всё известно, — без обиняков признался Сергеев.

— Вы почти правы, — грустно усмехнулся полковник, — иногда издали видно даже больше, чем с близкого расстояния. Что не отменяет ваших заслуг — и заслуг вашего отряда, — добавил он как бы в утешение.

7. Адам Константинович Рябинович, рядовой войск МЧС

С каким-то детским восторгом Ребята-из-Заслона мастерили рогатки и подбирали кирпичные снаряды. А их товарищи в то же время развлекали друг друга сказочками. Куда мы попали, думал Рябинович. Полный барак подростков — пусть и самого разного возраста. Ну где это видано, чтобы концлагеря захватывали так? Наслушаться сказок и полезть с рогатками на пулемёт — это что, план восстания? Серьёзно?

Когда под конец последней сказки — совместной — заключённые принялись передавать друг другу рогатки и куски кирпича, Хрусталёв тут же взял одну, а Рябинович подумал и отказался. Не то, чтобы он совсем не умел из этой штуки стрелять, просто не верил в самую затею.

— Ну и зря, — сказал Колян, — лучше так, чем с пустыми руками.

Распределив "оружие", главари Заслона стали спорить, как быстрее и надёжнее высадить ворота.

— А не проще ли было, — заметил Рябинович, — напасть на конвоиров, которые нас ввели?

— Нет, не проще, — возразил опытный заключённый по кличке Виссарионыч, — двери-то высадить не проблема. Лучше начинать по мере готовности, а не с полуоборота.

— Готовность — это рогатки? — хмыкнул Рябинович. — У конвоя могли бы забрать оружие. Хоть какая-то надежда...

— Короткоствольные пистолеты? — уточнил Виссарионыч, прищутив глаз. — Караульные носят только такие. Человека уложат за милую душу, а на мутанта — магазина не хватит. Но главное, стрелять по вышке — как пальцем в небо. Гиблая идея. Пулемётная вышка — вот где начнутся жертвы.

— А рогатки чем помогут?

— Попаданиями, — пояснил старик, — главное же, рогаток будет много. Внимание! — возвысил голос он уже для всех. — Как только вышибаем ворота, все мигом во двор! Кто с рогатками — стреляет снизу, отвлекает, остальные карабкаются на вышку. Всё поняли?

Человек тридцать слаженно отошли к дальней стене вестибюля — и, не жалея ни ног, ни голов, с разбега бросились в неплотно закрытые створки. Ржавые ворота разлетелись с первого удара. Ребята-из-Заслона с рогатками в руках и камнями за пазухой выскочили из барака в прямо в небольшой прямоугольный двор, обнесённый высоким забором. Там они засуетились, заметались в поисках подходящей линии стрельбы.

— Кто без рогатки, лезем штурмовать вышку! — позвал Виссарионыч вторую группу, в которую включился и Рябинович.

— Адам, ни пуха! — крикнул Колян Хрусталёв и бегом присоединился к рогаточникам. Почти сразу с вышки ударил крупнокалиберный пулемёт, вспахал бесплодную лагерную землю под ногами стрелков. Но и те не лыком шиты: в воздух взметнулось множество кусков

кирпича, большая часть до мутанта-пулемётчика долетела. И озадачила, это точно: на несколько мгновений пулемёт замолчал.

Когда Рябинович добежал до стены, за которой находилась вышка, пулемёт заработал снова. Долгой очередью он скосил нескольких парней с рогатками, среди прочих — и Хрусталёва.

Ранен? Рябинович решил думать, будто Колян просто ранен, а значит, его спасут. Хотя — больно уж крупный калибр у пулемёта. Да и спасти Хрусталёва некому. В краю мутантов медицина не в чести, немецкие врачи — так и те ждут участи в одном из соселных барачков.

Под стеной восставшие построили живую пирамиду. Рябинович оказался в нижнем ярусе. По его плечам хлопцы из Заслона карабкались на высокий забор — и далее на вышку. Лезли с лихорадочной скоростью: любое промедление — это несколько чьих-то жизней.

Парни с рогатками дали новый кирпичный залп. В ответ получили очередь, от которой пустились врассыпную, но убежали далеко не все. На глинистом грунте прямоугольного двора лежало уже два десятка тел.

Червётрой очереди пулемёт не дал. Первые люди из штурмовой команды уже вскарабкались на вышку, пулемётчик переключился на них. Попытался столкнуть вниз — но через перила уже перелезали новые гости. Последовала короткая возня — и два мутантских тела грянулись оземь рядом с Рябиновичем. Стрелок и его помощник.

Вышка захвачена. Так просто.

С радостным возгласом люди на вышке развернули пулемёт наружу. Потом послышались неуверенные голоса:

— Что-то заело!.. Эй, кто-нибудь разбирается?

Не будь Колян Хрусталёв в числе тяжело раненых мастеров стрельбы из рогатки, Рябинович бы подумал, что заело именно у него. Но оказалось, нелепый талант выводить из строя исправное оружие встречается у кого-то ещё. Адам откликнулся на призыв и тоже полез на вышку.

Сверху вся Глухомань казалась, как на ладони. Пусть здешняя вышка и расположена куда пониже тех, что окаймили лагерь по периметру, но высота есть высота. Чего только с неё не увидишь.

Например, странное массовое построение заключённых. Тьму народа в сумерках выгнали из барачков, собрали в одну кучу. Зачем?

Однако, сперва надо разобраться с пулемётом.

— Вот, — озадаченно произнёс один из ближайших сподвижников атамана Виссарионьча, — не фурычит.

Рябинович присмотрелся. Ну, так и думал: перекосило ленту. Починка заняла полминуты. Готово: теперь не одного мутанта положит. Вон сколько лент про запас под стеночкой сложено!

А всё же, зачем со всех барачков согнали узников? Не к добру.

Но тут в сторону восставшего барака побежала толпа надзирателей.

Ополченец из Заслона развернул пулемёт на турели, да и превратил толпу в кашу. Похвалил:

— Классная машинка! Спасибо, братан.

— Не за что, — скромно произнёс Рябинович.

Тут на вышку взобрался Виссарионьч. Спросил у стрелка:

— А сможешь расколошматить остальные вышки? Те, по периметру.

— Высоковато! — прикинул тот. — Но я попробую.

— Дальние — даже не пытайся, — предостерег Рябинович, — а вон те две, поближе — реальные цели.

— Слушай его, Ковров, — посоветовал Виссарионыч, — дело говорит.

Теперь Ковров прицеливался очень тщательно. Зато когда нажал на гашетку, пулемётное гнездо на соседней вышке разлетелось вдребезги. Рябинович успел заметить, как фигурка мутанта падает вниз вместе с пулемётом. Ловко получилось!

— Замечательно! Теперь ту, вторую! — потребовал атаман.

С оставшейся из доступных вышек пришлось помучиться. Ковров её прострочил раза с пятого. Причём пулемётчики-мутанты просекли, что к чему и пытались отвечать. Но с меткостью у мутантов всегда проблемы. Короче, не попали.

Затем толпа мутантов покрупнее прежней снова попыталась пойти на приступ восставшего барака. Ковров их снова расстрелял да рассеял.

— Странно! — изумился теперь и Виссарионыч. — Вон стоит толпа заключённых. Её, конечно, охраняют, но не так, чтобы каждого задержать: очень уж их много. Мы на глазах этой толпы разгромили две пулемётные вышки на периметре лагеря. Беги — не хочу. А толпа стоит, не шелохнётся.

Ага, подумал Рябинович, толпа прикидывает шансы. Пока прикидывает, и шансы-то закончатся.

— Смотрите, — подметил Ковров, — этих, внизу, куда-то повели!

Точно. Огромную толпу из дюжины глухоманских бараков аккуратно развернули, после чего погнали прочь от подавленных вышек. Предсказал же им Рябинович: никакие шансы не вечны. Прозевать — проще простого.

— А что там за шмакодявки бегают? — спросил атаман.

— Сторожевые свиньи, — ответил Рябинович, — они-то людей и собирают.

И верно. Попробуй, не соберись.

— Ушли, — хмыкнул Ковров, провожая взглядом толпу заключённых, — за пределы лагеря, куда-то на юг. В сторону Чернигова.

— И нам пора покидать лагерь, пока не поздно, — вздохнул Виссарионыч, — и лучше в обратном направлении.

Ага, мимо подавленных вышек. Действительно пора. Восстание в концлагере без побега — это как игра в поддавки.

8. Веселин Панайотов, этнограф

Радовало, что Славомир Костич идёт на поправку. Победил-таки своего "духа берёзового леса". Ну, или микроба-мутанта с неизвестным науке именем. Нервно-паралитический эффект заканчивался, функции организма мало-помалу восстанавливались.

Позитивный перелом случился ещё до возвращения Веселина в Березань. Больной начал ползать — вот и от слепого людоеда смог уползти. В день, когда явился Веселин с волками, Славомир попытался сесть — и небезуспешно. А там — и на ноги поднялся.

Уже на следующее утро после их встречи Костич объявил, что готов к переходу. Как водится, сильно переоценил свои силы, но и Панайотов тоже чувствовал: задерживаться в Березани не стоит.

Ну и что, что покинута? Если все здешние мутанты скопом примутся возвращаться, то и отважные волки с Кабаньего острова могут не спасти.

Куда идти, Веселин долго не раздумывал. Разумеется, в Брянск, куда же ещё. И если Костич готов отправляться — тем лучше. Даже если готовность слабая. Ну подумаешь, придётся идти медленнее. Зато — в нужном направлении и под надёжной охраной: волки, с которыми Веселин подружился на острове, теперь чувствовали за него ответственность. Так, во всяком случае, казалось.

Итак, из Березани люди и волки успешно вышли. Не беда, что привал на лужке перед болотным переходом растянулся на полдня. Зато по болоту Славомир шлёпал на своих двоих и вполне уверенно.

Выбравшись из болота на твёрдую почву, Веселин пусть не сразу, но без долгих колебаний отыскал дорогу, ведущую к Брянску. Немного подсобили волки. Им доступна редкая способность находить нужный путь по слабым обонятельным ориентирам.

По дороге через берёзовый лес Костич аккуратно обходил всякое дерево, откуда свисала хвойная ветвь. Обходил, наверное, тщательнее, чем нужно, только зная предысторию, трудно его не понять. "Дух берёзового леса" однажды побеждён. Может, навсегда, а может и нет. Не хотелось бы его заново подцепить: кто знает, вырабатывается ли от этой заразы иммунитет.

С учётом постоянных шараханий Славомира от опасных деревьев, шли довольно-таки быстро. Панайотов хорошо ориентировался в лесу и мог уверенно сказать, что проходил уже здесь по пути от Берёзового тупика к Березани. Правда, Костичу теперь казалось, будто деревья стоят гораздо гуще, но причина его впечатления понятна: прежде забота о безопасном проходе между стволами учёного не посещала, зато теперь посетила с удвоенной силой и потребовала большего простора для манёвров.

Волки всё время бежали рядом, и Славомир как-то восхитился:

— До чего понятливые! И как только вам, Веселин, удалось их приручить?

— Они не приручены, — возразил Панайотов.

— Но вы же ими командуете?

— Вовсе нет. Ими не покомандуешь, — улыбнулся Веселин, — они бегут рядом по собственному почину. И, кстати, дорогу подсказывают.

Да, очень легко и ненавязчиво волки помогли отыскать дорогу ещё там, у болота. Теперь же, изредка забегая вперёд, оглядывались: не заблудились ли люди. Трогательное участие. К тому же выяснилось, какие-то углы на пути можно и срезать — волки запросто разыскивали звериные тропки, ведущие в нужном направлении, но более прямо.

Кстати, звериные тропы предпочтительнее: на них не встретишь мутантов. Только разве неуравновешенных кабанов — но последних волки разгонят. Что за дивный понятливый эскорт!

Уже на подходе к Берёзовому тупику Веселин сказал волчьему вожаку — тому, с густой шерстью чёрной масти:

— Нам нужно в замок Брянск. Это на севере. Но хотелось бы не по большой дороге для машин, а — там где звери ходят.

Да, вот такой путь и нужен. Если мутанты кинутся их искать на широкую дорогу, хитрые учёные их обойдут по малозаметной тропиночке.

Только волк чего-то не понял. Поглядел вопросительно.

— Замок. Стены, пушки, ракеты. Называется "Брянск". На севере.

Волк ещё немного подумал и согласно кивнул. Сделаем, мол. И покрутился, разнюхивая

между берёз чей-то след. Хозяина тропы?

К памятному берёзовому тупику таки не пошли: волки действительно знали лучшую дорогу. Идти по ней для Кости́ча стало сущим испытанием: слишком густо росли берёзы. Но безопасность того стоила.

Шли долго. Но, кажется, ненамного дольше, чем ехали. То-то, вспоминал Веселин, их БТРы ехали по дорогам, которые прямыми не назовёшь. То и дело — не вполне мотивированные повороты. Потому и казалось тогда, будто вполне обычных лесов попадалось больше, чем неприятных лесов с мутант-деревьями. Но вдали от человеческих дорог — другое соотношение, обратное.

Какая ни укромная попалась тропа, а пару раз пришлось остановиться и притихнуть: где-то неподалёку — в хвойном ельнике в параллельном направлении пробирались мутанты.

Но долго ли, коротко ли — вышли из очередного леса и на горизонте увидели замок. С этого ракурса они Брянска ещё не видели, но сразу его узнали. "Стены, пушки, ракеты", — говорил Веселин волку. Вот по этим признакам и опознали.

Замок — это не тот город, каким был когда-то раньше. Они даже стоят не на одном и том же месте. Замок — севернее. И всякий замок намного меньше города. Но главное — вооружения. Брянск так и ошетинился со всех сторон системами залпового огня на здоровенных турелях, дулами высокоточной артиллерии. Не Бог весть какое новое оружие, но эффективно, и это главное. А ещё в утреннее небо упёрлись ракеты на пусковых установках. Когда экспедиция только выезжала из Брянска, этих установок было гораздо меньше. Надо же, как оперативно довооружили замок!

— Хм, по-моему, это не Брянск, — задумчиво произнёс Кости́ч. — Орёл, что ли? Нет скорее — Курск.

Да? Потому столько ракет "земля — воздух" и зенитной артиллерии? В Курске, говорят, одна из лучших русских систем ПВО.

И тут издалека донёсся гул, а затем, откуда ни возьмись, в утреннем небе над замком показались военные самолёты. Ровно дюжина. И ведь не русские: такие самолёты можно увидеть на авиадромах замка Брюссель. Или в других западноевропейских замках и городах.

— Куда летят? Они что, с ума сошли? — Веселин откровенно изумился.

А самолёты-агрессоры открыли пулемётный огонь по замку. Почти три десятилетия никто из откровенных недругов не отваживался таким способом дразнить русского медведя. Это ведь... война!

Как и следовало ожидать, в ответ заработали зенитки. Взлетела одна ракета, другая, третья. Три самолётика широко распахнулись в небе огненными нарциссами, ещё два подбитых, мерзко чадя керосиновыми шлейфами, понеслись к земле, о которую и расшиблись.

— Пятёрку долой! — в азарте воскликнул Славомир.

Оставшиеся семь вражеских самолётов двинулись на второй заход. Результатом стало четыре огненных цветка и один дымный хвост.

— Ещё пятёрка! — подметил Кости́ч. — Ровно работают!

Оставшиеся два самолёта удалились без повреждений.

— Только кажется мне, этот замок — не Курск, — после паузы выдал Славомир. — Будете смеяться, Веселин, но мы вышли к Чернигову! Верно, волки нас не совсем правильно

поняли.

— Да, — вынужденно признал Панайотов, — на Чернигов больше похоже.

И верно: Чернигов. Он ведь не в черте Российской федерации. Это ЧНР. А замки ЧНН европейская авиация может задирать без опаски. То есть — если не жалеть сбитых самолётов.

— Ой, а там кто такие? — Костич обернулся было к Панайотову, а увидел кого-то за его спиной. К счастью, смотрел он куда-то вдаль.

Веселин развернулся — и обмер: тех, вдали, оказалось очень уж много.

Здоровенная толпа. Несколько тысяч — ну ничего себе! Заполонили почти весь горизонт.

— Там есть мутанты, — присмотрелся Славомир, — но большинство, кажется, обычные люди.

Вгляделся и Веселин. Правда, люди. Однако, какие-то измождённые. Доходяги, одним словом. И в руках тащат кто деревянную лестницу, кто моток верёвки. Должно, собрались имитировать штурм замка Чернигов. Так и прут в направлении замка. Прямо навстречу системам залпового огня.

— Могут и мимо нас пройти, — встревожился Костич, — отступим-ка под прикрытие деревьев.

Да, разумно. Учёные вернулись к лесу, откуда вышли получасом назад.

— Что же их гонит — прямо под пушки? А, Веселин?

— Наверное, мутанты. Прикрываются, как живым щитом, чтобы подойти к замку поближе.

— И свиньи! — добавил Костич. — Вон, вон побежала! Так и шныряют.

При упоминании о свиньях шерсть на загривке у вожака волчьей стаи встала дыбом. Он коротко взвыл, созывая стаю.

Но тут в небе послышался новый звук. Над Черниговом опять летели западноевропейские истребители, а с ними бомбардировщики-невидимки — неуклюжая пятёрка особенно жирных клякс. Эти долетели аж из Америки. Как только не развалились в дороге?

На сей раз и зенитная артиллерия, и ракеты валили одних только "невидимок". Пять жирных клякс не расцвели красивыми цветами, а противно задымили, да и рухнули, где летели. Не отбомбились.

Между тем дурно одетая измождённая толпа неожиданно поменяла курс, понеслась прочь от Веселина и Славомира под прямым углом к замку Чернигов. И что за манёвр такой? Ах да — сторожевые свиньи, вместо того, чтобы всех этих людей куда-то загонять, ныне драпали, кто во что горазд, от налетевшей, как ветер, стаи волков. И сами бежали, и людей перед собой гоняли — в случайном уже направлении.

А в довершении охватившей людей и свиней жестокой паники — с неба упал бомбардировщик-невидимка. Свалился на луг — прямо на полпути от армии рабов до замка. Сперва надымил, мерзко завонялся палёным пластиком, а дальше в нём сдетонировал боекомплект. Бабахнуло так, что Веселин даже издали встревожился: как бы их с Костичем не контузило.

А на месте падения жирной кляксы осталась глубокая воронка.

Тут уж рабы понеслись, куда глаза глядят, невзирая ни на какие заградотряды. Кто-то споткнулся, началась свалка, дальние убежали. Нелегко будет мутантам восстановить

дисциплину.

Однако, тут — на место, которое освободили рабы, вышло войско самих мутантов. И тоже очень-очень немалое количество — итог повальной мобилизации. Тысяч, наверное, семь или восемь.

Этим свиней не надо, эти и так сохраняют дисциплину и доберутся до стен замка Чернигов. И, может быть, с радостью погибнут, чтобы только заставить черниговцев потратить на себя лишний патрон.

9. Алексей Иванович Сергеев, капитан войск МЧС

В это пасмурное утро многим нашлась работа. Кто-то стрелял по мутантам, кто-то прочёсывал лес или устанавливал батарею из трёх пушек. А что же досталось на долю капитана Сергеева? Самое смешное — разговор с мамонтом.

Тварь появилась неожиданно — мутантские твари такое умеют. Какие они ни огромные, а возникнут в неподходящий момент перед самым носом — и поступай, как знаешь.

До появления мамонта уже много чего случилось. В концлагере Глухомань мутанты собрали всех заключённых, кого только можно — и бросили их на демонстративный штурм Чернигова. Лишь один барак не подчинился, ухитрился вовремя организовать восстание, с рогатками пошёл на пулемёты — и выиграл. Отчаянный почерк у курского Заслона, но иной раз он очень к месту.

Только заключённые прочих бараков не присоединились — и трусливо пошли на верную смерть. Любопытная штука: чтобы пойти на верную смерть, вовсе не обязательна смелость. Толика глупости, замешанная на перепуге — и героическая гибель обеспечена. И место в небесной тьме.

В непосредственной близости от концлагеря атаман Сокол оставил для контроля ситуации нескольких своих людей. Они и стали свидетелями вечернего восстания с последующим ночным побегом. Они же первыми вышли на самих восставших. Примерно полторы сотни беглецов из Глухомани удалось перехватить в их марше куда глаза глядят — и доставить к лесным стоянкам атамана Сокола и полковника Снегова.

Повстанцами руководил атаман Виссарионыч из Курского Заслона, но с ним оказались не только его люди. К великой радости капитана Сергеева там оказался рядовой Рябинович, а ведь намерение отбить его у мутантов и привело сюда весь недавний сергеевский отряд. К сожалению, Хрусталёву не повезло. Убит наповал, Рябинович удостоверился.

Кроме того, в числе беглецов оказался Ратко Милорадович. Старый профессор оказался достаточно крепок. Пусть он и не лазил на вышку, не стрелял по ней из рогатки, но и не был повстанцам в тягость. Общался — запросто. Бежал — не хуже молодого.

Повстанцы прибыли в ночи. А немного спустя, поздним утром, нашлись ещё двое учёных: Веселин Панайотов и Славомир Костич. На них набрели Гаевский и Егоров посланные полковником в направлении замка Чернигов. Надо же, как причудливы переплетения судеб вокруг узловых пунктов: сколько людей, не сговариваясь, пришло к Чернигову, куда идти накануне битвы — в общем-то, странная блажь. А ведь Панайотов-то и собирался в обратную сторону. На север, в Брянск.

К тому времени, как южнославянские учёные подошли к стоянке Снегова, попытки штурма замка Чернигов продолжались уже три часа. Налёты авиации сопровождалась

наземными ударами с юга. Там к столице ЧНР подступали извечные враги независимости черниговцев — мутанты из Великой Чернобыльщины. О том, насколько жёсткие шли бои, можно было судить по плотности канонады. Но кто кого — на звук не определишь.

Зато ударам дрянских мутантов с севера постоянно что-то мешало. Сперва трогательно невезучие душегубы вывели к стенам замка заключённых из Глухомани. Всё бы у них хорошо выгорело, если бы двуногий заградотряд не поотстал, опасаясь систем залпового огня. Мутанты оставили подопечных на четвероногих загонщиков-свиней — и просчитались, поскольку откуда ни возьмись, появились волки.

Веселин Панайотов потом объяснял, что волков привёл именно он, хотя из его же пояснений следовало, что это волки его сюда привели. Важно другое — загодя продуманная мутантская операция пошла кувыркком.

Не в силах остановить бегство большинства заключённых заградотряд поймал, кого смог, и с этим скромным уловом двинулся к черниговским стенам. Вот тут-то впервые и заработали системы залпового огня. И равномерно накрыли как рабов, посланных на убой, так и сам заградотряд.

Пара залпов — и мутанты дрогнули. Побежали обратно, издавая по пути характерные обиженные вопли. Смылись и рабы-заключённые, но не в ту сторону, в которую мутанты.

Можно было надеяться, что на том северное наступление и прекратится. Но получилось иначе. Ровно в полдень поход мутантов к стенам замка возобновился. Огромная куча мутантского народа — наверное, десять тысяч — повалила к замку Чернигов, и на залпы из "Градов" больше не реагировала.

— Что это с ними? — воскликнул тогда Сергеев, ошарашенно глядя в нефёдовский бинокль из-за купы лиственных осин на краю леса.

Полковник Снегов поглядел в собственный бинокль:

— Да, дело нечисто! Шагают они несколько механически...

Ага, словно неживые, словно автоматы!

В этот момент и появился мамонт. Совсем недалеко, в сотне шагов от леса, где военные и Ребята-из-Заслона разбили два лагеря. Животное двигалось медленно, не спеша, но, что характерно, в том же ритме, что и толпа мутантов, прущая на Чернигов.

— А ведь это он их гонит! — вырвалось у Сергеева.

— Верно подмечено, — прищуриваясь, отозвался Снегов, — это как с теми рабами. Тех подгоняли свиньи, а этих — мамонт. Очень похоже.

Тут один из повстанцев, пришедших с Виссарионом, внезапно запаниковал, завопил истошно:

— Ой, это же тот самый слоняра! Гадина какая!.. Надо немедленно сматываться, этот самый долгоносый в одиночку разнёс весь наш лагерь! Он плюётся огнём! Это дьявол!..

— Молчать! — до звона в ушах рявкнул Снегов, и ополченец покорно заткнулся. — Теперь говори толком, что видел?

Парень послушался. Но говорил всё равно что-то невероятное. Будто бы мамонт действительно является дьяволом, это видно по тому факту, что он огнедышащий и умеет разговаривать.

— Животное? Разговаривать? — скептически поджал губу Багров.

— Я же и говорю, это не просто животное! — не сдавался парень.

— Он верно говорит, — поддержал товарища другой ополченец, — мамонт говорящий. Только говорит у него не та голова, которая спереди. У него сбоку запасная. И в хоботе

запасной головы спрятан огнемёт.

— Огнемёт? — переспросил полковник Снегов. — А это идея...

С полковником не соскучишься. Человек он неординарный, но поверить такому бреду...

Или не бреду?

Мамонта тоже посетила какая-то идея. Ибо он остановился точно напротив людей, что наблюдали за ним из-за опавших осин.

— Наблюдательная скотина, — сплюнул капитан Нефёдов.

— Сам ты скотина! — ответил мамонт и остановился, наслаждаясь произведённым эффектом.

— Да. Огнемёт! — повторил полковник Снегов, словно в чём-то убеждая самого себя.

После чего повернулся к капитану Сергееву с коротким распоряжением.

Сергеев ожидал всякого приказания, но не такого. Переспросил:

— Поговорить с мамонтом? О чём?

— Не важно. Тварь самолюбива и мыслит с задержками. На этом можно сыграть.

— Заболтать мамонта? — догадался Сергеев.

Кого он только не забалтывал по просьбе полковника. Всяких мастей проверяющих, членов правительственных комиссий, иногда шпионов. Но мамонта? Это совершенно новый опыт.

— Надо продержатъ это существо, пока наши подгонят БТРы, а Заслон приготовит пушки, — буднично опроизнёс полковник. Ага, всё ясно.

Тут мамонт стал приближаться, и Сергеев шагнул из-за кустов ему навстречу. Дьявольское животное вперилося ему в переносицу недобрым взглядом. Сергеев стукнул себя по переносице и спросил:

— Что, комар сел?

Какие комары в октябре месяце, заботило его сейчас меньше всего. Но мамонт призадумался, расфокусировал недобрый взгляд, будто подобрел.

— Извините, забыл представиться. Зовут меня капитан Сергеев. Точнее, Алексей Иванович Сергеев. Алексей Иванович — это мои имя и отчество.

— Я догадался, — прогудел мамонт через хобот боковой головы.

Комар его поставил в тупик, уловка с излишним пояснением к имени и отчеству — нет. Главное, начало положено.

— Не сердитесь на моего товарища, — продолжал Сергеев, — когда он вас назвал "наблюдательной скотиной", он не хотел вас обидеть. Только похвалить за наблюдательность.

— Да, я очень наблюдательный, — скромно признался мамонт.

— И я заметил, сколь велико ваше влияние на мутантов.

— Правда? — взгляд потеплел ещё немного.

Разговаривая, мамонт пару раз перестал совершать ритмичные движения — переминаясь с ноги на ногу. Сергеев отметил боковым зрением, что мутанты, как только мамонтово внимание переключается, будто бы перестают стремиться к стенам Чернигова. Приостанавливаются, ждут возобновления ритма или новых указаний. Безмолвно стоят под "Градом".

— Вместе с тем я слышал, что на мутантов сильно влияют и резиденты западных разведок.

— Разведчики — дурачки! — развеселился мамонт. — Они думают, я тупой. А я не

тупой. Это они тупые, а я не тупой.

— Кто считает вас глупым?

— Дурачки. Супскис, Щепаньски. Но дурачков больше нет. Они самоликвидировались.

— Все дурачки? Или ещё кто-нибудь остался.

— Не только лишь все, а мало кто остался, — мамонт заговорил загадками. Наверное, превысил собственную скорость мышления.

Между тем за спиной мамонта-мутанта показались три БТРа с прицепленными пушками. Быстро сработано! Сергеев даже устать не успел, а пушки уже здесь. Вот только когда пушки заговорят, перебить их голос будет сложно и сергеевскому красноречию.

Сергеев понимает, какой опасный момент приближается, но продолжает прежнюю игру. Забалтывает мамонта. Тот — как здорово подметил Снегов — действительно самолюбивый тугодум. И стоит мамонту о чём-нибудь подумать, как "наблюдательность", подмеченная Нефёдовым, его покидает.

И вот уже Виссарионыч командует над установкой первой пушки, атаман Сокол приводит в готовность вторую, полковник Снегов колдует над третьей. БТРы также стоят шеренгой. Башенные орудия — пушки и пулемёты — нацелены на разговорчивого мамонта.

Только разве его убьёшь? Если бы... Из автоматов ребята Виссарионыча — уже пробовали, не помогло. Пушки? Наверное, да — но снарядов откровенно мало.

Потом Сергеев замолчал и тогда заговорили пушки. Пушки и пулемёты БТРов тоже говорили, но — на подпевке. Главную партию вели пушки Сокола. Отступая под сень осиновых деревьев, капитан подметил: большинство выстрелов приходится на рудиментарную голову на боку.

Мамонт с задержкой осознал происходящее. Развернулся, пророкотал возмущённо и властно:

— Поднимите мне хобот!

И такой силой веяло от этого требования, что Сергеев чуть не бросился выполнять. Однако взял себя в руки. Пусть эта тварь мутантами командует, а не капитанами войск МЧС.

Рудиментарной голове мамонта-мутанта досталось весьма сильно, но и боеприпасы пушек подходили к концу. А стоит им только замолчать — тут и мамонт запоёт свою партию. И вряд ли будет под силу Сергееву заболтать его прямо в движении.

Но вот одно из попаданий в боковую голову привёл к возгоранию.

— А-а-а! — закричал мамонт, вспыхивая как факел. Резервуар с напалмом где-то в недрах непостижимого слоновьего тела наконец проявил себя со всей внушительностью.

Мамонт боролся с огнём, пожирающим его изнутри, не больше пары минут. Правда, за это время он поднял на бивни один из БТРов и швырнул его в одну из пушек. После чего рухнул на колени и распался на два бесформенных фрагмента.

А мутанты под залпами черниговских орудий только теперь очнулись, да и бросились врассыпную. Словно только того и ждали, чтобы говорящий мамонт подох.

10. Военные (Брянск)

Русские офицеры пьют редко. Если частить — войдёт в пагубную привычку, которая рано или поздно погубит тебя и твоих людей. Опасности лучше встречать на трезвую голову,

а встречаются — на каждом шагу.

Но как не расслабиться после громкого разгрома под Черниговом тройственной коалиции, в которую вошли мутантское квази-государство Великая Чернобыльщина, силы мутантов Дебрянского ареала и Объединённые Замки Западной Европы. Пехота чернобыльских мутантов наседала с юга, дебрянские мутанты накатывали с северо-востока, западноевропейская авиация пыталась атаковать с воздуха. И без успеха.

Если русские офицеры пьют, то пьют много. Когда они пьют много, то предусмотрительно закрывают двери. С проверенной звукоизоляцией. Когда двери закрыты, то и громко сказанная правда из офицерской компании наружу не просочится. Даром, что шпионов из замка Брянск так и не выгнали: секретным приказом от генерала Пиотровского их велено пока не разоблачать. Или генерал тонко предложил порешить их без разоблачения?

— Не вижу причины не выпить за победу ЧНР! — возгласил полковник Снегов. То есть, замечена причина выпить.

— Тем более, что это и наша победа! — прибавил капитан Нефёдов.

— Да у вас до неё и дожили не все? — подал голос полковник Вяземский, который большую часть Черниговского кризиса провёл здесь — в осаждённом тогда Брянске: ни выйти, ни выехать.

— Из наших — трое, — Снегов перечислил, — Хрусталёв, Зверев, Калинин. А ополченцев из Заслона — вообще не меряно.

Ещё бы: они-то и приняли на себя основной мутантский удар.

— И у меня потери, — вздохнул Вяземский, — выезжали на патрулирование в сторону Орла, а тут — мутантская засада прямо под нашим замком. В итоге один двухсотый, два трёхсотых и подбитый БТР. А мутантам что? Тех мы зачистили, так новые набежали, стали на то же место. Мы их — снова зачищать, а они отходят, а потом возвращаются. И тут от генерала Пиотровского приказ: людьми больше не рисковать, сидеть в замке. Оно-то хорошо — не рисковать, но кто тогда дороги патрулировать будет?

— Кстати, генерал Пиотровский после битвы при Чернигове пошёл на повышение, — Снегов рассмеялся, — нашими усилиями.

— А нас даже толком не поблагодарили, — прибавил капитан Сергеев, — как-то несправедливо.

— В наших силах поблагодарить самих себя и друг друга, — сказал полковник Снегов, — наливай, капитан. Сразу справедливость и восстановится.

Сергеев налил, потом опять и снова. Пили за победу под Черниговом, за светлую память погибших, за надёжную систему обороны русских замков.

— А на место Пиотровского — не знаете, кого пришлют? — спросил капитан Багров.

— Кого бы ни прислали, хуже уже не будет, — подмигнул оптимист Вяземский.

— Ну, мы-то любого генерала переживём, — проговорил Сергеев, — а Заслон? Ему придётся восстанавливаться почти с нуля, понадобится много оружия. Если мы при новом генерале не станем делиться оружием...

— С Заслоном, — успокоил его Снегов, — мы поделимся при любом генерале. И не только поделимся — будем теперь сотрудничать. Дело-то у нас общее.

Выпили и за общее дело.

— Не самое весёлое из дел: заслонять людей от вырождков, — с искренним сожалением вздохнул Багров. — Но кому-то ведь заслонять надо. Людей от мутантов, мутантов — от

подстрекателей.

— Хорошо, мутанты деморализованы, — ввернул Нефёдов, — их европейские и американские кураторы, как говорится, самоуничтожились, рядовые разведчики в перепуге разбежались, а четвероногого Хозяина расстреляли мы.

— Если не вмешиваться, — остудил его надежды Снегов, — то кураторы снова набегут, а Хозяина мутанты сами вырастят. Без него им не жить.

— Они мечтают о подчинении. Если есть где-то тупая и наглая толпа, хозяйева для неё отыщутся сами, — подтвердил и Вяземский.

— Вот и новые задачи для Заслона, — сформулировал Сергеев, — гонять всяческих "Хирургов через заборы"! И присматриваться к тем, кто мутантов собирается учить. И ямы за частотолами инспектировать: не выращивают ли где Хозяина?

— Сложновато, — поморщился Нефёдов.

— У американских мьютантеров было проще, — вздохнул капитан-историк, — аккуратный геноцид мутантов — правых и виноватых. И всё. Только потом взяли и за подозрительных людей: вдруг от них пойдут мутанты? А там и просто за людей взяли — на всякий случай. Но когда потом из этой зачищенной от мутантов Америки прибывает "учитель" Супскис, понимаешь: это не выход. Поскольку этот Супскис ничем не лучше самых отъявленных мутантов. Русский путь другой: первым долгом изжить мутанта в себе. Попутно создавая Заслоны от внешнего зла.

— Ты много сказал, капитан. Твоих слов хватило бы на четыре тоста, и стоило бы их растянуть, ибо водки у нас не экономят! — сделал строгое замечание полковник Снегов, но глаза его смеялись.

Теперь придётся выпить за русский путь, за изживание мутанта в себе, за Заслоны от внешнего зла и попутно за всё сказанное. Хорошо иметь подробно разработанный план действий.

11. Антропологи (Прага)

Карел Мантл и Йозеф Грдличка встретились в пивной "У Карлова моста" вроде, и случайно, а вроде, и с целью почтить память безвременно ушедшего коллеги. Карел тянул из очередного бокала "Златопрамен", Йозеф — "Черна Крушовице", а под Карловым мостом текла Влтава.

Пока льётся пиво и течёт река, в древней прекрасной Праге теплится жизнь. Не подлинная ли? Жизнь угасающих страстей и потерянных смыслов, Жизнь без напряжения, даруемого жестокой борьбой за существование. Жизнь, не испытанная на прочность.

— Инициация — таки важное дело, — со значением сказал Грдличка, — и нетрудно было заметить, как сильно изменился наш друг Братислав, когда он её прошёл. А ведь он её прошёл — всё было по-честному!

— Да, — согласился Мантл, — наш друг Хомак инициацию прошёл. Почти, — последнее слово перечеркнуло весь смысл.

— Почти? — Йозеф отставил пустой бокал. — Но наш Братислав, проходя один поединок за другим, стал как настоящий средневековый рыцарь, я точно говорю! Какая смелость, какая отвага — мог ли он такое показать раньше? Нет, не мог. И я тебе скажу, Карел, европейское рыцарство, если и возродится когда, то только в этих мутантских инициациях.

— Да-да, Европа изнежена, а в культуре мутантов сохранилась власть и сила борьбы за существование. Я всё понимаю, — подтвердил Мантл. — Но мутанты не европейцы. Они другие.

— Во всех их культурных памятниках написано, что они европейцы! — возразил Грдличка.

— Да, только эти памятники мы им и написали, — с такой прямоотой Мантл до сих пор не высказывался. Конечно, они оба кое-что знали, но...

— Ты что, Карел? Ты в чём-то сомневаешься?

— Напротив, — Мантл выглядел, как сама уверенность, — я считаю, что нужно идти дальше. Да, мы европейцы. Но мутанты нас обогнали — с этим придётся смириться. Их инициации — не затем, чтобы вернуть нам рыцарское достоинство. Их смыслы идут дальше. Так далеко, что рыцари-европейцы в замешательстве пасуют. Ведь катастрофа с нашим Братиславом Хомаком — не случайна. Не в том дело, что мутанты не захотели поделиться столицей.

— А в чём же?

— Братислав Хомак испугался. В трёх поединках победил, а тут испугался. И тем выявил свою слабость.

— Чего же он испугался?

— Ему сказали: съешь поверженного врага. Париж стоит мессы, не так ли? Но бедный наш Братислав стал колебаться. Тем самым — обнаружил свою слабость и обидел всех мутантов, с которыми — вроде бы — собирался породниться. Ведь они едят человечину, чем Хомак лучше?

— Так что, ему стоило согласиться? — задумался Грдличка.

— Безусловно. Что такое человечина? Кусок протоплазмы, которому нашими людскими условностями приписан какой-то сакральный статус. Не убий, не съешь... Но ведь — вспомним "Тотем и табу" Фрейда — вся человеческая культура с того и началась, что убили и съели.

— Действительно, — согласился Грдличка, — ты меня убедил. Мне тоже теперь кажется, что беда нашего Хомака — в том, что он испугался. Не следовало отказываться от плоти врага, а он отказался. Мутанты запретили отказываться, а он не внял. Тем самым он косвенно признал, что человеческие запреты для него сильнее мутантских. За то и поплатился.

— А я бы на его месте не отказался! — с горящими глазами воскликнул Мантл. — Я бы выдрал зубами свой приз вместо того, чтобы бесславно погибнуть. Я бы сказал мутантам: давайте его сюда, постылый труп побеждённого. И съел бы, и не побрезговал. И заслужил бы счастье.

— Противником Хомака был наш друг Клавичек, — напомнил Йозеф.

— Какая разница? — взъярился Мантл и, вскочив из-за стойки, двинулся к выходу из пивнушки. "Златопрамен" ли так подействовал, или эволюционные атавизмы, но шёл антрополог, имитируя походку гиены, и лицом тоже выглядел весьма хищно.

12. Этнографы (Белград)

Только штрих, но весьма показательный: по итогам этнографической экспедиции к селениям Дебрянского ареала научная конференция собралась не в замке Брюссель, как

планировалось ранее, а в Белграде.

Что-то в Брюсселе к этнографии охладели.

— А ведь наша экспедиция дала ценные результаты! — широко улыбаясь, проговорил Славомир Костич, провожая Веселина Панайотова к его месту за столом президиума. — Профессор Милорадович опубликовал очень интересный фольклорный текст.

— Что, таки нашли что-то интересное из мутантского ареала? — удивился Веселин.

— Нет, — хитро улыбнулся Ратко Милорадович, — это сочинили парни из Заслона накануне восстания в Глухомани. Они всемером сочиняли, а я запоминал. Они смеялись, как те запорожцы с картины Репина. И почти все сгнули при штурме пулемётной вышки. А я — словно писарь, всё дословно зафиксировал, как и положено фольклористу. Ни слова не упустил.

Ратко протянул Веселину недавно изданную брошюру.

— О! — заметил тот. — Немногословно, но увесисто. Это ведь миг зарождения новой фольклорной традиции Дебрянского ареала.

— И наконец-то — традиции человеческой, — прибавил Ратко.

— Вот и мне тоже показалось, — поддержал идею Славомир, — что, по сравнению с мутантской, культура бойцов Заслона для человека и ближе, и яснее, и куда интереснее.

Веселин согласно кивнул и углубился в чтение.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

"Не от дедушки, не от бабушки
народилась красна девица,
а была из Центру заморского
к ним в село в красной шапке заслана.
Расскажу я вам, добры молодцы,
сочиню для вас, красны девицы,
сказ — не сказ, но былъ несусветную,
всё про то, как младая девица
в лес берёзовый по грибы пошла,
что с ней в лесе том приключилося,
как не в ровен час заблудилася.
Повстречался ей на тропиночке
старый калика-перехожий
с бородою белою вплоть до пояса.
И как встретила красна девица
перехожего стара калику,
говорит ему красна девица:
"Как добраться мне до царства родного,
да как выйти мне из лесу берёзового?".
Отвечает ей старый калика:
"Лес берёзовый — заколдованный,
нынче нету из него выхода,
через десять лет выход вырубят".
Пригорюнилась красна девица:
"Что же делать мне, старый калика?" -

"В середине-то лесу колдована
замок есть неприступный с башнями.
В замке том живёт Кощей-дядюшка.
Лес берёзовый заколдованный
чёрной силою его держится.
Чтобы выйти с этого лесу-то,
победить бы нужно Кощеюшку,
а вот как его одолеть тебе,
догадайся ты сама, красна девица".
И задумала красна девица,
и надумала отравить врага.
И отправилась она к замку Кощееву.
И три дня, и три ночи холодные
проходила она вокруг замка-то.
Весь-то замок окружён рвом с водицею,
а на входе поднят был мост подвешенный.
И совсем не любил Кощей-дядюшка
да гостей незваных-негаданных.
А ещё к тому с детства раннего
слабость на уши имел неизбывную.
И три дня, и три ночи холодные
красна девица всё под окнами
вокруг замка ходила милая,
но не услышал её Кощеюшка.
Села она на пенёк берёзовый
и достала своё чудо-зелие.
Но подумала красна девица,
что бессмысленно с зельем мучиться.
И тут выглянул Кощей-дядюшка,
и увидел он красну девицу,
и понравилась ему красна девица,
и открыл он ей ворота свои.
И задумалась тогда наша девица,
может это всё ей на зло задумано,
может это всё — провокация?
Приготовила красна девица
(потайной агент Шапка Красная)
порошочку горсть в руку левую,
не простого порошку, не стирального,
а волшебного приворотного.
И направилась наша девица
к замку страшному неприступному,
сорвала она не приметненько
подберёзовик с ножкой тоненькой,
с окаёмочкой прям под шапочкой.

Как посыпала его зельищем,
привязался к ней подберёзовик.
Тут навстречу Кощей выскакивал,
хватал девицу за белы рученьки
и пытал её: "Ты чья, красна девица?" -
"Я не знаю ни отца, ни матери,
были у меня лишь дед и бабушка;
да и те ведь не вправдашние,
а от Центра ко мне приставлены!".
И сказал тут ей дед-Кощеюшка:
"Позабудь ты своих деда с бабою,
позабудь про свой центр заморский-то.
Приходи ко мне жить, красавица,
будешь в золоте жить и в роскоши!".
Призадумалась Красна девица,
и ответила ему раскрасавица:
"Хорошо, хорошо, Кощеюшка,
буду жить с тобой, мне здесь нравится".
А сама плохое подумала.
И как только плохое подумала,
стала вмиг у ней шапка красная.
Испугался тогда Кощеюшка,
рот открыл он свой в изумлении,
и закинула красна девица
гриб заветный свой прямо в пасть его.
От грибка поперхнулся Кощеюшка,
но откачала его красна девица,
откачала его с милосердием,
дабы лампой пытать паяльнойю:
"Отомщу тебе за то, Кощей-батюшка,
что пытался соблазнить меня золотом,
чтоб забыть про царствие родное".
И взмолился Кощей: "Не пытай меня,
у меня вон меч-кладенец висит;
если хочешь выйти ты из лесу,
то пойдя на полянку соседнюю
да убей избушку на ноженьках".
Согласилась на то красна девица
и пошла на поляну соседнюю.
И как только замок покинула,
мост за нею поднялся, спрятался.
Но не стала дева горюниться
и, придя на поляну соседнюю,
вмиг сказала слова заветные
старой избе на курьих ноженьках.

И зашла она в светлу горницу,
и увидела бабушку старую,
и сказала ей красна девица:
"Выметайся ты, бабка, из дому,
буду дом я твой жечь-рубить!".
И взмолилася бабка старая:
"Не губи ты мою хазу родную.
Выполню я твоих три желания".
Да в момент тот весьма продолжительный,
когда девица призадумалась,
бабка хитрая колдовать давай -
мысли стала ей изворачивать,
ход событий непредсказуемый
под себя саму перестраивать.
Обернулась тогда красна девица.
И пошла она с мечом к Кощею-дядюшке,
и срубила замок тот чернокаменный.
И погиб Кощей под обломками,
растворилось вмиг наваждение,
и пришла в себя наша Шапочка,
а тут титры: "Конец комедии".
В тот момент как раз фильм закончился,
ну а сказка-то продолжалась.
Вышла девица-то да из лесу,
порошку, однако, просыпала;
смотрит девица назад, а за нею-то
из зверей лесных целая очередь,
а за зверями — лес берёзовый
всё за нею стволами топает,
ну а шествие замыкали-то
злы останки Кощея Бессмертного.
Побежала тогда Шапка Красная
в центр свой от врагов запрятаться,
да гнались за ней стволы злобные.
И сказали ей в центре родном-то:
"Ты не справились со заданием.
Обнаружили враги лютые
штаб-квартиру нашу заветную".
И придумали ей наказание,
и забрали у неё шапку красную,
и прогнали её с позором-то
да из центра большого светлого.
Раз-обиделась красна девица,
Два-обиделась при выходе,
и нажала на кнопку красную,

и открылись шахты ядрёные.
Так случился кругом Апокалипсис.
Провалилось царство заморское.
Только бабка с дедкою выжили,
да Россию опять отстроили".